

Юрий Афанасьев
Леонид Баткин
Владимир Библер
Елена Боннэр
Владимир Буковский
Юрий Буртин
Владимир Гельман
В. Кардин
Андрей Козырев
Зоя Крахмальникова
Владимир Лопатин

ГОД ПОСЛЕ АВГУСТА ГОРЕЧЬ и ВЫБОР

Кронид Любарский
Марина Павлова—Сильванская
Элла Памфилова
Борис Пинскер
Лариса Пияшева
Аркадий Попов
Эльдар Рязанов
Василий Селюнин
Джон Симмонс
Лев Тимофеев
Лилия Шевцова

ГОД ПОСЛЕ АВГУСТА ГОРЕЧЬ и ВЫБОР

Сборник
статей и интервью

Издательство "Литература и политика"
Москва — 1992

Составитель: Ю. Г. Буртин
Редакторы: Ю. Г. Буртин, Э. Д. Молчанов

Редакция благодарит г-жу Ханни Тарсис-Дорманн
за помощь в издании сборника

© Год после Августа. Горечь и выбор.
Сборник статей. Составитель: Ю. Г. Буртин. Редакторы: Ю. Г. Буртин,
Э. Д. Молчанов. Издательство “Литература и политика”, М., 1992.

Сборник включает статьи известных представителей русской интеллигенции — публицистов, политологов, экономистов, историков, общественных и государственных деятелей — об основных итогах, проблемах и перспективах развития “послеавгустовской” России. Одновременно авторы статей ставят перед собой цель очертить программу и нравственные принципы складывающейся в России демократической оппозиции.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть ли у России надежда? Так может быть сформулирована проблема, лежащая в основе предлагаемой книги. Но что означает этот вопрос? С ним не выйдешь на улицу, подставляя под ответ репортерский микрофон. На него нельзя ответить лаконичными “да” или “нет”. Ибо в нем затаен гражданский призыв, вынуждающий осознанно определить свою активную политическую позицию и личную роль в драматический момент истории России, когда решается судьба ее народов и, стало быть, наша судьба. Следовательно, этот вопрос — глубоко внутренний, обращенный к самим себе, и означает он веру в самих себя, в свои собственные силы и способности изменить *свою* жизнь в *своей* России. Положительный ответ на этот вопрос образуется не количественной суммой отвлеченных “да” — он образуется качественной совокупностью, совместностью индивидуальных “да” людей, не отделяющих себя от России, свою личную боль от боли за нее. Для таких людей ответ на вопрос: есть ли у России надежда? — подсказан самой этимологией слова “надежда” (от общеславянского “дело, делать, действовать”) и, в сущности, сводится к ответу на вечный российский вопрос: что делать, как действовать? Прежде всего — нам самим, здесь и сейчас.

Так чем же обосновывается надежда на возрождение России, или, что то же самое, — что нам делать для этого?

Мы осуществили нашу первую надежду — сокрушили идеологическую систему, на протяжении десятилетий старательно стиравшую нашу личность. Первая волна массового протеста, всенародного порыва с удивительной легкостью снесла человекопротивную искусственную конструкцию, и мы освободили сознание. Но демократизм этой первой волны был стихийным и носил по преимуществу разрушительный характер, в нем было мало творческого начала. И мы, отвыкшие руководствоваться собственным сознанием, не сумели распорядиться своей свободой. Неискушенные, мы забыли, что свобода — это не состояние, а процесс. Мы опять перепоручили себя своей вере в других, в новых устроителей нашей жизни, исключив из этого процесса себя и таким образом лишив его обустроительного, всеобщего, всенародного характера. И вновь замечаем, как сжимаются пределы нашей свободы, как мы опять начинаем зависеть от диктата сверху, от тех, кто привычно пользуется нашим именем, именем народа, кто, заговорив нашим языком, выдает себя за радетелей наших жизненных

Предисловие

интересов, а между тем укрепляет свою власть, по-прежнему оставляя между собой и нами пропасть. Пока мы растерянно оглядывались и удивлялись непоследовательному и непорядочному поведению власти, силы, которые на самом деле представляет эта власть, сумели организовать, то есть сделали то, что обязаны были сделать мы сами. И не мудрено: этим силам всегда была свойственна клановость и круговая порука — отличительный признак преступных сообществ; мы же, по-детски восторгавшиеся внешним эффектом поднятой нами первой волны, позволили им перегруппироваться. Все реже слышится сладкая ложь благодетельствовать нас к концу года, нас, отстраненных от возможности делать это самим, и все громче слышится чеканная номенклатурно-армейская государственная поступь, все ярвственнее проступают агрессивные черты на упитанных лицах, вчера еще испуганных и одаривавших нас предупредительными улыбками.

Хоть и запоздало, но, слава Богу, мы начинаем понимать это. Поблек облик очередного кумира, и мы обнаружили самих себя, со своей свободой и гражданской ответственностью.

Великое, исторически неизбежное дело, которое предстоит совершить России, — выход на тот нормальный путь, каким идет цивилизованное человечество, — в общем виде осознано нашим обществом. Столь же ясны и два генеральных взаимосвязанных средства осуществления этой задачи: частная собственность, являющаяся неременным условием свободного, независимого человека, и демократия как наиболее эффективный, постоянно развивающийся способ организации человеческого общежития. Но это лишь самые общие ответы; в нашей исторически беспрецедентной ситуации они, в свою очередь, вызывают множество новых конкретных вопросов, на решение которых должен быть сосредоточен сейчас весь разум и опыт народа. Перепоручить их нельзя никому, в том числе и нынешней власти, столь же самонадеянной, сколь и небескорыстной.

Мы вновь вступаем во время борьбы — борьбы гражданской, мирной за коренное изменение общественно-политического строя, по-прежнему, несмотря на усилия и надежды первой волны демократического движения, остающегося монопольно-государственным. Задача “второй волны” — именно в этом.

В этом же — надежда России, наша с вами надежда.

Предлагаемый сборник включает статьи и выступления общественных деятелей, ученых, правозащитников, публицистов, ориентирующихся не на “хорошую власть”, а на гражданское общество, на принципы демократии, на тот образ мысли и поведения, наиболее ярким воплощением которого был и остается Андрей Дмитриевич Сахаров.

Мысль издать такой сборник возникла у членов группы “Независимая гражданская инициатива”, в которую входят историки Юрий Афанасьев и Леонид Баткин, правозащитница Елена Боннэр, философ Владимир Библер, филолог Вячеслав Вс. Иванов, публицисты Юрий Буртин и Лев Тимофеев.

Предисловие

Общая тема сборника может быть сформулирована так: Россия на протяжении и в итоге первого “послеавгустовского” года. Что с нею произошло за это время, куда она идет и какую роль в ее судьбе призвана сыграть демократическая (без кавычек) интеллигенция, проникнутая сознанием своей ответственности за настоящее и будущее страны?

Сборник составлен из статей и интервью, как уже опубликованных в периодический печати с осени прошлого до июля нынешнего года, так и предназначенных специально для этой книги. Материал распределен по шести основным разделам.

Содержание первого в значительной мере охватывается его заглавием: “Россия после Августа. От надежд к разочарованиям”. Уже здесь затронуты многие из тем, более подробно развернутых в последующих разделах. Второй раздел концентрирует внимание читателя на кардинальной проблеме демократической революции — экономической реформе, которая понимается авторами сборника прежде всего и главным образом как коренное изменение отношений собственности, осуществляемое путем быстрой и общедоступной приватизации. Проблема “власть и общество” в различных ее аспектах рассматривается в третьем разделе; глубинные источники межнациональных конфликтов, перспективы России в качестве великой державы — в четвертом. Нравственные, культурные, религиозные — словом, духовные аспекты (и условия) демократии — такова проблематика пятого раздела книги. Чтобы читателю легче было ощутить движение общественных умонастроений на протяжении “послеавгустовского” года, в сборнике в основном выдерживается хронологический принцип расположения статей. Наконец, в качестве шестого раздела помещены материалы “круглого стола”, проведенного редакцией (при участии не только авторов сборника) для итогового обсуждения наиболее острых современных проблем. Вместо послесловия в сборнике использована “аналитическая записка” Центра “РФ-политика” “Номенклатурный реванш как угроза человечеству”, многими конкретными констатациями и общим пафосом близкая содержанию основных разделов.

Особенностью книги является то, что на ее страницах выступают люди, по ряду ключевых вопросов являющиеся единомышленниками. Отсюда — обилие переключек и совпадений, которые читатель, мы надеемся, простит авторам, вполне независимым друг от друга в своих суждениях и выводах. В сущности, сборник представляет собой весьма широкое, разностороннее и энергичное выражение взглядов той новой демократической оппозиции, которая начинает формироваться в России и с которой, по нашему убеждению, в решающей мере связано ее будущее, ее надежда. Разумеется, речь идет об оппозиции в настоящем значении этого слова, то есть о том, чего послеавгустовская Россия до сих пор не имела (обстоятельство, позволившее называть себя “оппозицией” экстремистским, политически безответственным ультрашовинистическим и комфашистским силам). Понятно, что в таком истинном смысле слова оппозиция не нуждается в успокаивающем эпитете “конструктивная”, ибо попросту не может быть иной.

Сказанное не исключает несовпадения, а подчас и противоположности взглядов на те или иные предметы. Особенно много полемики в материалах “круглого стола”.

Участие в сборнике двух российских министров подтверждает тот факт, что определяющим критерием при составлении книги была не “оппозиционность” как таковая, но подлинная приверженность ценностям демократии.

Предисловие

Как бы то ни было, читателю, на наш взгляд, предлагается издание особого рода. Не просто сборник статей и выступлений людей, многие из которых ему хорошо известны, и не просто книга, которая, как мы надеемся, не оставит его равнодушным, но, если можно так сказать, СИМВОЛ ВЕРЫ той части интеллигенции и всего российского общества, которая предана идее демократического развития своей страны и с этой точки зрения не приемлет многого в “послеавгустовской” действительности вообще, в политическом поведении российского руководства — в частности. Разумеется, взгляды этой части общества выступают здесь лишь в общих контурах; ее положительная программа, которая лишь начинает складываться, тем более требует углубления, конкретизации и развития. Но это уже задача, выходящая за рамки возможностей сборника; наилучшей формой ее решения, по нашему убеждению, является газета.

Нынче у нас много газет, есть среди них и весьма хорошие. Но газеты, вполне отвечающей тем идеям, которые положены в основу настоящего сборника; газеты, способной стать умственным и организационным центром складывающейся демократической оппозиции, органом независимой общественной мысли, занятым углубленной и целеустремленной разработкой всего комплекса политических, экономических, правовых, социально-психологических, нравственных и культурных проблем, связанных с формированием в России гражданского общества, — такой газеты, на наш взгляд, нынче не существует.

Исходя из этой общественной потребности, члены группы “Независимая гражданская инициатива”, а также несколько редакционно-издательских работников выступили учредителями газеты “Гражданская мысль” и готовы приступить к ее изданию, как только найдут для этого необходимые спонсорские средства.

Сегодня общество вновь оказалось на пороге больших и, быть может, грозных событий. Есть ли у России надежда? — это вопрос о нашей способности (или неспособности) стряхнуть с себя оцепенение, в которое по старой российской привычке мы так легко погружаемся, вопрос нашей внутренней свободы, совести, требовательности к себе и гражданской ответственности за все, что происходит вокруг нас.

Юрий БУРТИН
Эдуард МОЛЧАНОВ

Юрий АФАНАСЬЕВ

ПРОШЕЛ ГОД...

Вместо введения

1

Прошел год после выборов первого российского Президента. Чуть меньше — после трагифарса ГКЧП. Очевидна перемена настроения в обществе. Характеризуя сегодняшнее состояние массовой психологии, я уже вспоминал недавно Б. Окуджаву: “... А в нашем доме пахнет воровством”.

Назрела потребность подвести итоги очередного этапа новейшей истории России. И мы подводим их в самой разной форме. К несчастью, не ограничиваясь аналитическими или историческими статьями в газетах — на периферии окрашенное шовинизмом национальное размежевание множит кровь, а к столицам катится забастовочная волна.

Появилась наконец и некоторая определенность в действиях важнейших политических сил. При всей неясности и малой прогнозируемости перспектив развития ситуации, можно уже достаточно достоверно квалифицировать действия команды Б. Ельцина, опираясь на первые результаты движения России без СССР. К сожалению, эти результаты — как и характер новой власти, и ее отношения с обществом — разочаровывают.

Мы оказываемся в несколько парадоксальной ситуации: казалось бы, Российскую Федерацию возглавили демократы, могущие рассчитывать на нашу поддержку в выполнении ими властных функций при невмешательстве в гражданскую жизнь, в жизнь обывателя. Однако новая власть все больше и больше демонстрирует свою сомнительную демократичность, на глазах “меняется в лице”, обнаруживая разительное сходство с прежней, неколебимо управлявшей Союзом ССР до 1985 года. И мы вновь оказываемся перед выбором: куда и как идти России дальше.

Между декларациями августовских победителей и политической практикой правительства Б. Ельцина—Е. Гайдара оказалось очень мало общего по существу. Более того, все яснее становится отсутствие у команды Президента Российской Федерации сколько-нибудь продуманной стратегии по какому бы то ни было из важнейших вопросов развития страны — и именно это по сути сближает власти “ныншнюю” и “минувшую” при внешней смене идеологических установок, при отказе от коммунистической догматики. Главной и самодовлеющей задачей администрации Б. Ельцина, как и у его предшественников от КПСС, становится сохранение власти любой ценой, по возможности — ее упрочение и перевод в осязаемые материальные блага (теперь уже не только и не столько квартиры, машины и пайки, но — капитал!), то есть задача типичная для партийно-советской номенклатуры. Меньше всего при этом принимается в расчет цена, которую заплатят за светлое будущее властителей рядовые граждане России — “рабочий класс, колхозное крестьянство и трудовая интеллигенция”. Их нужды и страдания учитываются лишь в той степени, в какой необходимо, чтобы не допустить новой “революции”.

В экономике коренные реформы окончились не начавшись. Я, видимо, принципиально расхожусь с Г. Явлинским во взглядах на пути выхода из национальной катастрофы, но со многими из его критических замечаний в адрес нынешнего правительства России нельзя не согласиться. Действительно, администрация Б. Ельцина и Е. Гайдара делает хорошую мину при плохой игре.

Взамен либерализации цен, демонополизации и приватизации народного хозяйства мы получили нечто под теми же вывесками, но глубоко отличающееся по содержанию: новые монополии производителей и распределителей при продолжающемся активном вмешательстве государства в экономику на уровне предприятий, городов и областей.* Вполне анекдотично выглядят личные распоряжения первого вице-премьера о выделении нуждающимся 2 километров кабеля и 20 тонн стали, но за ними всего-навсего укоренившаяся прежняя практика ленинско-сталинского управления. Новые монополии, может быть, даже опаснее прежних, поскольку не сдерживаются старой управленческой иерархией и успешно находят не обремененных излишками нравственности контрагентов в развитых странах Запада и Востока. Приходится констатировать, что в шуме “патриотов” о перспективе превращения России в сырьевой и мускульный придаток мирового рынка больше правды, чем нам хотелось бы.

Камень преткновения прежних российских реформаторов — аграрные отношения — не сдвинут практически ни на вершок: несмотря на относительно высокий рост числа крестьянских хозяйств в абсолютных цифрах, они пока владеют всего лишь двумя процентами сельскохозяйственных угодий в России.

Создание нового сектора на селе остается не подкрепленным ни законодательно, ни организационно, ни ресурсно. Мало что сделано для рационализации и демонополизации всей системы материально-технического снабжения, кредитования сельскохозяйственного производства, системы закупок продовольствия.

Цены на материально-технические ресурсы для сельского хозяйства выросли в среднем в 10—15 раз при повышении закупочных цен на сельхозпродукцию только в 5—7 раз.

Все это не позволяет говорить о серьезном продвижении вперед в аграрных преобразованиях.

Один экономист рассказывал о своей голубой мечте — увидеть по телевидению, как Президент России забивает ржавый гвоздь в гнилые доски на дверях Госснаба. Где этот ржавый гвоздь?!

С верховного благословения агропромовская номенклатура по-прежнему держит народ за горло “костлявой рукой голода”.

Столь же радужны и успехи в деле приватизации промышленности, других областей экономики, здравоохранения, образования и т.д. Если права юридических лиц получили к 1 апреля 1992 года 17—27 процентов малых предприятий, то в частную собственность передано только 0,5—0,7 процента. “Разгосударственные” госпредприятия продолжают ограничивать производство, контролировать цены и проедать основные фонды.

О каком же формировании нормальной экономики можно говорить, если, ограничиваясь усилиями в области монетарной политики, правительство даже не покушается на радикальную трансформацию отношений собственности, если ничего не делается для того, чтобы в обществе сложился широкий слой собственников? Хотя, судя по декларациям, нынешнее российское руководство знает, что саморазвивающаяся экономика начинается именно с частной собственности в сельском хозяйстве и в индустрии.

Подлинно демократическая власть должна думать о том, как ей уйти из экономики, оставив у государства только минимальные инструменты регулирования — бюджетные, кредитно-финансовые. Но наши власти продолжает “оседлывать законы экономики” — и, как правило, небескорыстно. В этом отношении новая номенклатура находит куда больше общего со старой, чем с “остальным” народом. С экономической стороны, полагаю, это важнейшая характеристика постелевгустовских процессов.

3

По существу, ничего, кроме некоторых формальных атрибутов, не изменилось после Горбачева и в политическом механизме России, лишившейся, правда, роли “старшего брата”.

Отсутствие крупных общественных групп, отчетливо сознающих собственные групповые интересы, позволяет администрации Б. Ельцина откровенно игнорировать нынешнюю слабенькую “многопартийность”. Реальная политическая борьба на высшем российском уровне ведется между различными кланами новой и старой номенклатуры, региональными группировками все того же “партхозактива” — за перераспределение мест у старых и новых кормушек.

Отношения законодательной и исполнительной властей пребывают в удобном для той и другой хаотическом состоянии, а судебная реформа “идет” тем же чередом,

что и аграрная. Специалисты по организованной преступности, между тем, отмечают доселе невиданный расцвет мафиозных структур, немислимый рост коррупции.

И уже совсем явно сходятся руководители “демократической” администрации и “прокоммунистического” парламента в почти нескрываемом стремлении активно разыграть карту русского национализма. Впрочем, со своей стороны им охотно подыгрывают также другие президенты и верховные советы (а равно меджлисы) стран СНГ. Бросается в глаза отсутствие хоть сколько-то последовательной позиции администрации по конфликтам в “ближнем зарубежье” с участием российских войск, формально входящих в состав Объединенных вооруженных сил. Чего стоят одни только территориальные претензии к Украине и безобразная дележка Черноморского флота?

4

Нынешнее “демократическое” руководство России проявляет выраженную тенденцию к авторитарной деградации. Достаточно напомнить о том, что оно, как и его предшественники (или даже активнее), заигрывает с генералитетом — практически избежавшим какой-либо ответственности за участие в путче. Возрождает (и расширяет!) тайную полицию, наследующую КГБ СССР.* Нежно бережет интересы военно-промышленного комплекса, перескачивающего государственные средства из “оборонных” субсидий на личные либо корпоративные банковские счета, пока агонизируют без кредитов нефтедобыча, легкая и пищевая промышленность.

При всей шумливости и скандальности российского парламента и нынешних средств массовой информации механизмы принятия важнейших решений скрыты от общества завесой не менее плотной, чем в покойном СССР (архивы которого, кстати, раскрываются весьма неохотно и произвольно). Общество, между тем, только “пробует голос” — шахтеры, врачи, студенты...

Почему?

Как историк я усматриваю корни российско-советского подавления государством общества и покорности последнего еще в середине XVII века. Хотя генезис данного феномена можно проследить и в более раннее время, именно тогда в России окончательно оформилось поголовное рабство: крестьяне стали рабами помещиков, помещики — рабами государевыми. Тогда над свободным индивидуализмом либо осознанным коллективизмом производителей и сограждан восторжествовала общинная круговая порука, развращающая и подавляющая личность, и общество, делающая из собрания индивидуумов толпу, заставляющая подозревать угрозу в любом обогащении и дающая убогую свободу лишь как вознаграждение за донос. А в октябре 1917 года начался большевистский эксперимент по окончательному превращению человеческой стихии в винтики и колесики счастливого будущего. Масштабы террора при этом оказались исторически беспрецедентными: по разным оценкам, с

* Журнал “Столица” в № 17 за текущий год дает любопытные сведения о расширении тайно-полицейских функций и военной разведки.

1918 по 1959 год в СССР погибло 38—54 миллиона человек, а наказаниям подверглось около 50 процентов населения. Большевикам удалось “повязать” общество невиданным масштабом преступлений, так и оставшихся безнаказанными. И довести до почти идеальной покорности.

Отчего же теперь имитаторам демократических реформ не имитировать их за счет общества?

И власти, и находящиеся у них на подхвате руководители “Демроссии” выстраивают перед обществом дилемму: нам предлагают выбор между “хорошим” Б. Ельциным и “плохим” парламентом, между “демократическим” правительством и “красно-коричневой” опасностью. Но это ложная дилемма, это не более как выбор между старой и новой номенклатурой.

Однако для нас, очевидно, свет клином не сошелся ни на коммунистическом парламенте, ни на первом Президенте России. И в отличие от старых и новых российских властителей, чья воля и способность к проведению действительно радикальных общественных перемен внушает все большие сомнения, у общества есть и потребность в таких переменах, и ресурсы для них — как умственные, так и нравственные.

Нам нужны демократические реформы не только для выхода из нынешнего кризиса, хотя и сго низшей точки мы не достигли. Стремление к переменам, к движению в лучшую жизнь — в конце концов, естественное стремление человека и человечества. Остановившись, мы рискуем как общество умереть.

Необычность же нынешней ситуации, прежде всего, в том, что на эти коренные реформы, на превращение, на прорыв в цивилизацию должны найти в себе силы мы сами — такие, какие мы есть, с многовековой привычкой к рабству и социальной апатии (изредка разряжающейся русским бунтом, “бессмысленным и беспощадным”), с уже годовым опытом новой старой жизни — в слегка модифицированной российской разновидности социалистической антиутопии.

Чтобы вырваться из ложной альтернативы “Б. Ельцин или правые”, создать возможность выбора в пользу подлинной демократии, не надеясь на квазидемократическую власть, нам необходимы серьезные интеллектуальные усилия. Правительство на них явно не способно — может быть, как раз потому, что в них не заинтересовано. Взамен нам предлагают набор неких клочкообразных решений в опоре, прежде всего, на рекомендации Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития, словно забыв о том, что в этих организациях собрались отнюдь не филантропы.

Мы же обязаны сами найти в себе силы для трезвой самооценки и оценки новой исторической ситуации, в которой оказались спустя год после выборов Президента, для поиска ответов на многочисленные новые вопросы. И такие силы, я убежден, в российском обществе есть. Упомяну, например, разработки по приватизации, направленные на создание гражданам России равных стартовых условий вхождения в рынок: в противовес нынешней “дикой” приватизации, состоящей в присвоении промышленными и колхозно-совхозными номенклатурщиками награбленного у народа, по ряду демократических проектов все население должно в кратчайший срок стать совокупностью собственников, которая уже затем разделится на предпринимателей, рабочих и т.п. в соответствии с мерой таланта, удачи и трудолюбия. Имеются и вполне

реалистичные схемы форсированной демонополизации, реформы аграрных отношений, наконец, национально-государственного строительства России “единой, но делимой” — на основе объединения максимально автономных составляющих ее республик, краев, областей, а не на основе “реинтеграции” по старым имперским рецептам.

6

Одним из главных вопросов публицистики “шестидесятников”, ныне снисходительно уличаемых в идеализме, был вопрос о соответствии цели и средств, о поиске нравственных критериев прогресса, политической деятельности. Они ответили на него не по-ленински и не по-большевистски: только высокие средства могут удержать высокую цель от деформации, и не цель обеспечивает желаемый результат, а средства ее достижения.

Для политики нынешних “демократических” властей хороши все средства, позволяющие диктовать обществу очередные “судьбоносные” решения,

Общество должно избавиться от иллюзий в отношении послеавгустовских политиков и само отыскать путь своего становления, путь России к цивилизации.

Предлагаемый сборник — попытка такой консолидации российской демократической мысли.

Июнь 1992 г.

*Россия после Августа.
От надежд к разочарованиям*

Леонид БАТКИН

Фото В. Левитина

РОССИЯ НА РАСПУТЬЕ

После августа огромной практической властью обладают — особенно в провинции, но далеко не только там — те же структуры и прежние партийные начальствующие лица в государственном и хозяйственном аппарате — ныне сплошь “демократы”. Прослушивание телефонов тайной полицией, “реформируемой” в основном ею же, даже в Москве составляет, как я где-то прочел, официально три четверти от прежнего неведомого объема. И главное — экономика наша в такой степени прежняя, что особенно это выявляется в характере возникновения и выживания в ней чего-то нового...

А все-таки страна миновала решающую историческую отметку, и вдруг мы увидели себя у начала складывания каких-то новых форм российского бытия. Хотя обшарпанность, убогость существования бесстыдно заголилась, всегдашние будничные тяготы возросли нестерпимо и, что непривычно, с ними психологически слилась неизвестность будущего... потому-то жить стало страшно, но по той же причине это впервые за десятилетия похоже на жизнь. Прошлое не зажило, болит, но в данный момент почти неинтересно. Обострившееся чувство истории обращено теперь не на него.

Не к чему твердить о развале государственности, слишком очевидном. Зато перерезана пуповина, кричит новорожденное общество, снова будет в России общество, значит, и государство тоже, обществу без него не обойтись, хотя в этой стране государство почти всегда обходилось без общества, и до свержения Романовых, и в самоновейшие времена, и даже сейчас знаменательно норовит называться на средневековый лад — державой. Что же, будет ли у очнувшегося после столетнего обморока населения России государство? Или же по-прежнему, у Российской державы — население?

Хватит апокалипсических толков о конце, поговорим лучше о том, что начинается. Каждый способен внести свою, пусть исчезающе малую, долю в изменение общих обстоятельств, поскольку действует ныне по личному усмотрению. Именно вот сейчас, в эти месяцы, как и в феврале и октябре 1917-го, русские люди и с ними все жители России делают свой выбор.

В политическом плане это выбор между парламентской демократией и авторитаризмом.

Что до первой, то справедливо в тысячный раз напоминают, что мы пока лишены ее необходимой почвы, то есть такого общества, в котором всякий есть прежде всего частное лицо и собственник то ли своих сил и способностей, то ли средств производства, недвижимости и так далес. Однако ведь гражданское общество, в свой черед, нуждается в политических пружинах демократических свобод. К счастью, мы уже располагаем важными элементами, из которых в ближайшие годы могли бы возникнуть и демократия, и благодаря ей и вместе с тем в качестве ее домкрата, только одновременно, при постоянной драматической перестановке причины и следствия — рыночная экономика, общество граждан. Потрясает фантастическая быстрота, при которой с 1989 года на считавшейся совершенно непригодной почве пустили корешки (конечно, не повсеместно и не вглубь) свобода слова и печати, собраний и забастовок, независимые профсоюзы, начатки многопартийности, возможности гражданского давления на власть и более или менее свободных выборов. К ним мы в состоянии вскоре присовокупить отмену прописки, свободу выезда из страны и возвращения, первые шаги судебной реформы. Бесспорно, к демократии Россия придет лишь через демократию. По ходу наращивания ее же норм и привычек.

Альтернатива? Реальная опасность очередного авторитаризма, опять злосчастный русский “особый путь”. К этому подталкивают чрезвычайность наваливающихся обстоятельств, глубина кризиса всего и вся, надежды преимущественно на личную популярность Ельцина и действительная необходимость усиления оперативной, распорядительной власти. Притом отсутствие эффективной судебной системы, беспомощность немногих относительно демократических Советов, по большей же части их старомононукатурный состав и доставшаяся в наследство от партрежима хитрая и нелепая двухступенчатость Съезда — Верховного Совета РСФСР. Этот Съезд только что дважды подвергся тестированию и подтвердил свою реакционность, отказавшись рассматривать конституцию новой федерации и вновь похерив частную собственность на землю. Зато депутаты показательно уступили в более привычном и двусмысленном: установили годичный мораторий на выборы и возложили особые полномочия, а с ними ответственность на президента. Учитывая отвращение избирателей к любым еще одним выборам и растущее раздражение, недоверие к “демократам”, этот ход Ельцина следует признать вынужденным и правильным... но очень опасным.

Дело в том, что корпус исполнительной власти, на который почти исключительно переносится груз реформ, он-то в целом наиболее скверен и вряд ли пригоден к реформированию общества. Это по кадровому составу и стилю (особенно в низшем и в среднем, наиважнейшем звене) — прежний механизм. Речь не о тех или иных лицах, но именно о слое и механизме. Слой разбухает (при “демократах” в столице вдвое!), усилилась бестолочь и самая наглая коррупция, поскольку неслышанно расширилась сфера властвования: чиновники с величайшим увлечением принялись

раздавать лицензии, лимиты, льготы, аренду недвижимости, все прибывает мутное “коммерческое” половодье!

Это закрепляет сугубо административное мышление также у тех, кто взятки не берет. Поглядите, как то и день в Москве мюжаются и тут же лопаются самые невероятные прожектерские затеи. Например сообщено, что с 1 декабря всем будут розданы талоны, по предъявлении коих в кассу магазина можно будет получить ... по 60 рублей на нос! То-то бросимся мы в очереди, и закричат кассирши, чтоб больше не занимали... а затем якобы свободно купим сахар и др., десятикратно подорожавшие. Было сообщено спустя несколько дней и то, что сие вроде не состоится, но меня занимает сама психология и обстановка нашего прогрессивного администрирования. Если раздача денег на сахар и крупы при отсутствии сахара и круп — это здравая экономическая идея, то что такое бедлам?

Ново пока только то, что чиновничество срачивается с мнимым рынком, с туфтовой “приватизацией”. Произошла мутация партийной номенклатуры. Формируется новый “новый класс” (или обновленный старый?). Власть в России обретает незнакомые, но по-прежнему дикие, искривленные черты. Я бы сказал, что все это ужасно не с моральной точки зрения, но главным образом со стороны социальной и прямо экономической. Зарастает чертополохом поле, на котором должно было бы возникнуть свободное, конкурентное предпринимательство, настоящий рынок (рынок, впрочем, либо есть, либо его нет, так что слово “настоящий” лишнее).

Политически привлекательной для подобных модернизированных, “демократических” хозяев жизни могла бы быть лишь какая-то форма тоже модернизированной (“реформистской”) диктатуры. Экономической почвой авторитаризма у нас явился бы не современный рынок, а вот эта его своего рода компрадорская имитация, союзы монополистических “директоров”, коммерциализированный ВПК и т.п. А это означало бы в лучшем случае некоторую весьма относительную стабилизацию, еще один виток загнивания, попытку отсрочки, непоследовательных реформ — и все-таки катастрофу, поскольку для отсрочек время вышло.

...Мне на днях рассказали: пробирается по вагону подмосковной электрички пригожий парень с плакатами на груди и на спине, а на них призывы вернуться к Ленину и т.п. И выкрикивает. Люди, сочувственно улыбаясь, слушают — вряд ли из любви к КПСС, но потому, что выкрикивает он: “Демократы обосрались!”.

Столь решительная констатация, надо полагать, преждевременна. Но, как любит выражаться форосский узник совести, “процессы идут”...

Надо бы все же разобраться, какие такие “демократы”, точно ли демократы? Ответы тут разные, конкретные, в некоторых случаях непростые и драматические.

Власть в России сейчас — социально и психологически — с очевидностью переходная. И она на распутье.

Общество, только что сбросившее (ну, как бы сбросившее) тягомотину власти предшествовавшей, ненавистой, неисправимой, ждет от новых правителей серьезных изменений. Простые люди в большинстве своем сохраняют трезвую сдержанность, готовясь считать цыплят по осени. В моей же интеллигентской среде нередко раздаются голоса насчет “нашей власти”, которую позволяется даже критиковать (вот спасибо, господи!), но не как-то дистанцироваться или оппонировать — не дай Бог; не раздражать и не гнать. Это обычно те же люди, которые в марте 1990 года ставили

на президентство Горбачева, затем звали к всеобщему “консенсусу” демократов. Это всякие, в том числе искренние и неугодливые люди. Их несложно понять. Они устали всю жизнь иметь дело с враждебным начальством и вот теперь от души чают спасительного, как они убеждены, единения с ним, благорастворения воздусей.

Еще есть преуспевающие политологи, которые отстраненно разглядывают шахматную позицию через чужие плечи, изображают знатоков и, сияя, торопятся напомнить, что они-то давно предрекли приход авторитарной диктатуры.

Громче же всех звенит светлый пионерский фальцет Л. Радзиховского (в частности, “ЛГ”, 30 октября), славящий “неизбежность” авторитарного правления “Ельцина: “посмотрите, как он без страховки идет”. (Будем надеяться, что это не так, потому что без страховки, в отличие от чайников, профессионалы не ходят). Автор поднимается до библейского пафоса: “Нельзя протащить верблюда демократии через игольное ушко реформ”. Лишь бы реформам не помешали... Кто? Оказывается, “профессиональные демократы” и “народ”, который может не вынести роста цен, хотя и “сегодня, думаю, доволен, что появляется “хозяин” (не надо ассоциаций!)”.

Видя угрозу реформам в людях с убеждениями, в демократии и просто в населении, торопясь угадать нового хозяина и еще осмеливаясь цитировать в подобном контексте стихи Ахматовой, г-н Радзиховский оказывает Б. Н. Ельцину худую услугу. Спор о “железной руке” начался на излете “перестройки” в сентябре 1989 г. и тоже в “ЛГ”, мне довелось в нем участвовать. Тогда речь шла, уж само собой, о просвещенной руке Горбачева. А о какой же еще? И об использовании для реформ аппаратной мощи КПСС (А. Мигранян, наиболее прямо — в “Новом мире”). Или КГБ и ВПК (С. Кургиян — в настольном соннике Крючкова). То была, что и говорить, богатая идея... Однако прошедшие два года доказали однозначную внутреннюю связь между попытками ужесточения режима и политикой торможения реформ, а вовсе не их углубления. И дали эти два года не хозяйский зажим, а замечательный накат демократии снизу, не авторитаризм, а весеннее наступление трудящихся в 1991 году... и победу не ГКЧП, а вольницы у Белого дома.

Тем не менее сейчас, как и тогда, я, не будучи как будто идиотом, не отрицаю, что авторитарный исход возможен. Причем в двух вариантах. Или ельцинское руководство, неминуемо столкнувшись с разнородным сопротивлением и несудобствами “справа” и “слева”, поддастся соблазну силовых приемов, начав с запрета забастовок, нажима на прессу, а дальше — больше. Но хотелось бы считать это маловероятным. С этим вряд ли совместима основная (наиболее активная) социальная база Ельцина, и я надеюсь на его незаурядный политический инстинкт. При условии сохранения и укрепления демократических свобод особые полномочия президента России останутся компонентом политической техники года реформ, не наполняясь авторитарным содержанием. Или же провал ельцинских реформ и взрыв стихийного отчаяния послужат сигналом для национал-демагогов и “бывших”. Эта опасность ощутимей.

Спор, однако, шел и продолжается совсем не о том; и тут мы подходим к главному. У нового авторитаризма в России нашлось бы немало сторонников, есть теперь и нешуточные противники (шахтеры, либеральная интеллигенция, “Демроссия”, предприниматели, многие из молодежи). Но я по-прежнему категорически не согласен, что он может быть “просвещенным” и выполнить великую историческую

Россия на распутье

миссию, то есть “создать” под своим крылом современную экономику и цивилизованное общество, став в итоге мостом к демократии.

Чему не бывать, того и не будет. У нас вообще немислим “чистый” авторитаризм (когда, скажем, генералы, ничего, никогда и нигде, разумеется, не “создававшие”, до поры не мешали дозревать в Чили или Южной Корее уже существующему, хотя и сравнительно слабому капитализму). “Наш” авторитаризм неизбежно явился бы продолжением самодержавно-советской традиции со сменой коммунистической идеологии на националистическую. “Наша” железная рука генетически не приспособлена к тому, чтобы себя придерживать, обойтись без произвола, холопства, вздора, мракобесия, просто глупости и хапания. Это была бы косноязычная архаика, не так давно подучившаяся в сети партпросвещения, а теперь столь же бездумно и торопливо склоняющаяся перед любой рясой. “Просвещенным” этот административный аппарат и его диктатура были бы только в означенном смысле — при любых личных качествах диктатора, даже если бы мы импортировали его из Штатов (как армяне своего министра иностранных дел).

Власть бывает коррумпированной где угодно, но у нас это называется по-медвежьему: “дать в лапу”. То, что в других странах — историческая память, то у нас — несчастная склонность откапывать трупы, как в “Покаянии”, неспособность оставлять прошлое прошлomu и идти вперед, кружение на месте, хоровод ряженных.

Смешно и дико — или жутко — видеть ряженных “дворян” во главе с т. Голицыным, их костюмированные советские “балы”; “казаков” в траченных молью мундирах и чужих орденах, обсуждающих введение публичной порки; вождей “христианских демократов” или “народной свободы”, возглавляющих, по сути, несуществующие “партии”, но происходящих из другой, реальной организации; или отобранных в свое время по согласованию с КГБ православных иерархов; или помпезный прием в Петербурге (мэрoм — “демократом” и млеющим журналистками) В. К. Романова, старого, с хорошими манерами, бесцветного человека, будто бы совершающего “частный визит”, но то и дело называемого официально с придыханием — вопреки юридической, политической, нравственной реальности — “Его Императорским Высочеством, Великим Князем”, “Наследником Престола”. И бежит, бежит холопская строка по телеэкрану. Если бы наши политики и телевизионные дамы были при этом хотя бы убежденными монархистами... да нет, они не монархисты, в том-то и дело. Как они и не православные. Это чисто совковые дела.

Чего у нас недостает, так это плебейского достоинства, интеллектуальной независимости, гражданского чувства, то есть свойств не люмпенов и начальства, но среднего класса.

23 августа в Белом доме у меня было время разглядеть выставку, раскинувшуюся на двух этажах сразу за дверью Председателя Верховного Совета РСФСР. Уже ее название поразительно: “Россия державная”. Это выставка во славу не русского общества, но Государства, имперской мощи, благого Монарха, официальной Церкви, благоденствующих подданных против смутьянов и революционеров. Притом слово на стендах предоставлено только Столыпину и пр., как его раньше предоставляли только Ленину или Чернышевскому.

Ни намек на трагическую сложность русской истории, никаких признаков полноты исторической правды, та же казенная похвальба, ложь и тяжелая безвкусица,

как на всех советских выставках о пройденном “державой” “славном пути”. Но с перевернутой, реставраторской идеологией, с отвергнутой в феврале 1917-го символикой. Неизменные мессианские варварские претензии от имени России, только с восстановлением вместо “света коммунизма” — прежнего, с буквой “ер”, выщегося через всю выставку православного девиза: “Всему миру свет”... Да-с, кстати. Самое времячко для нас нести миру свет...

Поэтому уже сегодня понимаешь: если бы на Россию снова нашла тень авторитарной диктатуры, она была бы бездарно ретроградной и провинциальной, никак не облегчающей продвижения в XXI век.

С иного, более близкого бока это же подтверждает, как всегда, четко статья Г. Попова “Что дальше?” (“Известия”, 3 октября). Вот восемь сквозных идей этой работы, заставляющей вспомнить о переодетом и подгримированном Ильиче, но на сей раз пробирающемся из Смольного в бывший СЭВ...

1) При “созидании нового общества” следует исходить из того, что у нас пока нет его “устойчивых ячеек”, нельзя опереться на “большие группы народа”, Россия к рынку и демократии не готова. (В Октябре она была не готова к социализму... и тоже, конечно, к демократии, на то это и Россия, чтобы быть вечно неготовой.)

2) Поэтому “опыт... западных демократических стран... к нашим условиям не подходит”, а именно, “демократическая республика с парламентом, самоуправлением, свободой печати, многопартийностью и т. д.” (и тогда, по Ленину, не подходил). Надо “искать какой-то особый тип политического устройства”. (ТОГДА — нашли... так, может быть, и искать особенно не надо?)

3) Чтобы в столь неблагоприятных условиях создать “новое общество”, нужно использовать, как думал Ленин и думает Попов, РЫЧАГ ВЛАСТИ, она-то и ускорит “переход (на сей раз! — Л. Б.) к рыночной экономике”.

4) Это совершит, вопреки состоянию “большинства общества”, его “передовой отряд”. (Но, по моему, с “передовым отрядом” дела у Попова обстоят хуже, чем тогда.)

5) Так пусть же демократы создадут “сильную партию”: важная идея, которую Г. Попов предал гласности ПОСЛЕ выборов 12 июня. То есть ДДР? Во всяком случае, это то, что депутат Ю.Ю.Болдырев точно назвал “партией власти”.

6) Рычаг “переходного периода” — диктатура пролетариата... ах, простите, это тогда, а у Попова иное: “жесткий административный контроль сверху”, как в “Греции, Чили, Южной Корее”.

7) Но вот беда: только что избранные “руководители исполнительной власти”, которым должна “принадлежать главная роль” во всей системе, сами править не привыкли, не умеют, не могут. Сами ведь они — заложники старого аппарата. Попов предлагает поэтому превратить нужду в добродетель и осуществить авторитарный режим (таких нехороших слов у автора, впрочем, нет) через “коалицию демократов и аппарата”. Не правильной ли наоборот — аппарата с демократами, то есть черта с младенцем? Тогда это называлось “спецы”. Но то была по крайней мере грамотная, настоящая самодержавная бюрократия, хотя и она не цивилизовала советское мурло; теперь же приходится довольствоваться “партийно-хозяйственным активом”. И если спецы были при старых партийцах, то теперь мы видим демократов при матерых аппаратчиках.

8) И... куда же приведет нас “жесткий режим”? О, разумеется, к свободному рынку и демократии... А как же иначе? “Туда, туда...”, — опять поет Миньона. Через “временно” антидемократические средства к демократической цели, через диктатуру — к ее отмиранию. Как сказал бы Ильич: “Архиинтересно, батенька!”

Я же понимаю дело более тривиально (и даже “кафедрально”, как изящно выразился на днях горбачевский помощник Г. Шахназаров, наставляя в “Известиях” российскую демократию державному национализму и натравливая Россию на Украину ради сохранения за центром шансов на некую роль).

Создавать от нуля свободную экономику можно лишь в стране, становящейся свободной также в политическом отношении. Такую реформу нельзя провести “сверху”, но только “снизу” (при содействии “сверху”). Такую реформу не в силах осуществить даже честнейшие, напередовые чиновники, но только — сами предприниматели, наемные работники, крестьяне-собственники, акционеры, кооператоры и т. д. Но для этого они должны стать уверенными в возможности защитить свои интересы гражданами, а значит, и в правовом, и в политическом отношении, ибо это универсальное состояние.

Что же тогда... власть в России — не “вообще”, а в качестве реформистской по необходимости? Особенно потому, что потребно быстрое возникновение новых отношений собственности, функцией и выявлением коих служит рынок, единственной реформистской задачей и ролью власти — ролью незаменимой, сверхважной! — оказывается отказ от своей органической привычки вмешиваться во все, надзирать за всем, распределять, командовать. Вопреки Г. Попову (впрочем, меняющему экономическую политику своей мэрии каждые два дня на 180 градусов) при такой действительно рыночной реформе “власть” никоим образом не “должна делить собственность”, но лишь вводить правила ее акционирования, выставлять на торги, дать разделить землю крестьянам и т. п. Государство убирает — поэтапно, но “сразу”, очень быстро — юридические запреты и административные завалы, вводит правила игры, уже известные в мире, и... отходит в сторонку. Не мешает, довольствуясь налогами, регистрацией, охраной, политикой инвестиций (заказов), социальными программами. И — в перспективе — государственный сектор смешанной экономики будет сужаться под давлением рынка. Рынок же разовьется сам, без государства, более того, только без него в некоторых важнейших отношениях. Даже резервная денежная система не может зависеть от правительства. Чем меньше власти у власти, тем более это “рыночная” власть. Граждане — агенты такой реформы — вспоминают о “власти” лишь при виде фининспектора, полицейского за углом, независимого судьи.

Итак, прокладывать дорогу к рынку для российской власти означало бы неуклонно сужать сферу своего распоряжения. Эти школьные истины не объехать по кривой. Особенно в послетоталитарных отечественных условиях еще более, чем в каких-либо иных, это требует и упрочения соответственных перемен политического климата.

Вот почему в нынешней России авторитаризм не сможет проделать коренную реформу. Вот почему демократия — не просто нечто морально желательное, не чье-то доктринерское мечтание, но принудительная оснастка такой реформы. Или же она будет не такой... Но для “не такой”, не радикальной время упущено, дела слишком худы.

Утопия? А “восстановление российской монархии” Романовых в том виде, в каком она была “при своем крушении”, в качестве “завтра” “вполне реального” и “не худшего варианта” для страны “в границах РСФСР” — а то и “попытка восстановления Российской империи как единой и неделимой” — что это, как не реакционная утопия? Опять, конечно, цитирую А. Миграняна (“Независимая газета”, 14 ноября). А два других “сценария”, щедро оглашаемых тут же автором, — установление якобы Ельциным в случае провала реформ “национал-социалистического режима в стране”, “нового тоталитаризма” или же “диктатура Ельцина плюс радикальная экономическая реформа плюс помощь Запада и — вперед к рынку и демократии” — это не утопия и не остроумная пародия на “научный прогноз”? То ли Ельцин станет русским Гитлером, то ли “плюс... плюс... и — вперед к демократии”? То ли воцарится внук В.К.Романова... Все, что угодно, дескать, может случиться в этой стране, дом на курьих ножках может повернуться и передом, и задом, и “нет никаких шансов только для... демократического режима”.

Впрочем, любое глубокое будущее — утопия. Таково уже свойство исторической открытости, неизвестности. Будет в конце концов то, его пока нет “нигде”. Однако заметим, что остаться в основе архаической, вне торжествующей всемирности, Россия больше не сможет. Это было бы слишком уж неутопичным... а потому не историческим, нереальным.

Возможно ли “осуществить переход от тоталитаризма к демократии непосредственно или для этого необходим авторитарный этап?” (Три года играть единственную ноту, не скучно ли?) Что ж, в Германии, Италии и Японии это произошло непосредственно, но после военного поражения и при помощи американцев. В Восточной Европе (в том числе и в странах без всяких демократических традиций, например, в Болгарии) это произошло непосредственно, как только обвисла советская узда. Других прецедентов нет. СССР — уникальная ситуация. Но можно бы сказать, что здесь крайние формы тоталитаризма сначала сменились ослабленными (неототалитаризм 60-х — середины 80-х гг.), а затем действительно понадобился авторитарный этап (1987—1991). Так что напрасно Мигранян жалуется, что “ни Горбачев, ни его многочисленные друзья и советники” не вняли его, Миграняна, “предложениям”. Почему же? Вняли, как умели. Теперь же начался трудный переход от авторитаризма к демократии. Поскольку русское евразийское общество с неизбежностью выживет, ему придется двинуться в ту же сторону, в которую на всех континентах направляется человечество, пройдя или проходя повсюду через свои муки и поражения. По-моему, мы в основном свое уже заплатили.

И еще. История — не лермонтовский фаталист. В прогноз включено не только то, что “должно” быть, но и “чего мы хотим”, и насколько существенно и энергично это “мы”. Поэтому мне, признаться, претят хорошо зарабатывающие политические гадалки. Небезразличен эффект публичного внушения. Нам говорят: таков объективный диагноз! Если это было бы и так, даже врачу диагноз нужен ради терапии. Политолог, конечно, не смеет избегать трезвых, пусть и неприятных оценок. Однако это только четверть дела. Что могло бы предпринять общество, чтобы мрачные “варианты” блокировать? Я-то не “политолог”, всего лишь историк, но полагал бы, что именно этого граждане вправе ожидать от каждого, кто входит в рискованную роль их политического советника, а не профессионального “пикейного жилета”.

Что ожидает нас, однако, зимой и весной?

Вопрос задан неправильно. Сильные волнения через три-четыре месяца почти неизбежны, но до обещанных на следующую осень первых признаков существенного перелома Ельцин и его правительство продержатся.

Настоящий вопрос: что произойдет после заветного срока, спустя первый год реформ? Нельзя не сочувствовать решимости Ельцина действовать и не радоваться, что экономические реформы наконец-то начинаются. Однако я должен высказать свое мнение с той определенностью, к которой обязывают такое сочувствие и тяжесть положения. В нынешнем виде программа Гайдара провалится. Не потому, что она радикальна и население не вытерпит слишком жестких мер, а потому, что она все еще недостаточно радикальна.

В ней очевиден крен в сторону административно-экономических, прежде всего монетарных, налоговых, ценовых и пр. государственных мер. Остается на заднем плане и в изрядной неизвестности главное: революция отношений собственности. Всем понятно, что после Нового года никакой “либерализации цен” не произойдет, поскольку ценники будут вывешивать не конкурирующие независимые собственники-производители, а государственные монополисты. Произойдет же — да ведь уже понеслось! — беспорядочное повышение цен (“договорное”, то есть отчасти децентрализованное, но именно повышение, с потолка), а вовсе не “освобождение”. Похоже, что “малая приватизация” будет означать на практике распродажу недвижимости не в частную собственность, но всего лишь в аренду на кабальных условиях (с пересмотрами оплаты и сохранением на будущее чиновничьего надзора и вмешательства в торговлю и сферу услуг). Похоже, что относительно ВПК и “незавершенки” намечены полумеры, а не слом этих чудовищных систем, не чрезвычайные немедленные шаги, давно предложенные экономистами. Наконец самое пугающее: радикальной аграрной реформы не будет!

Не предусмотрены такие шаги, которые создали бы условия для естественного распада совхозно-колхозного строя в целом (сначала условное определение конкретного земельного надела и доли прочего имущества для каждого крестьянина в совхозе-колхозе, а затем легкая гарантированная процедура выхода с передачей надела в частную собственность; то ли — для тех, кто этого не хочет — создание кооперативов наново, теперь уже кооперативов собственников — и в разных формах). Если весенний сев 1992 года не произойдет в значительной степени при радикально новых условиях, это сулит окончательных крах и хаос.

Я хотел бы, чтобы нам внятно и подробно объяснили — нет, не все изгибы реформы, их нельзя предусмотреть, но единственно сейчас важное: каким именно образом закрутившаяся шестеренка “освобождения цен” и взрывной инфляции запустит уже в 1992 году машину производства потребительских товаров и когда и почему следует ожидать, пусть при ужасающе высоких ценах, “польского” товарного изобилия и остановки инфляции, иначе, как известно, этой остановки добиться невозможно.

Теперь я задаюсь вопросом. Если эта мрачная или по меньшей мере очень скептическая оценка, разделяемая мной, верна, если реформы команды Гайдара пока что обречены на неудачу, то как вести себя демократам? Безальтернативный ответ: сотрудничать с правительством Ельцина! Нет возможности предложить сейчас обще-

ству какую-то иную, лучшую власть. А ежели бы даже и вообразить спустя какое-то время такую отвлеченную возможность, то никакие демократические предложения не нашли бы широкого общественного сочувствия. После разочарования в Ельцине и демократах (или “так называемых демократах”, тут уж неважно) люди больше не поверят никому — во всяком случае, ничему разумному.

Итак, поддерживать реформы — в расчете, однако, на их глубокую и своевременную коррекцию, с нашим гражданским участием. Скромный, возразите вы, шанс? Но иного шанса нет. Включаться в борьбу вокруг реального характера реформ.

Тогда что это значит: “поддерживать” реформы, “поддерживать” администрацию Ельцина? Как, скажите на милость, поддерживать, дабы это было эффективным?

Кое-кто дает понять, что “Демроссия” могла бы пригодиться, чтобы справиться с грядущим недовольством населения, пригасить это недовольство. Вот как? Но если мы с этим и согласимся, надо, чтобы “удерживать” рабочих, служащих, молодежь, быть очень влиятельными среди них. Чтобы быть влиятельными, надо уметь выражать и защищать их интересы. А чтобы выражать их интересы, надо быть ими самими, быть независимым гражданским движением, представляющим в диалоге с властями всех уровней интересы рядовых людей. Но такое политическое партнерство всегда конкретно и обязательно включает в себя момент оппозиции. Нет, не снисходительное разрешение “конструктивной критики” (почему же только конструктивной? А ежели я не знаю, как иначе, но такие-то меры отвергаю? И почему только “критики”, но не законного, вытекающего из нее противодействия?). Именно элементы оппозиции. Таким образом, не может быть независимой (условной) поддержки без оппозиции. А уж соотношение того и другого зависит от обстоятельств и убеждений, заранее пропорцию не установить.

В отсутствие классического “баланса трех властей” комитеты реформ “Демроссии” и другие общественные силы, особенно печать, радио, телевидение, должны бы сыграть роль своеобразного второго, уравновешивающего полюса если не власти, то влияния. Мы выплывем. Но лишь в том случае, если будут взаимодействовать, хотя бы на равных, эти два полюса — государство и общество, если второе не будет опять подмято первым.

Вот почему я отвергаю статью М. Чудаковой “Блуд борьбы” (“ЛГ”, 30 октября). Хотя единственной конкретной мишенью ее критики оказалась моя статья о “путче” в контексте политики Горбачева, к этому спору возвращаться неинтересно (с выводами разбора М. Чудакова вынуждена была согласиться, а в том, есть ли действительно в моем тексте “методология склоки”, “азарт разоблачений”, бездумный ажиотаж” и т. п., читатели уж как-нибудь в состоянии судить сами).

Но, по моему, политически чудовишно делать то, что сделала М. Чудакова, обратившая слова О. М. Фрейдсберга об “ультрабессовестном злопыхательстве... доносах, клевете, слежке... склоке” как “естественном состоянии... беспомощно озверевших, загнанных в застенки” людей при сталинском режиме, — против разногласия социальных интересов и мнений, против наконец-то разношерстной свободной прессы, против “критики правительства”, против “блуда” нормальной, цивилизованной политической борьбы, короче говоря, против как раз той “прочности демократического тыла президента” России, которой М. Чудакова так желала бы! Я не знаю,

мы ли “тыл” Ельцина или, напротив, государство — наш, общества, “тыл”. Но ясно, что блуд нового советского конформизма уж точно ни Ельцину, ни реформам не поможет.

Я способен разделить опасение насчет реванша реакции и хаоса, понимаю жажду социального согласия, признаю необходимость компромиссов. Однако механизм их достижения основан, как известно, именно на здоровой политической борьбе, иначе это никакой не “компромисс”.

“Традиция неусыпного контроля над властью” — это, напоминает М. Чудакова, “у них”, у “западной журналистики”, нам же “рано... перенимать” эту “хватку”. Да нет, самое время — если мы впрямь приступили к реформированию страны. И для власти необходимо, как воздух, сие — коли уж автор считает ее демократической по сути. “Полюбите их чернскими, соотечественники”, — взывает автор. И объявляет мораторий на критику. “Это — наши, наша власть, мы по одной с ней земле ступаем, с одного неба льется на нас холодный осенний дождь”. На эту странную риторику отвечу не только слишком очевидным: много с кем мы ступали по одной земле в этом веке, и дождь всегда льет с неба, да только не все промокают одинаково.

Вот уж истинно “наше” проклятущее обыкновение: либо ненавидеть власть, либо возглашать о “сродстве” с ней, о “любви” к ней, о том, чтобы “всем нам... всем демократическим силам России... объединиться на любой... платформе, объединиться между собой и со своей российской властью”. Автор иронизирует: “Не побоимся выглядеть не самыми умными, не самыми принципиальными, даже не самыми оппозиционными...”. Успокойтесь, таких “не боящихся” ныне, как и прежде, предостаточно. Но эта программа свертывания демократии в момент ее рождения, надо надеяться, чистейшая политическая маниловщина в отношении “всех”.

Отвечу и более серьезным: “нашей власти” не бывает. Нигде! Во всяком случае, при демократии. У власти своя функция и свой интерес, и она вполне понятна и оправданна в своем желании управлять без помех. Помеха же — собственно, мы, то есть общество, в котором у рабочих, профсоюзов, прессы, предпринимателей, крестьян и т. д., у всех и каждого тоже своя функция и свой интерес. Бывает — будет так же и в России! — “наша демократия”, совпадающая со всем этим полем столкновения и сопоставления интересов, в том числе специфического интереса исполнительной власти. Но не “наша власть” (ежели живем не при тоталитаризме).

Поможем реформам правительства Ельцина, говорю я, тем самым, что, простите, сумеем быть все же умными, демократически принципиальными, при необходимости — и оппозиционными.

Не думаю, чтоб надо было бояться голода этой зимой. Тем более что мы еще не договорились с просвещенным Западом, что есть “голод в России”. Если за “настоящий” голод почитается то, что было у нас в 1921, 1932 годах... или недавно в Эфиопии... то никакого голода, разумеется, не будет. И так голодно, как в войну, тоже отнюдь не будет. Будет скудно, недоступно по цене, будет маета в необозримых городских очередях, в только и слышащихся уже сейчас разговорах о доставании еды. Будет тяжело и унижительно.

Но мы выдержим, перезимуем, не перестанем работать, надежду сохраним. А бояться надобно одного: что Россия второй раз в истории свернет с демократической дороги. И потому останется нищей и несчастной.

Ноябрь 1991 г.

В. КАРДИН

ИСПЫТАНИЕ СВОБОДОЙ

(Сентябрь—ноябрь—январь)

Вернувшись в сорок пятом году из поверженного Берлина известно не из учебников, что у победителей нередко начинается головокружение, они допускают оплошности и в конечном счете оказываются на бобах. Вот и теперь слишком многое вызывает опасение за дальнейшую судьбу победителя ГКЧП — российской демократии.

1

Национал-большевизм, идейно питавший августовских заговорщиков, поддерживавший их веру в безусловный успех, ловко приспосабливается к обстоятельствам. Вакуум, оставшийся после краха коммунистического мирозерцания, заполняется широко доступной, пленительной идеологией воинствующего национализма.

Вчерашний партийный лидер, поспешно сдав партбилет или распустив компартию республики, объявляет себя страстным поборником национальной самобытности; цепко удерживая власть, продолжает душить инородцев и соплеменников-демократов. Не исключен и душанбинский вариант — захват власти партократией, опирающейся на прокоммунистический Верховный Совет республики.

Так и российские “патриоты”, избавившись от номенклатурных покровителей со Старой площади, торят дорогу на Краснопресненскую набережную. Еще недавно они поносили Ельцина, издевались над демократией, а сегодня объявляют себя ее сторонниками.

Испытание свободой

Президент России стремится объединить народы Федерации, сплотить общество. Но на каких принципах? Малейшая уступка шовинизму обернется бедствием. Демократия и шовинизм — две вещи несовместные. Любое попрание прав человека, прав на инакомыслие — урон для демократии, выигрыш ее затаившихся недругов, если даже поначалу они что-то и потеряют.

Руководство России быстро поняло опрометчивость запрета коммунистических газет и сняло его. Но лучше было бы вообще избежать такого запрета, не поддаваться омерзению, вызываемому прессой, чей манифест — братоубийственное “Слово к народу”.

Каждое высказывание, жест, поступок людей, причастных к нынешней власти, на виду, на слуху. Когда 12 сентября ведущий “Вестей” сообщил, что генеральный прокурор России пожелал получить от австралийской газеты гонорар в долларах за свое интервью (не знаю, верна ли эта информация), ручаюсь: были шокированы тысячи телезрителей.

Ничего предосудительного, с точки зрения закона, не совершено. Во многих странах интервьюируемому принято платить. Но прокурор, как жена Цезаря, должен быть вне подозрений. Ничто не должно бросать малейшей тени на его репутацию. Никаких сомнений в нравственной незапятнанности, бескорыстии.

Мы привыкли, смирились, встречая в начальническом кабинете взяточника или прохвоста, лжеца или казнокрада. И они привыкли к собственной безнаказанности.

Сейчас привычность взломана; во многих кабинетах новые хозяева. До поры до времени, скрепя сердце, им могут простить неумелости, служебные оплошности. Но не простят какого-либо стяжательства, стремления к привилегиям.

Полезно было бы новым обладателям кабинетов зарубить это себе на носу, постоянно чувствовать, с каким обостренным вниманием наблюдают за ними люди, более всего страшась, как бы “новые” не начали повторять “старых”. Если такое случится, кровь у Белого дома окажется пролитой напрасно.

Политики, получившие сейчас власть от народа, лишены права на какие-либо двусмысленности, опрометчивые заявления.

В дни путча Руслан Хасбулатов находился рядом с Борисом Ельциным, ему принадлежит немалая роль в российском руководстве. Но цивилизованный мир не признает роли, дающей право на высокомерную развязность. Прибыв после путча с визитом в Японию, Р. Хасбулатов позволил себе и заявления, вызывающие оторопь. (У соседей России они могут вызвать по меньшей мере настороженность). Не хочется вспоминать о горестных эпизодах нашей не столь далекой истории, когда политические и государственные деятели нерусского происхождения показывали образцы великодержавности.

И еще одно. Отечественное хамство — не тот товар, какой желательно демонстрировать за границей. На экспорт он не пойдет. Впрочем, и для внутреннего употребления все менее пригоден. Каково-то будет, если Верховный Совет России усвоит стиль Руслана Имановича и депутаты по его примеру станут величать друг друга дураками?

Каким бы напряженным, трудным ни было наступившее время, новым руководителям всяко лыко в строку.

Люди, разумеется, остаются людьми и чудесным образом не избавляются от своих слабостей. Но есть понятие: императив времени. Не подчиняющийся императиву платится. Однако платится не только он, руководитель, но и от него зависящие. Общее дело теряет моральную притягательность.

В 1917 году революционная идея правила бал, захватывала и увлекала толпы. Мораль пребывала в загоне как нечто абсолютно зряшное, даже вредное. Хозяйственная разруха шла одновременно с разрушением душ. До чего дошло, известно.

Сегодня демократический образ мыслей благоприятствует моральному возрождению. (Это подтвердил и недавний август.) Но истинно нравственные нормы еще не возобладали, не стали неперенными нормами общественного и личного поведения. Не стоит обманываться — вряд ли возобладают и в обозримом будущем. И обманывать себя тоже не стоит: сперва, мол, позаботимся о хлебе насущном, потом — о душе.

В накале политических борений всем по обыкновению не до души, не до нравственных проблем. Никто меня не разубедит: многие непростительные ошибки М. Горбачева совершены из-за приверженности революционной традиции и естественной потому этической неразборчивости. Но и его критики-демократы нередко были приверженны той же традиции. Иные из “прорабов перестройки” превратились в “коммивояжеров перестройки”, совершая доходные челночные перелеты, попутно открывая глаза Западу на преобразования в родимой стороне, которую они изредка навещали.

Конечно же, сделано немало полезного для разрушения сложившегося в мире образа “империи зла”. Но сколько среди “коммивояжеров” ловкачей, ничем, кроме прогрессивной трескотни, себя не проявивших! Такая трескотня поднялась в цене, заменяя осязаемую работу. Мало того, она создала атмосферу всеобщей болтовни, далеко не всегда оправданных дискуссий, в коих оппоненты не столько искали истину, сколько возможность покрасоваться перед публикой. Воцарялась вера в магическую силу пустословия.

Быть может, главный итог этих дней в том, что люди по-иному взирают вокруг, на самих себя, друг на друга. Изменилась мера взыскательности, в действие начали вступать критерии, которыми до недавних пор опрометчиво пренебрегали.

Сентябрь 1991 г.

2

Ничто не красит нашу жизнь. Даже освобождение от предрассудков, от извечного тоталитарного груза, который — давайте начистоту — мы несли достаточно смиренно. Расстались с ним без печали, но и без ликования. Если не считать нескольких августовских дней, когда вдруг казалось... Бог мой, чего только не казалось?

Полеты во сне заканчиваются на земле, чья греховность пусть и уменьшилась с ликвидацией КПСС, КГБ, РКП, но не настолько, чтобы человек почувствовал себя

Испытание свободой

хозяином собственной судьбы. Избавление от тоталитарной узды сменялось беспощадной зависимостью от экономических обстоятельств и политических экспериментов.

Причисляя себя к сторонникам демократического обновления, искренне симпатизируя демократическим деятелям, не могу избавиться от ощущения, что кое-кто из них, с головой уйдя в парламентскую, политическую, публицистическую деятельность, — как бы помягче выразиться, — заигрался, поддался искусительному увлечению, когда к истинной цели (она, безусловно, высока) примешивается что-то сопутствующее. Азарт праведной борьбы перерастает в тщеславное упоение. Потребность выложить собственные доводы — в потребность лишний раз покрасоваться на публике. Порыв бескорыстного служения гасится холодноватой расчетливостью.

Меня упрекнули в склонности идеализировать человеческую натуру, а то и в непростительной наивности. Дело в конце концов не во мне и не в наивности. И не только в извечных человеческих слабостях, от коих никто не свободен. Это жрец Калхас из оффенбаховской “Прекрасной Елены” мечтательно вздыхал: “О, если б люди были как цветы!”

Дело, видимо, в том, что власть и оппозиция болеют преимущественно одинаковыми хворями.

Начал складываться демократический бомонд. Незримо обособленная среда. Собственный круг. Вызывающе отважные презентации. Дерзкие — с гордо вскинутой головой — тосты на роскошных банкетах. Упоение заграничными вояжами. Короче: “Возьмемся за руки, друзья”, чтоб не пустить кого не надо.

Стиль поведения не совсем и не всегда отвечает цели. Смещены какие-то этические нормы. Будущая элита больно уж быстро почувствовала вкус привилегий. Пока еще — относительных. Но достаточно поспешно и ловко материализуемых. И когда кое-кто из бомонда встал в ряды защитников Белого дома, я, не умаляя их достойных побуждений, ловил себя на мысли: они отстаивали и свои, уже корпоративные интересы, интересы вкусивших сладость власти и всего, что ей сопутствует.

Без возрождения нравственности, я уверен, демократия выродится, рыночная экономика приобретет классические мафиозные черты. Что мы уже имеем несчастье наблюдать.

Демократы добились политической власти, и слава Богу. Нет, еще слава ли Богу, как воскликнул террорист, бросая бомбу в царя.

Властью, выясняется, надо уметь распорядиться.

Одно время у нас в ходу была формула “учиться демократии”. По причине полной несуразности она отмерла. Как скоропостижно умирали мнимо магические, ложно многозначительные формулы и слова: “ускорение”, “мы все в одной лодке”, “по одну сторону баррикад”. Быстрота, с какой приказали долго жить эти заклинания и формулы, отрадна. Люди трезвели, отмирала вера в ниспосланную свыше мудрость. Но вместе с верой в авторитеты уходили и какие-то моральные правила: уважение к закону, к старости, к боевым ранам, к прошлому, где далеко не все подлежит сбрасыванию с шаткого корабля современности.

Кто-то, быть может, сочтет неуместным сегодня разговор о высокой и тонкой материи — нравственности. До того ли нам?

Для опрометчивых нередко решений демократы время находят. Но до правового решения, в корне меняющего общественную атмосферу, открывающего истоки и причины нынешней трагедии, руки не доходят ни у демократических парламентов, ни у демократов-прокуроров. Я имею в виду гласный суд над КПСС, над верхушкой, повинной в преступлениях перед народами. Вместо этого — поток сенсационных разоблачений, опровержений. Самоубийства лиц, чья виновность должна определяться судом, но не газетными публикациями, которые прежде всего нагнетают общую нервность, смятение, неприязнь к людям, хоть и несущим долю моральной ответственности, но повинным лишь в том, что на отчисления от их трудовой зарплаты содержали сановных “крестных отцов”.

Нам нужно не столько новое мышление, сколько новые человеческие взаимоотношения, что гораздо сложнее. Но такая задача и не ставится. А новомыслящие деятели, не слишком обремененные правилами и принципами, сплошь и рядом ведут себя далеко не лучшим образом и, защищая капиталистические порядки, не желают считаться со “звериным законом” капитализма: не умешь — не берись.

Берутся и то и дело садятся в лужу. словно бы специально находят арбузные корки, чтобы на них поскользнуться. Поскользнувшись либо сев в лужу, отряхиваются и продолжают действовать. То есть ведут себя так же, как их предшественники.

Нынешние реформаторы, особенно те, кто получил реальную власть, набирались ума-разума в цковских, обкомовских и редакционных кабинетах либо в кабинетах профессорских. У двух этих образов жизни (аппаратного и профессорского), двух способов приобщения к деятельности есть нечто общее — солидное удаление от образа жизни, уготованного миллионам. Обладатели кабинетов не стремились, да и сейчас не шибко стремятся сократить это расстояние. Напротив, многие народные избранники прилагают все усилия, дабы получить сытные и престижные места, окончательно “выйти из народа”.

Когда узнаешь из интервью одного из ближайших сподвижников Ельцина, что более чем двухмесячная пауза после августовского путча понадобилась для выработки новой стратегии (по официальным сведениям, Президент отдыхал, по слухам — министры грызлись из-за портфелей, советники — из-за программ), возникает ощущение: они просто-напросто не почувствовали на собственной, простите, шкуре катастрофического распада жизни, не почувствовали — сокращается шагреновая кожа.

Когда очередной составитель очередной программы, добившись возможности ее осуществить, бодро заявляет, что ему ничто не страшно, мне становится страшновато.

В дни путча все надежды возлагались на Бориса Ельцина, и он их оправдал. После путча — на ельцинскую команду. Ее затаившаяся бездеятельность, склонность к опрометчивым заявлениям поубавили очков у Президента как раз тогда, когда они ему более всего необходимы.

Едва новый вице-премьер изложил перед российским парламентом план реформ, председатель на глазах депутатов, глазах телезрителей принялся профессорски

Испытание свободой

уличать его в экономическом невежестве. И это после разговора о необходимости авторитетного правительства.

Мне не кажутся чрезмерными призывы москвичей, обращенные к своему мэру, — пусть стоит вместе с ними в очереди за хлебом. Они его избрали, они вправе предъявлять ему такие требования. Особенно после чехарды с приватизацией, фокусов с ценами на хлеб, после явного раскардаша в столичном правительстве.

Скорее всего, нынешние руководители России, Москвы, Санкт-Петербурга, некоторых республик — это лучшее из того, что могло произрасти в цеховских и прочих кабинетах Системы. Других у нас сейчас нет, и взяться неоткуда. Жернова негативной селекции, долгие годы террора и геноцида уничтожили неисчислимые таланты. Сегодняшний дефицит квалифицированных руководителей не менее опасен, нежели дефицит продовольствия. Но и нравственная неразборчивость не менее пагубна, нежели просчеты в каждодневной практике.

В не столь отдаленные времена центр, по обыкновению поигрывая мускулами, норовил блокировать, страшать прибалтийские республики. Результат известен. Однако и в наши дни железнодорожная блокада — излюбленный довод в спорах между республиками. Довод не убеждает? Перекроем газопровод.

Новые руководители страсть как любят порассуждать об урегулировании разногласий мирным политическим путем, о “переговорном процессе” (тоже выраженьице!). Но одержимо пытаются создать свои армии, конфискуют имущество вооруженных сил, строившихся всей страной. Ради “переговорного процесса”? Или ради возможности сунуть под нос соседу бронированный кулак с зажатой в нем ракетой? А на какие шиши намерены содержать это воинство, обновлять быстро устаревающую технику, раскручивать гонку вооружений?

Политики, популистскими или националистически воспаленными речами срывающие сегодня аплодисменты, отлично знают: завтра аплодирующие покорно станут в очереди. Но им-то, самим ораторам, очереди не грозят. Не пришлось бы нам вскоре ломать голову: что предпочтительнее — коммунизм на отдельно взятой под охрану даче или капитализм в отдельно взятом особняке, украшенном демократическими лозунгами?

Проблема выбора стояла и перед сказочным Буратино, когда его спросили, чего он хочет: быть повешенным или расстрелянным? Буратино ответил: хочу молочный суп. В нашей ситуации такой ответ исключается даже гипотетически — большие трудности с молоком...

Нет у меня уверенности, что такие трудности угрожают тем, кто принимает решения. Нет уверенности, что в буфетах Моссовета и московской мэрии исчез хлеб в тот день, когда его не стало в некоторых столичных больницах.

Слов нет, мудрые решения даются нелегко, но как бы избежать заведомо опрометчивых, бьющих одновременно по простому смертному, по престижу руководства, по казне?

Переходя из стана протестующих, наставляющих в стан управителей и распорядителей, многие словно утрачивают чувство реальности. Известный экономист и

публицист Л. Пияшева, став ответственным деятелем столичной мэрии, 18 ноября успокоила телезрителей: высоких цен бояться не надо; когда хочешь построить себе дом, не покупаешь бриллиантовые украшения или десять пар сапог.

Боюсь, выбирающие между новым коттеджем, бриллиантами и десятью парами сапог не очень-то нуждаются в таких рекомендациях. Советами их прямо-таки замучили. Как приумножить богатства, как прошвырнуться в Венецию или на денек-другой в Стамбул, приобрести “вольво” или “форд”.

Не надо подозревать меня в склонности к примитивной уравниловке, категорически противопоказанной рыночной экономике. Но ведь ей противопоказаны и принципы привилегированного, административно обеспечиваемого самоснабжения, когда развращаются не только уже добившиеся пирога, но и истово рвущиеся к пирогу.

Отвечая на вопрос корреспондента “Литгазеты” о льготах, первый зам. председателя правительства РСФСР Г. Бурбулис туманно разъясняет: “Какие-то чрезвычайные льготы и привилегии — это не наше кредо. Однако мы также не сторонники демонстративного аскетизма: давайте ездить на “Запорожцах”, а не на черных “Волгах”.

“Какие-то чрезвычайный льготы... — не наше кредо”. А не чрезвычайные? Где и кем проводится граница? И прежние хозяева никогда не провозглашали, будто дачи, лесные домики, заповедники и т. п. — их кредо. Напротив, все для простого человека. Лишь для него, ни для кого больше.

Журналист удивляется: как демократ, интеллигент, сравнительно молодой человек полагает для себя возможным пользоваться “ЗИЛом”, в народе именуемым “членовозом”? Демократ, интеллигент, сравнительно молодой человек несколько не тушуетя. “ЗИЛ” обеспечивает быстрое перемещение в спрессованном времени. Из машины можно связаться с любым городом.

Выходит, опять, как в добрые брежневские времена, два свода правил уличного движения — один для лиц сильно ответственных, второй — для всех прочих. Деятелям, умудрившимся потерять (чтобы не сказать покрепче) два решающих месяца лучше бы помолчать о спрессованном времени. Телефон междугородной связи запросто устанавливается в любой автомашине.

Бесконечные поездки “за бугор” в поисках опыта и в целях ознакомления “ихней” общественности с нашими обстоятельствами, по моему разумению, давно следует свести к минимуму. Хватит уже тратить бесценную валюту и “спрессованное” время. Там, в отдалении, они вполне разбираются в наших сложностях, дают разумные советы. Да не в коня корм. Возможно, будет больше проку, когда безотрывно и сосредоточенно займемся собственными делами, отдыхая от них не в трех- и четырехзвездочных отелях, но в обыкновенных московских, Санкт-Петербургских, Киевских квартирах.

Между чрезвычайными льготами и демонстративным аскетизмом течет река вноменклатурной жизни, несет наше порядком потрепанное судно. Вряд ли управлять им всего сподручнее с берега, где наличествуют “оптимальные условия”.

Не сомневаюсь, все или почти все руководители нового призыва трудятся в поте лица своего. Но не могу взять в толк, где они находят время, силы писать книги и

Испытание свободой

статьи, вести бесконечные полемики друг с другом, отдаваться внутрипартийной и межпартийной борьбе.

Созерцая столь бурную деятельность, неумную трату энергии, обыкновенному человеку, задавленному повседневными тяготами, остается пожимать плечами — мне бы ваши заботы. Если же выдастся минута, когда можно перевести дыхание, предаться воспоминаниям, он сквозь сумятицу нового дня, мелькание указов, законов, сквозь разногласия словопрений уловит нечто удручающе знакомое.

По Версальскому договору Германии времен Веймарской республики полагалось сократить производство вооружения. Тогда-то и гулял анекдот о немецком слесаре, работавшем на безобидном заводике. Решил слесарь собрать из краденых деталей ("несуном" был) коляску для маленькой дочки. Так ладит, эдак, а получается пулемет.

Нет, параллелей не провожу, но не в силах избавиться от печального впечатления: демократы (сейчас каждый руководитель — непременно демократ), за что бы из лучших побуждений ни взялись, изобретают что-то сходное с дружно проклятой тотально-бюрократической системой.

Беспримерные задачи стоят перед руководителями суверенных государств, объединяющихся в беспрецедентный союз. При всей специфичности задач каждого то и дело замечаешь сходство подходов, совпадение в последовательности или непоследовательности действий, в импульсах, диктующих линию поведения. Чего они не умеют, мы уже более или менее знаем; наступил час узнать, что же они умеют. Им предстоит совершить чудеса. А они — не волшебники, они еще только учатся.

Учатся на нас. Мы это чувствуем каждый божий день. Но и они должны чувствовать. Не меньше, чем ответственность за решение судьбоносных проблем. Не почувствуют — не решат ничего.

Ноябрь 1991 г.

3

Аморальность невыгодна, а то и губительна в политическом плане. Но выявляется это с прискорбным опозданием.

Упреки М. Горбачеву в опоздании традиционны. У новых руководителей другая крайность — торопливо принятые постановления, указы, опрометчивые заявления.

Вчера внешняя политика строилась на принципе: друзья и враги. Сегодня объявлено: никаких друзей, никаких врагов, только национальные интересы. Но почему эти интересы исключают друзей, почему некоторые лидеры новых государств педалируют неизбежность расхождений во внешней политике? Морально-политическое единство в его стандартно-официозном смысле — забытый мираж. Но это не значит, будто вовсе нет моральных ценностей, связывающих всех нас, будто нет общего прошлого, где переплетены цели, судьбы и нити истории.

За последние десятилетия мы наловчились нарезать мораль по кусочкам — журналистская этика, офицерская, научная, депутатская и т. д. Венец творения — моральный кодекс строителя коммунизма. Опровергать это, доказывать вздорность — скучно. Но есть опасение: не начнут ли сейчас учреждать молдавскую, скажем, этику, и абхазскую, грузинскую или приднестровскую.

Б. Ельцин хорошо сказал о границах между государствами Содружества. То будут “прозрачные” границы. А какие кордоны установятся между властью и народом, между избирателем и избранным? Есть шанс у первого достучаться до второго, пробиться сквозь мощный заслон милиционеров-”пограничников”?

Сегодня мы жители России лучше, чем прежде, знаем, как принимаются многие решения в какой обстановке. Но в этом далеко не полном знании много печали.

Война самолюбий, грызня вокруг высоких кресел всегда отвратительны. В трудный час отвратительны десятикратно. Сознавай это наши нынешние руководители, они, возможно, и держали бы себя по-иному, в своих неизбежных разногласиях не спускались бы до уровня кухонных свар. Это унижает их и — неизбежно нас.

Хорошо бы вице- и просто министрам, советникам проникнуться мыслью: от них ждут не только разумных планов, твердости в их осуществлении, но и нравственной безупречности. Всего менее ждут рассуждений о кое-каких для себя привилегиях, “ЗИЛлах”, умения пользоваться надежно замаскированными спецбазами. Необходима полная “прозрачность”, ясность ответов.

Какими привилегиями должны обладать члены ельцинской команды? По-моему, никакими. Если им трудно с этим смириться, значит, они не понимают ни морального своего долга ни реальной обстановки. Не для того в августе возводили баррикады перед Белым домом, пролилась кровь, чтобы одни хозяева сменили других в кабинетах на Старой площади, еще раз доказывая, власть развращает, а своя рубашка настолько ближе к телу, что начинаешь всячески его ублажать и тешить самолюбие. Ловчить ради квартиры, дачи, автомашины, научного звания и т. д.

Слава Богу, у нас почти все члены правительства теперь “призывного возраста”, с жигулями справляются: пускай, сломив номенклатурно-барскую традицию, сядут за баранку и едут к месту службы в общем потоке. Потеряют полчаса из-за пробок? Но сколько выиграет, решительно изменив стиль общественного поведения! Сколько увидят своими глазами! Сколько почувствуют, увидев! И тогда, возможно, им легче будет постигать непреложную, однако туго дающуюся истину: демократия не сводится к переходу власти от сторонников насилия, беззакония, распределительной уравниловки к приверженцам свободы, закона, прав человека, рыночных отношений. Это еще и демократический стиль жизни, взаимоотношений. Если угодно — демократическая, общечеловеческая нравственность, уважение к личности, но не к чину и должности.

Веря нами же избранному Президенту, мы хотим верить и его правительству, хотим их поддерживать, не видя реальной альтернативы. В такой солидарности равно нуждаемся и мы, и его члены. Хотя — будем откровенны — характер риска неодинаков. Мы наши близкие рискуем, выходя в сумерки на улицу. Рискуют жизнью

Испытание свободой

больные, лишенные лекарств, а то и медицинской помощи. Рискуют здоровьем дети, старики, едва ли не все сограждане, попавшие за черту бедности.

То, что для всех нас вопрос жизни и смерти, для многих членов президентской команды — прежде всего вопрос политической карьеры. Оставшись без кресел и министерских портфелей, но надежно обеспечив тылы, они вернутся на кафедры, в директорские кабинеты. Их предшественники и в более зрелом возрасте проявляют чудеса непотопляемости, многие вполне успешно приспособили шаг к “Левому маршу”.

Проводя сравнение, не ставлю знак равенства между ними. Ограничусь напоминанием: скомпрометировать демократию, получившую мрачное наследие тоталитаризма, гораздо легче, чем доказать ее плодотворность. Но скомпрометировавшим не будет оправдания ни у современников, ни у потомков.

Картины, какие откроются новым руководителям, если им достанет мужества, мудрости отказаться от “другой жизни”, пресловутых “членовозов”, поубавят апломб и прибавят деловитой трезвости, человечности. Не этой ли “другой жизнью” объясняется уязвимость пункта о социальной защите в программе Е. Гайдара?

Почему мы ждем милосердия от бизнесменов, сострадания от кооператоров, но в приверженном демократии политике-профессионале таких чувств не предполагаем? Из-за априорной уверенности: политику они недоступны? Или из-за постоянного нашего пренебрежения этими чувствами, укоренившегося нежелания признать их силу, снисходительно отмахиваясь — “эмоции”? Мудрецы, мыслители, гениальные художники не отмахивались, всемирные религии не пренебрегали,

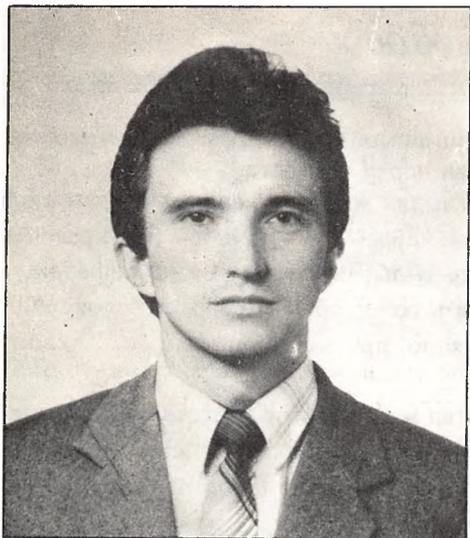
“Я взглянул окрест себя, и душа моя страданиями человеческими уязвлена стала”, — писал Александр Николаевич Радищев. Страдания выпали и на нашу долю. Поисками виновных вроде бы насытились все, кроме надеющихся на чьей-то крови построить свое благополучие.

Из страданий, их всеобщности может родиться спасительное обновление. Но может — и озверение. Ему возобладать легче. Всегда находятся охотники тому содействовать. За благоприятствующими причинами дело не станет. Но озверение опаснее, озверевшим чаще всего уготована участь жертв от руки себе же подобных. Цепная реакция неизбежна.

Озверение — уступка инстинктам. А требуется противодействие им. Такое противодействие — наша надежда перед беспощадной стихией рынка.

Озверение гонит человека в пещеру, несогласие с ним ведет к людям, сплачивает их.

Январь 1992 г.

Владимир ЛОПАТИН

ЗАЩИТИТ ЛИ КРАСНАЯ АРМИЯ БЕЛЫЙ ДОМ?

Я был одним из тех, кто с назначением на пост министра обороны маршала авиации Е. И. Шапошникова открыто утверждал, что если раньше авиация была на высоте, то теперь вся армия поднимется на такую же высоту. Прошло полгода. Иллюзии развеялись.

Похоже, игра в демократию и заигрывание с демократическими силами были необходимы военному руководству для того, чтобы пережить неустойчивый период после августа 91-го и укрепить свои позиции. Это в большой степени удалось.

Удалось создать стойкое мнение о необходимости и возможности сохранения единой армии в прежнем виде. Хотя это — очередной миф. Крушение тоталитарной системы неизбежно ведет к распаду и ее военной организации. Мировая история не знает примеров, когда бы несколько государств имели единую армию. СНГ — это не государство. И любой эксперимент по обеспечению единства армии в этой ситуации является попыткой сохранить условия для возврата к прежней системе. Каждая новая такая попытка политизирует армию, помогает осознать свои возможности в борьбе за власть и, на мой взгляд, приближает к развязке по югославскому варианту. Там армия, выступая за сохранение государства, спасала себя. А точнее — власть и положение генералов. Это “спасение” приняло форму кровопролитной войны. Мы не должны повторять чужих ошибок. Вот почему лозунг “Единство армии — любой ценой!” политически ошибочен и вреден.

Защитит ли Красная армия Белый дом?

Дальнейшие же попытки сохранить армию в прежнем виде углубляют существующий кризис, причины которого лежат не только и не столько в сфере национально-государственного передела, сколько связаны с порочностью существующей системы именно военного устройства, комплектования и порядка службы. В нашей трехмиллионной армии — миллион офицеров. Сотни из них ввиду социальной неустроенности, а главное — из-за неясности своего будущего, ежедневно пишут рапорты об увольнении. В солдатские караулы ходят офицеры и прапорщики. Части и подразделения укомплектованы солдатами на 20–40 процентов от штата, не имеют профессиональных младших командиров и приближаются по своему составу к мононациональным. Войска теряют боеготовность, управляемость и надежность, а мы от разговоров о профессиональной армии все еще не приблизились ни на шаг к ее созданию. Почему? Потому что это противоречит основным интересам большинства военного руководства, грозит ограничением его власти, потерей “рабочих мест” для многих из 30 тысяч генералов и офицеров в центральном военном аппарате.

Невероятно, но факт: на сегодня удалось сохранить практически весь язовский аппарат. Доверенные лица прежнего министра оказались в ближайшем окружении Шапошникова и сначала поддержали на словах реформаторские идеи нового руководства, ничего не предпринимая на деле для их реализации, а сейчас взяли прежний курс — “нет переменам”. Через два месяца была упразднена комиссия, созданная для анализа деятельности руководящего состава вооруженных сил в период государственного переворота, так, в сущности, и не приступив к работе. Зато военачальники, выступившие с прямой поддержкой ГКЧП, сохранили свои посты и, выдержав паузу в сентябре–октябре, заняли еще более жесткие позиции по отношению к демократическим переменам в армии. В итоге из армии уходят лучшие, те, чьими силами можно было создать новую профессиональную армию. Остаются либо те, кому недолго до пенсии, либо те, кто, пройдя через жернова нынешней политики кадрового отбора (а он строится на принципах протекционизма, личной преданности и угодничества), потерял всякий интерес к переменам.

В итоге сделано то, что не удалось Язову: подорвана в армейской среде вера в возможность реформы, устранена внутренняя оппозиция генералам, не желающим что-либо менять, со стороны младшего и среднего офицерства, требующего перемен; изгнаны из армии те, кто стоял у истоков борьбы за реформы.

К числу “достижений” можно отнести и то, что руководство России поручает решение военных вопросов и их подготовку самим военачальникам, которые исходят при этом прежде всего из своих собственных интересов. Эта “традиция” союзных структур дорого стоила М. Горбачеву, но сейчас она реанимируется уже в российских коридорах власти. При том, что оснований для такого доверия практически нет. Так, согласись Россия на предложения военного ведомства по бюджету на 1992 год, в армии неминуем был бы социальный взрыв. Поскольку запрос на увеличение расходов для выплаты жалованья военнослужащим — на 2 миллиарда, пенсий — на 0,3 миллиарда, строительства жилья — на 2,7 миллиарда рублей при снижении расходов на воору-

жения лишь на 27 процентов означал фактическое сокращение социальных программ. Другим примером может служить уже заявленная инициатива о создании совместной системы ПРО, реализация которой, по мнению специалистов, вызовет лишь новый виток гонки вооружений, что опять же выгодно не России, заявившей о демилитаризации, а ВПК, доставшемуся нам в наследство и соединяющему интересы генералов от промышленности и армии.

По-прежнему за военной сферой отсутствует парламентский и гражданский контроль. Несмотря на прямые обращения в Президиум Верховного Совета России с предложением рассмотреть этот вопрос, его руководство хранит молчание и нейтралитет. Наличие нескольких разрозненных и слабосильных российских структур исполнительной власти по оборонным вопросам — лишь ширма, прикрывающая всевластие военного ведомства. Создание же российского Министерства обороны может стать лишь перелицовкой прежнего военного министерства, продолжающего прежнюю военную политику.

Вспомните, как полтора года Б. Ельцина уговаривали не заниматься военными вопросами. Все его попытки как Президента России, а до этого как председателя Верховного Совета немедленно вызвали ожесточенное сопротивление со стороны высшего военного руководства. И каких только ярлыков не навешивали тогда на российского руководителя! А что мы видим сегодня? Те же советчики в погонах ведут прямую атаку на президента, но уже с противоположной стороны: они требуют, чтобы он как можно скорее решил вопросы создания Министерства обороны и Вооруженных Сил России. Убеждают его в том, что это возможно сделать за один месяц, и рекомендуют поручить решение всех задач самим же военным, как это делалось ранее.

Что произошло? Догадаться нетрудно: генералитет понял, что в новых условиях возникла реальная угроза его всевластию и безбедному существованию. Государства СНГ начали активно заявлять свои законные права на решение оборонных вопросов. И вот, почувствовав грозное колебание почвы под ногами, генералитет обратил свои взоры на Россию в надежде, что она защитит его интересы. Если, конечно, удастся сохранить прежние порядки в армии и свое командное положение в ней. К чему все это приведет? За месяц можно только сменить вывеску, сохранив все как есть. Но останется ли при этом надежда на реформу, которая еще теплится в армии? Я думаю, что нет. Генералы на какое-то время, может быть, и сохранят свою власть, свои привилегии, но армия при этом будет разлагаться дальше, что в конечном счете скажется и на стабильности государства.

О приватизации по-генеральски много говорилось в печати.

Мне приходит на память недавнее выступление на съезде одного народного депутата, генерала ПВО. Как о большой трагедии он рассказывал, что не хватает брючных ремней для солдат. Но главная ли это проблема, когда миллиарды уходят на личные счета в коммерческие структуры, в акционерные общества, фонды, ассоциации? Когда за один час интервью в Управлении информации Главкомата СНГ взимается 800 долларов? Когда бесконтрольно реализуются военная техника и имущество, поскольку их стоимостного учета в армии не ведется, а учитываются они

Защитит ли Красная армия Белый дом?

лишь поштучно? Куда эти деньги уходят? Кто их считает? А ведь на все эти средства можно было бы не только снабдить солдат брючными ремнями, но и решить одну из самых острых социальных проблем армии — обеспечить жильем всех нуждающихся офицеров и прапорщиков. Но несмотря на все публикации в газетах, на уже доказанные документально факты злоупотреблений, в которых замешаны многие генералы, они продолжают оставаться на своих постах. Это люди без совести и чести.

Фактически легализовано право военачальников выступать в качестве самостоятельной политической силы. И этому как нельзя лучше соответствует то положение, при котором функции политического, административного и военного руководства слиты в одних структурах: когда департизация армии проведена только наполовину и идет ее мощнейшая политизация, в том числе через прямое участие военных в политических партиях и движениях; наконец, когда каждая из политических сил пытается заигрывать с военным ведомством, а оно, в свою очередь, умело использует эти противоречия, в том числе внутри руководства России, для сохранения своего положения.

Убежден, что Министерство обороны России должно быть сугубо политико-административным органом во главе с гражданским лицом без функций прямого военного управления. Ее вооруженные силы видятся как профессиональная армия численностью до 1 млн. человек. В этой армии не будет такого, когда на двух солдат приходится один офицер; когда две трети генералов служат не в войсках, а в Москве; когда солдат “служит” для своего собственного прокорма, а офицер получает меньше водителя и уборщицы; когда внутриармейские отношения строятся по принципу крепостничества, а не на основе закона и контракта. Иного выхода нет — это доказано мировой практикой военного строительства.

Февраль 1992 г

Лев ТИМОФЕЕВ

Фото М. Свиной

МЕНЯЯ ПРАВИЛА ИГРЫ... *

Сегодня дома все спокойно. Дети пришли из школы. Из коридора слышно, как наша младшая дочь Катя и наш любимый маленький сосед Левочка рассказывают друг другу какие-то веселые глупости и тихо смеются. Несколько лет назад, когда меня арестовали, а дети были поменьше, они день за днем играли в тюрьму. Они сооружали строение из кубиков, досочек, “конструкторов” — и все это называлось “тюрьмой для Катиного папы”, то есть для меня, и вместе со мной, как бы сидящим в этих ярких сооружениях, сидели любимые Катины куклы, размещались Левины машинки, крокодилы, зайцы... Из столов, стульев, кресел, одеял и пледов у них получалось уютное логово — и это тоже была тюрьма, и они залезали туда и сидели в тюрьме...

Теперь наши дети играют в “менеджера”. Они покупают фабрики и железные дороги, предлагают товары на бирже, считают и меняют деньги. Сидя над большой коробкой с игрушечными акциями и банкнотами, они торгуются, спорят, кричат от нетерпения и от восторга, горько плачут от неудачи... Нам, взрослым, всю жизнь считавшим мягкие рубли и днями простаивавшим в очередях за самым необходимым, странно видеть детей со стотысячными купюрами в руках, странно смотреть на игру, где ожидания, надежды и само понятие удачи связаны с миллионными барышами.

До коммерческого ли выигрыша нам было, если три поколения подряд главной мечтой и надеждой миллионов людей было дожить до конца лагерного срока, освободиться из тюрьмы, вернуться из ссылки — и забиться куда-нибудь поглуше, в какую-нибудь норку, заслониться чем-нибудь, свернуться в клубочек, чтобы везде-

* Из книги “Зачем приходил Горбачев” (М., 1992)

Меня правила игры...

суший КГБ перестал бы тебя замечать, забыл бы о тебе... Неужели наши дети будут свободны от этого чувства? Мы же от него никогда не освободимся.

Мы привыкли, что нас постоянно подслушивают, что за нами подглядывают. Где-то, кажется в каком-то интервью с одним из новых шефов реорганизуемого КГБ была названа цифра прослушивавшихся телефонов — 700 в Москве и сказано, что прослушивание снято. Сколько же человек с облегчением вздохнули — 700? Но опасались-то прослушивания уж точно не 700, а тысячи. Хотя прежде официально заявлялось, что КГБ вообще никого не прослушивает, но неофициально-то насаждалась и постоянно поддерживалась убежденность, что прослушивают поголовно всех. И теперь, когда названа эта цифра и заявлено, что, мол, все как бы заочно и негласно реабилитированы (точно так же, как когда-то заочно и негласно были в чем-то подозреваемы), — мы поверили, вздохнули с облегчением? Честно говоря, это даже как-то и не очень заботило нас — мы давно привыкли. Это даже не оскорбляло. Скажем, уже совсем недавно, года три назад, то есть в пору “перестройки”, не раз бывало, что мои гости, проходя мимо габошной машины, неизменно стоявшей тогда у подъезда, слышали там голоса тех, кто поднялся ко мне чуть раньше, а однажды кто-то, заглянув в такую машину, увидел там на светящемся мониторе даже и лица собравшихся у меня гостей — из квартиры шла прямая, хоть и скрытая, трансляция. Тогда же этот факт был обнародован западными журналистами, поскольку на том собрании присутствовали люди весьма известные.

Когда в апреле 1989 года грянула тбилисская трагедия, наш телефон стал отключаться, стоило только произнести слово “Тбилиси”, и тогда пришлось условиться, что мы передаем обо всем, что там происходит, как если бы это происходило в Тамбове, — и ничего, телефон спокойно, не поперхнувшись, глотал “Гамбов”, в котором армия убивала мирных людей саперными лопатками и травилы газами... но стоило только назвать Тбилиси, как телефон вновь отключался.

Замечательная техника! Уже и профессионалы рассказывают в печати, как они ставили в квартирах подслушивающие устройства, как блокировали хозяев квартиры где-нибудь на работе или в другом месте, чтобы им не взбренило вдруг вернуться домой не вовремя, как открывали дверь, входили в дом в мягкой обуви, как мощные ребята отодвигали тяжелую мебель, вырезали кусок обоев, монтировали микрофон, заклеивали, художественно подмазывали это место, ставили мебель назад и тихо удалялись. Порядок!

Теперь сказали, что, мол, все — незаконное прослушивание прекращено!.. А как? Как, собственно? Неужели опять нас где-то блокируют, входят в мягкой обуви в наши квартиры и выковыривают из стен все, что годами транслировало нашу жизнь “компетентным специалистам” по нашей жизни? А может быть, это их имущество все еще здесь, в наших квартирах?

Но когда в газетах читашь о тренировках штурмовых отрядов доморощенных фашистов, когда читашь, что у них уже есть специальные подразделения, готовые захватить городской водопровод или систему энергоснабжения — захватить и обеспечить работу, — то начинаешь думать, что вживленная в наши стены аппаратура недолго будет без работы, те специалисты подслушивания-подглядывания не останутся без дела. И если, скажем, о начале путча 19 августа 1991 года я узнал не из сообщений по телевизору, а выглянув утром в окно и увидев после двухгодичного

перерыва знакомую машину и наряд КГБ под окнами, то надо полагать, что и аппаратура в стенах и потолках моей квартиры работала в тот день на полную расчетную мощность...

Это очень хорошо, что наши дети играют сегодня в банкноты и акции. Но то, что детям — веселье, взрослым — тревоги и слезы... После того как жена с двумя нашими девочками приехала ко мне в лагерь и они увидели настоящий тюремный забор, увидели, как меня в сопровождении автоматчиков ввели в комнату для свиданий и прапорщик не позволил мне даже погладить, даже прикоснуться к ним, не позволил взять протянутую маленькой Катей конфету, дети перестали строить красивые игрушечные тюрьмы.

Чем кончатся сегодняшние игры? Мы по-прежнему не принадлежим себе и ничего не знаем о собственном будущем.

В декабре 1991 года, в последний день перед отставкой Президента Горбачева, в Москве состоялась его долгая, девятичасовая, беседа с Борисом Ельциным. Это не был официальный ритуал передачи власти — нужды в ритуале вообще не было, поскольку к тому времени вся реальная власть была уже в руках Президента России. Встреча была сугубо конфиденциальной: два президента съехались для передачи всего комплекса секретной информации, которой располагал бывший глава СССР, — тайных нитей власти, тайных структур, секретных связей. “После этой встречи мне захотелось пойти и помыться”, — в тот же день заявил Ельцин, едва появившись перед журналистами, — и его слова были переданы всеми программами теленовостей. Казалось бы, человек, столь чутко относящийся к нравственной чистоте собственного политического курса, должен был тут же обнародовать, какие именно секреты, открытые ему Горбачевым, вызвали столь очевидное отвращение. Но нет, ни в тот день, ни после содержание долгой беседы не было опубликовано. Мораль моралью, но целостность и неприкосновенность политической тайны оказались сильнее первого нравственного порыва. Да и точно ли так заинтересован Ельцин в том, чтобы все тайные нити власти в России были открыты для общественного знания?

Несмотря на грандиозные масштабы всем очевидных политических событий в бывшем Советском Союзе, их истинные причины, мотивы, исполнительные структуры, а во многих случаях и их истинные исполнители остаются в тени. Большинство руководящих коммунистов отказалось от коммунистической доктрины, но, похоже, сделали все возможное, чтобы сохранить все тайные структуры власти, которые создавались и укреплялись в течение семидесяти лет коммунистического правления.

Так или иначе, но сегодня в России и в других государствах на территории бывшего СССР широко бытует мнение, что кроме явной, всем очевидной и как бы даже специально предьявленной картины политической жизни повсеместно существует иная скрытая интрига политических событий, недоступная общественному вниманию и контролю.

Недоверие к руководителям, подозрения в тайных связях, коррупции и неискренности настолько распространены, что уже сами по себе — независимо от того, насколько они истинны в каждом конкретном случае, — влияют на расстановку политических сил и угрожают стабильности власти — и в Москве, и в Киеве, и в Тбилиси. Особенно теперь, когда народ крайне обнищал, озлобился и готов найти виноватого в любом представителе власти.

Меня правила игры...

Дело тем более серьезно, что недоверие и даже прямые подозрения вовсе не беспочвенны: во всех новых государствах бывшего СССР структуры власти генетически связаны со структурами вчерашними, коммунистическими. В аппарате управления всех уровней сидят люди, которые пришли в политику и сделали карьеру тогда, когда и сами государственные должности были предметом широкой купли-продажи, когда, по меткому выражению одного бывшего партийного функционера, теперь вышедшего из партии, “сама должность секретаря райкома предполагала ментальность преступника”. Но ведь в этом или в похожих креслах посидели все без исключения нынешние государственные руководители.

Можно ли сегодня судить о механизме власти, о технологии принятия важнейших политических решений и не взять в толк, что благоприятные условия для коррупции не только не исчезли, но и многократно разрослись! В государствах бывшего СССР в сфере криминальных отношений обращаются теперь сотни миллиардов рублей и миллиарды долларов. При этом известно, что ПОЛОВИНА ВСЕХ ДОХОДОВ, получаемых в криминальной сфере, тратится на подкуп официальных лиц всех уровней, в том числе — на защиту от правоохранительных органов... От кого же тогда в конечном счете зависят политические решения? Кто определяет наше будущее?

Только теперь мы начинаем понимать: в России произошла невиданная в истории человечества революция! Политикам удалось сменить государственную доктрину... сохранив власть в тех же руках, что и прежде. В силе остались те же правящие структуры, ну разве что слегка сместились из функции — в соответствии с новой, на этот раз рыночной, капиталистической доктриной.

В какую бы сферу экономических (да и политических) отношений мы ни сунулись, всюду увидим, что дело контролируется теми же людьми, которые и во вчерашних структурах власти были не последними деятелями. Да и ВПК по-прежнему имеет не последний голос и в экономике (в частности, в распределении бюджета), и в политике, и в руководстве процессом приватизации...

Три страшных лика, три мертвенных воплощения было у коммунистической власти: партаппарат — военно-промышленный комплекс — КГБ. До сих пор три эти лика, три облика постоянно перемежались, сливались в нечто единое, по временам несколько конфликтовали, но никогда не делились окончательно натрое — и не могли разделиться, потому что не могли друг без друга существовать. Эта-то триединая субстанция, перетекая в новые кабинеты, меняя имена, и продолжает определять направление политического курса — и направление это уж вовсе не в сторону демократии...

Особенность нашего времени в том, что вчерашний правящий аппарат, отказавшись от коммунистической доктрины и от своих прежних доктринальных имен, сохранил всю полноту власти распоряжаться материальными благами в стране. А кто распоряжается собственностью, тот в конечном счете и политическую музыку заказывает. Многократно замечено: только через посредство вчерашних аппаратчиков можно получить “добро” на участие в большом бизнесе — и только в их интересах. Тут опасность не в том, что владельцем завода или банка станет вчерашний секретарь райкома — пусть бы! Опасность и даже прямо беда в том, что этот *вчерашний* — человек несвободный, связан круговой порукой, целиком и полностью принадлежит

своему социальному слою (все те же аппарат — ВПК—КГБ), во всех своих действиях зависит от него — ведь оттуда же и получает все права на собственность, и вовсе не бесплатно, но при негласной клятве на верность. А нарушит клятву — и в собственниках долго не продержится.

К чему же пришли? К демократии? Казалось бы, рыночные отношения легализованы. В сфере мелкого и среднего производства, в сфере обращения мелкого и среднего капитала наметились отношения плодотворной конкуренции. Крупный капитал акционируется. Мелкая и средняя собственность переходит в частные руки... Не так ли?

Но вспомним, реформы Горбачева начинались ради сохранения власти над человеком, над работником. И власть сохранили. В политике, в экономике распоряжаются те же люди и те же структуры. Но теперь в их руках не столько вожжи политической или административной власти над личностью работника, сколько кнут власти экономической — через монопольно контролируруемую систему банков, бирж, ключевых отраслей крупной промышленности. Вполне определилась власть крупного капитала над мелким, экономическая власть крупного капитала над собственником рабочей силы — человеком, работником.

Конфликт между властью и обществом обрел черты хоть и новые для России, но, в общем-то, традиционные для рыночной экономики: если общество — как потребитель — заинтересовано в свободной игре конкурирующих производителей, то монопольный владелец крупного капитала заинтересован в полном контроле над экономикой. Потребитель заинтересован в изобилии товаров и услуг, в стихийном развитии производства под напором общественного спроса... но тому, кто монопольно владеет крупным капиталом, вовсе не нужна неуправляемая экономическая стихия, ему нужно как можно более строго упорядоченное, плотно контролируемое производство и распределение. Конфликт этот имеет отражение и в политических категориях — как конфликт между демократией и авторитарным или даже тоталитарным режимом.

В обществах западного типа обострению подобных конфликтов препятствует мощный, гибкий, замечательно жизнеспособный “средний класс”. Этот слой общества — с его неиссякаемыми предпринимательскими амбициями — истинный мотор рыночной конкуренции и основа политической демократии. В сегодняшней России “среднего класса” нет. Планово и целенаправленно его уничтожают всюду, где от мог бы появиться: в виде ли крупного фермерства или в лице новых предпринимателей в промышленности, строительстве, торговле. Для убийства все средства оказываются хороши: и бандитская налоговая политика правительства, и круговая порука взяточников-чиновников, и социальная демагогия радетелей о судьбах народа.

В России нет сегодня социальной основы для демократии. Намеренно и расчетливо ей не дают возникнуть. Ее подавляют как раз те силы — явные и тайные, — которые так ловко сумели расстаться с мертвой коммунистической доктриной, но сохранили право безраздельно распоряжаться всеми богатствами страны. Теперь они

Меняя правила игры...

хотят не только контролировать экономику, но и в прежних объемах восстановить свой контроль над обществом. И, видимо, это им удастся. Они многому научились. Они дадут возможность мелким собственникам накормить страну. Они прекрасно понимают, что сегодня прямо и грубо отвергать интересы общества нельзя. Но хотя “человеческий фактор” по-прежнему нельзя изъять из политических расчетов, оказывается, сегодня им проще манипулировать.

Вновь зазвучало: “Отечество в опасности”. Но если прежде опасность была мнимой, то теперь она вполне реальна: развал прежнего Союза, конфликты межнациональные и межгосударственные создают угрозу и самой российской государственности (а в прежних республиках — государственности украинской, грузинской, узбекской и т. д.). Экономический кризис грозит непредсказуемыми социальными столкновениями и беспорядками. Это ли не реальная опасность для Отечества? Добавим, что национальная “русская идея”, пребывавшая прежде как бы в состоянии некой политической дремы, теперь получает священную силу охранительного знамени...

Все! Перестройка успешно завершилась. Все цели, ради которых властные структуры начала восьмидесятых годов решились на реформы, — теперь достигнуты. Какой же режим в ближайшем будущем установят в России (и на Украине, в Узбекистане, в Молдове) те силы, которые сохранили в своих руках основные структуры государственной власти, сохранили монополию распоряжаться экономикой и контроль над социальными процессами? Судите сами. Можно было бы сказать, что это будет фашизм или что-то похожее на фашизм... Но в истории рискованно давать названия оперируя опытом прошлого. Если и фашизм но “нашенский”, российский, еще не виданный в истории человечества, еще не названный...

“Человеческий фактор” — это мы с вами. Мы и будем фашистами. Мы и будем до последнего дыхания противостоять фашизму.

Апрель 1992 г.

Кронид ЛЮБАРСКИЙ

РЕАБИЛИТАЦИЯ ПРОШЛОГО

10 октября 1991 года Верховный Совет Российской Федерации (тогда, впрочем, еще РСФСР) принял Закон о реабилитации жертв политических репрессий. 5 ноября закон был опубликован в "Российской газете" и, таким образом, вступил в силу в своей основной части, а с 1 декабря — полностью, включая статьи о выплате компенсаций реабилитированным. В марте 1992 года правительство разработало порядок выплаты компенсации и предоставления других льгот.

Я не буду здесь говорить о медлительности и недейственности закона — в этом отношении он ничем не отличается от большинства других российских законов. Не стану распространяться и о небрежности формулировок: огрехов в законе немало, но и в этом отношении он не исключение. Здание российского законодательства все более явственно приобретает черты временки — до первых морозов или до пожара.

Гораздо более меня волнует сам дух обсуждаемого закона, философия закона, принятого уже после Августа, после краха КПСС. Кого же и как решила реабилитировать победившая революция?

А БЫЛ ЛИ КГБ?

Для начала цитата.

Ст. 18.: "...Работники органов ВЧК, ГПУ—ОГПУ, УНКВД—НКВД, МГБ, прокуратуры, судьи, члены комиссий, "особых совещаний", "двоек", "троек", работники других органов, осуществлявших судебные полномочия, судьи, участвовавшие в расследовании и рассмотрении дел о политических репрессиях, несут уголовную ответственность на основании действующего уголовного законодательства".

Реабилитация прошлого

У вас нет ощущения, что здесь чего-то не хватает? Ну конечно: в длинном перечне зловещих аббревиатур отсутствует КГБ! С глубокой историей законодатели готовы расчитаться — а ВЧК давно уже только история, — но они не решились назвать по имени организацию, которая по-прежнему стоит рядом и “дышит в затылок”. Имя это, правда, недавно в очередной раз сменилось но структуры и люди остались практически нетронутыми. Портить отношения с бессмертной организацией народным депутатам не захотелось. Однако в законодательстве каждое слово — или его отсутствие — влечет за собой немаловажные последствия.

Заодно опустили и МВД, тоже еще не ушедшее в историю. Получается, что все сотрудники нынешних карательных органов, о которых можно предположить, что они еще живы и не находятся в сенильном состоянии, выведены из-под уголовной ответственности.

Даже в пределах нашего далекого от совершенства “действующего уголовного законодательства” очень многие работники “забытых” ведомств — и в первую голову КГБ — могли бы быть привлечены к ответственности по крайней мере по следующим статьям УК РСФСР: “Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности” (ст. 176), “Заведомо незаконный арест или задержание” (ст. 178), “Злоупотребление властью или служебным положением” (ст. 170), “Превышение власти или служебных полномочий” (ст. 171), “Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений” (ст. 135), “Нарушение неприкосновенности жилища граждан” (ст. 136). Я перечислил только те статьи, которые и по существу, и формально имеют прямое отношение к обсуждаемому закону, ибо касаются подготовки и осуществления политических репрессий.

Но ни для какой “уголовной ответственности” сотрудников КГБ наш закон места не оставляет. За все, что эта организация вытворяла над нами за последние почти 40 лет, она отвечать не должна. “Звери из ВЧК”, “ежовские” и “бериевские палачи” — этих наши законодатели готовы привлечь к суду, а тех, что сегодня ходят рядом, красуются на экранах телевизоров и служат новой власти с тем же усердием, что служили старой, — нет.

Впрочем, полагаю, что законодатели проявили излишне бережное отношение к КГБ. Что, например, с того, что в числе уголовно ответственных в законе названы судьи? Кто-нибудь собирается применить к ним этот закон?

Я вовсе не за то, чтобы карать их всех подряд — многие судьи, даже выносившие неправосудные приговоры, сами были жертвами режима. Но что прикажете думать о таком персонаже, как, например, член Мосгорсуда Владимир Богданов, на счету которого следующие (по крайней мере мне известные) жертвы политических процессов: Наталья Горбаневская, Ольга Иофе, Михаил Макаренко (1970 г.), Анатолий Краснов-Левитин, Надежда Емелькина, Дмитрий Михеев (1971 г.), Илья Глезер, Петр Старчик, Владимир Попов (1972 г.), Марк Нашпиц, Борис Цитленок (1975 г.), Андрей Твердохлебов (1976 г.)? Где его коллеги из Ленгорсуда, тоже профессиональные “политические” судьи Нина Исакова и Олег Карлов?

РЕАБИЛИТАЦИЯ “ТРОЕК”

Посмотрим теперь, как трактует Закон о реабилитации пресловутые “тройки” и другие “несудебные органы”, посредством которых смерть и каторга были поставлены на поток. С одной стороны, закон, как мы видели, объявляет участников этих органов уголовно ответственными. А с другой...

Ст. 4: *“Не подлежат реабилитации лица... обоснованно осужденные судами, а также подвергнутые наказаниям по решению несудебных органов, в делах которых имеются достаточные доказательства по обвинению в совершении следующих преступлений...”*

Прервем цитату. Неважно — каких преступлений! Важно то, что “несудебные органы” поставлены на одну доску с судами. Верховный Совет Российской Федерации фактически заявляет: несудебные преследования граждан вовсе не всегда плохое дело. Некоторые действия “троек” он и сегодня одобряет и с ними вполне солидаризуется.

А кто, собственно, будет решать, имеются ли “достаточные доказательства” в делах “троек” или нет? Кто в принципе имеет право это делать, кроме суда? Единственным правовым подходом было бы отменить все без исключения решения “несудебных органов” и сделать это по единственному основанию: эти органы — несудебные. Ибо, если следовать логике российских законодателей, в ряде случаев можно одобрить и суд Линча — тогда, разумеется, когда у линчевателей были “достаточные доказательства”.

Я понимаю если не логику, то настроения российских законодателей: ведь среди прошедших через “тройки” были и настоящие шпионы, и террористы, и военные преступники. Оправдать их невозможно, необходимо отвести от себя любой возможный упрек в солидарности с изменниками и убийцами.

Не буду напоминать законодателям старое доброе правило: лучше оправдать двадцать виновных, чем осудить одного невинного. Важнее другое. Предположим, что военный преступник, действительно замешанный в убийствах мирных граждан, предстал перед “тройкой” чекистов и ими на скорую руку осужден и расстрелян. Налицо столкновение двух преступлений: преступления человека и преступления государства. Что перевесит? Демократические, “послепутчевые”, законодатели вполне в традициях нашей несчастной страны предпочли государство.

В этой ситуации не хочется даже и говорить, что практическая “выгода”, ради которой был опозорен закон, просто жалка: жертвы “троек”, которых, не дай Бог, можно по ошибке реабилитировать, давно уж в могиле, в живых остались единицы. И если уж так необходимо покарать их вновь, то это дело прокуратуры: если она найдет в старых делах необходимые основания для преследования за преступления, по которым еще не истек срок давности, пусть возбуждает дело обычным порядком и направляет дело в суд.

Реабилитация же “троек” и “особых совещаний”, пусть косвенная, еще нам горько отзовется. Закон ведь не только разрешает практические коллизии. Он еще и воспитывает.

УБИЙСТВО ТИРАНА — ПРЕСТУПЛЕНИЕ?

А теперь вернемся к прерванному цитированию ст. 4 Закона о реабилитации и посмотрим, какие же преступления законодатели отнесли к “нерабилитируемым”. В длинном перечне есть и несомненные: например, военные преступления.

Но есть и такие, о которых стоит задуматься: “террористический акт, диверсия... организация бандформирований и участие в совершении ими убийств, грабежей и других насильственных действий”.

Не пугайтесь. Я знаю, что все мы воспитаны в активном неприятии насилия. Принцип ненасилия был основным принципом правозащитного движения, я сам — из того же выводка. Но вправе ли мы навязывать этот принцип другим?

Преамбула нашего закона провозглашает государство, существовавшее в годы советской власти, “тоталитарным” и констатирует, что оно вело против своего народа “многолетний террор”. Само по себе это не ново. Ново то, что на сей раз это провозгласил закон.

Так вот, позвольте прямо спросить: разве не является морально оправданной открытая борьба с тоталитарным государством, открытое сопротивление террору?

У чешского писателя Яна Дрды есть короткий рассказ “Высший принцип” о старом школьном учителе, получившем эту насмешливую кличку от учеников за пристрастие к моральным максимам. Дело происходит в немецком “Протекторате Богемия и Моравия”, который некогда был Чехией. Только что пришла весть, что два отважных чешских патриота казнили “протектора” Рейнхарда Гейдриха. Директор-коллаборант ждет от учителя, что тот в “должном” свете объяснит это событие ученикам. И старик, преодолевая смертную тоску, поднимается на кафедру и выкрикивает: “Дети! Вы должны знать: с точки зрения высшего принципа нравственности — убийство тирана не преступление!”.

Но никто не поднялся на трибуну Верховного Совета России и не произнес этих слов. Неужели, доведись нашему парламенту решать посмертную судьбу графа Штауффенберга, он и ему отказал бы в реабилитации? У нас своего Штауффенберга не было, но если бы и нашелся кто-то, осмелившийся и сумевший подложить бомбу Сталину, то по прямому смыслу пункта “а” ст. 4 нашего закона он тоже не был бы реабилитирован. На митингах мы охотно ставим на одну доску “красный” и “коричневый” фашизм, но, когда нужно сделать из этого практические выводы, оказывается, что “наш” тоталитаризм был недостаточно тоталитарен и бороться с ним следовало только листовками и открытыми письмами (и, наверное, лучше всего — в рамках “возврата к истинному ленинизму”?).

Закон ничего не детализирует, никаких различий не проводит: “террористический акт” есть террористический акт; “бандформирование” есть бандформирование — и только. Но не забудем, что закон имеет целью реабилитацию всех жертв политических репрессий начиная с 1917 года.

Если строго следовать букве закона (и если это закон, а не пустая декларация), то никакой реабилитации до скончания века не подлежат участники Тамбовского восстания (“Антоновщина”), потопленного в крови Тухачевским, Ижевского восста-

ния 1918 года, да и иных крестьянских и рабочих восстаний против большевиков: кронштадтские матросы, сгинувшие после "мятежа" в архангельских лагерях; белые офицеры, воевавшие против Красной Армии и позднее за это арестованные и уничтоженные; казаки, восставшие на Дону; прибалтийские "лесные братья" и уж конечно, "бандеровцы", державшиеся на тайной народной поддержке до начала 50-х годов; участники народного сопротивления на Кавказе и в первую очередь в Чечне, зеки, восставшие в лагерях и с оружием уходившие в тайгу, те самые, память о которых нам сохранили Шаламов и Солженицын; герои Кенгира и Воркуты. Забудьте о них. Все они совершали "насильственные действия", и нет им прощения во веки веков.

Многое из перечисленного перешло теперь в разряд проблем "ближнего зарубежья", которые худо-бедно, но пытаются там решить. Но и на долю России осталась немалая толика. Я допускаю, что кое-кого из приведенного списка все-таки реабилитируют "в порядке исключения", в духе привычного уже нам неуважения к собственному закону, который, как известно, что дышло, и который даже для добрых дел оставляет лишь незаконные пути.

Как такое могло получиться? Увы, объяснение очень простое. Наши законодатели (да и не одни законодатели), сколько бы они ни клялись в разрыве с тоталитарным государством, по-прежнему чувствуют себя плотью от плоти его. Пуповина не порвана до сих пор.

Да, в нормальном демократическом государстве ничто не может оправдать насилия как средства достижения политических целей. Но, не решаясь заявить, что на тоталитарное государство это не распространяется, наши законодатели тем самым признаются в своем глубинном родстве с ним. Угрозу такому государству они кожей ощущают как угрозу самим себе.

Между тем давно уже провозглашен и совершенно иной принцип. Приведу здесь паразитильную цитату из "Декларации независимости" США.

"Когда целый ряд оскорблений и узурпаций, неизменно направляясь к одной и той же цели, выявляет замысел правительства: подчинить народ абсолютному деспотизму, — правом и обязанностью народа становится свергнуть такое правительство".

Почему "отцы-основатели" не побоялись вывести на бумаге эти страшные слова? Потому что они твердо знали: их государство никогда не будет государством абсолютного деспотизма.

Наши "отцы-основатели" такой уверенности лишены.

РЕАБИЛИТАЦИЯ НЕ НУЖНА

Все сказанное выше, однако, не означает, что я предлагаю реабилитировать чохом все "бандформирования" и всех террористов — лишь бы они были "против советской власти". Такая реабилитация попросту невозможна.

Кровавая круговерть гражданской войны, годов террора и доносов, Отечественной войны сплела добро и зло в такой тугий узел, что распутать его не под силу никакому законодательству. Яркую иллюстрацию этому дают недавние события в

Реабилитация прошлого

Литве, связанные с реабилитацией “лесных братьев”. В ходе такой массовой реабилитации оказались “прощенными” и те, кто непосредственно участвовал в геноциде евреев в Литве. Мощное возмущение мирового общественного мнения заставило отменить реабилитацию в отношении целого ряда лиц.

То, что произошло в Литве, могло бы повториться и у нас — разве что наши “внутренние дела” не вызвали бы, пожалуй, такой же международной волны возмущения. Белые офицеры, ведшие справедливую борьбу против узурпации власти большевиками, нередко проявляли не меньше жестокости, чем красные командиры. Борцы за “освобождение народов России” не гнушались поддерживать своим оружием другой, столь же бесчеловечный тоталитарный режим. Читавшие книгу А. Приставкина помнят, какие зверства позволяли себе обе стороны во время народного сопротивления в Чечне...

Никому не под силу сформулировать принцип, по которому можно было бы безошибочно отделить в новейшей российской истории овец от козлиц, хороших от плохих, “наших” от “ненаших”.

Трудности, стоящие перед тем, кто вознамерился бы написать “справедливый” Закон о реабилитации, не ограничиваются проблемой насилия. Вот еще один пример.

Сейчас повсеместно обсуждается вопрос о “стукачах” КГБ. Те, кто прошел через политическое следствие в 60—80-х, знают, что это проблема отнюдь не только 30-х годов. Общее мнение склоняется к тому, что имена их нужно предать забвению, дабы не обострять гражданской напряженности в стране. В качестве оправдания приводится аргумент: “время было такое”. Вне зависимости от того, справедлива ли эта позиция или нет, она имеет свою логику. Но помимо нравственного аспекта здесь есть и юридическая сторона: значительное число “стукачей” тем самым априори реабилитируется — точнее, освобождается от уголовной ответственности — по крайней мере в связи с возможными обвинениями их по ст. 180 Уголовного кодекса (“заведомо ложный донос”; срок давности — 10 лет).

Но что нам делать в таком случае с многочисленными сотрудниками царской охраны? Известно, что в 20-е годы многие из них были судимы и осуждены за свою деятельность до революции (наиболее известный среди них — знаменитый предатель “Народной воли” Окладский), а соответствующая статья (58—13) сохранялась в Уголовном кодексе до конца 1960 года. Разве к царским агентам не применима та же логика, что и к нашим современным “стукачам”?

Более того, в пользу реабилитации агентов охраны можно найти и дополнительные аргументы: они в меру своих сил старались предотвратить приход к власти революционеров, ввергших страну в величайшую из катастроф. Им, пожалуй, надо медали выдать посмертно за заслуги в деле национального спасения, тем более что преемственность нынешней России по отношению к России дореволюционной сейчас охотно декларируется. И уж совершенно непонятно отсутствие этой категории лиц в Законе о реабилитации.

Я понимаю, что изложил абсолютно безнравственную позицию, но ведь логически она безупречна!

С такого рода коллизиями честный разработчик Закона о реабилитации вынужден был бы сталкиваться на каждом шагу.

Что же делать? Если узел добра и зла нельзя было распутать, его надо было разрубить.

Я полагаю, что справедливый Закон о реабилитации принципиально невозможен. Более того — он не нужен и даже вреден.

История знает много примеров реабилитации — конкретных лиц по конкретным делам. Но никто еще никогда до нашей страны и ее соседей по “рублевому пространству” не пытался провести такое амбициозное предприятие, как реабилитация всех и вся с момента основания государства. У нас и здесь нашелся “собственный путь”.

Можно ли вообразить, чтобы после крушения нацизма в Германии начали разрабатывать закон о реабилитации заключенных концлагерей, узников Дахау, Бухенвальда и Заксенхаузена? В ФРГ состоялись процессы по обвинению судей, выносивших изуверские приговоры по изуверским законам рейха, но никому не пришло в голову ставить кощунственный вопрос о реабилитации их подсудимых. Их невиновность была просто для всех очевидна. Франция тоже не реабилитировала политических жертв вишистской юстиции, а вот суды над коллаборантами были.

В конце концов даже большевики были логичнее и честнее. Они провозгласили “разрушение старого мира”, и им не приходило в голову реабилитировать, например, Владимира Ульянова по делу “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”.

И германские демократы, и большевистские антидемократы глубоко прочувствовали свой разрыв с прошлым (справедливо или нет. — в данном контексте неважно). Нам, к сожалению, до этого еще очень далеко.

В чем же была необходимость принятия Закона о реабилитации? В моральном оправдании жертв? Я лично вовсе не рассматриваю свои пять тюремно-лагерных лет как нечто меня позорящее и не нуждаюсь в прощении ни с чьей стороны. Думаю, что мое ощущение разделяют многие коллеги по Архипелагу.

Едва ли нужда в подобном законе объясняется желанием материально “компенсировать” страдания жертв.

Во-первых, эта компенсация по своим размерам просто жалка и несоответственна потерям, и с каждым месяцем ее реальная стоимость сокращается, как шагреновая кожа. Что ж, у страны нет средств, и я думаю, что большинство бывших политзеков готовы это понять и принять.

Во-вторых, даже в этом узко практическом вопросе закон поразительно несправедлив. Почему, например, компенсацию получают только “подвергшиеся репрессиям в виде лишения свободы”, а узники психушек и спецпсихушек, ссыльные и административно высланные — нет?

В-третьих, в конкретных условиях нашей несчастной страны есть нечто душевно дискомфортное в получении дивидендов с прошлых страданий. Одно дело, когда благополучная Германия, страна социальной справедливости, платит компенсацию всем узникам своих бывших концлагерей. Другое дело — у нас. Почувствует ли моральное удовлетворение, например, ныне благополучный академик Лихачев, получающий “компенсацию” за свое соловецкое сидение, ясно понимая, что какой-нибудь нечерноземный крестьянин, прошедший через раскулачивание, высылку, голод и доживающий сейчас жизнь на колхозную пенсию, не получит ничего, хотя его

Реабилитация прошлого

“вольная” жизнь была покруче соловецкой? А если и тянул срок — все равно не получит, ибо не был он “политическим”, а всего лишь попал под “закон о колосках”.

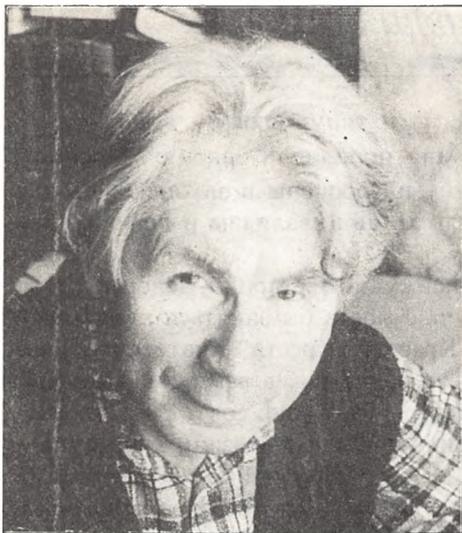
Неужели все эти вавилоны несправедливостей наворочены в законе лишь для того, чтобы предоставить бывшим зекам — да и то лишь инвалидам и пенсионерам — бесплатный проезд в метро и автобусе?

Многие бывшие репрессированные, особенно неимущие и старики, действительно сейчас нуждаются в помощи. Но этим гораздо лучше могла бы заняться какая-либо общественная организация типа “Политического Красного Креста” Екатерины Пешковой или Общества политкаторжан и ссыльных (может быть, в рамках “Мемориала”). Ей государство могло бы передать те средства, которые оно сочтет возможным истратить для проведения в жизнь Закона о реабилитации. Не связанная необходимостью сочетать милосердие с соображениями высокой политики и попытками юридической формализации, такая организация могла бы работать более человечно, чем наше пока еще не очень человеческое государство.

Принятый Верховным Советом России Закон о реабилитации жертв политических репрессий, как и многие другие новейшие российские законы, и прежде всего в экономической области, еще раз продемонстрировал, что природа нашего государства в основе своей пока не изменилась.

Пока с тоталитарным прошлым не будет разорвано решительно и бесповоротно, у нас будет не правовое государство, а всего лишь социалистическая законность с человеческим лицом.

Апрель 1992 г.

Юрий БУРТИН

ГОРБАЧЕВ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В начале 1991 года, последнего года правления Горбачева, о чем тогда ни он, ни кто-либо другой не подозревал, ибо находился он на вершине своей в тот момент почти диктаторской власти, я поместил в “Независимой газете” (за 17 января) статью “Горбачев”, жанр которой редакция определила как “политический портрет”. Содержание ее резюмировалось в следующих словах:

“Итак, что же такое Горбачев, если постараться в нескольких словах подытожить содержание его почти шестилетней политической (внутриполитической) деятельности?”

Это один из тех нередких в истории реформаторов, которые, начав за здравие, кончают за упокой; услышав голос времени и откликнувшись на него, не находят в себе, однако, достаточно любви и мужества, чтобы твердо ему последовать, на полпути пугаются, сворачивают, отступают и в результате не только портят благое дело, но и сеют новое зло.

Простая, в сущности, история. Вождь обветшавшей тоталитарной системы, чтобы повысить ее устойчивость, пытается несколько ее оживить и усовершенствовать, но теряет контроль над вызванными им процессами, которые текут уже своим ходом, выходя за предустановленные рамки. Тогда, вместо того чтобы увидеть в этом перст божий и радикализовать начатые преобразования, он после некоторого промедления, заполненного колебаниями между тоталитаризмом и демократией, направляет свои усилия на стабилизацию разваливающейся системы и сохранение привилегированного положения ее руководящего слоя. Поскольку нежелательные для него процессы тем не менее набирают силу, ему приходится употребить бездну ловкости и изобретательности, в том числе совершить, один за другим, несколько малых государственных переворотов. Они удаются, но когда все как будто возвращается в исходное положение

и полнота власти снова в его руках, на месте реформатора и в его обличье окружающие видят реакционера. Былые соратники покидают его, их место занимают беспринципные карьеристы. Да и самая власть его, которой принесено столько жертв, далеко не та, что была вначале. Лишенная общественного признания, она не может быть дееспособной (если не считать способности к насилию) и держится лишь на штыках. Какой бесславный итог!”.

Полтора года, истекшие с того времени, подтвердили эту оценку, но, с другой стороны, они же принесли и неожиданное развитие темы...

1

Последний год Горбачева закончился раньше своего календарного срока. Сначала, уже через несколько дней после своего отнюдь не триумфального возвращения из Фороса, Горбачев пал как генсек КПСС: ради собственного спасения вынужден был отречься от вскормившей и взрастившей его матери-партии, которой после этого не осталось уже ничего другого, как умереть. Затем, по прошествии еще трех месяцев, с исчезновением СССР рассыпалось и его президентское кресло. А в образовавшемся Содружестве Независимых Государств ему не предложено было никакой, даже номинально-почетной роли.

Почему так жестоко, так катастрофически проиграл этот властолюбивый и по-своему одаренный человек, великий тактик аппаратно-политических игр и битв?

Интересно было бы знать, что по этому поводу думает сейчас он сам, на кого запоздало гневается, о чем жалеет, за какие ошибки бранит самого себя. Странно ждать от него откровенных признаний на сей счет — не тот человек. Но боюсь, что и наедине с собой он не идет дальше шварцевского Дракона, чьи головы, потерянные им в сражении с рыцарем Ланцелотом, терзаются в предсмертной тоске: “Зачем, зачем я ударил его второй левой лапой? Второй правой надо было”. Если так, то это еще одна ошибка Горбачева, ибо не в неверной тактике было дело, а в порочной стратегии, которая, в свою очередь, определялась ложной исходной оценкой состояния “реального социализма” и возможностей его улучшения.

Улучшению, оздоровлению система не подлежала, исправить ее можно было лишь уничтожением. Поэтому ложной в своей основе была сама идея “перестройки” того, что уже обречено было историей на неперемный слом. Тут нужно было одно из двух: либо ломать, либо не трогать. Можно же было, в конце концов, и не трогать: в исторической перспективе обреченная, трухлявая и полусгнившая внутри, система какое-то время все-таки еще простояла бы, прежде чем рухнуть. Горбачев прав, когда говорит, что на его век запаса ее прочности могло бы и хватить.

Примечательно, однако, что заговорил да, вероятно, и подумал об этом он лишь тогда, когда все пошло вразнос и пути назад уже не было. Увы, все мы крепки задним умом. Мог ли он знать и могла ли предполагать партийная верхушка, давая своему новому лидеру мандат на “перестройку”, что позволить такие вроде бы неприципиальные вещи — разрешить критиковать Сталина и Брежнева, допустить второго кандидата на одно депутатское место (то и другое — под неусыпным контролем “аппарата”) — значило в недалеком будущем потерять свою власть?

Горбачев продолжается

Сейчас Горбачева порой спрашивают, знал ли он, чем все это кончится. И подсказывают желаемый ответ: ведь вы это предвидели, Михаил Сергеевич, ведь вы изначально желали такого результата? А Горбачев загадочно улыбается, по своему обыкновению позволяя понимать его и так и этак...

Да нет, не обманывайте себя, ничего он не предвидел. Он невинная жертва собственной неосторожности и общего для всех нас отсутствия исторического опыта, ибо ничего даже отдаленно подобного тому, что произошло (и продолжает происходить) в нашей стране, мировая история еще не знала. Вот теперь китайцы, быть может, учтут да, похоже, и учли уже наш опыт, давая свободу в зародыше, как это было сделано на площади Тяньаньмынь. В свою очередь, наш Центр попытался (в январе, марте, а всего решительнее — в августе) воспользоваться китайским примером, но было уже поздно. “Дайте, дайте мне начать сначала! Я вас всех передавлю!” — мучится голова Дракона. Но персыграть, начать сначала ни в частной, ни тем более в общественной жизни не дано никому.

Начали мелкую “перестройку” “реального социализма” — получили антисоциалистическую революцию, всеобщий обвал системы. Конечно, когда, по излюбленному выражению Михаила Сергеевича, “процесс уже пошел”, существовала — теоретическая — возможность, что инициатор перестройки возглавит эту революцию и вместо того, чтобы сдерживать, двинет ее вперед. Тогда, наверное, и Союз бы сохранился, и не было бы большей части нынешних экономических бедствий, и нравственная атмосфера в обществе была бы совсем иной. Но применительно к Горбачеву вероятность этого была примерно такова, как если бы Драгон превратился в рыцаря Ланцелота.

Я начал с того, что Горбачев проиграл, сошел со сцены. Во всяком случае, с большой сцены, где политику делают, переместился на маленькую, где в нее играют. Похоже, что так (если только нет, — а я не поручусь, что нет, — в его скромном пенсионном существовании какой-то активной закулисной стороны). В каком же смысле “Горбачев продолжается”?

Ну, прежде всего, в том очевидном смысле, что продолжают на территории бывшего Союза те общественные процессы, которые, начавшись при нем и будучи им вызваны или усилены, не могли закончиться с его уходом, а текут уже по своим внутренним законам. Так, полным ходом идет процесс национально-государственной дезинтеграции, обозначая свое течение все новыми очагами затяжных межнациональных распрей. Карабах, Южная Осетия, Молдова, Татарстан... кто следующий? Только сейчас в полной мере мы пожинаем плоды и экономической политики Горбачева—Рыжкова—Павлова (в частности, через жестокость стабилизационных мероприятий кабинета Е. Гайдара). Разрушение неэффективного, хищнически затратного, но все же как-то работавшего хозяйственного механизма планово-распределительной экономики и вместе с тем упорное блокирование реального перехода к рынку, нежелание легализовать частную собственность в сочетании с интенсивным разворыванием государственной, с крупномасштабной перекачкой народных денег в карманы бюрократического псевдобизнеса и за границу привели и без того тяжело большую советскую экономику в состояние, близкое к параличу и хаосу. Так что когда вы приходите в магазин и видите, что уже и простой черный хлеб вам не по средствам, то первую свою благодарность можете принести именно Горбачеву и той партийной номенкла-

туре, которая сейчас ораторствует на антиправительственных, антиельцинских митингах от имени “голодных очередей”.

Однако если бы “продолжение” сводилось к неизжитым последствиям того, чего уже нет, — это было бы еще полбеды. Важнее и хуже другое: Горбачев продолжается и в том новом, которое пришло ему на смену и которое нас окружает в послегорбачевском, послевгустовском мире.

Полгода, которые прошли с момента нашей августовской победы, — достаточный срок, чтобы можно было подвести некоторые итоги. Кто как, а я встретил этот микроюбилей с чувством горечи, все более заполняющим душу.

Горечь эта — не от “обвального” ухудшения нашего и прежде бедственного бытия и не от того, что облегчение наступит, конечно же, нескоро. Ни то, ни другое, понятно, не радует, но с неизбежного какой же спрос? А то, что в этой области не является неизбежным, объясняется ошибками нынешнего правительства, — то вызывает какие-то другие чувства. Горечь — от ощущения некоего нового общего неблагополучия в нашем “датском королевстве”, не только и даже не столько материального. Главным образом скорее нравственного, то есть политического. Оттого, что всего через полгода после пронесшейся очистительной бури, все уже снова затянуто тиной. И все более явственно пахнет гнилью. Революция, которая на протяжении последних трех лет несколько раз начиналась и уходила в песок, наконец-таки состоялась, победила, но по прошествии недолгого времени оказалась как бы украденной, и в обществе быстро нарастает настроение обманутости, разочарования.

Говоря “Горбачев продолжается”, я имею в виду, что ни в характере государственной власти, ни — шире — в системе общественных отношений не произошло кардинальных, решающих изменений; то, что есть, соотносится с тем, что было при Горбачеве, таким образом, что более всего подходят слова “сохранение”, “продолжение”, “наследование”.

Да, сменился политический (а тем более идеологический) ландшафт. Нет КПСС, КГБ, союзного Центра с бесчисленными его министерствами и ведомствами. Но воодушевление, испытанное по этому поводу множеством людей, в том числе и автором этих строк, сильно убавилось за последние месяцы.

Почему? Да потому, что все, чего, как только что сказано, “нет”, не умерло, не исчезло совсем, а только ревоплотилось и благополучно продолжает жить в новых формах, под новыми наименованиями. Как в распространенном сказочном сюжете о чудесных превращениях: допустим, сокол гонится за вороном, а тот вдруг ударяется оземь и превращается в горох, который, раскатившись по всем углам, западает в щели и за половицы. Нет КПСС, зато есть партия Руцкого, Движение демократических реформ, Научно-промышленный союз, Всесармейское офицерское собрание и пр. и пр. Нет КГБ, зато есть российская служба безопасности — с тем же самым штатом и с той же главной резиденцией на Лубянке. Нет союзных министерств, но они целиком перелились в российские — министерства, государственные концерны, ассоциации и т.п.

Словом, нет одних, других, третьих конкретных общественных институтов, но сохранилось то, что составляло их общую почву, их социальное содержание. А именно: в нетленности сохранилась, за совершенно единичными исключениями, вся старая номенклатура, весь тот правящий слой, который М. Джилас когда-то назвал “новым классом” социалистического общества. Все эти люди в полной мере сохранили свое

привилегированное положение. Те, что в годах, — на заслуженном отдыхе. за непроницаемыми заборами своих дач, размерами и архитектурой заставляющих вспомнить загородные дворцы сановников прошлого века. Ну а более молодые — те либо у руля современных коммерческих структур, предусмотрительно созданных ими на партийно-государственные средства, либо, еще проще, в новых, под трехцветным флажком, структурах российской власти. Как же, ведь они профессионалы управления, у них опыт! С успехом руководили развитым социализмом, затем шесть лет его перестройкой, — кому ж, как не им, возглавить теперь возведение на том же месте светлого здания отечественного капитализма? Прав Борис Николаевич, такими кадрами мы разбрасываться не можем...

Конечно, этот прежний “новый класс” не остался неизменным — хотя бы в том смысле, что он принял в себя большое пополнение в виде выдвинувшей победившей демократии. Между этими двумя группами правящего слоя есть свои различия, есть определенная конкуренция, проявления которой то и дело привлекают общественное внимание. Тем не менее новый “новый класс” уже в значительной степени ассимилировался старым “новым классом” и отношения их определяются пословицей: “Ворон ворону глаз не выклюет”.

Нет, я вовсе не ставлю под сомнение чистоту побуждений многих и многих “новых людей”, честно и с полной отдачей работающих в структурах законодательной и исполнительной власти. Но погоды они не делают, течение государственных дел лишь в очень слабой степени зависит от их усилий. Независимо от своих должностей, все они, включая президента, в сущности, не более как заложники и пленники в руках реального хозяина страны — гигантского бюрократического аппарата, который был и остается таковым, несмотря на все идеологические и политические перемены. Более того: если и прежде он был непомерно велик, то нынче он разрастается с особой быстротой. Одно из неоспоримых свидетельств тому — судьба огромного числа зданий, принадлежавших ЦК КПСС, московскому горкому, обкому и райкомам: все они как и здания бывших союзных министерств, оказались заполнены чиновниками российских ведомств, которые, между прочим, и раньше имели крышу над головой.

Человек же, если это обыкновенный, рядовой человек по-прежнему мал и бессилён перед государственной машиной. У себя на работе он бессилён перед начальником, в магазине — перед продавцом, в ЖЭКе — перед водопроводчиком, в поликлинике — перед врачом, в “правоохранительных органах”, в префектуре, мэрии, райисполкоме — перед любым чиновником. Как был, так и остается никем и ничем. Это продолжающееся всеобъемлющее бесправие “советского человека”, ежедневно отравляющее его жизнь, настолько привычно и “естественно” для нас, что даже организации, занимающиеся правами человека, не видят здесь предмета для своего интереса.

Но если правящие и те, кем правят, остались в прежнем положении и в прежних отношениях между собою, значит система “реального социализма” продолжает существовать и в основах своих остается неизменной.

Мне могут возразить, что полгода — слишком короткий срок для коренного преобразования социально-экономических основ жизни общества. Это верно. Но, во-первых, он вполне достаточен, чтобы тенденция к такому изменению, если она есть, успела обнаружиться с полной очевидностью. А во-вторых, если мы возьмем и

область, в которой динамика общественных перемен должна была бы сказаться всего скорее, — я имею в виду характер государственной власти, — то увидим, что даже здесь старого гораздо больше, чем нового. Хоть “устарела старина”, но “старым бредит новизна”. Не без определенных ограничений и с обязательной оговоркой, что дело тут вовсе не сводится к личностям, отношение старого к новому в Кремле я бы выразил словами: Горбачев продолжается в Ельцине.

Конечно, Ельцин не Горбачев: и характер другой, и историческая роль иная. И все же есть, более того, нарастают опасные для Ельцина черты сходства. Ограничусь кратким указанием на несколько пунктов, в которых присутствие “горбачевского начала” едва ли может быть оспорено.

Когда Ельцин после Августа и окончательного распада СССР начинает с того, что заявляет претензию на “единоличное” правопреемство России по отношению к Союзу, когда он грозит новым соседям территориальными претензиями, переделом границ, когда он в тоне ультиматума разговаривает с национальным движением в Чечне (этот перечень может быть продолжен), — он выступает как продолжатель великодержавно-централистской политики Горбачева. И, подобно Горбачеву, вызывает обратный эффект, так сказать, порождает Кравчука и Дудаева.

Когда исполнительная власть в новой России (будь то Ельцин, или Попов, или Собчак) отодвигает и подминает под себя представительную (достаточно вспомнить отсрочку выборов в местные Советы и назначение президентом глав администрации краев и областей) — это опять-таки наследие Горбачева.

И главное: когда Ельцин после долгого промедления принялся за экономическую реформу, то он взялся за нее опять-таки по-горбачевски. Сходство — в нескольких важных пунктах.

Во-первых, как Горбачев назвал “революционной перестройкой” то, что задумывалось всего лишь как мелкий ремонт социалистического строя, так же и Ельцин именует “радикальной экономической реформой” то, что пока в основном не выходит за пределы упорядочения финансовой системы в рамках прежней государственной экономики. А то, что действительно могло бы стать радикальной экономической реформой, смсной системы общественных отношений, — широкая, кругномасштабная приватизация, — все откладывается и откладывается на неопределенное будущее. Тем временем, как об этом уже множество раз говорилось в нашей печати, полным ходом идет “приватизация” номенклатурная. Правительственная же программа с заложенным в нее предубеждением против передачи предприятий в собственность их трудовых коллективов воздвигает на пути реальной приватизации ряд искусственных препятствий и тем самым объективно способствует этому наглому самозахвату государственной собственности партийно-бюрократической мафией. Такое впечатление, что, создавая свою архирыночную программу (архирыночную по форме, социалистическую по содержанию), А. Чубайс пользовался добрыми советами старших товарищей — Горбачева, Рыжкова, Абалкина.

Во-вторых, подобно перестройке, “радикальная экономическая реформа” мыслится и осуществляется исключительно как “революция сверху”. Ее проводит исключительно государство, главным образом в лице центральной власти, разрабатывающей и принимающей на сей счет соответствующие законы, указы и постановления. Крупнейшая стратегическая ошибка ельцинского руководства, которая может ока-

заться для него и для всех нас роковой, состоит в том, что он все берет на себя. На практике это означает, что исполнение законов и распоряжений правительства, касающихся реформы, поручается той же самой бюрократии, коготорой она не нужна, враждебна, ибо лишает ее власти и основного источника ее доходов, законных и незаконных. Но даже если бы это было не так, рынок, то есть саморегулирующаяся экономическая система, основанная на самодеятельности, на частном интересе. — такая цель в принципе недостижима, если ее достижение целиком отдано в руки “аппарата”, пользующегося единственно доступными ему административными методами.

В таком подходе к проведению экономической реформы проявляется то, что всегда было свойственно советским руководителям — неуважение к народу, к его уму и опыту, нежелание и неумение увидеть в народе не только объект, но и субъект кардинальных общественных преобразований. Иначе говоря — недостаток демократизма. Недостаток, свойственный, конечно, не только властям, но глубоко характерный для современного общественного сознания и даже находящий своих теоретиков и певцов в среде “либеральной” публицистики (А. Мигранян и др.). Ельцину он еще менее простителен, чем Горбачеву, который хотя и произносил по временам слова о демократии, никогда всерьез не претендовал на роль демократического лидера.

Названный дефект многообразно проявляется в деятельности нового руководства России, притом не только в тех или иных конкретных решениях, но и, так сказать, в самом стиле его политического поведения. Говорят: “Стиль — это человек”. Применяя это к политике, можно сказать: стиль политического поведения руководства страны есть характеристика существующего в ней общественного устройства.

Так вот, приходится признать, что и в этом отношении новая власть в Кремле мало отличается от прежней.

В самом деле, чем, если не катастрофическим (и нарастающим) дефицитом демократизма, можно объяснить тот факт, что ни одно важное государственное решение, касающееся судеб миллионов людей, не становится до своего принятия предметом сколько-нибудь серьезного общественного обсуждения? Почему все они готовятся за закрытыми дверями правительственных и парламентских кабинетов и выдаются населению, как монаршая воля? Почему, например, не вынесен на широкое обсуждение такой поистине решающий для судеб страны вопрос, как пути и формы приватизации, более глубоко затрагивающий интересы каждого человека, чем, скажем, проблема введения президентства? Почему его решение отдано в руки маленькой кучки каких-то молодых людей (вышеупомянутый А. Чубайс и др.), о которых полгода назад никто и слыхом не слыхивал и чьи способности руководить этим делом решительно ничем не подтверждены?

Любопытная вещь: взаимоотношения власти с народом мыслятся у нас только в виде двух возможностей — пренебрежения к его мнению (этим порой даже бравируют как проявлением твердой политической воли) или заискивания перед ним, а чаще — смеси того и другого. Народа побаиваются, ему хотят нравиться, порой адресуясь к предрассудкам и далеко не лучшим чувствам малосознательных слоев населения, но обращаются с ним, как с маленьким ребенком, который не понимает собственных интересов и которого нельзя допускать к важным государственным делам. То, что народ может быть не глупее своего президента, своих министров, депутатов, “полит-

ологов” и пр. и что поэтому нужно не только “разъяснять” ему смысл правительственных мероприятий (верх демократизма в представлениях многих наших политиков), но и спросить у него совета, прислушаться к его мнениям, — решительно не приходит им в голову. Боже мой, как это все знакомо! Не так ли Сталин проводил индустриализацию и коллективизацию, Хрущев — повсеместное внедрение кукурузы, а Горбачев-Лигачев — антиалкогольную кампанию?

По-прежнему остаются тайной за семью печатями численность государственного аппарата (как общая, так и по отдельным институтам управления), динамика ее изменения, персональный состав людей, составляющих ныне высший эшелон власти (администрация президента, министры, их заместители и др.), биографические сведения о них, расходы на содержание государственного аппарата, размеры должностных окладов депутатов и чиновников различных уровней, привилегии, которыми они пользуются. Сейчас, когда у нас по любому, даже куда менее значительному поводу ссылаются на авторитет Запада, почему бы не позаимствовать тамошней открытости во всех подобных вопросах, дающей налогоплательщику исчерпывающую информацию о том, на что и как расходуются его деньги? Почему наш налогоплательщик получает на сей счет не полную и точную статистику, а в лучшем случае результаты разрозненных и случайных журналистских прорывов в эту окутанную туманом область? И почему с приходом новой власти оказалась свернутой даже та в высшей степени скромная официальная борьба с привилегиями, которая началась было в 1989 году под массовым напором снизу? Увы, причина всему этому одна, и понять ее нетрудно.

А чего стоят такие детали, как печально знаменитый указ президента России о введении чрезвычайного положения в Чечне, с запрещением митингов и забастовок, подписанный всего через два месяца после аналогичного распоряжения ГКЧП! А выселение тех же чеченцев (только за то, что они чеченцы) из московских гостиниц, произведенное по команде “демократа” Р. Хасбулатова, которое ревностно исполнил шеф столичной милиции “демократ” А. Мурашев! А применение ОМОНа (созданного Горбачевым для разгона демонстраций) против демонстрации политических противников Ельцина 23 февраля 1992 г. в Москве! А удивительная небрежность, позволяющая нашим новым руководителям занимать те же кабинеты и разъезжать на тех же роскошных бронированных лимузинах, которыми раньше пользовались члены Политбюро!.. Все это нечто большее, нежели просто нехватка политического такта, — это символика преемственности, знаки сохранения и продолжения того, от чего отрекаются на словах.

И еще одно характерное обстоятельство, непосредственно унаследованное нашим временем от эпохи Горбачева, — гарантированная безнаказанность для влиятельных преступников.

Все еще хорошо помнят, как отличался по этой части бывший глава государства. Как никто не ответил за Афганистан, как остались даже неназванными имена тех, кто организовал зверские погромы в Сумгаите и Фергане, кто отдал приказ давить танками жителей Баку. Как ставленник Горбачева генеральный прокурор СССР Трубин не усмотрел состава преступления ни в давнем расстреле рабочих Новочеркасска, ни в новейших подвигах того же рода, совершенных в Тбилиси и Вильнюсе. Как было пресечено расследование в отношении Лигачева, Соломенцева и других

Горбачев продолжается

высокопоставленных партийных функционеров по обвинению их во взяточничестве, зато те, кто настаивал на таком расследовании, чуть было сами не были упрятаны за решетку. О, как умели Горбачев с Лукьяновым обдѣлывать подобные дела: отмалчиваться, отдѣлываться успокаивающими фразами и кивками, наконец, если давление общественности оказывалось слишком настойчивым и сильным, создавать комиссию во главе с каким-нибудь своим человеком и таким образом уже окончательно, на законном основании прятать концы в воду!

Во всех подобных историях Горбачев неизменно играл одну и ту же роль — “крестного отца” всесоюзной партийно-бюрократической мафии и даже не употреблял слишком больших усилий к тому, чтобы это скрыть. Лишь постепенно мы начинаем отдавать себе отчет в том, сколь дорого обошлась нашему обществу эта “другая сторона” Инициатора перестройки, равно как и наша великодушная терпимость к ней.

Может быть, ничто так не вредит состоянию общественной нравственности, как обеспеченная возможность и заведомая безнаказанность преступления. И, конечно, пример власть имущих в таком смысле всегда особенно заразителен. Поговорка “что сходит с рук вора, за то воришек бьют” верна лишь отчасти. Не менее верно и другое: бестревожное процветание крупных “воров” поощряет и делает неуязвимыми и мелких, “бьют” же в подобных случаях главным образом честного человека.

Притом, когда у власти находится лицо типа Брежнева, от которого никто не ждет ничего хорошего и которое даже и не претендует на какой бы то ни было общественный авторитет, то уже само это обстоятельство в определенной мере ограничивает его развращающее воздействие на ближних и дальних. Хуже и опаснее разврат, выступающий в облачении реформаторства и прогрессизма: он еще и дезориентирует, сбивает с толку. Укрыватель преступников в мантии провозвестника законности, строителя “правового государства” — это ли не ловушка для слабых сердец! Понятия о добре и зле в подобных ситуациях спутываются, смешиваются и оба эти начала поневоле начинают казаться неразделимыми: радуешься первому — мирись со вторым. Но прощать то зло, от которого страдаешь ты сам, и то, которое приходится терпеть другим людям, — сугубо разные вещи. На протяжении семи лет Горбачев приучал нас “прощать” чужую боль, мириться с безнаказанностью зла и этим, как, может быть, ничем иным, повредил наши души.

Послеавгустовское же полугодие и в этом отношении явилось продолжением “эпохи Горбачева”.

Особенно красноречива судьба КГБ, учреждения, которое, наравне с гитлеровским гестапо, стало для всего мира главным символом преступного, палаческого режима. Стоит, как стоял, гранитный бастион на Лубянке, через который ушли в небытие миллионы людей. Правда, вывеску и тут поменяли, но в остальном все на своих местах: и сотрудники, за единичными исключениями, прежние, и работа у них все та же. Если бы после Августа мне кто-нибудь сказал, что новая власть сохранит КГБ, в том числе в ее прежних главных функциях тайной полиции, службы политического сыска, что ни с кого и ни в какой форме не спросят ни за чудовищные злодеяния сталинских времен, ни за сравнительно недавние преследования правозащитников 70-80-х годов, за Солженицына и Сахарова, за Марченко и Григоренко, — я считал бы такое пророчество злобной клеветой. Между тем это так.

Сразу после Августа, как только возникла тема ответственности за участие в путче, затрагивавшая и КГБ, и руководство КПСС, и те право-экстремистские организации, которые открыто выступали (а сейчас и вновь выступают) панегиристами военной диктатуры (группа "Союз", общество "Память" и другие группировки ультра-шовинистического и национал-социалистического типа), — тут же в печати, по телевидению, в стенах российского и союзного Верховных Советов, словом, везде поднялись предостерегающие голоса: "Да, конечно, виновные должны быть наказаны. Но только те, кто прямо и непосредственно... Избави боже расширять этот круг! Никакой охоты на ведьм!". В первый момент, когда еще неизвестно было, как развернутся дальнейшие события, предостережение это могло показаться нелишним. Но дальше пошло уже нечто удивительное. Хотя решительно никого, кроме нескольких главных заговорщиков, и пальцем не тронули, упреждающие протесты против преследований которые вдруг — а все-таки, чего доброго — могут начаться, поднимались все выше и вскоре слились прямо-таки в истошный крик. Полузабытое слово "ведьма" на некоторое время стало одним из самых употребительных в русском языке. Это была своего рода превентивная психическая атака, и она увенчалась полным успехом: вместо того чтобы разоблачить эту довольно-таки дешевую уловку, демократы вполне на нее попались и стали оправдываться в том, в чем не успели провиниться ни делом, ни помышлением.

Слава богу, сегодня их никто уже и не подозревает в подобных дурных намерениях. По прошествии полугода полностью выяснилось: мы живем в прекрасной стране, где согласно официальному подсчету 80 процентов населения оказалось за чертой бедности, но зато богатые стали намного богаче. В стране, где по определению Белинского, звучащему сегодня как никогда уместно, "нет даже полицейского порядка а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей". В стране, где любой преступник, как прежних, так и нынешних времен, может чувствовать себя в полнейшей безопасности. В "стране нераскрытых убийств" (заголовок из какой-то недавней газеты) и поспешно закрываемых уголовных дел. Убийство о. Александра Меня громадной эрудицией, талантом проповедника, а главное — истинностью своей веры составлявшего слишком неблагоприятный фон для церковных иерархов, рукоположенных в КГБ и ЦК КПСС. Вереница подозрительных самоубийств людей, которые слишком много знали о движении "партийных" миллиардов — подозрительных для всякого, но только не для Генерального прокурора России В. Степанкова. Все это быстренько сдано в архив. В условиях, где коррупция всеобъемлюща и повсеместна, — ни одного сколько-нибудь значительного дела о коррупции! Во всяком случае, я что-то не припомню ни в печати, ни по телевидению репортажей с процессов по подобным делам. А когда все же как-то всплыла много-миллионная афера с концерном "КОЛО", украшенная такой подробностью, как подарок в 10 миллионов рублей Л. Кравченко, прямому соучастнику путчистов, — тот же В. Степанков немедленно простер над высокопоставленными махинаторами свою предохраняющую длань.

Впрочем, что говорить о Кравченко, если и самих членов ГКЧП вот-вот выпустят на свободу... Считается, что до суда. Но будет ли суд? Любопытный материал для ответа на этот вопрос дает сопоставление двух интервью, взятых одним и тем же корреспондентом "Известий" Валерием Рудневым у одного и того же лица —

Горбачев продолжается

руководителя следственной группы по делу ГКЧП, заместителя Генерального прокурора России Е. Лисова, но с разрывом в полтора месяца. Вот выдержка из первого.

— Евгений Кузьмич, дело все таки пойдет в суд?

— Конечно. По крайней мере со стороны следствия препятствий к этому нет...

— Но не все разделяют вашу уверенность. Некоторые политологи считают: судьба заговорщиков — в руках высшего руководства России. Как они решат (исходя из политической конъюнктуры), так и будет. Могут предать гласному суду, но могут и спрятать концы в воду. Например, амнистировать побежденных...

— Все это досужие разговоры. (*"Известия", 1992, 13 января*).

А вот — из второго

— Доберемся ли (до суда, — Ю. Б.) вообще?

— Меня больше всего и беспокоит, что судьба уголовного дела, возможно, будет зависеть от политической конъюнктуры.

И чуть ниже — о том, что следствие "подталкивают" (подразумевается — свыше, со стороны "политиков, руководителей государства") "проявить жалость к пожилым людям, которые в моральном плане, мол, получили уже очень суровое наказание". (*"Известия", 1992, 2 марта*).

Прямое подтверждение тому, что еще несколькими неделями раньше отрицалось. И уже закрыто (опять-таки за отсутствием состава преступления) дело об убийстве Дмитрия Комаря, Ильи Кричевского и Владимира Усова. Помните ли их портреты впереди бесконечного траурного шествия к Ваганьковскому кладбищу? Помните ли свои слезы, сквозь которые смотрели на их прекрасные молодые лица? Помните? Ну так поскорее забудьте, потому что и в их гибели, оказывается, никто не виноват (см. *"Известия", 1992, 17 февраля*). Одни не виноваты потому, что выполняли приказ, другие, те, что стояли во главе пучка, лично никого не убивали...

Что это, если не надругательство над бескорыстием защитников Белого дома, над памятью погибших? Что это, если не стовор старых и новых властей?

Круг, таким образом, замкнулся. Демократическая революция в нашей стране после нескольких неудачных попыток наконец, состоялась, добилась победы — и почти сразу же утратила ее плоды. Хуже того — переродилась, тем самым опошлив и скомпрометировав само понятие "демократия", подорвав доверие к тому, что только и может нас спасти.

2

Все вышеизложенное заставляет спросить себя: почему так произошло? И почему перерождение, заблачивание пошло столь быстро, во много раз быстрее, чем нечто подобное совершилось в нашей стране после Октября? Что и кто тому виною?

В качестве объективной причины здесь на первом месте должна быть названа поразительная живучесть системы государственного социализма, явным образом недооцененная ее противниками. До поры до времени нам казалось, что застойность, экономическая неэффективность этой системы равнозначна ее непрочности. Предстояло убедиться в обратном, в том, что неспособность к прогрессивному саморазвитию сочетается в ней, как и в ее правящем классе, с высоким искусством видоизменения. Система-змея, одним движением сбрасывающая с себя старую (в частности марксист-

стско-ленинскую) кожу и недурно чувствующая себя в новой. Система-ящерица, ускользящая от преследователя, оставив у нее в руках только свой хвост. Система-оборотень, умеющая как угодно менять свой внешний облик, сохраняя суть. Пока поборники демократии не научатся, не обольщаясь сменой фраз, вывесок и эмблем, улавливать эту суть в любом из перевоплощений системы, они всегда будут оставаться в дураках.

Что касается факторов, которые можно считать субъективными, то один из них — Ельцин.

Слава богу, Ельцин в гораздо меньшей степени политик, чем Горбачев, — в том дурном смысле, в каком этот деятель всегда воплощал в себе искусство политики, то есть в смысле свободы от нравственных правил, в смысле лицемерия, хитрости, обмана, безразличия к жизни и судьбам рядовых людей. Иными словами, по природным задаткам своей натуры Ельцин гораздо лучше Горбачева. Тем не менее сам он, по-видимому, не дорожит этим преимуществом, не относит того, что возвышало его над соперником, к разряду политических ценностей. Более того, в политике он всегда ориентировался на Горбачева, который, похоже, оставался для него авторитетом даже в периоды наибольшей остроты их отношений. Их взаимоотношения отчасти напоминали отношения ученика с учителем. Причем учитель всегда умел пользоваться этим, а ученик никогда не мог преодолеть своей духовной зависимости от него. То, что Горбачев не был полностью нравственно оторгнут Ельциным, составляет неизбывное несчастье последнего и едва ли не главный источник его морального поражения.

В чем тут дело? В отсутствии твердых нравственных принципов, иначе говоря — в том же недемократизме, в невыработанности демократического сознания. Горбачеву оно всегда было чуждо. В Ельцине демократ стихийно проснулся в пору ломки его личной судьбы, но этот особый, ситуационный демократизм павшего ангела номенклатуры, не будучи органическим и многосторонним, не смог оказаться и достаточно прочным.

Приход к власти и тем самым приближение к Горбачеву оказали Ельцину дурную услугу. В одной из статей прошлого года я отмечал, что, подписав соглашение "9+1", Ельцин слился с Горбачевым и как бы растворился в нем (*"Демократическая Россия", 1991, 10 мая*). Но то, что тогда было лишь эпизодом, хотя и симптоматичным, в дальнейшем превратилось в норму. И, как ни странно, в полной мере обнаружилось тогда, когда учитель-соперник сошел со сцены...

И все же, если говорить об ответственности за фактическую утрату августовской победы, за все, что нынче переживает Россия, то главный-то спрос, конечно, не с Ельцина, а со всех нас. В первую голову с тех, кто считается демократами и относит себя к русской интеллигенции.

Вспомним недавнее, еще не успевшее забыться.

Было такое время — после Праги, после ликвидации "Нового мира", высылки Солженицына, ошельмования Сахарова, после ареста или изгнания всех активных правозащитников, — когда интеллигенция у нас снова, как и при Сталине, перестала быть общественной силой и как бы исчезла. Были ученые, артисты, даже писатели, были отдельные образцы достойного поведения, но интеллигенции — в русском,

Горбачев продолжается

гражданственном смысле этого слова — не было. И, казалось, не будет уже никогда: все заглушено, вытоптано, выбито.

И вдруг с началом перестройки это мрачное представление оказалось опрокинутым. Откуда что взялось! Как из-под земли, выросли сотни и тысячи новых, ранее никому не ведомых людей, зазвучали горячие речи, явились ораторы, публицисты, аналитики. “Младшие научные сотрудники” потеснили в общественных сферах и учреждениях академиков, хотя и те, пусть далеко не все, в свою очередь, задвигались, осмелели, помолодели. Нет интеллигенции? Да вон ее сколько, один другого интереснее, умнее, острее, талантливее! И вот уже готова когорта новых политиков — сначала в лице активистов клубов избирателей, затем депутатов, лидеров молодых партий и движений, наконец, председателей обновленных Советов, министров, госсоветников, мэров...

Неожиданно ожили хрестоматийные некрасовские строки:

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —
Встали — небужены,
Вышли — непрошены,
Жита по зернышку
Горы накошены!

Где сейчас это жито? Как на худом колхозном току, под дождями и снегом, оно отсырело, почернело и уже не годится ни на муку, ни на посев. Не то ли произошло и с нами? — с той разницей, что зерно не виновато, когда теряет качество у нерадивых хозяев, человек же сам себе голова, и ему не на кого переложить ответственность за ухудшение качества своей души.

Наша, и ничья больше, вина в том, что слово “демократы” употребляется нынче либо в кавычках, либо с присовокуплением “так называемые”, либо просто в бранном смысле и переиначивается в “дерьмократов”. Это справедливое возмездие за то, что, за очень редкими исключениями, все мы действительно оказались никудышными демократами. Едва получив возможность восстановить честь русской интеллигенции, мы очень скоро, за какие-то три—четыре года, снова ее и потеряли. И произошло это на сей раз не под дамокловым мечом государственного террора, а в обстановке относительного благополучия и практически полной свободы.

Как произошло? Очень незаметно и постепенно, притом решающую роль сыграли вещи, вроде бы не имеющие отношения к политике.

Мы оказались падки на успех, на свет телевизионных юпитеров, на вдруг широко открывшиеся возможности печататься, давать интервью, ездить за границу — выступать там на всевозможных симпозиумах и “круглых столах”, читать лекции о перестройке в Гарварде и в Сорбонне. Только и слышно было о наших “прорабах перестройки”: “он сейчас в Англии”, “она завтра прилетает из Швеции”, “на следующей неделе они все уезжают в Барселону”... В Барселону ездили много чаще, чем в Тулу или Кострому. А поездка за границу из страны всеобщего дефицита —

это и возможность что-то купить, да и сотня долларов по нашей нищете — дело совсем не лишнее.

Что тут было плохого? Раньше за рубеж ездила лишь партократия, притом за государственный счет, почему бы и “младшим научным сотрудникам” или вчерашним диссидентам и полудиссидентам, прежде наглухо “невыездным”, не подышать давно желанной свободой, не увидеть своими глазами то, что они стремились перенести на родную почву? Но незаметно возникал стиль жизни, недоступный большинству, и тем самым реальное отдаление от этого большинства.

А затем к вкусу популярности для многих “новых людей” добавились вкус власти, маленькие удовольствия, доставляемые высоким общественным положением: магическое действие удостоверения с почтенным титулом, украшающим фамилию, личный кабинет в Белом доме, мягкое сидение персональной “Волги”, исполнительность помощников и секретарш. И опять же, что тут плохого? В голову тотчас приходила масса убедительнейших аргументов в пользу того, почему это рационально и необходимо. Ну а то, что 90 процентов народа, от имени которого ты выступаешь и правишь, лишены таких преимуществ, ездят в переполненных автобусах, давятся в очередях, за границей не бывают, живут трудно, бедно и со временем все труднее, — да, это печально, конечно, но ведь мы и работаем для того, чтобы...

Как теперь уже, пожалуй, понятно, все это были искушения дьявола, и одно из имен его (до Августа — главное) было — Горбачев. Искушение заключалось, во-первых, в чувстве благодарности за все перечисленное, ставшее возможным только при нем, а в какой-то части полученное прямо из его рук. И очень трудно было уловить грань, за которой новые возможности, открытые не для всех, превращались в покупку, а благодарность переходила в сговорчивость, в хотя бы частичную утрату независимости и принципиальности. Во-вторых, весьма действенным — в развращающем смысле — оказалось влияние на нас политической практики и самой личности Горбачева. Во многом благодаря ему мы усвоили, что в политике прежде всего нужно быть “реалистами”, что “политика — это искусство возможного” (как часто наши “политологи” за последние годы с важным видом повторяли эту фразу!), искусство прагматики, компромисса, лавирования и балансирования, честность же, искренность, человечность — это нечто из области наивных, детских представлений, неприличных в серьезном политическом обиходе.

Два главных нравственных примера — с противоположным знаком — оказались одновременно у нас перед глазами: пример Сахарова и пример Горбачева. Первый был труден, второй не требовал от нас ничего, кроме снисходительности к самим себе, к своим слабостям и выгодам. Перетянул Горбачев. Не только Ельцин или Хасбулатов — мы все, кто в большей, кто в меньшей степени, оказались его учениками. И незаметно для себя погрязли в мнимозначительных пустяках, в мелких расчетах, в политиканстве.

Все у нас сейчас заражено, проседено политиканством: и пресса, и телевидение, и деятельность едва ли не всех политических организаций, во всяком случае — их руководящих структур. Характерный пример — “Демократическая Россия”: мощное когда-то общественное движение, от которого нынче, в немалой мере по вине его конформистского руководства, осталась одна иссохшая оболочка.

Горбачев продолжается

Вред, приносимый всем этим нашему общественному развитию, громаден. Говорят, что рыба гниет с головы и что каков поп, таков и приход. Это верно, но верно и обратное. Какова атмосфера в обществе, такова и политика правительства. Если бы демократическое движение смогло остаться верным сахаровским заветам, его нравственная сила обязательно передалась бы и тем, кто стоит у руля российского государства, и тогда у реакции не было бы никаких шансов на успех. И напротив: если, допустим, красно-коричневые "патриоты", поощряемые Руцким и Хасбулатовым, нападают на правительство Е. Гайдара, а мы видим свою задачу в том, чтобы во что бы то ни стало его защищать, даже если бы при других условиях сами предъявили ему тот же счет, то кто же будет нам верить? И кто будет верить правительству, которое испытывает потребность не в независимых союзниках и добросовестных оппонентах, а в услужливых подпевалах? Так что посмотрим правде в глаза: именно на нас в первую очередь, на тех, кто считает себя интеллигентами и демократами, лежит нынче главная ответственность как за недемократическое поведение руководства России, так и за усиление тех же "красно-коричневых".

Почему же мы оказались так повально нестойки перед искушениями славы, власти, комфорта? Почему наш демократизм оказался столь скоропортящимся? Потому, я думаю, что и у большинства из нас, не только у Ельцина, он был неглубоким, невыработанным, ситуационным. Это был демократизм, обращенный только вовне, против некоего внешнего врага (КПСС, тоталитарной диктатуры), но не на самих себя, не на воспитание своего "внутреннего человека". Сравнительно легко быть демократом в узком качестве критика антидемократических порядков (и, соответственно, проповедника законности, выборности, разделения властей и т.п.), гораздо труднее понять демократию во всей полноте ее обязывающих нравственных значений и сделать естественной нормой собственного жизненного поведения. То, что мы не смогли преодолеть эту трудность, подтвердило факт, казалось, опровергнутый было общественным оживлением первых лет "перестройки", — исчезновение интеллигенции, обрыв ее лучших традиций как один из самых печальных результатов "эпохи застоя" да и всей советской истории вообще.

Русская интеллигенция, особенно со времен Чернышевского и Писарева, не жила без острого чувства ответственности перед народом, своей неоплатной "задолженности" людям, по слову Твардовского. И вот когда это чувство, составлявшее ее духовную суть, питавшее дух народников и земцев, дух Чехова и Короленко, Твардовского и Сахарова, ослабло в нас, то мы как бы лишились иммунитета и остались беззащитными перед заразой безнравственности, бессердечия, тщеславия, поверхностности, пустозвонства, политиканства. И пошел мор.

Сейчас нередко заговаривают о суде над КПСС. Если подойти к этому делу правильно; если исходить из того, что суть КПСС никогда, за исключением краткого периода ее революционной молодости, не заключалась в словах, которые она произносила, и не в рядовых членах партии, а в кастовом, классовом интересе ее аппарата; если попытаться учесть глубокие внутренние изменения, которые она не раз претерпевала за свою 90-летнюю историю; если понять, что нынче КПСС нужно искать не столько на съездах ее отпрысков и не на митингах, собираемых демагогией Анпиловых,

Юрий Буртин

Бабуриных, Жириновских, эксплуатирующих гнев и растерянность обвалью обнищавшего населения, сколько во всякого рода “концернах” — детищах номенклатурной приватизации и в новых структурах власти, включая аппарат президента и Белый дом; наконец, если бы по приговору такого суда все бывшие члены Политбюро и секретари ЦК были подвергнуты страшному наказанию — переселены в двухкомнатные квартиры и посажены на пенсию в 342 рубля, — то при таких условиях означенную идею можно было бы и поддержать. Но только начинать нужно не с этого. Демократы, если они действительно демократы, должны — и это обязательнейшее условие, без которого все остальное теряет смысл, — начать с самих себя. С суда над собой. С личного примера бескорыстия, самоограничения, “нестыжательства”, — было в русской церковной истории такое течение, вот его бы традицию нам возродить, хотя бы на тот период, пока так бедствует большинство народа! С категорического отказа от привилегий и тайн, от недомолвок и полуправды. Только такое и идет в зачет, все иное пустяки, слова, слова, слова... Только тогда демократы и могут вернуть себе доверие общества. Сегодня это еще возможно.

Снова хочется вспомнить Некрасова. Все мы, увь, оказались “рыцарями на час”, и тем из нас, кто еще жив душою, важно это осознать, проникнуться спасительным чувством стыда и помолиться — перед памятью матери или перед чем иным, что свято:

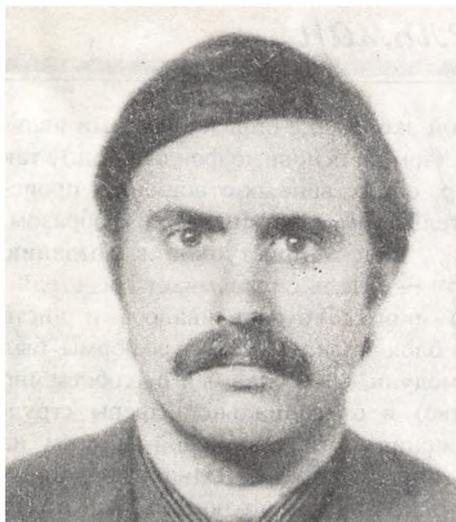
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.

Авось, еще справимся с собой и откроем новую, чистую страницу своей жизни.

Тогда, будем надеяться, станет возможной вторая волна нашей демократической революции, которая излечит и спасет Россию.

Март 1992 г.

Экономическая реформа

Владимир ГЕЛЬМАН

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЛАСТИ И СУДЬБА РЕФОРМ

Судя по многим признакам, в основу идеологии правительства реформ были положены представления о предстоящей реформе как о некоем относительно непродолжительном во времени периоде проведения чисто экономических мероприятий. Такой подход, вполне оправданный в условиях Чили или даже Польши, применительно к России являлся заведомо огрубленным, оставляющим вне поля зрения ряд важнейших социальных факторов, в первую очередь ситуативные и долгосрочные экономические интересы различных групп общества и их соотношение. Напротив, ряд решений (в том числе государственная программа приватизации на 1992 год) исходит из представлений об этих группах не как о самостоятельных субъектах экономики, а как о своего рода объектах управления, деятельность которых служит лишь благоприятным или неблагоприятным фоном реформы. Есть основания полагать, что подобные представления были не следствием каких-либо просчетов или недомыслия идеологов команды Гайдара, а принципиально основывались на исходных постулируемых утверждениях об инвариантности экономических законов и вследствие этого — единственности экономического выбора.

При всей своей справедливости эти воззрения страдают определенным догматизмом, который служит мировоззренческой основой для проведения реформы “любой ценой”. Иначе говоря, собственно экономические результаты (бездефицитный бюджет, разгосударствление) становятся для правительства не только самоценными, но и самодостаточными. Отсюда происходит как слепое заимствование формально монетаристских приемов (в частности, практически вся налоговая система построена на

чисто денежном исчислении, хотя в отечественной экономике определяющими являются не деньги сами по себе, а реальные ресурсы (земля, основные фонды и т.д.), так и намеренное игнорирование изменений характера общественных отношений, происходящих в результате предпринимаемых правительством действий. Таким образом, провозгласив лозунг “Капитализм или смерть!”, власть приступила к созданию рыночных механизмов по совсем иному принципу — “Цель оправдывает средства”.

Воплощение в жизнь этой концепции во многом обуславливалось и чисто политическими особенностями ситуации, когда блок экономической реформы был “вмонтирован” в структуру правительства как модуль, обособленный от собственно экономики (промышленность, сельское хозяйство) и от социальной сферы (труд, занятость, социальное страхование) по соображениям его возможной замены на другую команду в случае неблагоприятного развития событий. Однако в данной ситуации это решение не только осложнило деятельность правительства и его аппарата, сделав их работу заведомо дисфункциональной, но и способствовало усугублению безответственности реформаторов.

Действительно, коль скоро, по словам заместителя министра финансов С. Игнатьева, “это правительство хочет успеть провести все непопулярные меры” (зная, что после этого оно может быть отстранено от власти), то, будучи заинтересованными только в достижении соответствующих экономических показателей ситуативного плана (уровень цен, темпы инфляции) и будучи ответственными только за это, реформаторы имеют все основания не нести ответственности по обязательствам государства перед обществом и уж тем более не заботиться об ограничении произвола самого государства в лице конкретных носителей власти (включая и самих себя). Характерно в этом плане нежелание руководителей правительства обнародовать свою программу реформ, проистекающее вовсе не из того реального факта, что оформленной программы (типа “500 дней”) у правительства нет и оно действует методом прорыва, а из того простого соображения, что отсутствие открытой программы позволяет легче маневрировать ресурсами и с большей легкостью менять планы. В этом же ряду стоят и проволочки с подготовкой и утверждением бюджета, вызванные, помимо всего прочего, и нежеланием власти давать какие бы то ни было обязательства перед всеми согражданами (другое дело — случаи забастовок, когда какие-либо хорошо организованные группы способны вынудить власть давать им такие обязательства). Вероятно, если бы бюджет не утверждался парламентом, он вообще не был бы составлен.

Так или иначе, наметилось явное несоответствие между взаимными обязательствами власти и обществом, между перекладыванием властью на сограждан ответственности за личное будущее каждого из них и отказом власти нести ответственность за будущее общества в целом. Такой подход, выдаваемый за “либеральный”, может служить не только идеологическим оправданием вседозволенности власти во имя реформы, но и прикрытием собственной лени, нежелания искать лучшие решения взамен простых. А когда правительство вправе идти по пути наименьших усилий, из всех инструментов реформы выбирать наиболее примитивные (как с той же налоговой системой, где введение налога на добавленную стоимость обуславливалось не потребностью, а простотой его исчисления и взимания) и, не утруждая себя строгим анализом, механически переносить те или иные приемы с зарубежной почвы на

Ответственность власти и судьба реформ

российскую, то трудно рассчитывать и на высокую экономическую эффективность реформ.

Безответственность правительства усугубляется и в силу причин чисто личностного свойства, связанных с внезапным переходом команды Гайдара из статуса неформальной научной школы в статус института власти, наделенного распорядительными полномочиями. В ситуации, когда руководителю команды не присущи качества жесткого лидера организаторского плана, а структуры управления не соответствуют требованиям времени, успех дела во многом начинает зависеть от личных качеств тех или иных членов команды, включая консультантов, советников, референтов, помощников и т.п., чей должностной статус носит сегодня неопределенный характер.

В условиях слабо структурированного общества правительство не может — по крайней мере на нынешнем этапе реформ — опираться на какие-либо конкретные социальные силы как на социальную базу преобразований. Напротив, успех реформ возможен лишь в случае поддержки реформ представителями различных групп общества — профессиональных, региональных, национальных и иных общностей (при этом у правительства, безусловно, могут быть приоритетные подходы по отношению к тем или иным группам). Другой вариант реформ — с опорой на применение силы — едва ли является для власти желательным.

Правительство же, исходя из утилитарно экономических соображений, не только игнорирует эти особенности своей социальной базы, но и сужает ее, замыкая конфликты интересов на себя и восстанавливая против реформ совершенно различные силы. Примером такой политики может послужить полемика вокруг бюджета, когда в атаке против правительства выступили как директорское лобби военно-промышленного комплекса в лице Научно-промышленного союза и части парламента, так и представители профсоюзов медиков, педагогов и других бюджетных отраслей, несмотря на то что в данном вопросе эти группы являются антагонистами. Однако вместо логически напрашивающегося дробления конфликта правительство пошло по пути проталкивания бюджета через парламент без какого-либо значимого диалога с представителями данных групп. При этом даже формально достигнутый успех (утверждение бюджета) явно неадекватен потенциальному сужению социальной базы реформ.

Другая особенность сегодняшней ситуации — отсутствие у подавляющего большинства населения ситуативной экономической мотивации поддержки реформ. Следовательно, в условиях ухудшения экономического положения поддержка реформ обуславливается только доверием к реформаторам, причем не только и не столько к конкретному правительству, сколько к государству как институту и к власти как к источнику и инструменту общественного прогресса. Здесь безответственность власти перед согражданами может привести к пагубным последствиям, стимулируя не только сопротивление данной конкретной реформе, но и сознательное противодействие реформаторским усилиям власти как таковой.

Применительно к сегодняшней ситуации это означает, что реформаторы, преобразуя экономику, обязаны решать вопрос о роли и месте власти в обществе, о характере распоряжения ею и при решении этого вопроса исходить из интересов общества в целом. До тех пор пока этот вопрос принципиально не решен на уровне соответствующих нормативных актов и жесткого их исполнения, доверие к власти

будет воплощаться лишь в представлении о носителях власти как о “хороших людях”, что отнюдь не соответствует действительности, особенно на уровне аппарата и низовых звеньев органов управления, то есть там, где наши сограждане и сталкиваются с проявлениями власти. Разрыв же между декларируемыми целями и реальными средствами их достижения, заложенный в идеологию реформ, ведет не только к дискредитации реформ, демократических и рыночных ценностей в массовом сознании, но и к девальвации и без того подорванных традиционных норм трудовой и бытовой этики, провоцируя ответную агрессивную реакцию.

Ярким примером такой политики является протекционизм Министерства печати и информации по отношению к газетам и журналам, представляющим, по словам М. Полторанина, “национальное достояние”. Не допуская приватизации издательской и трансляционной базы средств массовой информации и раздавая дотации и помещения для “своих” газет и журналов, правительство, возможно, и сохранит экономическими методами контроль власти над содержанием mass-media, но одновременно наносит прессе ущерб, возможно, невосполнимый, поощряя низкий профессионализм журналистики и выталкивая “неудобные” издания в лоно самиздата. Вне зависимости от намерений власти подобное обеспечение свободы слова по своим последствиям ничуть не лучше контроля со стороны “министерства правды”.

В обстановке спешки и коллективной безответственности правительства (исключение представляют первые лица правительства, несущие ответственность хотя бы в силу своей известности) пренебрежение к проблемам злоупотребления властью, проявляемое в настоящее время руководителями России, способно сыграть роковую роль в судьбе реформ. Особую опасность вызывает отказ от борьбы с коррупцией — не только на уровне принятия нормативных актов, но даже на уровне пресечения конкретного беззакония, как в случаях многочисленных злоупотреблений властью правительства Москвы. Помимо чисто ситуативных последствий, когда уже сегодня поддержку в борьбе с произволом “демократической” власти нашим согражданам оказывают заведомо контрреформаторские силы, наше общество рискует получить феномен массового асоциального поведения в форме социалистических революций под лозунгами защиты справедливости, нарушенной при приватизации и земельной реформе.

Исходя из представления о том, что экономические приемы правительства вторичны по отношению к мировоззрению реформаторов, автор полагает социальное самоопределение важнейшей задачей правительства накануне масштабного изменения отношений собственности. В ситуации, когда от характера и направленности действий власти зависит будущее общества на десятилетия вперед, чисто экономические критерии реформы должны занять место, подчиненное требованиям социального баланса и определения пути его соблюдения. Условно говоря, на смену “правительству экономистов” время вынуждает прийти либо “правительству философов”, либо “правительству генералов”. Похоже, время это уже наступило.

Март 1992

Лариса ПИЯШЕВА

ВСЕ СМЕШАЛОСЬ В “СМЕШАННОЙ ЭКОНОМИКЕ”

Реформаторы горбачевской эры отвергли частную собственность как единственную основу и опору будущего развития, как целеопределяющий принцип реформирования системы. Теперь мы пожинаем плоды “смешанной экономики” с ее демократизациями, плюрализациями и коммерциализациями.

Социализм всегда был системой, основанной на привилегиях и обслуживающей эти привилегии распределительной машине. В “плановом” социализме чиновники распределяли и перераспределяли продукт. В неорыночном социализме они взяли на себя благодарную роль – распределять и перераспределять собственность. А так как ни четкой правовой базы, ни четких принципов приватизации, ни определения прав и обязанностей приставленных к этому лакомому делу чиновников проделано не было, этот процесс принял стихийно-инициативный характер и был четко ориентирован на коммерческую выгоду вершителей аппаратной приватизации. Широкий размах получил процесс создания всякого рода совместных предприятий с государственным уставным капиталом, бирж, концернов и трестов, коммерческих банков и объединений, куда вносились куски госсобственности. Бывшая коммунистическая (именуемая теперь “демократической”) номенклатура взяла себе право торговать государственными домами, квартирами, прописками, магазинами, право устанавливать и определять условия аренды, право “выделять” здания, помещения: особняки, земельные участки и другие права, которые стали предметами купли-продажи.

Идея “совместных предприятий” с долей частного западного и долей государственного местного капитала открыла высшим чиновникам широкий простор для получения личных дивидендов, привела к широчайшему разбазариванию денежных средств и экспорту капитала в западные банки.

Отказавшись от партийного монополизма, мы перешли к монополизму чиновничьей плутократии. И хотя действовала она под лозунгами “рыночных реформ” и “социальной защиты населения”, на практике это привело к ускоренному обнищанию и росту социальной нестабильности.

Поучителен опыт социально-экономической политики, проводимой в 1991-1992 годах правительством Москвы, в результате которой не была сформирована рыночная среда, но значительно повысился общий криминогенный фон города.

1. Главным инструментом воздействия на экономическую жизнь города стала аренда. И демократические депутаты местных уровней, и партOCRократы из исполнительной власти (ныне – правительство Москвы) получили право заключать и перезаключать арендные договора по собственному усмотрению и разумению. Право, которым они незамедлительно воспользовались.

В итоге мы получили:

ничем не стесненные возможности для чиновничьего произвола в вопросах заключения и перезаключения арендных договоров;

широчайший разгул взяточничества и мздоимства;

возможность с помощью ставок арендной платы расправляться с неугодными арендаторами, практически разоряя и выгоняя на улицу “неугодных” и одновременно поощряя и поддерживая “угодных”.

Все ранее заключенные арендные договора стали пересматриваться. При этом размер ставок правительство определило произвольно – “по результатам аукционов, конкурсов и анализу технико-экономических обоснований”. Ну а поскольку аукционы в Москве использовались в целях отмывания и легализации “теневых капиталов” и спасения средств от конфискации и инфляции, там устанавливались ни с чем не сопоставимые супервысокие цены, которые и брались в расчет при определении ставок арендной платы.

2. Вторым фактором, открывшим путь личного обогащения для правительственных чиновников, стало отсутствие четких правовых запретов на участие властей в коммерческой деятельности.

3. Неконтролируемое распоряжение нежилым фондом позволило сформироваться весьма специфической структуре коммерческих магазинов с явным доминированием там лиц, не являвшихся до “эры коммерциализации” жителями столицы. Это существенно повысило криминогенность города и не позволило коренным москвичам приобрести недвижимость, начать собственное дело.

4. Отсутствие четкой правовой базы распоряжения собственностью на здания, сооружения, землю, жилой фонд породило полнейший чиновный беспредел в распределении собственности между гражданами и организациями как местными, так и иностранными. Это создало почву для злоупотреблений со стороны чиновного аппарата и Советов всех уровней (от районных до Верховного) и породило массу конфликтов.

Осуществление приватизации методом присвоения чиновничьим аппаратом частей государственности с последующей трансформацией их в частнорыночные структуры породило противостояние “новой демократической власти” и гражданского населения, лишенного реальных возможностей участвовать в дележе. Правительство, привыкшее за годы тоталитарного режима распоряжаться деньгами, людьми, собственностью, державшее в своих руках практически все рычаги управления, в новых – “смешанных” – условиях довольно быстро прибрало к рукам экономические рычаги управления – налоги, кредитные ставки, цены, таможенные пошлины, арендные ставки.

Все смешалось в "смешанной экономике"

Первым из этой серии был указ Ельцина, предоставляющий права и полномочия мэру регулировать цены, устанавливать налоги. В ответ на право на управленческий произвол властей Москва была объявлена зоной, неблагоприятной для бизнеса, и часть капиталов была выведена за пределы города.

Вторым был указ о предоставлении мэру полномочий в проведении приватизации. Этот указ помог бы приватизации, но обострил конфронтацию между Моссоветом, правительством и мэром. В итоге приватизация была почти приостановлена, но за правительством остались широкие права. В январе 1992 г. предприниматели потребовали открыть информацию об условиях и фактах предоставления недвижимости иностранным гражданам и местной администрации, но правительство Москвы объявило эту акцию лишней.

Третьим был указ о коммерциализации, благодаря которому чиновники обрели ничем не ограниченное право брать деньги за оказываемые услуги. Фактически это стало легализацией взяток. Возникло множество "коммерческих структур" – по оценке имущества, по оформлению документации и др., взимающих плату за исполнение своих служебных обязанностей, – явление, абсолютно недопустимое в нормальном обществе. Работающий на коммерческих основаниях чиновник – это извращение, порожаемое псевдорыночными моделями "смешанной экономики".

На мой взгляд, следует:

1. Срочно провести правовую реформу в органах исполнительной власти, в результате которой исполнительная власть перестает быть разрешительной, распределительной, указательной, а станет именно что исполнительной властью.

2. Необходимо отменить все полномочия местных властей по части кредитно-денежной, налоговой (кроме местных налогов) и таможенной политики. Эти условия должны быть четко определены в законе едиными и незыблемыми.

3. Преступления против свободной торговли на переходном этапе должны считаться особо опасными и караться в соответствии с законом.

4. Необходимо в срочном порядке расширить все "узкие места" на пути осуществления приватизации.

Указ Бориса Ельцина о коммерциализации обязывает все предприятия получить статус юридического лица. Между тем именно с этого шага начинается "хождение по мукам" в чиновничьих коридорах власти.

Так как четко не определена правовая база хозяйственной единицы, условия оформления разделительных балансов и открытия самостоятельных счетов (например, является ли ателье принадлежностью швейной фабрики либо самостоятельной единицей, имеющей право на свой расчетный счет и полную самостоятельность, или булочная – принадлежностью хлебозавода, и т.д.) и не ясны критерии "монополизма", – в реальной жизни происходит полный и неприкрытый произвол властных структур.

На месте ликвидированных "торгов", "трестов" создаются "ассоциации", "объединения", "акционерные общества" в качестве правопреемников как зданий и помещений, так и контрольно-конфискационных, командно-распорядительных и прочих "начальственных" функций, в том числе по проведению "единой экономической и ценовой политики". Затем начинается обработка клиентов: одних прямо запугивают, других под любыми предлогами увольняют с работы, от третьих откупаются, четвертые добровольно идут в "акционерные общества", образованные с участием правительственных структур, оставляющих за собой право владеть и распоряжаться собственностью и доходами, устанавливать монопольные цены и близко не подпускать конкурентов.

Главное отличие всех этих “смешанных” структур от чисто государственных и чисто частных в том, что на первых какая-никакая, но есть управа, а вторые несут личную ответственность и имеют личную заинтересованность в удержании на плаву, расширении и укреплении своего предприятия. “Смешанные”, с долями государственного участия и временщиками-чиновниками в качестве правопреемников, не неся персональной ответственности, но имея законные права “коммерциализоваться”, будут и дальше “проедать” капитал на заграничные вояжи и приобретение “вольво”, утаивать доходы от налоговой инспекции, откупаясь всякого рода социальной демагогией... Опыт уже есть.

Например, в ответ на принятое решение трудовых коллективов булочных №№ 609 и 611 товарищества “Русика” о приватизации генеральный директор уволил всех работников магазина. Операция была осуществлена при помощи вооруженных дубинками работников фирмы “Алекс”. Так как товарищество “Русика” уже “коммерциализовалось”, найти управу на генерального директора практически невозможно. Это прекрасно понимают сегодняшние руководители местного масштаба, формирующие под “коммерциализованную” псевдорыночную структуру соответствующие им органы власти.

Демократическое завоевание – ликвидация Госкомцен СССР – в случае рыночной реформы завершилось бы ликвидацией республиканских, областных, краевых и городских филиалов этого монопольного оплота плановой системы. “Смешанной” экономике и “смешанной системе” без аналога Госкомцен не обойтись. Новое московское распоряжение “Об управлении ценовой политикой” гласит:

“1. Создать управление ценовой политики правительства Москвы.

2. Считать его правопреемником имущественных прав и обязанностей Управления цен.

Управление цен разрабатывает правительству предложения по регулированию цен на территории города с учетом экономической и социально-политической ситуации, платежеспособного спроса населения, наполненности бюджета и др., обеспечивает руководство и координацию деятельности отделов цен в префектурах...”

В 1991 году Конвенция московских предпринимателей объявила Москву зоной, неблагоприятной для предпринимательства в ответ на предоставленные мэру полномочия управлять ценами. В апреле 1992 года московское правительство институционализировало эти полномочия, снабдив управление по ценовой политике правом юридического лица с самостоятельным балансом, текущим, расчетным и валютным счетами.

Экономика, в которой высшие органы власти имеют право устанавливать цены, – это, по словам известного экономиста Игоря Бирмана, социалистическая “экономика абсурда”. Экономика, в которой местные органы власти получают власть регулировать, контролировать, манипулировать и корректировать цены, – это экономика беспредельного произвола и чиновного полновластия.

Чиновник, которому даны власть и право “с учетом социально-политической ситуации” регулировать цены, наделен почти что беспредельным полновластием.

К этому ли мы шли все последние годы?

Май 1992 г.

Василий СЕЛЮНИН

Фото П. Новикова

А БУДЕТ ВСЕ РАВНО ПО-НАШЕМУ

Экономические реформы, правильно начатые, захлебнутся, уже захлебываются, потому что покамест по-прежнему все вокруг казенное, все вокруг — ничье. Рынок есть священная и неприкосновенная частная собственность. Она, если угодно, самоцель, абсолютная общечеловеческая ценность, остальное в рыночном хозяйстве — прилагательное к ней, не более того. Темпы реформ определяются сегодня скоростями приватизации. Но как подступиться к делу?

В 38-м номере "Известий" мы, группа экономистов-единомышленников, изложили проект быстрой приватизации собственности: ее надо отдать работникам бесплатно. Против этой идеи энергично выступили председатель Госкомимущества Анатолий Чубайс ("Известия", № 48) и председатель подкомитета Верховного Совета Российской Федерации Петр Филиппов ("Российская газета", № 56). Считаю, не тот это случай, чтобы покончить мирком да ладком: мол, мы сказали свое, вы — свое, и разойдемся по-хорошему. Не разойдемся — жизнь не позволит.

Отмечу раньше всего, что наш проект — не какой-то экспромт. Несколько лет назад Лариса Пияшева, Борис Пинскер и я предложили простой план: давайте определим в рублях равный пай каждого гражданина России в общей собственности, которая подлежит передаче в частные руки; на эту сумму каждый получит инвестиционный чек (или счет) и может обменять его на акции любого предприятия по своему выбору. Люди не умеют обращаться с ценными бумагами? Не страшно — создадим посреднические организации, которые по поручению клиентов будут обращать чеки в акции.

Эта идея легла в основу российского закона, принятого летом прошлого года (в подготовке его некоторое участие принимал и я). Однако в ту пору российская власть фактически ничем не управляла, и закон остался на бумаге. Теперешнее правительство, приняв дела, обнаружило, что подготовительная работа — на нуле. Чтобы не

затягивать дело, реформаторы решили временно отступить от закона: в 1992 году казенную собственность решено продавать за деньги с аукциона или по конкурсу — кто больше даст, тот и собственник. А дальше? Чубайс сообщает: “Мы... всячески форсируем введение именных приватизационных счетов (к сентябрю надеемся справиться с этой задачей)”. И тогда приватизация пойдет уже не по временным правилам, а по закону.

Выходит, правительство — тоже за бесплатную передачу собственности населению, и лишь по техническим причинам ее пришлось отложить на короткое время. Стало быть, коренных расхождений с командой реформаторов у нас нет: разногласия чисто тактические. Мы считаем, что незачем ждать, пока будут готовы инвестиционные чеки или вклады. По расчетам, пай одного человека в казенной собственности — никак не меньше 8 тысяч рублей (по остаточной стоимости имущества в деньгах 1990 года). И если работники пожелают немедленно преобразовать свое предприятие в частное акционерное общество, смело можно отдать акции на эту сумму каждому из них бесплатно, как и положено по закону. Право на свою долю имеют и члены семей. При минимальном коэффициенте семейности 1,5 работнику полагается на 12 тысяч рублей бесплатных акций.

А если после такой раздачи останется нераспределенная часть имущества предприятия? Тут возможны варианты. Можно оформить излишки как кредит акционированному предприятию с последующим погашением. Возражая нам, П. Филиппов приводит условный расчет, из коего следует, что возвращение кредита способно разорить работников. Что ж, такие случаи весьма вероятны там, где персонал невелик, а производственные фонды дороги (например, на электростанциях). Но никто и не заставляет непременно выкупать лишнюю недвижимость. Ее можно обменять на приватизационные чеки населения, когда те подспеют.

Вот, собственно, и все. По этой схеме широкую приватизацию можно начинать хоть завтра, ничто не мешает.

Чем же наш план не приглянулся оппонентам? П. Филиппов учит: “Не надо навязывать гражданину акции убыточного предприятия, где он работает, когда ему, может быть, хочется стать совладельцем другого — перспективного”. А мы и не навязываем. Однако и не запрещаем. Ведь совершенно очевидно, что при грядущей приватизации по чекам работники обменяют их на акции своего предприятия, лишь убедившись, что оно рентабельно либо его можно сделать таковым.

Посторонние инвесторы вынуждены ждать, пока будут готовы чеки, удостоверяющие их долю в казенном имуществе. Но когда выбор уже сделан в пользу своего предприятия, чеки не обязательны — достаточно назвать денежную величину пая, поскольку он целиком размещается здесь. Мы всего лишь указали эту величину — 12 тысяч рублей. И держайте. Не решились люди на такой шаг, не верят в возможности своего предприятия, желают получить свою долю собственности на стороне — пусть ждут чеков на общих основаниях (неясно, правда, кто станет приобретать акции предприятий, которыми побрезговали даже его работники). Между прочим, недавние обследования показали: от половины до двух третей средств с будущих приватизационных счетов работники вложат в акции своего предприятия.

Прикинем теперь, что произойдет после того, как члены коллектива станут акционерами. П. Филиппов утверждает, будто мы намерены создать “невиданный

доселе класс собственников-крепостных". Это экспрессивное обвинение развивает А. Чубайс, яростно, основательно и, я бы сказал, изящно критикуя так называемую коллективную собственность. Со своей стороны я мог бы еще подбросить аргументов. На сей счет есть обильная литература, начиная с Прудона и кончая многописанием коммунистов-перестройщиков. Они, коммунисты, последние годы изобретали особый *социалистический рынок*. Противники частной собственности по определению, они мотались по свету в поисках хорошего социализма и обнаружили на Западе немеренные тысячи якобы процветающих народных предприятий, на коих все принадлежит коллективу трудящихся и никому в отдельности. Мы в эти игры не играли и не играем. Осмыслены нами и скорбные опыты с коллективной собственностью в Югославии. Впрочем, предостаточно отечественных печалей: ни к чему нам, пережившим прелести коллективизации, создавать теперь колхозы в промышленности. Прав, тысячу раз прав А. Чубайс: путь тупиковый.

Только при чем тут наш проект? "Мы хотим..., — говорит Чубайс, — чтобы собственниками стали не некие коллективы, а конкретные люди, из коих эти коллективы состоят". Прекрасно. И мы хотим того же. В нашей статье сказано: нужны частные акционерные предприятия "с индивидуализированной долей собственности каждого члена коллектива". Не одно ли и то же?

А. Чубайс в нескольких публикациях повторяет максиму: что даром прибыло, го с ветром унесло. Суть дела, однако, в том, куда унесло. Частная собственность обладает замечательным свойством попадать в надежные руки, как оно и происходит в благополучных заграницах. Через фондовые биржи мира ежечасно переходит из рук в руки недвижимость стоимостью в миллиарды долларов, круг собственников постоянно обновляется. Это только по вшивым партийным учебникам там, за бугром, всем владеют в основном Форды да Дюпоны. А в действительности акции, к примеру, корпорации "Дженерал моторс" имеет около миллиона человек. Всего же в США свыше 60 процентов взрослого населения владеет акциями различных предприятий. В огромном большинстве они всего лишь собственники, но не предприниматели. Управляют предприятиями совсем другие люди — наемные специалисты, ответственные перед акционерами.

Так и у нас будет, только не вдруг. По нашему плану, изначально бесплатные акции получают работники данного предприятия, пожелавшие "отovarить" свою долю казенной собственности. Пройдет какое-то время, пока по разным причинам многие пайщики продадут свои ценные бумаги на сторону. Вот в этот-то период, когда собственниками предприятия еще остаются исключительно или по преимуществу сами его работники, велика опасность проедания доходов. Действительно, советский человек привык считать личной собственностью только зарплату, и коллектив ради сиюминутной выгоды не станет вкладывать доходы в развитие производства. На такую опасность справедливо указывают нам оппоненты.

Однако этот изъян, по-видимому, вообще невозможно устранить разом. Во всяком случае, он присущ также и правительственной программе приватизации. Разрабатывая временные правила на 1992 год, реформаторы не могли, разумеется, полностью лишить работников прав состояния. Хотя предприятия будут продаваться с аукциона, коллектив получает немалые льготы. В частности, работникам бесплатно отдают четверть акций, но стоимость их не должна превышать двадцати минимальных ставок каждого из них. П. Филиппов довольно-таки ехидно замечает, что в целом

предусмотренные льготы мало отличаются от тех 12 тысяч рублей, на которые мы предлагаем отдать собственность каждому работнику.

Если так, вроде бы и спору конец. Только так, да не так. По правительственной программе четверть уставного капитала работники получают безвозмездно в виде так называемых привилегированных акций. Владельцы их не имеют права голоса в управлении производством, но зато по таким акциям обязательна ежегодная выплата дивидендов. При нынешней инфляции минимальный дивиденд на сторублевую акцию составит никак не меньше пятидесяти рублей (коммерческие банки уже платят вкладчикам в перерасчете на годовую ставку и полтора, и двести процентов). Предлагаю оппонентам на досуге подсчитать, какая же доля заводских доходов уйдет на обязательные выплаты по привилегированным акциям. По моим расчетам, средств на инвестиции, на развитие производства просто не останется. А уж свой дивиденд гегемон требует, будьте уверены. Доведись мне приобрести предприятие, я бы первым делом выкупил привилегированные акции за любую цену и немедленно их сжег — иначе я был бы обречен до скончания дней кидать прибыль в растопыренные пролетарские руки.

Так лучше уж отдать работникам их долю казенной собственности в виде полноценных голосующих акций, что мы и предлагаем. Тут эгоистический групповой интерес исчезает хотя бы в перспективе, когда акции неизбежно растекутся по посторонним владельцам. К тому же, опасность рвачества не стоило бы преувеличивать. Работники привязаны к своему предприятию отнюдь не из сентиментальных соображений. Здесь у них жилье, школы, детские садики, здесь они добывают хлеб насущный.

Исторически сложилось так, что многие заводы содержат за свой счет окрестное жилье и соцкультбыт. Едва предприятие перейдет в руки посторонних собственников, те первым делом отсекут весь этот сектор — они ведь купили только завод, тратиться на содержание инфраструктуры им расчета нет. Конечно, хозяин квартиры обязан полностью оплачивать ее содержание, но этого пока нет. Расходы придется возмещать за счет государства, а казна пуста. Один этот казус способен укокошить всю правительственную программу приватизации. Хотим мы того или нет, жизнь заставит нас довериться пока здравому смыслу работников акционированного предприятия при распределении доходов: столько-то — на руки, столько-то — на развитие производства, столько-то — на квартирные дотации.

При всем том я бы смирился с распродажей собственности за деньги с молотка. Меня даже не очень смущает, что в ход пойдут теневые капиталы, — пусть уж теневики вкладывают денюжки в отечественную экономику, нежели переводят их в заграничные банки. Но сколько их, этих капиталов? Реалистически оценив ситуацию, правительство планирует продать в нынешнем году лишь на 92 миллиарда казенного имущества, и только после введения бесплатных инвестиционных паев реформаторы намерены начать массовую приватизацию — в 1993 году в частные руки перейдет на 350 миллиардов рублей собственности, в 1994-м — еще на 500 миллиардов. Таким образом, программа приватизации сдвинута в будущее, а реформы цубуксовывают сегодня, сейчас.

Берусь предсказать: и нынешняя более чем скромная программа исполнена не будет. Разве что казенное добро станут спускать вовсе за бесценок. Похоже, это и

А будет все равно по-нашему

входит в намерения правительства. По его плану ныне будет продано 60--70 процентов предприятий в легкой и пищевой промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, на автотранспорте, в бытовом обслуживании, торговле и т.д. И все это за 92 миллиарда обесцененных рублей? Укажу для сравнения: валовой национальный продукт достигнет за год 6,4 триллиона рублей. При таком раскладе аукционы станут фактически раздачей государственного имущества за символическую плату, которая нам с вами, однако непосильна, но мало ощутима для тех, кто успел нажить деньги.

Легко представить себе, какой простор для махинаций открывается. Последний тому пример — афера с созданием акционерного общества “Коло”. Начальники шести крупнейших предприятий военно-промышленного комплекса принесли в компанию в качестве, так сказать, приданого на сотни миллионов рублей государственного имущества. Оно оценено по смехотворной стоимости. К примеру, три с лишним гектара производственных площадей машиностроительного объединения имени Серго вкуче с оборудованием зачтены в уставный фонд по цене двухкомнатной квартиры. Космический радиолокационный комплекс учредители прихватили по цене трех “мерседесов”. Правда, для почина основатели оформили передачу добра в аренду — дальше нетрудно было приватизировать его.

А личных-то средств они сколько внесли? Как же, как же! Только не деньгами, а в виде интеллектуальной собственности. И здесь уж в оценках не стеснялись. Мозги и связи бывшего заведующего оборонным отделом ЦК КПСС Белякова зачтены в уставный капитал за 10 миллионов рублей, интеллект бывшего завсектором того же отдела Студеникина — за 5 миллионов, бывшего председателя Гостелерадио Кравченко — за 10 миллионов. Головы этих троих деятелей, оказывается, стоят дороже, чем аэродром “Внуково-3”, также включенный в капитал общества. Леонида Кравченко знаю лично тридцать с лишним лет. Спорить не стану — может, его голова и стоит десяти миллионов. Но ведь он столько раз продавал свою интеллектуальную собственность, что пора бы сбавлять цену. 18 чиновников-учредителей, не внося и щербатой копейки, пожизненно получали бы многомиллионные дивиденды.

По чистой случайности панамы не прошла — правительство отменило регистрацию общества. Однако не надо иллюзий — не вышло в этот раз, может, удастся в другой. Партийно-государственная номенклатура хлопотливо конвертирует былую власть, личные связи в нечто материальное. Идет схватка за собственность, и на этом фронте бывшие хозяева жизни станут стоять насмерть, теряя в борьбе, по слову Шукшина, последние золотые зубы.

Жутко помыслить, какие коллизии будут сотрясать общество вокруг номенклатурной приватизации, да хотя бы и по поводу аукционной распродажи. Ситуация в обществе и без того накалена. С неминуемым высвобождением цен на топливо подорожают и потребительские товары. Покупательских восторгов ждать не придется. Теперь представьте, на эту волну недовольства наслаивается ярость населения, причем не одних люмпенов, когда печать начнет сообщать: там начальники оприходовали в свою пользу фабрику, тут нувориши схватили на аукционе почти задарма шикарный ресторан. Достаточно десятка случаев, умело поданных, чтобы свалить правительство. И тогда как бы не пришлось нам заканчивать диспут о методах приватизации... хорошо, если на кухне, а не на нарах.

Этого вы хотите, уважаемые оппоненты? Ах, нет? Тогда признайте честно, что предложенный нами способ несравненно менее конфликтен, нежели ваш. Он почти гарантирует гражданский мир и согласие. Да, жизнь пока тяжела, государство не может накормить никого, кроме сирых и убогих, да и не его это забота. Но способные трудиться получают нечто большее, чем кусок хлеба, — собственность. Мы делаем ставку не на номенклатурщиков и не на люмпенов, но на работающих, бережливых, мало пьющих людей, которые не утратили еще дара заботиться о себе и о своих близких. Это и есть социальная база реформ, из нее по преимуществу и будет формироваться предприимчивое “третье сословие”.

У меня был случай поговорить с Е. Гайдаром по поводу конкурирующих планов приватизации. Вице-премьер объяснил: “Худшее, что можно сейчас предпринять, — это отбросить только что утвержденный пакет документов и составлять новые правила. Подождем итогов марта. Если увидим, что продажа собственности не пошла, станем искать другой вариант”. Прекрасно, что правительство не намерено силком загонять жизнь в схему, куда она не лезет. Тогда нашей группе экономистов остается лишь ждать своего часа. Прецедент уже был. Вспомним: в коридорах власти больше года дискутировали, как приватизировать квартиры — отдать ли бесплатно по 12 квадратных метров на жильца, остальное за деньги, почем брать за излишки. А мы, все те же экономисты-единомышленники, сразу сказали: отдайте даром. Несправедливо, когда одни получают хоромы, другие — комнату в коммуналке? Не спорим. Но есть подлые проблемы, которые не имеют идеального решения, выбирать приходится из двух неважнецких, только одно достигает цели, другое обрекает на бесплодные конфликты. Из истории я заметил: когда объявляют войну дворцам, сгорают почему-то хижины. А дворцы как стояли, так и стоят, разве что хозяева в них другие. И что-то меня не вдохновляет идея с боем опростать брежневскую квартиру, чтобы вселить в нее косноязычного спикера Верховного Совета. В общем, споры кончились тем, что принят все-таки наш изначальный проект бесплатной передачи квартир жильцам.

Убежден, так будет и с более широкой приватизацией. Помыкаются реформаторы, понабьют себе шишек, поймут, что аукционная распродажа — затея гиблая, и примут наш способ, более демократичный, менее конфликтный, простой в исполнении. Словом, опять все будет по-нашему. Только времени жаль, его и так промотано сверх всякой меры.

Мне осталось объяснить по одному деликатному вопросу. Словно бы походя оппоненты раздают нам зуботычины: мы и популисты, и замаскированные коммунисты, и вообще черт-те что и сбоку бантик. Ругая нас предпоследними словами в “Российской газете”, Петр Филипов исхитрился вложить унижительный смысл в весьма почтенное понятие: мол, проект быстрой приватизации предложен “известными публицистами”. Подразумевается — не профессионалами в экономике, а так, верхоглядами. Это обвинение доставило моим соавторам несколько веселых минут: от публициста слышим. Дело в том, что в нашей теплой компании — член-корреспондент Российской академии, четыре доктора экономических наук. Собственно, из семи подписантов чистый публицист, без степеней и должностей, один я, но, говорят, за сорок лет усидчивой работы тоже стал маленько разбираться, что к чему в экономике.

Впрочем, я не в обиде на оппонентов. Мне даже мил молодой задор реформаторов, симпатичны эти мальчики-ежики, в голенищах ножики (говорю любя и по-стариковски). Так и надо: во что веришь — отстаивай до конца, раздавая затрещины и получая оные. Но вот одному участнику спора спустить не могу. Беседу с председателем Госкомимущества провел для “Известий” журналист Лев Цветков. В тексте интервью

А будет все равно по-нашему

он сам задал вопрос и сам же на него ответил в том смысле, что “бесплатники” на манер большевиков обещают фабрики рабочим, землю крестьянам и непременно обманут.

Автор этого пассажа мне слишком известен. В не столь давние годы в качестве секретаря партбюро в большой газете он все время придирался к моим статьям – какие-то они не такие, не на пользу его партии. Привык защищать от него правый бок, а он заехал слева и опять шпыняет. Теперь он, сами понимаете, справный демократ, а мы, выходит, секретные большевики. Постыдился бы, а то ведь получается по присказке – приходит некто в цирк и предлагает номер: “Я работаю на контрастах. Под куполом развешиваю мешки с нечистотами. Выходит шталмейстер, стреляет в них из пистолета – вся публика в дерьме, и в это время выхожу я в белоснежной рубашке”.

Что-то, замечаю, до фига их развелось, любителей работать на контрастах – из бывших правоверных да прямиком в дерьмократы. И совсем не обязательно было чтимым мною оппонентам поддакивать перебежчику. Ну да ладно, об этом уж нечего. Молоденькие еще. Выправятся.

Март 1992 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта статья была напечатана в “Известиях” 23 марта (с небольшими сокращениями). Срок, который назвал в разговоре со мной вице-премьер, давно прошел. Передо мною отчет уже не за три месяца, а за четыре с половиной. К середине мая государство выручило от приватизации 3,5 миллиарда рублей из 92 миллиардов, запланированных на год. Правительство завуалированно подправило отчет старым испытанным способом, годовое задание снижено с 92 до 72 миллиардов, и после такой подчистки исполнение плана выглядит получше. Но все равно провал очевиден.

Между тем, условия для распродажи казенного добра были идеальными, такая лафа вряд ли повторится. Дело в том, что исходная цена предприятий при продаже на аукционах определялась по остаточной стоимости, которая зачастую в десятки, а то и сотни раз меньше реальной (так называемой восстановительной) стоимости объектов. Вся балансовая стоимость основных производственных фондов в России достигает двух триллионов рублей, тогда как за нынешний год предприятия получат не менее четырех триллионов рублей прибыли. При таком раскладе, казалось бы, коллективам несколько не обременительно за один год выкупить имущество у государства и стать собственниками. Неплох и другой путь: при стремительном росте номинальных денежных доходов рядовой гражданин без особой потуги мог бы приобрести весьма солидную недвижимость. Ведь, к примеру, работник промышленности получает сейчас за месяц вдвое больше дензнаков, нежели ему платили за целый год еще пару лет назад. Когда цена имущества исчислена в прежних полновесных рублях, а покупатель расплачивается рублями обесцененными, словно бы никакой инфляции и в помине не было, приватизация посредством распродажи должна была превратиться в раздачу собственности за символическую плату тем, кто успел подсуетиться.

Но вот парадокс: ни коллективы, ни отдельные граждане не покупают казенное добро на баснословно выгодных условиях. Загадки в том нет. Номинальная прибыль предприятий исчисляется астрономическими цифрами, но вникнешь в распределение ее по расходным статьям и сразу видишь, что на выкуп собственности денег не остается. То же и с гражданами – доля расходов на питание подскочила в семейных бюджетах до 70--80 процентов, соответственно упал спрос на платные услуги, одежду, обувь, предметы длительного пользования. А уж если штаны не на что купить, навряд ли человек бросится приобретать фабрику, сколь бы дешево она ни стоила.

Невольно вспоминается, как основоположники “единственно верного учения” высмеивали прудонистов: нищоброды, не имеющие чем заплатить за кружку скверного пива, разглагольствуют в грязных кабачках, как они выкупят всю собственность в стране и заживут припеваючи; не проще ли им начеканить монет из серебра лунного света... Похоже, не правда ли? Только в нашем случае разглагольствуют о том не сами голоштанье, а кто повыше.

Недавно я участвовал в работе солидного международного симпозиума по приватизации. Руководители Госкомимущества и советники правительства неведомо зачем убеждали аудиторию: мол, продажа собственности захлебнулась – нету и не будет покупателей с деньгами. Ну, так отдайте бесплатно? Нет, как можно! Правительство вынесло там на обсуждение новую программу приватизации. Наряду с аукционами теперь предлагается второй вариант: членом трудового коллектива позволено приобрести до 51 процента полномочных голосующих акций. Но тогда уж никаких льготных акций, а имущество будет оцениваться не по жалкой остаточной стоимости, но по стоимости восстановительной, которая многократно выше.

Вот-те раз! По дешевке казенную стоимость не покупают, так давайте вздуем цены, и распродажа наверняка пойдет бойчее? Это что-то новенькое в теории, почтенные знатоки экономики.

Государство жмотничает, скупердяйничает, чахнет подобно Кашею над своим добром, городит заборы, словно бы у каждой проходной – очереди за акциями. Не так обстоит дело. Даже при бесплатной раздаче паев, как мы предлагаем, надо еще постараться, чтобы всучить работникам их предприятие в собственность. Им и так хорошо. Ведь по безумному Закону о предприятии коллектив владеет, пользуется, распоряжается казенным имуществом без сколько-нибудь серьезных ограничений, не неся при этом ответственности, органически присущей собственнику. Все права и никакой ответственности – худо ли так-то.

До принятия сказанного Закона назначенные государством чиновники хоть сколько-то пеклись о сохранности и приумножении казенного достояния. А как сняли все запреты, отменили командное управление, началось вульгарное проедание накопленного – выбытие производственных фондов далеко не прикрывается их вводом. Работнику дали понять: доводи предприятие до ручки, одна живем, не свое проматываем, государственное.

С началом реформ коллективы получили право назначать любую зарплату и любую цену на свою продукцию. На радостях от такой вольницы они взвинтили то и другое. Замысел реформаторов был безупречным: предел цены будет ограничен платежеспособным спросом. Не смог продать свой товар – не то что высокий, а никакой зарплаты не получишь. У частника так и происходит, хотя бы у того матрешечника, что тащит на Старый Арбат бессмертные изображения самих реформаторов. Не впился в рынок – прикрывай дело, ищи другое занятие. У работников госпредприятия есть, оказывается, другой выход: пойти с протянутой рукой к высшему началь-

А будет все равно по-нашему

ству – вы наши отцы, мы ваши дети, гиб мир битте этвас копеск фюр брот, или, в вольном переводе на русский, дай миллион, а не то укушу.

Вот в нынешнем году государство решило втрое сократить закупки оружия – его и так девать некуда (слышаное ли дело: пушечные стволы приспособливают под трубы для нефтепромыслов). На первый квартал из бюджета выделили на оплату оружия 6,5 миллиарда рублей. И что? Оборонные заводы нашлепали его аж на 20 миллиардов. А раз собственником оборонки является государство, ему, родимому, не останется иного, как оплатить продукцию. Мыслимо ли представить себе, чтобы так поступало американское правительство в отношении корпорации “Боинг”, которая тоже ведь исполняет военные заказы? Та корпорация частная, а потому сама отсечала бы за столь неразумные действия.

И нам бы так, да куда там! Приватизировать оборонку вообще запрещено, разве что по особому дозволению правительства. Между тем, прямой расчет навязывать работникам заводы этого профиля бесплатно: вы теперь собственники – акционеры, думайте сами, как приспособить мощности под мирную, нужную рынку продукцию. Придумают, выбора-то не будет. Я лично не верю, что оборонщики пойдут торговать похабными газетами в подземных переходах или перепродавать водку с рук. Будут все же держаться заводской трубы – вокруг нее тепло, светло, милиционер с рабочего места не гонит, вымогатель данью не облагает.

За считанные месяцы реформы государственного предприятия обратили в заработную плату те средства, которые предназначались на оплату сырья, материалов, оборудования. Взаимная задолженность товаропроизводителей превысила полтора триллиона рублей. Все в долгу, как в шелку, но, вот чудо, ни одно казенное предприятие не разорилось. На недавнем Съезде народных депутатов я услышал удивительное объяснение этого феномена: как же можно обанкротиться, если нет еще закона о банкротстве? По такой логике мы с вами и помереть не сумеем, не изучив предварительно инструкций на сей счет. На том же самом съезде могучие лобби, представляющие интересы госпредприятий, заставили-таки государство-собственника в очередной раз выкупить фактических банкротов из долговой ямы. Правительство, как вы знаете, объявило о выделении им льготных кредитов на сотни миллиардов рублей, хотя пьяному ежу ясно, что колоссальная кредитная эмиссия спровоцирует новый виток инфляции. А вот помятому прогоревшему матрешечнику в долг без отдачи государство ни копейки не дало. Да ему и в голову не придет просить заем у казны – на то коммерческие банки есть, а там еще поглядят, что ты за фрукт, вернешь ли кредит с процентами.

Реформаторы начинали с единственно точных мер – с раскрепощения цен, стабилизации рубля хотя бы и за счет спада производства. Но сегодня они буквально уперлись в стену – дальше шагу нельзя ступить без изменения отношений собственности. И тут пригодна любая модель приватизации, пусть несовершенная, пусть предельно упрощенная, лишь бы дело сдвинулось. А правительство действует с точностью до наоборот: вводит усложненный, очевидно пресекательный вариант. Не понимаю. Убей меня Бог, не понимаю.

2 июня 1992 г.

Джон СИММОНС

ПРИВАТИЗАЦИЯ “СНИЗУ” – ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ НАЙТИ СОБСТВЕННИКА

Государственный комитет по управлению государственным имуществом, возглавляемый г-ном Чубайсом, достиг за последние два месяца значительных результатов. Однако цели, определенные программой приватизации, по-прежнему выглядят на сегодняшний день как недостижимые.

Растущее отчуждение между правительством и народом становится главным препятствием на пути эффективной приватизации. Народ не доверяет правительству, видя, как официальные лица: а) берут взятки в процессе приватизации; б) пытаются сохранить государственный контроль над самыми крупными или лучшими предприятиями. Официальные же лица не доверяют предприятиям самим решать, что выгодно. Программа приватизации составлена в лучших традициях советской командной системы управления. Будучи пленниками типичного советского чиновничьего мышления, составители программы просто органически неспособны передать в руки предприятий ответственность за свои собственные судьбы.

В программе по приватизации необходимо четко обозначить новую роль государства, которое должно стимулировать и ориентировать свободное предпринимательство, а не пытаться управлять им.

Программа составлена так, чтобы отбить у предприятий желание эффективно воспользоваться одним из важных способов приватизации — через собственность работников. Это и понятно, раз сам г-н Чубайс не видит разницы между коллективной собственностью в колхозе и собственностью работников, являющейся одним из наиболее продуктивных вариантов частной собственности. Как следует из его интервью газете "Известия", 26 февраля 1992 г., он не знает о том, что этот способ приватизации успешно используется более чем в 20 странах.

Глубокое непонимание того, что такое собственность работников и как она уже действует на российских предприятиях, является главным препятствием на пути достижения обозначенных в программе приватизации целей. Американский опыт последних пяти лет ясно показывает, что компании, находящиеся в собственности работников, более эффективные и прибыльные, чем компании, основанные на других формах собственности. Последние исследования, опубликованные Балтиморским университетом, свидетельствуют о том, что компании, находящиеся в собственности работников, приносят на 50 процентов больше прибыли. Похожие результаты получены и на российских предприятиях. А в Польше приватизация "снизу", через собственность работников, стала единственной действительно работающей частью программы приватизации средних и крупных предприятий.

Большинство руководителей и рядовых работников в России хотят той свободы в принятии решений относительно своих заводов, которую обещала им демократия. И каждый, кто захочет посетить российские предприятия, принадлежащие их работникам, может убедиться, насколько эффективно эта форма собственности служит интересам работников, предприятий и страны в целом. Президент Ельцин неоднократно заявлял, что надо "создать миллион собственников, а не горстку миллионеров". Но предложенная программа, под которой стоит подпись Ельцина, в корне противоречит этим заявлениям. И тем самым подрывает доверие российской рабочей силы к правительству.

И наконец, всюду — в Англии, Новой Зеландии или Чехо-Словакии — опыт показал, что для успеха усилий по приватизации необходима активная политика политического руководства страны. В Соединенных Штатах президент Рейган оказал сильную поддержку законодательству о собственности работников и поощрял другие страны в изучении выгод этого метода. То же делала в Англии Маргарет Тэтчер. Только Президент Ельцин может разрубить завязавшийся узел.

Большинство экономических и политических теорий малопригодно в качестве руководства к действию. Попытки применить традиционные западные экономические и политические теории к проблемам российской приватизации завели в тупик, цена выхода из которого возрастает с каждым днем.

Наиболее полезной может оказаться сейчас лишь теория об извлечении уроков из недавнего опыта. Это означает, что правительственной группе, занимающейся проблемами приватизации, надо изучить достижения недавно приватизированных российских и других компаний.

На расстоянии часа езды от Кремля находятся успешно приватизированные предприятия, однако государственные политики игнорируют их опыт.

Результаты, достигнутые на таких предприятиях, как “Вешки”, “Мовен”, “Мосфурнитура”, столь хороши, что эти фирмы привлекли значительные иностранные инвестиции. На Саратовском заводе — по сути единственном полностью приватизированном крупном государственном предприятии — дела также идут успешно. Работники на этих фирмах владеют большинством акций и обладают правом голоса. Для приватизации эти компании воспользовались законом 1989 г. об аренде. Потом работники создали акционерные общества и выкупили свои доли. Однако теперь предприятия не могут пользоваться этими законами.

К сожалению, как признается г-н Чубайс, ни он, ни кто-либо из его сотрудников не побывали ни на одном из этих предприятий. У них нет информации ни о том, как хорошо там идут дела, ни о том, сколько таких предприятий.

Польской приватизации уже три года. Сперва политики безуспешно пытались приватизировать средние и крупные предприятия через аукционы. Когда же оказалось, что находится очень мало потенциальных покупателей, попробовали перераспределить права на собственность, но не сумели договориться о том, как уладить экономические последствия перераспределения. Навязываемые сверху способы приватизации привели в тупик. Такими способами было приватизировано только 26 средних и крупных предприятий.

В то же время приватизация снизу привела к переходу в частные руки 415 средних и крупных фирм. В этих случаях инициатива приватизации исходила от руководителей и трудовых коллективов предприятий, а роль государства заключалась в том, чтобы проконтролировать, насколько разумно составлен контракт о десятилетней аренде. Выкуп предприятия разрешается по истечении срока контракта.

Самое важное в польском варианте то, что, как показывает и опыт российских арендных предприятий, такая приватизация ведет к резкому росту производительности.

Чехо-словацкие данные показывают, что с декабря было приватизировано более 2000 компаний. Из них 40 процентов выкуплено работниками.

Некоторые российские политики не способны отличить коллективную собственность, при которой фактическим владельцем является государство, от собственности работников, при которой каждый работник владеет собственной долей капитала и имеет право ее продать.

Политики часто заявляют, будто бы югославский опыт доказывает, что собственность работников не эффективна. На самом же деле в Югославии собственником было государство, а не работники. Государство, а не менеджмент, принимало ключевые решения, как, например, решения о найме на работу.

Учреждение закрытых акционерных обществ работниками предприятия является, по приведенным “Интерфаксом” словам г-на Чубайса, сказанным им на пресс-конференции 1 апреля, “опасной” тенденцией, так как компании становится труднее привлекать внешний капитал.

Данные по российским компаниям, находящимся в собственности работников, полностью противоречат утверждению Чубайса. На самом деле эти компании успешно привлекают иностранный капитал, потому что доказали, что они эффективны и хорошо управляются.

Учитывая сказанное выше, можно понять, почему государственная программа приватизации в ее нынешнем виде не сможет достичь тех важных целей, которые в ней определены. К тому же выводу пришла и исследовательская группа Европейского банка реконструкции и развития.

Хотя мартовский проект и лучше декабрьского, все же он не отвечает необходимым требованиям. Например:

Проект предусматривает, что выкуп до 51 процента акций своего предприятия работниками будет делаться "на условиях, которые определит ГКИ". Эти условия необходимо прояснить — ведь они могут или подорвать российские усилия по приватизации, или сделать их успешными.

Бесплатная передача части акций предусматривает, что акции работников не будут иметь права голоса. Ни одна страна с рыночной экономикой не лишает права голоса работников-акционеров. Более того — американский закон, например, требует, чтобы имеющие акции работники обязательно имели право голоса. Когда работники становятся собственниками, от них ожидается, что они будут участвовать в решении стоящих перед компанией задач. Это повышает их ответственность. Лучшие методы менеджмента сегодня основаны на том, чтобы найти как можно больше способов поощрения сотрудничества работников, а не подавления его, как это делает российский закон. Если это положение не будет изменено, то возникнут серьезные проблемы. Вариант обладания акциями без права голоса хорош применительно лишь к некоторым типам внешних инвесторов.

Вот основные недостатки проекта приватизации.

Проект накладывает ограничения на количество акций, которое могут купить работники (от 25 до 51 процента). Оснований для этого не приводится. Западные страны не накладывают таких лимитов. Это положение говорит о недоверии авторов закона к производителям.

Проект устанавливает, что для того чтобы иметь право голоса, работники должны владеть 51 процентом акций. Пока же этого не случится, государство будет контролировать действия менеджеров. Это нельзя назвать эффективной приватизацией.

Проект позволяет сотрудникам купить лишь символическое число акций, так как не предусмотрены возможности для работника получить необременительный кредит сроком на 5–10 лет. Определенный максимум в "20 месячных минимальных зарплат на каждого сотрудника" также может без оснований ограничить покупку акций. В Польше был предусмотрен десятилетний кредит.

Программа игнорирует фактор коррупции на всех государственных уровнях, тормозящей процесс приватизации и углубляющей недоверие народа к правительству. Многие предприятия не желают платить чиновникам взятки за получение разрешения

на приватизацию (часто эти взятки практикуются в виде пакетов акций или мест в совете директоров).

Проект поощряет приватизацию путем аукционов в ущерб выкупу акций самими работниками. Требование, чтобы работники выплачивали 30 процентов стоимости сразу, а остальное — в течение года, звучит как издевательство, особенно в условиях прогрессирующего обнищания 90 процентов населения России.

Проект не подчеркивает важности возникновения высокоэффективных предприятий на ранних стадиях приватизации. Возможным примером мог бы служить Саратовский авиационный завод, на котором занято 17 тыс. человек.

Проект исключает из процесса приватизации все телевизионные и радиостанции, издательства и типографии. Это подавляет свободу прессы, жизненно важную для строительства демократии.

Экономическая реформа достигла поворотной точки. Первая фаза, освободившая большинство цен, привела к тому, что на рынке появился нераскупаемый товар.

Серьезные шаги сальвинского правительства помогли завоевать доверие на Западе и получить обещание 24-миллиардной помощи. Но доверие это будет быстро потеряно, а обещание нарушено, если не будет быстрого прогресса в деле приватизации предприятий.

Увеличение количества и улучшение качества товаров и услуг может произойти в результате быстрой приватизации. Без нее, по данным недавнего исследования Международной организации труда, безработица в России может достигнуть 30 процентов. Что нужно сделать, чтобы эффективно, справедливо и быстро приватизировать государственные и муниципальные предприятия? Вот некоторые соображения.

Президент Ельцин и парламент должны признать, что правительственная программа приватизации не действует. Предприятия, которыми все еще владеет государство, не могут быстро реагировать на освобожденные цены.

Нужен более четкий Указ Президента по борьбе с коррупцией. Государственные официальные лица, в том числе выборные, не должны получать личную выгоду от приватизации. Указ должен потребовать от всех официальных лиц, имеющих акции или места в советах директоров, немедленно отказаться от них. После же этой даты приобретение акций или директорских мест должностными лицами необходимо считать уголовным преступлением.

Специальный комитет должен определить ограниченное число случаев, в которых такая деятельность не создает конфликта интересов для официального лица (например, владение акциями совместных фондов). Государственные служащие, желающие подать в отставку и уйти работать в частный сектор, должны иметь возможность это сделать. В случае занятия вновь официального поста они должны продать акции.

Компании должны свободно выбирать форму собственности. 40 тысячам арендных предприятий должно быть позволено без затруднений выкупить свои предприятия и стать собственниками.

Работники должны иметь преимущественное право покупки всех акций предприятия или того их количества, какое они пожелают купить. Они могут решить продать часть акций и внешнему инвестору. Государство должно предоставлять 5–10-летний кредит под разумный процент, как это сделали в Польше, для поощрения выкупа предприятий.

Американский опыт показывает, что собственность работников — самая эффективная форма частной собственности. Не менее важно и то, что лишь немногие в России, кроме мафии и имеющих доступ к "утерянным" миллиардам партийных фондов замаскировавшихся коммунистов, имеют необходимые средства для покупки предприятий на аукционах.

Российским политикам надо ознакомиться с приватизированными предприятиями и воочию увидеть их результаты. Многие находящиеся в собственности работников российские предприятия улучшили свою деятельность и привлекли значительные иностранные вложения. Как методы улучшения качества помогли возродить Японию в 60-е годы, так и собственность работников может возродить Россию в 90-е.

Следует принять особый закон относительно советов директоров предприятий, являющихся естественными монополиями и действующих в интересах общества, — электрокомпаний, железных дорог, больниц: одна половина совета избирается от различных групп потребителей, а другую избирают работники. При этом ни одна половина не может сама контролировать предприятие.

Собственность работников помогает справедливому распределению богатств лучше любого другого метода. Она поможет смягчить проблему "баронов-грабителей" на ранней "варварской" стадии рыночной экономики. Например, учителя и официальные лица, не обладающие собственностью в частных предприятиях, должны быть уверены в том, что и прибыль предприятия, и доход его работников-собственников облагается справедливым налогом. Люди с более высоким доходом должны облагаться более высоким процентом налога, чем люди с более низкими доходами.

Часть собранных налогов может идти на покупку долей в совместных фондах для тех, кто не обладает собственностью на предприятие. Акции совместных фондов будут распространяться среди тех, кто не работает на частном предприятии или чье предприятие обанкротилось в течение первых трех лет.

Быстрое внедрение этих семи пунктов поможет создать сильную экономическую базу для политической демократии, которую народ отстоял в августе. Любой другой путь ведет к падению производительности, росту коррупции и недоверия.

Май 1992 г.

Борис ПИНСКЕР

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА — ПЕРВАЯ НЕУДАЧА. ЧТО ДАЛЬШЕ?

Хотя правительство Гайдара не опубликовало систематизированного изложения стратегии реформ, она может быть реконструирована на основании отдельных высказываний самого Гайдара и членов его правительства, а также исходя из того, что они делают (а еще в большей степени из того, чего это правительство не делает).

Приоритеты правительственной политики таковы:
устранение бюджетного дефицита с помощью одновременного роста налогов и сокращения расходов;
постепенная либерализация цен;
осторожная приватизация производительной собственности.

Хотя каждый из элементов этой программы сам по себе необходим, но вся программа в целом — последовательность шагов, подходы к реализации отдельных элементов — делают всю стратегию реформ слабой и неэффективной, а шансы на успех — незначительными.

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ЦЕН

Либерализация цен представляет собой, как будто бы, самый насущный и одновременно наиболее простой элемент программы рыночных реформ. Но даже здесь правительство нашло возможность для осуществления малорациональных, отрицающих самый смысл реформ мероприятий. Я уж не говорю о том, что цены на энергию и энергоносители остались административно регулируемы. Теоретических аргументов в пользу постепенности либерализации цен не существует, хотя эту непоследовательность можно объяснить как уступку массовым предрассудкам. Но чем объяснить тот факт, что за пределами сферы свободного ценообразования остались ведущие сектора промышленности? Речь идет о деятельности так называемого “антимонопольного комитета” при Совминс РФ. Этот комитет решением от 29 декабря 1991 года выделил группу крупнейших “предприятий-монополистов” — более 1500 предприятий, — которые должны будут согласовывать все основные управленческие решения — о ценах, о структуре и объеме производства и пр. — с антимонопольным комитетом. 1 февраля 1992 года список был существенно расширен. В число предприятий-монополистов, деятельность которых будет подлежать плановому контролю столь же обстоятельному, как и во времена “зрелого социализма”, попали производители автомобилей, утюгов, холодильников, стиральных машин, телевизоров, пылесосов, галстуков, дамского белья, мебели, электролампочек и пр. Здесь же, естественно, производители машин и оборудования, поставщики сырья и полуфабрикатов. Похоже, что в сферу регулирования попали производители не менее 80% всей промышленной продукции. При этом, судя по опубликованным документам, на комитет не возлагается задача по поощрению конкуренции, по приватизации и разукрупнению “предприятий-монополистов”.

Если добавить к вышеизложенному, что для государственных предприятий торговли (более 90% всех предприятий розничной и почти 100% предприятий оптовой торговли) максимальная величина торговой накладки не может превышать 25%, то становятся понятными многие черты “пореформенной” экономики в России: сохранение дефицита на большинство товаров, перебои в снабжении, чрезвычайная активность мелких и крупных перекупщиков, зарабатывающих на жизнь за счет разницы между потолком цен в официальной торговой сети и реальными ценами свободного рынка. Легко понять, что если бы товары продавались по ценам, уравновешивающим спрос и предложение, то сотни тысяч мелких перекупщиков и спекулянтов немедленно лишились бы дохода и начали искать себе другое занятие.

Либерализация цен, безусловно, имеет пока что чисто поверхностный, косметический характер и никаким образом не может способствовать ни одной из задач радикальной экономической реформы, в первую очередь — рационализации экономических связей и экономического поведения предприятий и индивидуумов. Фактически, было произведено массовое повышение цен — и не более того. При этом предприятия-монополисты, попавшие под управление “антимонопольного комитета” (новый Госплан), были на деле выведены из сферы действия денежной и фискальной

политики, так как тот, кто не волен назначать цены, не может отвечать за убыточность производства. Отказав предприятиям в праве быть ответственными и свободными производителями, государство, тем самым, взвалило ответственность на себя. И надо отметить, что оно само сознательно и добровольно предпочло остаться в этой заезженной и тупиковой колее социалистического производства.

РЕФОРМА НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ

Сейчас нет возможности сколько-нибудь основательно разбирать установленную правительством Гайдара налоговую систему просто потому, что существующую совокупность налогов никак нельзя назвать окончательной. В последние полтора—два года налоги изменялись примерно раз в квартал, и нынешнее правительство верно продолжает эту традицию: уже объявлено о готовящемся изменении налогов. Большинство критиков сходятся на том, что налоги в целом чрезмерно велики, и это, пожалуй, справедливо: налог на прибыль в 32%, налог на фонд заработной платы в 38%, налог на добавленную стоимость в 28%. Особого внимания заслуживает последний, поскольку он, как мне представляется, позволяет понять некоторые особенности поведения правительства Гайдара.

Важное значение имеет не только экстраординарная величина этого налога, но и то, что он был введен в действие одновременно с либерализацией цен. В условиях, когда практически вся розничная и оптовая торговля, равно как и снабжение промышленности, осуществлялись на квазиденежной основе (по бартеру), то есть когда фактически вся хозяйственная деятельность стала в той или иной степени частью чернорыночной экономики, этот налог оказался своеобразным сигналом для хозяйственников: не выходите за пределы черного рынка. И сигнал был воспринят вполне адекватно: большая часть товаров так и не появилась на прилавках магазинов. Правда, в новых условиях, когда почти все ограничения на индивидуальную розничную торговлю сняты, может сложиться впечатление, что все в порядке — почти любой товар может быть куплен неподалеку от магазина...

Если искать наиболее явные результаты фискальной политики последних лет, то можно отметить невероятное количество престижных и дорогих автомобилей, которые появились на улицах Москвы в последние полтора—два года. Рублевые цены этих машин фантастически высоки — 3—5 миллионов рублей, и легко догадаться, что, во-первых, подавляющее большинство этих машин куплено не на личные сбережения, а за счет инвестиционных фондов предприятий, и, во-вторых, что на такого рода “инвестиции” предприятия могут пойти только в условиях, когда нет иных, действительно прибыльных возможностей вложения капитала. Полагаю, что немалую роль в этом отвлечении инвестиционных средств в пользу “люксового потребления” играет и налоговая система, которая приводит к результатам прямо обратным намеченному — способствует расточению и преоданию ресурсов. Другой важный результат — сохранение бартера как основы товарооборота. Через биржи до сих пор реализуется примерно 3% биржевых товаров (лес, металлы, нефть и пр.), а все остальное идет в обмен на встречные поставки. Предприятия стремятся сэкономить

Первая попытка — первая неудача. Что дальше?

на налогах, что ведет к замедлению процессов выработка более рациональных связей, к замедлению процессов обновления структуры производства.

Одним из поразительных примеров иррациональности фискальной политики служит обнародованное в апреле 1992 года решение о налогах на личные доходы иностранных бизнесменов. Те из них, которые проводят в России более шести месяцев в году, должны будут платить 60 %. Чего стоят после этого все призывы о помощи? Что означают после этого все заявления о приверженности либеральным ценностям и о готовности осуществлять переход к рынку?

Всеобщее недовольство высокими налогами и ощущение слабости и нерешительности правительства сделали возможным нарушение законов в диковинных и крайних формах. Например, многие областные и городские власти отказались перечислять налоговые сборы в федеральную казну, мотивируя свое поведение тем, что в условиях необычайной новой дороговизны им самим не хватает денег. Любопытно при этом, что правительство — то ли чувствуя свою вину, то ли не веря в свою силу — предпочло не афишировать скандал и молча приняло факт наглого неподчинения провинций. Иррациональная, не принимающая во внимание ни законы экономической логики, ни традиции населения, ни возможности фискального аппарата политика не добились и основной цели: налоговые поступления в бюджет оказались катастрофически низкими — примерно 60 % от запланированного. По сообщению министра финансов РФ Василия Барчука доходы бюджета за первое полугодие составят 741 миллиард рублей, а расходы — 970,2 миллиарда. Таким образом, дефицит за первое полугодие составит 229,2 миллиарда рублей, примерно 30 % от расходов бюджета и 4,8 % ВВП. ("Новое русское слово", 27 апреля 1992 года, со ссылкой на сообщение ИТАР-ТАСС). Несложно прикинуть, что правительство оценивает размер ВВП за 1992 год в 9550 миллиардов рублей, а величину бюджетных расходов в 1940 миллиардов рублей, или 20 % ВВП. Если припомнить, что еще в 1989 году через бюджет перераспределялось примерно 55 %, то обнародованные правительством оценки величины бюджетных расходов и бюджетного дефицита покажутся весьма подозрительными. Можно ли представить себе, что менее чем за три года, вне условий полномасштабной гражданской войны и многомиллионной безработицы, доля ВВП, перераспределяемого через бюджет, сократилась почти втрое? Если правительство верно оценило возможную величину ВВП за 1992 год и сообщило истинную величину бюджетных расходов (1480 миллиардов рублей в годовом исчислении), то — исходя из традиционных пропорций перераспределения (55 %) — величина бюджетных расходов в этом году должна быть равна, примерно, 5250 миллиардов рублей, а величина бюджетного дефицита за первое полугодие — 1884 миллиарда рублей, или 39,5 % ВВП (в восемь раз выше объявленного правительством и вдвое выше, чем в 1991 году). Даже если представить себе, что правительство сумело за полгода сократить долю бюджетных расходов в ВВП на 10 процентных пунктов (то есть примерно до уровня британского бюджета — достижение крайне маловероятное), то и тогда возможная величина бюджетного дефицита на 1992 год будет 2817 миллиардов рублей, или 29,5 %, то есть опять-таки в 6 раз больше объявленного и на 50 % выше, чем в 1991 году. Боюсь, что правительство публикует данные скорее приятные, чем достоверные.

Интересен в связи с этим тот факт, что во многих областях России вводится чековое обращение (скорее — купонное, или талонное) для покрытия дефицита

наличности. Надо понимать так, что правительство, сокращая денежное предложение, рассчитывает на то, что местные власти и предприятия правильно поймут сигнал и резко сократят расходы — пропорционально новым, сократившимся доходам. Но ни те, ни другие судя по всему, не желают понимать намеков и выходят из положения иначе — за счет эмиссии рублевых субститутов. Опять-таки, если бы правительство чувствовало свою силу и (или) правоту, оно попыталось бы прекратить противоправную самостоятельность на местах. Но поскольку оно само избегает принятия трудных решений, то не может требовать ничего такого и от местных властей.

Вот лишь один пример. Объявив о намерении сократить армию более чем вдвое, логично было бы для начала закрыть часть военных училищ и академий (только академий от советского периода осталось в Москве и Санкт-Петербурге 17 (в США, для сравнения, две). Закрытие хотя бы половины училищ и академий не только облегчило бы процесс сокращения армии (перестанет пополняться офицерский корпус, со значительной частью которого и так неизвестно что делать — где селить, как кормить, во что переучивать?), но и высвободило бы для реализации на вольном рынке весьма ценную недвижимость. Только за счет продажи нескольких зданий военных академий в Москве можно было бы получить сотни миллионов долларов. Равным образом правительство увильнуло от ответственности в вопросе о сокращении министерств. Осенью 1992 года было объявлено о закрытии 80(!) союзных министерств. Если бы правительство действительно решилось на сокращение этого гигантского и ненужного аппарата, оно высвободило бы для реализации по меньшей мере столько же превосходных зданий, расположенных в лучших местах Москвы, — опять-таки сотни миллионов долларов. Вместо этого оно позволило министерствам превратиться в концерны, ассоциации и пр., переложив тем самым бремя содержания этого аппарата непосредственно на плечи предприятий.

Можно считать, что первый этап реформы, начатой правительством Гайдара, окончился полным провалом: усилением бюджетного неравновесия и повышением инфляционного потенциала.

Конечно, тут сказались многие факторы. Но в конечном счете, основной причиной является недооценка роли частной собственности как неременной институциональной основы рыночной экономики и, соответственно, полная бездеятельность в этом важнейшем для успеха реформ направлении.

ДЕНЕЖНЫЕ РЕСТРИКЦИИ (ограничения кредитной и налично-денежной эмиссии) КАК МЕТОД УСТРАНЕНИЯ БЮДЖЕТНОГО ДЕФИЦИТА

Правительство Гайдара взяло на себя обязательство в течение года устранить бюджетный дефицит и, тем самым, покончить с инфляцией и обеспечить внутреннюю конвертируемость рубля. Задача весьма честолюбивая и предполагающая грандиозные усилия по сокращению государственных расходов: сокращение армии и

Первая попытка — первая неудача. Что дальше?

закупки вооружений, закрытие и перепрофилирование большого числа предприятий оборонной промышленности, кроме того, устранение всех препятствий на пути экономического роста, в первую очередь — приватизация промышленности, торговли и сельского хозяйства, создание благоприятного инвестиционного климата и пр.

Стандартным, обязательным результатом ограничения денежного предложения в частнособственнической экономике всегда оказывается массовое банкротство неэффективных предприятий и высвобождение ресурсов для более продуктивного использования. Методом ограничения денежного предложения является увеличение базовой ставки процента, взимаемого за кредиты центральным банком. Конечной целью такого рода политики является ускорение процессов модернизации и рационализации производства, что ведет к повышению производительности труда по всему народному хозяйству, к повышению прибыльности и, через рост налоговых сборов, к наполнению бюджета. Но в краткосрочной перспективе (3—5 лет) сильное сжатие денежного предложения ведет к росту бюджетных расходов (на пособия по безработице, на возмещение утраченных доходов местным органам власти и пр.) и сокращению налоговых поступлений (из-за массового банкротства предприятий, роста безработицы и пр.) Такая стратегия реформ весьма трудна для любого правительства, даже пользующегося сильной поддержкой населения, и весьма болезненна для любой, даже самой богатой страны. Соединение денежных рестрикций, как метода сокращения бюджетных расходов, с ростом налогов является особенно трудным и неблагоприятным вариантом политики. Ведь рост налогов сам по себе является сильным средством “охлаждения” экономики, ведет к ограничению платежеспособного спроса и (или) сокращению сбережений населения. В конце концов рост налогов опустошает инвестиционные фонды и порождает экономический спад. Достаточно вспомнить о весьма скромных достижениях правительства Рейгана и Тэтчер в борьбе с бюджетным дефицитом, чтобы оценить намерения правительства Гайдара решить эту задачу в течение считанных месяцев как “сверхутопию” — даже для условий вполне рыночной, частнособственнической экономики, с относительно небольшими структурными диспропорциями.

Для России же, с ее огромными структурными диспропорциями, необходимы не только время и достаточная гибкость экономических факторов, которые обеспечиваются только приватизацией всех основных отраслей (промышленности, сферы торговли и услуг и сельского хозяйства), но и определенная доля инфляции. Можно сколь угодно неодобрительно относиться к повышению цен — этому свойству современной экономики, которое стало возможно главным образом в силу монополизма профсоюзов, — но нельзя пренебрегать этой реальностью. Учитывать ее — значит признать, что в период крупных структурных реформ некоторый дефицит бюджета не только допустим, но и полезен.

Осознав, что выбранная стратегия ведет к полному провалу реформ, правительство решило сыграть назад: дескать, высокие налоги выполнили свою роль, и в ближайшем будущем мы намерены их ослабить. Хорошо, если это всего лишь маленькое лицемерие, попытка сохранить лицо. Хуже, если “Егор и его команда” на самом деле верят в то, что они могут использовать налоги для точной подстройки экономики. Это не удастся даже в тех странах, которые имеют значительный опыт в сборе налогов и располагают для этого достаточно надежным и сильным аппаратом.

Политику правительства Гайдара приходится оценивать как неудачную в обоих случаях: собралось ли оно с самого начала манипулировать налогами или же сделало ошибку, установив чрезмерно высокие налоги. Как бы то ни было, правительству не удалось не только повышение налоговых сборов, но и сокращение бюджетных расходов. Причем и в этом последнем случае оно может винить только себя. Оставив без внимания проблему приватизации промышленности и торговли, не приняв реальных мер по сокращению армии и бюрократического аппарата, правительство обрело на провал усилия по стабилизации бюджета, а значит и перспективы стабилизации рубля. События развивались примерно следующим образом.

С начала января правительство действительно начало ограничивать эмиссию — как в форме наличных денег, так и кредитов. Надо отметить, что и в этой технически несложной операции не обошлось без накладок. Имея позади опыт годовой инфляции более чем в 1000 % и, соответственно, очень высокие инфляционные ожидания на будущее, правительство установило первичную ставку банковского процента на уровне 20 % годовых, тогда как уместнее была бы, по крайней мере на первые месяцы, ставка хотя бы в 20 % в месяц. Рыночная ставка процента в первые три месяца этого года колебалась от 35 до 50 %, а по отдельным операциям превышала 100 %. И это, отметим, для, так сказать, солидных заемщиков. Что же мы получили в результате? Очередную “загадку русской души” — банкиров, которые берут взятки за предоставление кредитов на умеренных условиях. Сложилась практика, когда распорядитель банковских кредитов получал (получает?) половину “сэкономленного” клиентом. Но важнее иное. Предприятия, лишившись дешевых и изобильных кредитов, чтобы остаться на плаву, начали кредитовать друг друга. К концу марта 1992 года взаимная задолженность предприятий составила “более 800 миллиардов рублей”. В настоящее время (к началу июля) сумма взаимных долгов уже существенно больше 2 триллионов рублей. И такой результат несложно объяснить.

Менеджеры всегда неохотно принимают болезненные и трудные решения — о сокращении персонала, о сокращении производства, и уж тем более о полном закрытии предприятия. Единственной альтернативой массовому банкротству неэффективных предприятий и модернизации и рационализации всех остальных — под давлением требований рынка и в результате сознательного решения менеджеров — является принятие правительственных решений для каждого отдельного предприятия. Очевидно, что в условиях хозяйства, которое почти на 100 % принадлежит государству, такой путь осуществления реформ невозможен. Если бы правительство имело возможность рационализировать хозяйство, это давно уже было бы сделано Брежневым либо Горбачевым, которые обладали гораздо большей властью для проведения такой политики. Но раз правительство, как показал Ф. А. Хайек, в силу недостатка информации не способно принимать правильные решения о будущем отдельных предприятий, а директора этих же самых предприятий не могут принимать таких решений в силу отсутствия соответствующих мотивов, то такие решения и не будут приняты. А это значит, что правительство должно будет компенсировать долги предприятиям, что означает все то же самое — увеличение эмиссии.

Повышение минимальных ставок заработной платы и пенсий с 340 до 900 рублей в месяц обещает в ближайшие 3—4 месяца рост всех видов заработной платы и доходов

примерно на столько же, то есть втрое. А значит, таким же будет и рост всех цен, и общий показатель обесценивания денег — индекс инфляции. Разумеется, все может оказаться еще хуже, если определенные группы, обладающие достаточным влиянием и силой (например, шахтеры Кузбаса), сделают попытку закрепить достигнутое было преимущество в инфляционном обесценивании заработной платы. Тогда все пустятся в догонку за лидером, что и называется — гиперинфляция.

Ситуация усугубляется тем, что правительство — то ли веря в пользу неведения, то ли для ублажения чиновников из МВФ — маскирует реальный объем денежной эмиссии, бюджета и бюджетного дефицита. Боюсь, что когда возобновится ускоренная эмиссия, — чтобы восполнить “квазирублевую” эмиссию настоящими рублями, — инфляция может стать неуправляемой. Нежелание видеть факты как они есть — хуже, чем просто моральная слабость. Это — политическая ошибка.

ПОЛИТИКА ПРИВАТИЗАЦИИ

В принципе деятели нынешнего правительства признают, что без приватизации экономическая реформа не достигнет своих целей. Беда в том, что выбранная ими стратегия приватизации такова, что делает реформу практически неосуществимой.

Вкратце приватизационная стратегия правительства следующая. Рабочие получают бесплатно 25 % привилегированных акций, дирекция имеет право выкупить по номинальной цене 5 % акций, а все остальное останется в руках государства и будет постепенно продвигаться на рынок.

На практике это означает следующее. Для того чтобы рыночная экономика в России заработала, нужно приватизировать примерно 75 % всей производительной собственности — за вычетом железных и автомобильных дорог, существующих систем связи, аэродромов, авиатранспорта и пр. В ценах 1990 года балансовая цена этого имущества составляет примерно 1100—1200 миллиардов рублей. Свободных же денег на руках у населения достаточно сейчас для того, чтобы выкупить в лучшем случае 7—10 % государственной собственности. На какие средства будет выкупаться все остальное?

Этого нельзя будет сделать за счет прибылей предприятий, так как их просто не существует. Значит, единственным источником средств для приватизации является заработная плата. Даже если представить себе, что экономическая ситуация в стране не будет ухудшаться и население сможет ежегодно откладывать на нужды приватизации 55—60 миллиардов рублей (в ценах 1990 года!), на выкуп госсобственности уйдет не менее 20 лет. Впрочем и этот сценарий, в котором единственным ограничением скорости приватизации является наличие средств у населения, чрезмерно оптимистичен. Вот что пишет гарвардский экономист и один из главных советников правительства Гайдара Дж. Сакс. “Лишь несколько десятков предприятий удалось продать к концу 1991 года в Венгрии, Польше и Чехословакии. Частично проблема заключается в том, что продажа “аутсайдеров” занимает слишком много времени,

поскольку требуется значительная подготовка к торгам. Не менее важно, однако, и то, что работники сопротивляются продаже их предприятий” (*“Soviet Economy”, 1991, 7 апреля, с. 320*).

Разумно ли предполагать, что все эти долгие годы население будет терпеливо и молча ждать светлого будущего, затягивая при этом пояс? Можно ли надеяться, что в результате весьма вероятного народного возмущения власть перейдет в руки более либерального правительства? Боюсь, что и на этот вопрос следует ответить отрицательно. Гораздо вероятнее, что под воздействием тягот и лишений население выскажется в пользу более традиционной для России политики — социалистической, милитаристской и ксенофобной.

Российское законодательство о приватизации допускает и бесплатную приватизацию, и для осуществления ее достаточно всего лишь решения правительства.

Предлагаемая нами — группой московских экономистов, в которую входят, помимо автора данного текста, А. Исаев, Л. Ивановский, Г. Лисичкин, Л. Пияшева и В. Селюнин — альтернативная стратегия приватизации не раз излагалась в печати (см. в частности, *“Российская газета”, 7 апреля 1991 года*). На страницах данного сборника ее представляет Василий Селюнин. Близкую позицию занимает и американский исследователь Дж. Симмонс.

Обычным возражением против такой схемы приватизации служит указание на то, что практически полное совпадение личного состава коллектива работников и коллектива собственников-акционеров неблагоприятно скажется на поведении менеджеров, которые вынуждены будут чрезмерно высокую часть прибыли выделять для увеличения заработной платы или для выплаты дивидендов. В результате новые акционерные общества будут вести себя столь же иррационально, как и нынешние государственные предприятия.

Ну что ж. Именно изначальная низкая эффективность акционерной собственности подтолкнет значительную часть акционеров к тому, чтобы “сбросить” акции на рынок — для приобретения насущных жизненных благ и наличных денег. Все остальное: скупку акций, достижение благоприятного уровня концентрации собственности, выбор менеджеров и пр., — придется уже делать новым собственникам. Единственное, в чем можно быть уверенным заранее, так это в том, что выкуп собственности, распыленной среди тысяч мелких держателей акций, — задача несравненно более простая и влекущая меньше издержек, чем выкуп той же собственности из рук бюрократии.

По мере продвижения политики приватизации начнут возникать условия для рационализации связей между предприятиями, для модернизации производства, для более рационального выбора его структуры (с учетом наивысших альтернативных издержек и прибыли). Одновременно с этим будет происходить оздоровление инфраструктуры финансовых и иных рынков. Место псевдокоммерческих банков, опирающихся почти исключительно на капитал государственных предприятий, но распоряжающихся этим капиталом в личных интересах руководства банков (что далеко не всегда совпадает с интересом самих банков, а также с выгодой экономики в целом),

начнут занимать действительно частные коммерческие организации. Похожие процессы пройдут в страховых компаниях, на биржах, а благодаря этому и инвестиционный процесс станет более предсказуемым и эффективным. Возникнут условия для более рациональной структуры цен, а тем самым определятся как наиболее привлекательные, так и безнадежные направления для инвестиций. И только тогда возникнут условия для сильной кредитно-денежной политики, для сокращения бюджетного дефицита и искоренения инфляции

ВЫВОДЫ

1. Теоретической основой реформ, осуществляемых нынешним правительством России, является представление, которое лучше всего можно описать как “кейнсианский монетаризм” или “монетаристское кейнсианство”. От монетаризма здесь убеждение, что в основе здорового, процветающего хозяйства должны быть стабильные деньги и бездефицитный, нсинфляционный бюджет. От кейнсианства — недостаточное внимание и уважение к частной собственности, уверенность в том, что правительство — поскольку оно стремится к безусловно хорошим экономическим целям — может делать что угодно с налогами, налоговыми субсидиями, таможенными тарифами, ценовым регулированием и статистикой. Экономика должна подчиниться воле правительства. Этот уровень экономического мышления хорошо характеризует следующее высказывание из интервью с П. Авеном, министром внешней торговли, опубликованное в “Независимой газете” в марте 1992 года. “Прежде чем принять какое-либо решение, мы обычно часами все просчитываем на ЭВМ с помощью самых современных и сложных моделей” (цитирую по памяти, но смысл точно этот). Трудно понять, чем могут эконометрические модели, в том числе самые современные и сложные (не очень понятная характеристика модели, скорее способ похвалить самого себя), помочь выработке разумной экономической политики. Тем более, что и не существует никаких моделей для таких переходных экономик, как российская. Если П. Авен не оклеветал себя и своих коллег, то это самый экзотичный способ выработки экономической политики, которые знает мир с тех пор, как правительства отказались от использования ауспий и других “очень сложных” способов предсказания будущего. Не исключено, что именно точные расчеты на компьютере помогли вице-премьеру Е. Гайдару так сформулировать задачу своего правительства: “низкий уровень частных сбережений означает, что правительству придется увеличить правительственные расходы и инвестиции” (“Экономист”, 25 апреля 1992 года). Ну что ж, высокие налоги всегда и везде опустошают частные сбережения и служат орудием перераспределения собственности в пользу государственной бюрократии. Каждый шаг на этом пути повышает зависимость экономики от правительственных расходов и инвестиций.

2. Практически на всех направлениях правительство Гайдара добилось либо половинчатых, слабых результатов (либерализация цен), либо потерпело поражение

(сокращение бюджетного дефицита), либо так и не сумело перейти от слов к делу (приватизация). Налоги скорее удушают экономическую активность и стимулируют разные формы налогового жульничества, чем наполняют казну.

3. Не слишком убедительно выглядят достижения правительства в деле стабилизации курса рубля и выработки более реального курса. Хотя курс рубля поднялся с января от 250—300 рублей за доллар до 150—170 рублей за доллар в конце апреля, ситуация не представляется обнадеживающей, а существующий курс — разумным. Объемы сделок на валютных биржах по-прежнему ничтожно малы, и, судя по всему, курс как и прежде определяется крайне узким ассортиментом импорта: электроника и оргтехника. Если сохранятся нынешние формы регулирования внешней торговли и валютных рынков, неизбежным результатом этого будет падение курса рубля и сокращение объемов импорта и экспорта (зачем экспортировать при таких условиях импорта?).

4. Явная непривлекательность этой политики никак не помогла решению проблемы удержания единого рублевого и таможенного пространства: Украина переходит на собственную денежную единицу — гривну, в том же направлении движутся Белоруссия, страны Балтии. Хуже того, подталкивая областные власти к псевдоденежной эмиссии, правительство Гайдара и в самой России провоцирует укрепление идей сепаратизма.

5. Налоговая политика, так же, как отсутствие возможностей для инвестирования капитала, способствуют воспроизведению известного в третьем мире явления: валютные ресурсы утекают из страны туда, где лучше условия инвестирования капитала и получения прибыли. По разным оценкам за последние два года из страны утекло от 15 до 30 миллиардов долларов. Как совершенно справедливо отмечают Л. Арон и Б. Эггерс, “с сентября 1990 года по январь 1992 года Советскому Союзу и возникшим из него государствам было предоставлено в виде кредитов и помощи примерно 80 миллиардов долларов, и результатов этих вливаний обнаружить невозможно” (*The Heritage Foundation, “Backgrounder”, №178, 4/8/92*).

6. Стремление правительства получить кредиты МВФ и других организаций подталкивает его на модернизацию статистической отчетности, которая создает видимость выполнения требования МВФ к бюджетной и кредитно-денежной политике. При этом в лучших традициях бюрократического управления ни чиновники МВФ, ни руководители российского правительства даже не пытались понять: есть ли у них возможность сколь-нибудь разумно оценить как размер ВВП России, так и, соответственно, размер бюджетных расходов. В период, когда еще не возникли реальные цены на недвижимость и средства производства, когда еще не установились цены на основные сырьевые и промышленные товары, когда основной формой торговли является бартер, — любые агрегатные экономические показатели являются чистой фикцией, а попытка использовать их для принятия политических решений абсолютно не оправдана.

7. Объявленный Гайдаром на август 1992 года переход к конвертируемости рубля при фиксированном курсе его по отношению к доллару — затея совершенно нереа-

листическая. Любой стабилизационный фонд, направленный на регулирование такого валютного рынка, будет растрочен за то время, которое потребуется чтобы пересчитать и раздать имеющуюся валюту. Впрочем, даже при решительной либерализации условий торговли и инвестиционной деятельности накопленный инфляционный потенциал обещает до конца года обесценить рубль не менее, чем в 3—4 раза, Поэтому любые попытки установить в этом году фиксированный курс рубля с коридором в плюс—минус 7,5 % обречены на провал.

РЕКОМЕНДАЦИИ

1. Концепция “помощи” должна быть дифференцирована. Международные организации и западные правительства должны быть готовы к тому, что придется оказывать помощь продовольствием и медикаментами районам бедствия.

2. Пересмотр долгов и отсрочка выплаты кредитов необходимы, потому что все равно сейчас правительство не способно их выплачивать.

3. МВФ необходимо отказаться от концепции, в соответствии с которой добросовестность намерений правительства следует оценивать исходя из агрегатных денежных показателей, характеризующих его кредитно-денежную и бюджетную политику. Условия помощи, выдвигаемые МВФ, не только принципиально не исполнимы, но также небезопасны в политическом плане, поскольку выглядят как форма вмешательства во внутренние дела суверенного государства.

4. Основной формой помощи должны стать правительственные гарантии для западных инвесторов (в рамках обычных условий страхования деловых операций в зонах повышенного риска). Но при этом гарантии не должны распространяться на сделки с предприятиями, в которых доля собственности частных лиц меньше, чем 90 %. Если российское правительство действительно заинтересовано в том, чтобы интегрировать страну в систему мировой частнорыночной экономики, такое условие помощи поможет ему найти способы для быстрой приватизации ключевых отраслей хозяйства.

5. Предоставляется совершенно неоправданным предоставление каких-либо льготных кредитов правительству, сколь бы благородно ни выглядели цели кредиторов и заемщика. Российское правительство является крупнейшим в мире собственником. Разумным и оправданным была бы помощь ему в получении крупных кредитов на международных рынках на обычных рыночных условиях — под залог недвижимости. Впрочем, не совсем понятно, что мешает правительству практиковать широкую продажу собственности западным инвесторам. В России правительство владеет множеством земель, зданий и природных ресурсов, которые могут быть проданы с выгодой для населения и без малейшего ущерба национальным интересам. Нужно помочь правительству в преодолении барьера, который мешает ему осуществлять разумную политику. В конце концов, семейное серебро отчасти является ресурсом, сберегаемым для черного дня. Не наступили ли такие дни для России?

Власть и общество

Юрий АФАНАСЬЕВ

“НАРОДОВЛАСТИЕ” ПРОТИВ ДЕМОКРАТИИ

Мифологизированное восприятие мироздания, до- и внеисторичность сознания были и остаются важнейшими характеризующими чертами российской массовой психологии.

Философские построения восточных культур дают человеку самоощущение капли в океане бесконечно длящегося времени. Homo historicus Запада знает, что позади него события, люди, эпохи, которые необратимы и непоправимы, и такое знание позволяет возвращать эти эпохи, это непоправимое и необратимое в качестве залога возможности выстроить еще не бывшее — то есть будущее.

В наш нынешний “домашний” спор о путях развития вовлечены, по сути, все эпохи российской истории. “Вертикаль” времени снова превращается в “горизонталь”, потому что, как и прежде, Россия не может преодолеть свое прошлое, выйти в современность: для нашего общественного сознания прошлое — не только то, что было.

Политические деятели самого разного толка — В. Алкснис и Б. Ельцин, Г. Бурбулис и А. Руцкой — говорят, казалось бы, на вполне нормальном современном языке. Но если подвергнуть их речи более или менее серьезному семиотическому анализу, то за сегодняшними терминами усматривается нечто более глубокое — иная речь. Ее содержание хорошо укладывается в категории “вече” или “соборность”. Что же несет в себе это *нечто*, не вполне выговоренное на современном языке?

Думаю, подобным образом проявляется именно тот факт, что на исторической “горизонтале” нашего сегодня возникают снова все основные вехи и реалии “верти-

кали” отечественной истории: и Киевской Руси, и Московского царства, и николаевской России. Именно так на коллективно-бессознательном уровне реализуются сущностные черты российской массовой психологии.

Накануне XXI века россияне еще не подошли к восприятию единого Мира миров — человечества, к осознанию себя одним из миров в этом Мире миров.

1

В последнее время у нас снова заговорили о народовластии как о чем-то подлинно русском, как об основном содержании, о ядре русской идеи. Более того, народовластие пытаются иногда преподнести как нечто выстраданное всей историей России, как наше национальное достояние и именно поэтому — наше родовое свойство. В таком качестве народовластие становится для некоторых современных общественных организаций корневым программным положением. Например, это верно в отношении Российского общенародного союза — недавно образовавшегося антиельцинского блока, куда вошли и “патриоты”, и “коммунисты”, — своего рода “лево-правый” блок. “Народовластие” наряду с “патриотизмом” и “справедливостью”, с точки зрения идеологов РОС, — не только национальная традиция, но еще и ориентир, с помощью которого нам надо строить будущее так, чтобы не копировать западные образцы, а преимущественно развивать свое, единственно нам присущее; не только основа нашей национальной отличительности, но уже и маяк, главная составляющая именно нашей русской предназначенности. Народовластие не даст нам сбиться с пути, устремиться туда, куда не нужно, — в частности, в сторону западной демократии.

Иначе говоря, из отечественной истории извлекаются понятия, актуализируются события, призванные помочь нам обрести свою общественную идентичность, обрести себя — как общность, как культуру, как цивилизацию. Тем более насущной становится задача освоения самих этих понятий, прояснения событий, с помощью которых мы пытаемся преодолеть прошлое, осознать настоящее и заглянуть в будущее.

2

Для меня народовластие в качестве идеи и суммы событий конкретизируется следующим образом.

Во-первых, как понятие оно не может быть усвоено вне связи с другими, то есть ему надо найти место в ряду с другими реальностями прошлого и настоящего, сопряженными с ним, дополняющими или опровергающими его. Разумеется, этот ряд никому не дан заранее, подобного ряда — одного для всех — не существует. Я в этом ряду вижу: вече, соборность, авторитаризм, царскую власть, большевизм и т.п. Для иных здесь окажется что-то еще, а для кого-то — и совсем другое. Но общее правило не изменится: хочешь понять глубже — посмотри широко.

Тогда, как я понимаю, народовластие станет продолжением соборности, которая мной воспринимается, в свою очередь, как общее согласие. А это последнее для

"Народовластие" против демократии

меня — одновременно чье-то торжество и чья-то поверженность, но никогда — компромисс одного и другого. Народовластие на основе общего согласия — социальный фундамент авторитаризма, воплощение русско-советской "соборности" государства.

Конечно, в таком понимании народовластие — антипод западной демократии, которая в идее и в жизни есть согласование несовпадающих, противоположных интересов.

Демократия — диалог. Народовластие — монолог.

Во-вторых, как историческое событие "народовластие" для меня — почти вся отечественная история, и встречается оно чаще даже там, где никак не ожидаешь его встретить, а встретив, не сразу распознаешь. Например — в программных откровениях нашего современника С. Бабурина. Или — в эсеровской политике, всегда основывавшейся на понятии "мир": для эсеров "мир" — и Русь в значении мир, "белсвет", и крестьянский "мир"-община; для них "мир" — и базисное мироощущение, неприятие западного индивидуализма и уж, конечно, неприятие частной собственности (как основы эксплуатации). Или — в столь распространившейся с легкой руки М. Горбачева идеологеме "всем миром".

Ну, а что же дальше? Дальше — все та же "соборность" государства вместо разделения властей, вместо государства в качестве инструмента для установления компромиссов между противоречивыми интересами в гражданском обществе. А еще дальше — эсеровская программа в исполнении большевиков. Программа уничтожения несогласных с общим согласием. И — наш социалистический тоталитаризм.

Но народовластие — не только понятие, которое надо заново осознать, не только исторические события, которые следует прояснить. Это еще теперешняя наша реальность, которую надо пережить. Иначе говоря, нам надо выйти наконец из прошлого в современность с помощью осознания нашего прошлого, путем его преодоления. И что же представляет собой в таком смысле переживаемая нами реальность, современная нам несовременная наша действительность?

3

Наше народовластие сегодня — это нераздельность властей, это усиливающееся противостояние власти и общества, это все та же наша традиционная российская демократическая недостаточность. Это и очередная претензия новой власти на все ту же соборность. Например — в виде идеи провести накануне VI съезда народных депутатов Собрание граждан России в поддержку реформ. То есть — в поддержку правительства Б. Ельцина.

"По подсчетам организаторов собрания граждан России, — сообщили "Известия" (№67 от 19 марта), — в нем смогут принять участие порядка четырех тысяч человек, причем от трети до половины прибудет с мест".

Мне это сообщение напоминает пояснение гида: "Перед вами Вечный огонь. В нашем городе его зажигают по субботам и воскресеньям". И все-таки собрать предполагалось не каких-то представителей кого-то, а ни мало ни много — граждан России.

И снова — не в виде Учредительного собрания с целью сформировать систему разных властей, учесть и реализовать разные интересы, представленные сегодня в российском обществе, а традиционно: в виде Собрания россиян — вроде Всероссийского Веча или Мирского Схода — для выработки (?) Общего согласия.

Только вот как быть с несогласными, если на российских просторах и на сей раз найдутся таковые? Например, что делать с татарами, пожелавшими вопреки пожеланиям Б. Ельцина иметь суверенное государство — субъект международного права? Или с теми, которые, откликаясь на призывы “красно-коричневых” (как бы ни было это для кого-то огорчительно), выходят на площади, чтобы сказать “нет” политике правительства?

Да мало ли может оказаться несогласных по самым различным причинам с “Общим согласием граждан России”? Как разделаться с ними? По-русски: просто не заметить или одолеть? * А может быть, с несогласными проще разделаться по-ленински: Тифлис взять военной силой, но при этом не нарушать международное право? По-сталински: ...?

4

Выступая по телевидению, Государственный советник Г. Бурбулис заговорил об авторитаризме и дал, как и можно было ожидать, весьма “добрую” и своевольную трактовку данному понятию. На вопрос, не грозит ли нам снова эта напасть, он ответил: да, но в этом нет ничего страшного — если понимать авторитаризм как авторство, сочинительство, как творчество то бишь. Для Г. Бурбулиса это режим, при котором все начальники — Авторы, но никак не режим личной власти и диктаторских методов. И не самовластие, что точно соответствует сути термина, пришедшего к нам из латыни. То есть даже этимологически Г. Бурбулис понимает и интерпретирует “авторитаризм” так, как хочется, — произвольно.

Но для нас, россиян, значение этого понятия далеко не исчерпывается лишь сферой этимологии. Мы пережили многовековую историю российского самодержавия.

* Уместно было бы здесь сослаться на В. О. Ключевского. О новгородском вече он писал: “Вече не было по составу своему представительным учреждением, не состояло из депутатов: на вечевую площадь бежал всякий, кто считал себя полноправным гражданином”. (В нашем случае на собрание граждан России прибыли те, кого соблаговолили пригласить правительство и любящие его партии) Далее историк пишет: “На вече по самому его составу не могло быть ни правильного обсуждения вопроса, ни правильного голосования. Решение составлялось на глаз, лучше сказать на слух, скорее по силе криков, чем по большинству голосов. Когда вече разделялось на партии, приговор вырабатывался насильственным способом, посредством драки: осилившая сторона и признавалась большинством”. (В. О. Ключевский. *Курс русской истории. Часть вторая. М., “Мысль”, 1988, с. 64, 65).*

"Народовластие" против демократии

Откуда и почему такой тип власти? Каковы ее психологические, социальные, географические основания? И сопрягается ли как-то этот тип власти с соборностью, не является ли самовластие и авторитаризм иносказаниями народовластия?

Для выяснения всех этих вопросов, конечно, можно было бы ограничиться студенческими аудиториями и академическими симпозиумами, если бы на нашем горизонте не маячил все тот же легко угадываемый образ правления. Если бы не идейная и политическая путаница в головах высокопоставленных строителей нынешнего фарса с Собранием граждан России.

Нам необходима не демонстрация всероссийского единодушия, которого нет и, слава Богу, никогда не будет. Надо превратить политику в средство согласования разных интересов. Это — общее место для многих, но не для нас, россиян. А прежде чем согласовывать интересы, их нужно оформить. Политика у нас должна еще содействовать становлению гражданского общества: например, превращению россиян из наемников в собственников. Или — избавлению от иллюзий и мифов в общественном сознании: например, от иллюзии "соборности" государства.

5

Видимо, уже для многих не является откровением тот факт, что команда первого демократически избранного российского Президента повторяет путь президента СССР, избранного "кое-как". Если отвлечься от некоторой терминологической ретуши, нам предлагают все тот же идейный багаж, те же социально-политические установки, те же отношения власти и общества. Действия российской администрации, по-прежнему, даже не просто непоследовательны, но конвульсивны.

Лавина указов и постановлений не просто не переваривается и не усваивается Россией, но даже не фиксируется в сознании среднего и низшего эшелонов государственного и хозяйственного управления. Реально не осуществляются антимонопольные меры, профанируется аграрная реформа — при том, что в советниках у новых властей все те же Джеффри Сакс и "гарвардская школа".

Почему фактически нетронутым остался советский репрессивный аппарат, политический сыск? Почему, как прежде, сохраняется в тайне процесс подготовки любого сколько-нибудь ответственного политического решения? Вопросы такого рода властям, как и раньше, можно задавать почти без счета. И, вероятно, для современной политической практики главный из них: почему на местах, на уровне "область—город—район", сохраняется власть сугубо номенклатурного свойства? "Номенклатурный реванш" — отнюдь не гипербола политологов, а лишь вполне точная констатация реального положения дел.

Создается впечатление, что нас преследует какой-то рок. Из крови карабахского конфликта мы окунаемся в кровь множющихся конфликтов с участием россиян. (Не собирается ли еще казачество защищать права русских в Канаде или во Франции?)

Юрий Афанасьев

“Наших” там побольше будет, чем в Молдавии). Из развала Союза ССР — в развал уже Российской Федерации. От единичных нищих еще два года назад — к едва ли не поголовному нищенству всего населения.

А роковые эти проявления — именно результат повторения прежнего пути. Только раньше мы просто абстрактно “двигались к рынку”, а теперь — не мыслим другого пути. Если раньше официальные власти не умели говорить “приватизация” или “частная собственность”, то теперь умеют говорить.

Изложенное выше — попытка частично ответить на эти вопросы. Все конвульсивные действия администрации (вспомним хотя бы иррациональные шаги в отношении Крыма и Татарии, поволжских немцев или Черноморского флота), все политические повторы в значительной мере объяснимы слепотой, проистекающей из-за непросветленности многих наших насущных понятий и проблем. В своем роде замечательно в связи с этим намерение, высказанное госссоветником С. Шахраем: поднять “на недостижимую высоту” зарплату госчиновников. Как эксперимент в борьбе с коррупцией посредством легализации сверхдоходов данная идея, возможно, и представляла бы академический интерес, если бы сверхдоходы не предполагались для “слуг общества” в условиях обнищания общества. Пока же замысел госссоветника представляется бессмысленным бесстыдством.

Реальная альтернатива российскому “само-народовластию” сегодня, видимо, не вызрела. Общество — его еще нельзя назвать гражданским — не в состоянии оказать действенное давление на своих “управляющих”, на властные структуры. И правительство может позволить себе роскошь абстрактного “реформирования” за счет абсолютного большинства населения — не в интересах общества, но за его счет.

Март 1992 г.

Лилия ШЕВЦОВА

ВЛАСТЬ В РОССИИ

ПРОБЛЕМЫ И ТУПИКИ КОНСОЛИДАЦИИ

Россия после распада Советского Союза вступила в новый этап своего развития. Он характеризуется обострением политической борьбы на всех уровнях, которое весной 1992 года привело к новому этапу противостояния. Причем, это противостояние по ряду параметров оказалось более серьезным, чем те конфликты, которые переживало общество во времена М. Горбачева. Необходимо отметить и то, что новый этап борьбы в России связан не просто со стремлением отдельных лидеров и сил к переделу власти в свою пользу. Речь идет о гораздо большем — о борьбе за выбор дальнейшего пути, за форму государства и характер собственности.

На исход начавшейся на российской политической сцене борьбы влияют по меньшей мере четыре фактора, на которые следует обратить особое внимание. Во-первых, реформы в России начались в условиях отсутствия у нее четких, оформившихся национально-государственных интересов и относительно стабильной государственности. Во-вторых, экономический прорыв здесь опережает консолидацию новой власти, которая по существу даже еще не началась. В-третьих, преобразования в России происходят при усилении процессов ее национально-территориальной и региональной дезинтеграции. В-четвертых, Россия приступила к реформам в условиях, когда распад бывшей советской империи не прошел своей критической точки. Все эти факторы придают особую сложность движению российского общества. Но каким будет их влияние, где оно будет нейтрализовано, а где усилится, какое направление примут дальнейшие события, во многом зависит от соотношения сил на российской политической сцене и от характера интересов, которые эти силы представляют.

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА: КОГО С КЕМ?

Есть несколько причин обострения политической борьбы в России после краха союзных структур. Так, ее ускорителем явилась экономическая реформа, подтолкнувшая процесс размежевания, перегруппировки интересов и возникновения новых социальных слоев. Свою роль играет продолжающийся распад прежней, советской государственности, сам факт дезинтеграции общества и зарождение локальных и региональных интересов различного типа. Наконец, аморфность российских властных структур, смешение их функций является для разных группировок не только мощным стимулом борьбы за место наверху, но и провоцирует их на попытки превратить отдельные властные блоки в рупор своих интересов. Отметим, что складывающаяся в России ситуация оказывается несколько более продвинутой, чем в ряде других постсоветских государств, где речь идет о борьбе между сторонниками различных моделей административной системы — квазикоммунистической, теократической, национал-авторитарной. Но одновременно мы отстаем от Восточной Европы. Там тоже идет противоборство, но в большинстве случаев оно касается различных концепций рыночной и демократической трансформации общества. В России же пока не выбиты из игры те, кто выступает за реставрацию административно-распорядительной системы советского типа и унитарного государства, пусть и в иной идеологической оболочке.

На характер борьбы в российском обществе оказывает влияние несколько обстоятельств. Так, у нас пока сохраняется чрезмерная персонализация политики. Деятельность лидеров все еще подменяет находящиеся в хаотическом состоянии структуры и правовые механизмы. Сам этот факт, будучи вынужденным, дестабилизирует общественное развитие, внося в него непредсказуемость и элементы личностных взаимоотношений. Но отметим и то, что по всем признакам время политиков-одиночек постепенно уходит. С одной стороны, все они сами начали искать для себя базу опоры. С другой — активизировалось встречное движение разнообразных группировок — политических, экономических, региональных — в поисках представителя своих интересов наверху. Поэтому любой российский политик нам сегодня важен прежде всего с точки зрения того, выразителем какой ориентации он является, кто стоит за его спиной.

Отметим и существующий разрыв между соотношением интересов и сил внутри российской политической надстройки и характером социальных устремлений самого общества. Существование такого разрыва может в перспективе стать одним из источников нового противостояния между властью и обществом. Хотя, впрочем, этот разрыв неизбежен, потому что социальное движение всегда опережает политическое и потому что пока у нас нет эффективного механизма артикуляции общественных интересов. Помимо этого, сохраняется и несоответствие между характером политического плюрализма и его влиянием внутри структур власти. Короче, то, что происходит на широкой политической сцене, не адекватно тому, что делается в коридорах власти. А это еще один потенциальный дестабилизирующий момент.

Данная ситуация ведет к тому, что на процесс подготовки и принятия решений могут оказывать решающее влияние группировки, не имеющие никакой существенной опоры в массах. Добавим и следующее: разрывы между отдельными общественными подсистемами создают ситуацию, когда эти подсистемы начинают работать в автономном режиме, зацикливаются сами на себя, на удовлетворение собственных организационных и функциональных потребностей. Между ними в таком случае неизбежно возникновение "пограничных" противоречий и конфликтов, которые гораздо опаснее "внутрисистемных".

Пришла пора отказаться от попыток втиснуть все многообразие российской политической жизни в рамки биполярной модели, жесткого деления на демократов и консерваторов, столь характерного для перестроечного, горбачевского периода развития. Учтем, что становление новых общественных сил еще не завершено. Уже тот факт, что этот процесс происходит нередко в отрыве от социальной материи, ведет к тому, что под одной вывеской может скрываться разное содержание. А так как мы имеем несколько видов размежевания (перечислим лишь основные: по отношению к правительству и его реформе, к национально-государственным интересам России, к организации власти), то получается так, что отдельные группировки, схлестываясь по одному вопросу, могут блокироваться по другому. В результате мы получаем прелюбопытнейшие конфигурации, как-то: единение антикоммунистов и рьяных большевиков, или скатывание некоторых демократов на позиции державничества и авторитаризма, или критика власти одновременно и демократами и консерваторами.

На первый взгляд, в российской жизни сегодня наиболее активны следующие силы: демократы, неокommунисты, национал-патриоты. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что такой принцип деления многого не объясняет. Видно, нужно отказываться от привычных штампов и наклеек. То, что годилось вчера, просто вводит в заблуждение сегодня, когда мы нуждаемся в совершенно иной шкале координат. Так, очевидно, что было преждевременно оппозицию коммунистическому режиму трактовать как классическую демократическую силу. Эта ошибка нам стоила дорого — она обернулась дискредитацией самой идеи демократизма. Ведь немалая часть тех, кого мы считали демократами, не только сломались на национально-государственном вопросе, но и не выдержали испытания властью. Сегодня предстоит возрождение демократического движения по существу заново, но уже в более неблагоприятных условиях. Пока же кризис в рядах демократов трудно преодолеть, не решив стоящей перед ними дилеммы: стать опорой власти или оппозицией к ней. Драматизм их положения усугубился тем, что по крайней мере формы начатой в России экономической реформы не отвечают текущим интересам широких слоев и, поддержав ее, демократы противопоставили бы себя, возможно, большинству общества. Однако, выступив против реформы, они рискуют сыграть на руку реваншистам. Балансировать же в роли "конструктивной оппозиции" долго никому и никогда не удавалось. Пока демократические группировки пытаются найти свое новое лицо, политическая игра идет своим чередом и — увы — без их активного влияния.

Впрочем, летние события 1992 года — в первую очередь резкое углубление социальной напряженности и межнационального, да и межгосударственного противостояния в рамках всего бывшего советского пространства, и на этом фоне перегруппировка политических сил в российских верхах — могут облегчить демократам

нахождение для себя более определенного места в политической жизни общества. Если данные события приведут к торможению экономической реформы и к усилению авторитарных черт только формирующегося политического режима, то демократические группировки будут вынуждены покончить со своей двойственной ролью и перейти в оппозицию либо, по крайней мере, стать критиком власти.

Что же касается неокommунистов, также не будем чрезмерно преувеличивать их возможностей. Право, только можно пожалеть плечами по поводу той шумихи, которая подчас намеренно поднимается вокруг “союзников”, “Трудовой Москвы” и прочих подобных группировок. Есть ведь более прочные основы для консолидации новой власти, чем муссирование лозунга об угрозе “красно-коричневых”. Сохранение коммунистического синдрома возможно, но уже в иных оболочках. Любые же силы, которые реально претендуют на власть, будут пытаться отделаться от любого намека на коммунистическое прошлое.

А теперь остановимся на тезисе об угрозе “номенклатурного реванша”, о котором предупреждают многие и активно пишет пресса. И действительно, есть данные, которые вроде бы подтверждают наличие такой угрозы. Так, только среди депутатского корпуса Российской Федерации соответственно — 22, 36 и 21 процент депутатов на момент избрания занимали должности в высшем, среднем и низшем эшелонах управления, то есть входили в номенклатуру. Только каждый пятый депутат был представителем рядовых профессий. Однако на самом деле лозунг о “засилье номенклатуры” в российских органах власти является некоторым упрощением. Дело в том, что единой номенклатуры у нас более не существует, так же как нет более единого ВПК, директорского или аграрного лобби. Произошел ее раскол на “прагматиков” и “старую гвардию”. Первые при первой же возможности сбросили опостылевшую коммунистическую оболочку и сегодня выступают за обновление прежней системы, за рынок, правда, под своим контролем и при гарантии реализации своих корпоративных интересов. Старая гвардия осталась верной идеалам распорядительно-распределительного государства. Однако в августе 1991 года она была отодвинута от власти в центре объединившимися прагматиками и частью российской оппозиции. Разумеется, внутри складывающейся новой правящей элиты есть свое размежевание. Но то, что прагматическая часть номенклатуры уже вряд ли когда-нибудь поддержит возрождение коммунизма, это не вызывает сомнений.

Что же касается крена российской власти в сторону бюрократизации, то основная причина этого отнюдь не в номенклатурном засилье. Не меньшими бюрократами показали себя и демократы. Причина в другом — в отсутствии эффективной организации власти. В этих условиях хоть тысячи раз проводи “деноменклатуризацию”, кончится все тем же. Можно указать и на обратную сторону той же зависимости. Напомню: в Испании после смерти Франко ключевые позиции в армии и администрации еще длительное время были в руках франкистов и тем не менее страна уверенно шла по пути демократии. Функционирование власти по принципу противовесов и контроль за нею заставлял вчерашних франкистов следовать демократическим процедурам.

Что же касается национал-патриотической волны, то ее подъем явился в первую очередь следствием отсутствия четкого видения национально-государственных интересов России в российских верхах. Сыграло свою роль заигрывание с национал-пат-

риотами отдельных российских политиков, в первую очередь Руцкого и Хасбулатова. Некоторое время, правда, казалось, что в России нет оснований для превращения национал-патриотов в мощную и единую оппозицию. Нельзя было не видеть, сколь многое их разъединяет: “союзники” борются с “изоляционистами”, коммунисты с антикоммунистами (так называемыми “белыми патриотами”), рыночники с популистами. А непомерные амбиции и честолюбие лидеров, наших профессиональных “патриотов”! Трудно было предположить, что все они могут удержаться в рамках единого движения. Собственно, такого движения и не получилось. Но кое в чем с начала 1992 года наши “патриоты” преуспели. Я имею ввиду зарождение в российском обществе (не без их помощи) атмосферы шовинистического угара, возникновение взрывоопасного сплава чувств: с одной стороны, ностальгии по былому величию, потерявшей основу национальной гордыни вперемежку с верой в собственный мессианизм; а с другой — ощущения поражения и конца державы. Даже искренние демократы и либералы и те не смогли удержаться от одуряющего влияния этой гремучей идеологической смеси.

В условиях отсутствия иных сцепляющих идей “новое державничество” все активнее стало использоваться властью для консолидации своих позиций. Один за другим почти все российские политики бросились эксплуатировать патриотизм и национальную идею — кто в своих собственных интересах, кто в интересах государственного строительства. Споры нет, на нынешнем этапе формирование новой российской государственности с учетом кардинально изменившихся геополитических реалий, подведение итогов прошлому, выяснение того, где сохраняется нить преемственности (и с царской Россией и с Союзом), а где нужен окончательный бесповоротный разрыв, — все это главнейшая задача нынешней российской власти. Аморфное, протоплазмообразное состояние России не только представляет основное препятствие на пути реформирования ее общества. Не определившаяся в своей государственности магма опасна для окружающего пространства, не дает возможности спокойно развиваться другим образованиям, возникшим в результате распада СССР. Но пока еще остается неясным: станет ли идея новой государственности основой для цивилизованного развития общества, возможно ли ее объединение с идеологией реформирования, как это произошло в ряде восточноевропейских стран? Либо эта идея будет использована для блокировки реформ, для установления нового авторитарного режима, неважно во главе с кем? Ответы на эти вопросы в решающей степени определит ближайшее будущее российского общества.

Выше мы говорили скорее об идеологических ориентациях нашего политического плюрализма. Если же брать весь комплекс критериев его зрелости, не только идеологические, но и организационные и социально-политические, то можно сделать вывод, что настоящая и работающая многопартийность в России пока не сформировалась. Вернее, она еще не вышла из эмбрионального состояния. До сих пор основой существующих здесь партий являются скорее всего идейные посылки и различия отдельных людей и групп в мировоззрении, а также эмоции, харизма лидеров, потребность в групповом общении, стремление выразить личное недовольство и т. д. Не сформировались пока относительно прочные социальные корни многопартийности. Старая социальная структура все еще находится в состоянии незавершенного распада. Новые социальные слои еще окончательно не выкристаллизовались. До сих пор

недостаточно активно действуют экономические мотивы и стимулы их консолидации. Вполне возможно, что относительно жизнеспособные корни в России в ближайшем будущем возникнут, как в Польше, на обломках синдикалистских структур и на основе социально-профессиональных устремлений. Не исключено, что основой некоторых новых партий явятся прежде всего региональные интересы, которые формируются сейчас более активно, чем интересы отдельных социальных страт. Конечно, и процесс самостановления последних нельзя недооценивать — он идет, но еще не так быстро, как в Восточной Европе.

И тем не менее уже очевидно появление определенного нового качества в развитии российского плюрализма. Во-первых, так называемая “перестроечная” многопартийность, рожденная из недр компартии, постепенно сходит с политической сцены. Во-вторых, движенческая активность аморфного типа начинает уступать место стремлению создавать более организованные и упорядоченные структуры. В-третьих, разделение на фланги хотя и сохраняется, но одновременно возникает более сложная политическая мозаика, и она начинает укрупняться через объединение малых группировок в блоки и коалиции. В-четвертых, — и это особенно важно — пока многопартийность не приобрела стабильные черты, в коридорах власти доминируют различные лобби, группы “натиска” и “давления”.

Остановимся на последнем моменте особо. В российском парламенте наиболее активны следующие группировки: директорское и аграрное лобби, армейская группа давления, различные региональные группировки, представительства национально-автономных интересов, административно-номенклатурные группы, предпринимательское лобби. Но соотношение лоббистских группировок, действующих в парламенте, и тех, кто пытается влиять на исполнительные органы, неодинаково. Так, в российском парламенте в первой половине 1992 года наиболее активны были группировки, объединившиеся во фракцию “Российское единство”, среди них — аграрное и “патриотическое” лобби, а также представители советской администрации с мест. Однако на правительство больше пытались в этот период “давить” предприниматели, директора крупных предприятий и региональные группировки. Но, опять-таки, следует дифференцированно относиться ко всем группам интересов. Так, региональные интересы представляют собой очень сложное явление. На местах идет движение и столкновение сразу нескольких групп интересов — интересов новых предпринимательских структур, которые кое-где блокируются с директорским корпусом, а кое-где борются с ним; предпринимателей-монополистов из среды номенклатуры; прагматической части администрации; консервативных группировок из советских органов; депутатского эшелона; городских и районных управленцев, с одной стороны, и представителей областной и краевой администраций, с другой. Все эти группы, сталкиваясь или взаимодействуя на местах, все активнее выходят наверх, тем самым усиливая ситуацию поляризации на высших уровнях власти и управления.

Однако все то, о чем мы говорили выше, это поверхностная мозаика разноречивых движений и импульсов. В глубине же происходит своя дифференциация и сближение одновременно, и результаты этих процессов определяют вектор ближайшего развития России. Речь идет о том, что все силы, действующие на российской сцене, пусть и под разными знаменами, можно разделить на тех, кто выступает за радикальную трансформацию общества; тех, кто пытается ограничиться его модер-

низацией, созданием приказной системы нового типа; и тех, кого можно назвать реваншистами. Рупором радикальных реформаторов до сих пор у нас считалось правительство Ельцина—Гайдара. Но надо признать, что держалось оно прежде всего на поддержке президента Ельцина, не сумев сформировать не только достаточную опору в обществе, но даже и административные рычаги воздействия на местах. Впрочем, все правительства Восточной Европы, начинавшие рыночный прорыв, не имели массовой базы. Но они могли рассчитывать на консенсус основных политических сил по вопросу национально-государственных интересов своих стран и относительно стабильную структуру власти, чего как раз в России до сих пор нет. Более того, позиции реформаторов ослабляются размежеванием в их собственных рядах — на демократов и либералов авторитарного толка. Словом, как самостоятельная сила, без компромиссов с другими группировками, они не смогли долго удержать властные позиции. В июне 1992 года правительство либералов уступило место правительству нового состава, которое по существу отразило компромисс либералов с промышленниками и частью номенклатуры, компромисс весьма непрочный и, думается, временный.

Модернизаторы имеют позиции среди директорского корпуса, военных, в технократических кругах, могут привлечь на свою сторону и часть производителей. К ним склоняется и немало предпринимателей. Модернизаторы создали свой политический рупор, которым является возникший по инициативе Научно-промышленного союза А. Вольского Всероссийский союз обновления ("Обновление"). Отметим и то, что модернизаторы оказались способными к созданию коалиций, подтверждением чего явилось формирование блока, так называемого Гражданского союза из партий Травкина, Руцкого и новорожденного союза "Обновление".

Наконец, реваншисты имеют еще достаточно сильные позиции на местах, в советских органах власти, среди популистски настроенных слоев населения. Их поддерживает и немалая часть национал-патриотов.

Последний VI съезд народных депутатов Российской Федерации, состоявшийся в начале апреля 1992 года, показал, что реваншисты в этот момент вступили в решающий бой, стремясь остановить реформы, используя для этого сохраняющийся под их немалым влиянием съездовский форум. Слабость в ходе этого противостояния правительства либералов свидетельствовала о том, что оно не сумело своевременно оформить свою социально-политическую опору не только внутри представительных органов, но и в самом обществе. В этих условиях единственным для них средством остановить реванш была блокировка и альянс с модернизаторами. Разумеется, однако, что этот альянс в условиях сохраняющейся социальной и политической аморфности общества не может быть долговременным. У модернизаторов есть свои политические амбиции, и они явно будут претендовать на всю полноту власти. В этой связи новый виток борьбы между политическими группировками, оказавшимися наверху, неизбежен. Причем любое противостояние может принять затяжной характер, порождая патовые ситуации, в которых ни одна сила длительное время не будет способна одержать верх. Таково следствие отсутствия в обществе четкой социальной и политической дифференциации. Каждый раз выходом может быть новый пакт — новые компромиссы и поиск новых союзников.

2. ПУТИ КОНСОЛИДАЦИИ ВЛАСТИ

Что же представляет собой политическая структура России на нынешнем этапе? Есть точка зрения, что мы имеем недостроенную политсистему, которую необходимо только дополнить некоторыми новыми элементами и органами, и она тогда заработает. На самом деле в России — пока во всяком случае — вообще нет системной, структурированной власти. Возникло совершенно хаотическое нагромождение отдельных властных блоков, которые принадлежат не только разным периодам общественного развития, но даже разным общественным системам. Они имеют противоположные целевые установки и сегодня являются рупором конфликтующих социальных политических интересов. Происходит противоборство между представительной и исполнительной властями наверху; между советами и главами администрации, а также представителями президента на местах; между вышестоящими и нижестоящими органами власти; между краевой, областной и городской властью и т. д. Это противоборство является следствием не столько конфликта интересов отдельных лидеров и сил, стоящих за ними, сколько результатом столкновения противоположных общественных ориентаций. В этих условиях сама власть в целом становится взрывоопасным фактором, провоцирующим социальную напряженность.

В первой половине 1992 года в России образовались три властных блока.

Первый — советский, который включил в себя систему советов всех уровней. Даже несмотря на отсутствие компартии и наличие демократических фракций во многих советах, они как были, так и остались элементами приказной, распорядительной системы, по своему духу чуждой и рыночным преобразованиям, и эффективному, а не популистскому и демагогическому демократизму.

Второй — перестроечный. Он возник уже в горбачевский период за счет создания некоторых дополнительных органов, прежде всего съездов народных депутатов, которые были призваны демократизировать старую систему. Но эти “довески” превратились просто в декорацию. Более того — они стали препятствием на пути осуществления реформаторской политики. Так что, по существу, роль второго властного блока уже ничем не отличается от функциональной значимости первого, традиционно советского.

Третий властный блок был создан Б. Ельциным и его командой для того, чтобы компенсировать неэффективность советской системы. Это так называемая “президентская вертикаль”, которая возникла в конце 1991 года за счет назначения лояльных российскому президенту глав администрации на местах и его представителей, которые были обязаны осуществлять контрольные функции. К чему это привело, стало ясно уже вскоре. Создание “президентской вертикали” породило либо ситуацию конфронтации между главами администрации и советами, либо превратило президентских назначенцев в “свадебных генералов”. Противоборство советско-перестроечного и президентского блоков власти стало одной из основных тенденций политической жизни Российской Федерации. Конечно, до определенной степени борьба властных блоков компенсировала отсутствие в стране реальной многопартийности, но одновременно еще более раскачивала и так нестабильную ситуацию.

Постепенно все общественные силы стали осознавать, насколько опасно не очерченное строго и хаотическое властное пространство. К лету 1992 года со всей остротой на повестке дня встала задача поиска организационной основы консолидации власти, новой идеологии власти, социальной и политической опоры власти в целом и режима в частности.

В момент, когда пишутся эти строки, возможны три варианта решения проблемы власти в России.

Первый — сохранение на неопределенное время прежнего неустойчивого сооружения, состоящего из советских и “президентских” органов. Однако ясно, что все попытки состыковать их и заставить работать, в частности за счет все новых подпорок и достроек, ни к чему не приведут. Этот сценарий может лишь усилить общую бюрократизацию власти и ее отрыв от общества. Впрочем, в общественном сознании уже произошел перелом и утвердилось понимание того, что политическую структуру надо менять. Но остается открытым вопрос: когда, каким способом и какую систему строить? Заметим, что момент перехода к новой политической системе начал приобретать особое значение. Ведь сам характер этого перехода может определить демократический или авторитарный характер будущего государства. Но если проблема перехода к новой власти в ближайшее время решена не будет, Россию ждет усиление хаоса и непредсказуемость событий.

Второй вариант решения проблем власти уже апробируется в ряде постсоветских государств, где идет установление жесткого президентского правления через назначенцев — в Казахстане, Кыргызстане, на Украине (здесь с некоторой полудемократической модификацией). Этот путь может решить в пользу правящей группировки исход борьбы как наверху, так и на местах. Но одновременно воссоздание системы “приводного ремня”, пусть и под технократической вывеской, кратчайшая дорога к авторитаризму. Этот же режим категорически противоречит основной цели экономической реформы — переходу к механизмам хозяйственной саморегуляции. Упование же на то, что новая административная система будет рассчитана лишь на короткий период, является заблуждением, возможно и неосозанным. Ни одна сила, получившая монополию на власть, никогда и нигде добровольно от нее не отказывалась. Впрочем, любая попытка воссоздать систему “приводного ремня” в России, учитывая далеко продвинувшийся здесь процесс формирования региональных интересов и самоопределения бывших автономий, породит лишь новый виток конфронтации, в первую очередь между центром и местами.

Третий вариант — это кардинальная реорганизация власти на демократических началах. Эту проблему, однако, нельзя сводить только к досрочным перевыборам представительных органов сверху донизу и выборам глав администрации. Требуется и уточнение принципов функционирования политсистемы с учетом необходимости более совершенного разделения функций исполнительных, законодательных и судебных органов и децентрализации самой власти. Словом, мы подошли к тому порогу, когда появилась потребность в новой концепции и политической и административной системы и их строительства заново. Но чем дальше мы будем тянуть с ее осмыслением, тем сложнее будет пробивать и реализовывать эту идею. За короткое время российское древо власти успело не только обрасти монструальными бюрократическими наростами, но и превратилось в нечто самодовлеющее и совершенно непроницаемое для

общества, но и сумело выработать определенный защитный рефлекс. Еще немного — и завершится процесс формирования новой политической элиты, в которой тон начинают задавать отнюдь не демократы. Тогда шансы демократической реформы власти станут минимальными, по крайней мере в близкой перспективе.

Нынче против такой реформы высказывается в основном два аргумента: во-первых, она-де дестабилизирует и так взрывную ситуацию, а возможно, и приведет к власти “красно-коричневых”; во-вторых, выборы, якобы, проводить бессмысленно, пока не сформировалась настоящая многопартийность. Но дестабилизирующие последствия демократической реформы можно оценивать только сравнивая их с тем, что несут с собой иные пути организации власти. А они могут быть вообще катастрофичны. Угроза же прихода к власти в России “красно-коричневых” пока явно преувеличивается, причем умышленно. Правда, в дальнейшем, если не переломить ход общественного размежевания, эта угроза может оказаться более реальной.

Что же касается партий, то выборы всегда являлись одним из стимулов их формирования. Так было во всех странах, вышедших из тоталитаризма, в том числе и в посткоммунистических государствах Восточной Европы. Интересы же, на базе которых в России могла бы возникнуть реальная, а не химерическая многопартийность, уже возникают и крепнут. Можно, правда, услышать мнение, что экономическую реформу лучше проводить, пока общество дремлет и его социально-политическая ориентация четко не проявилась. Иначе, дескать, придется тратить время на бесконечные увязки и компромиссы. С одной стороны, вроде бы да, многопартийный парламент, а тем более сильные профсоюзы могут связывать правительство по рукам. Польский вариант показывает, что даже сформировать правительство в этих условиях бывает трудно. Но с другой стороны, при отсутствии легальных каналов влияния на власть, групповые интересы, как мы уже отмечали, начинают давить на нее обходным, “коридорным” способом. Российской власти уже не удастся отбиваться от мощного лоббизма номенклатурного капитала, аграрного и директорского лобби, региональных структур и предпринимательских группировок. Все чаще приходится идти на неоправданные и вынужденные уступки то тем, то другим. Отметим и то, что отсутствие цивилизованной системы представительства усиливает возможность стихийной реакции общества. Чтобы избежать этого, все лидеры “переходных стран” — от Аденауэра и Суареса до Гавела и Валенсы — создавали двойную подстраховку, большую часть своего времени проводя за переговорами с партиями, профсоюзами, всевозможными общественными группировками и социальными группами. Именно “политика пакта” была и остается основной задачей всех правительств, принимавшихся за трансформацию общества. Разработка же ее конкретных механизмов всегда отдавалась командам экспертов, работавшим при правительствах. Альтернативой такой трансформации может быть только разрешение конфликтов на улице.

И все же, какой из перечисленных вариантов консолидации власти России наиболее вероятен? Приходится признать, что даже люди, причисляющие себя к демократам, пытаются доказывать необходимость для России авторитарного этапа, который ими рассматривается в качестве единственно возможного средства проведения рыночной реформы. Популярна эта концепция и в ельцинском окружении. Опыт Чили и некоторых других стран, осуществивших успешную экономическую модернизацию, часто приводится как одно из основных доказательств верности предлагаемой модели. Причем, мало кто обращает внимание на опровержение самих чилийских

исследователей, которые убедительно показывают, что выход страны из экономического кризиса был связан не с диктатурой Пиночета, а с либерализацией режима, на которую он вынужден был пойти. При проведении параллелей с другими странами, добившимися экономического чуда, наши апологеты "сильной руки" не учитывают, что во всех этих странах уже была частная собственность и рыночная экономика, которые служили определенной гарантией свободы индивида и ограничителем авторитаризма. Во вчерашнем коммунистическом обществе нет никаких гарантий того, что силовой режим добровольно пойдет на создание реального рынка, который будет означать одно — конец всевластия этого режима.

Впрочем, сама советская практика последних лет убедительно опровергает все аргументы в пользу конструктивной и "рыночной" роли авторитаризма. Ведь система власти в период горбачевской перестройки была по существу авторитарной, пусть и с "человеческим лицом". Да и нынешний российский режим имеет немало авторитарных черт. И далеко ли наше общество за все эти годы продвинулось к рынку? Так что нет никакой гарантии, что нам это удастся сейчас, пока существенные отношения власти и собственности в обществе не преобразованы. Разрушение коммунистической оболочки, увы, не привело к полной ликвидации старой системы. Причем речь в данном случае идет не только о России, но и о других постсоветских государствах. Их опыт показывает, что изменение соотношения политических сил и приход к власти лидеров оппозиции еще не ведет к реальной трансформации политики и экономики. В большинстве новых государств у власти вообще остались прежние силы, сменившие лишь идеологию властвования. В этой связи приходится пересматривать некоторые прежние оптимистические выводы о неизбежности краха административно-распорядительной системы после краха коммунизма. Все больше данных для того, чтобы сделать вывод о способности этой системы к различной степени модификации.

Сущность властных и экономических отношений в обществе во многом определяет характер его правящей элиты. В России продолжается процесс формирования новой элиты — в основном за счет части номенклатуры с вкраплением оппозиции. Собственно, такая элита-симбиоз в свое время возникала и в других странах — Греции, Уругвае, Испании, Чили, вначале в Польше и Венгрии. Ее появление способствовало мирному выходу общества из тоталитаризма. Но только мощные демократические движения снизу заставляли эту элиту двигаться по пути реформ. Позволить ей перейти к силовому режиму в нынешних российских условиях — верное средство закрепления административно-распорядительной системы, пусть с элементами квазирынка.

В целом — приходится с сожалением констатировать, что влияние двух важнейших факторов, которые заставляли двигаться к демократии и эффективной экономике тоталитарные государства, — развитые демократические движения и активное международное содействие — в России проявляются довольно слабо. Международная помощь могла бы компенсировать слабость демократических сил и традиций, как это было в случае с Германией и Японией. Но и она пока явно недостаточна.

Словом, ряд факторов, а именно: переходный характер формирующейся правящей элиты; отсутствие влиятельного демократического движения; эмбриональное состояние многопартийности; резкое размежевание существующих политических сил при отсутствии центристского движения и мажоритарность социальных устремлений; не сложившаяся пока экономическая основа демократической власти; выход на первый план национального вопроса в различных формах как основы консоли-

Лилия Шевцова

дации — все это вместе осложняет становление в России демократической политической системы на базе классических принципов разделения функций и противовесов. Учет и сильные позиции “авторитаристов” в высшем слое правящей группировки. Как показывают события, развернувшиеся в апреле—мае 1992, года уже достаточно разработана и сама модель перехода России к авторитарному режиму. Этот переход может произойти через обращение Ельцина к народу, инициирование им референдума о доверии президенту через введение президентской республики, либо реализацию декрета о роспуске советов и т. д. В околопрезидентских кругах уже подготовлен и проект жесткой президентской власти весьма авторитарного типа.

Какой путь изберет Б. Ельцин — мирный либо революционный, откровенно силовой, пусть и под рыночными лозунгами? Ближайшее будущее даст ответ на этот вопрос. Ясно одно: жить дальше в безвластном пространстве уже нельзя. Но понятно и то, что более четкая конструкция власти определится лишь по мере преодоления нынешнего аморфного состояния политического плюрализма и после проведения новых выборов. Если, конечно, в России не произойдет до этого времени социально-политических сотрясений, которые могут привести к установлению режима “железной руки”.

Но в любом случае никакие половинчатые действия, никакие маневры не обеспечивают удовлетворительного решения проблемы власти. Она остается. Дело, однако, не ограничивается только организационным аспектом консолидации власти. Такая консолидация мало что даст, если российские правящие круги не сумеют обеспечить себе социально-политическую базу. В таком случае возникает искушение механизм диалога подменить бюрократическим регулированием. К сожалению, этот процесс набирает силу. Поэтому понятны призывы к Ельцину создавать свою “партию опоры”. Чаще всего они вызваны стремлением не столько обезопасить позиции российского президента, сколько не дать его команде сорваться в голое администрирование. Приходится, однако, констатировать, что шанс сформировать такую партию уже был упущен в августовские дни 1991 года, когда она действительно могла стать массовой. Сегодня же есть угроза, что президентская партия превратится в элитное образование, в государственную организацию, наподобие прежней КПСС. Предпочтительнее было бы формирование широкой коалиции прореформаторских сил. Правда, консолидировать такую коалицию своим авторитетом в настоящее время способен только один Ельцин. Однако прореформаторская коалиция может быть жизнеспособной только при двух условиях. Во-первых, если она получит прямой доступ к власти, в частности, через участие в правительстве либо специальных органах президентской структуры. Во-вторых, если она будет подкреплена общественной поддержкой на местах. В противном случае мы лишь получим новый партийный клуб. Особо подчеркнем: жизнеспособность коалиции в поддержку реформ в России во многом будет зависеть от существования оппозиции ей справа и слева.

Ну, а в целом — мы завершаем один этап в нашей политической жизни и подходим к следующему. Его суть и будет состоять в строительстве организационных и политических основ российской государственности. А уж насколько это получится, зависит во многом от того, смогут ли нынешние участники нашей общественной жизни осознать свое преходящее значение и не пытаться строить государство и власть под себя, для себя, исходя из своих только личностных представлений о том, что нужно обществу.

Июнь 1992 г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ. О том, что идеи и оценки, выражаемые на страницах сборника, разделяются сегодня очень многими, свидетельствуют и пресса, и многочисленные документы, рождающиеся в недрах различных демократических организаций — как в столице, так и в провинции. Приводим один из них.

О ХАРАКТЕРЕ ВЛАСТИ ПОСЛЕ АВГУСТА 1991 г. И НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ НЕЗАВИСИМОГО ГРАЖДАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

1. Власть оказалась в руках Августовского блока — союза демократически избранного российского руководства во главе с Б. Ельциным и большей части номенклатуры.

2. Сущностью Августовского блока является консолидация вошедших в него политических сил на основе отказа от полного демонтажа существовавшей системы отношений власти и общества и согласия на ее реформирование в ограниченных пределах.

3. Внешне решительные действия российского руководства по “сбросу за борт” отжившей коммунистической идеологии и отжившего “Центра” (СССР), по переходу к “радикальным экономическим реформам” позволили скрыть подлинный смысл происшедшего.

Идеология системы, ее “правила игры” стали иными, но при этом место и роль власти в отношениях с обществом остались неизменны.

Реформы проводятся не в интересах формирования гражданского общества, а для сохранения и укрепления власти.

4. В этих условиях российское руководство становится силой антигражданской, антилиберальной (в буквальном смысле этих понятий), но руководящей процессом “демократических” реформ. То есть российское руководство действительно заинтересовано в успехе реформ, которые должны утвердить новое обличье старой системы.

5. Поэтому следует сменить свое отношение к российскому руководству. Дело не в критике ошибок в проведении реформ. Дело не в персоналиях. Дело в определении своего места и роли как выразителя интересов гражданского общества.

Необходимо создать независимое гражданское движение как оппозицию Августовскому блоку, реальный противовес сохраняющейся монополии на власть, чтобы общество перестало быть придатком власти, а власть стала инструментом согласования интересов Общества.

Март 1992 г.

Распространено на межрегиональной конференции движения “Демократическая Россия” в качестве документа, принятого радикально-демократическим крылом Ростовской областной организации “Демроссии”.

Документ подготовлен Анатолием Сиволовым (г. Новочеркасск).

Владимир БУКОВСКИЙ

ЧТОБЫ ПРОТИВОСТОЯТЬ ПРАВЫМ, НЕОБХОДИМА СИЛЬНАЯ ЛЕВАЯ ОППОЗИЦИЯ

Из интервью газете “Известия”

Меня привело к вам* желание изложить свою точку зрения по поводу спора, разгоревшегося на страницах “Известий” между профессором Ю. Афанасьевым и председателем Комитета по делам архивов при правительстве РФ Р. Пихоя. Но не только о нем. Положение в области архивов – существенный штрих, характеризующий нынешнюю общественно-политическую ситуацию в России.

– Какие же общие тенденции нашей общественно- политической жизни отразила “архивная” история?

– Да хотя бы эту: нет неотступного поступательного движения вперед по пути демократии. Все заметнее, как мне кажется, тон происходящим переменам во многом задаст вторая волна партократии. Верхний эшелон сменился, но тут же на ведущие роли выдвинулось среднее звено менее известных прежде аппаратчиков – людей с

* В редакцию “Известий”. – Ред.

мест или из бывшего центра, которые перемешались с весьма пестрой массой, где немало умных, энергичных, честных и знающих людей, демократически настроенных. Но много и других – безнравственных, лживых, готовых под демократическими лозунгами на любую авантюру.

Недавние прокоммунистические митинги и демонстрации, происходившие в Москве да и по всей России, произвели на меня удручающее впечатление. Ну, ладно, высыпали на улицы правоверные коммунисты с портретами Ленина и Сталина, с жалкими лозунгами...

– Простите, но ради справедливости должен заметить, что состав демонстрантов не был столь однородным. В их рядах было немало людей, не столько тоскующих по утраченным коммунистическим идеалам, сколько отчаявшихся, напуганных дороговизной, массовым обнищанием.

– Согласен. Но об этой многочисленной категории примкнувших к правым лиц я еще скажу. Пока же о самих правых. Пусть они себе выходят на улицы, пусть что угодно пишут на транспарантах, пусть выступают за реальный социализм, за нерушимый Союз... С таким же успехом они могут требовать воскрешения не только ленинских норм, но и самих вождей. Но не воскреснут они, как и СССР не воскреснет, какие бы заклинания ни произносились. Потому что он умер своей естественной смертью. В самом деле, как теперь можно его воссоздать, если суверенные государства, бывшие республики, этого не хотят? Войной, что ли, пойти на Украину, Армению, Узбекистан?

– Войной на пятнадцати фронтах.

– Вот именно. Все это – утопия, бред. А в экономике чего они хотят? Назад, в плановую систему? Строить рыночные отношения с ударниками коммунистического труда, широко развернув соцсоревнование? Ясно, что это откровенные демагоги, готовые воспользоваться моментом, трудностями переходного периода, чтобы вновь попытаться захватить власть. Но важно понять две вещи: во-первых, почему эти силы вдруг так осмелели, и, во-вторых, почему демократические власти так переполошились? На последнем коммунистическом шашаше на Манежной площади раздавались голоса – поздно, дескать, мы собрали свое вече, раньше надо было – сразу после августовских событий. Но в том-то и дело, что тогда такого рода акции были невозможны. Подавляющая инициатива принадлежала демократам. Инициатива же дорого стоит. В шахматах за нее жертвуют фигуру... Если бы власть не утратила инициативу, не захлебнулась в рутине, то не уронила бы так низко свой престиж. А именно падением ее престижа и воспользовались правые, оживившись.

По-моему, серьезная ошибка была допущена в апреле прошлого года, когда демократы, почувствовав противостояние, пошли на ново-огаревский процесс, если угодно, сговор. Возник противоестественный конгломерат партфункционеров со сторонниками демократии, сторонниками Ельцина. Эта кадровая мешанина и сделала невозможным проведение многих глубинных реформ.

Убежден: следовало идти не на мнимую консолидацию сил, а на их поляризацию, на конфронтацию. Поскольку коммунистический режим, как было видно, себя изжил.

Сгруппировавшись же с его приверженцами, демократы, по сути, подкрепили его, предоставив идеальную возможность выжить. В результате этого союза было затруднено создание реальных оппозиционных структур. При поляризации сил сама жизнь заставила бы создать реальные живые инструменты политической власти, в частности, совершенно необходимую для нормального функционирования нынешнего российского руководства мощную левую оппозицию. Сегодня ее нет, нет серьезного противовеса правым, которые все решительнее заявляют о себе.

Я убежден, многие в России недовольны действиями правительства отнюдь не по тем причинам, которые побуждают “красных” требовать его смещения. Тех, кто понимает необходимость и необратимость коренных экономических преобразований, с которыми только и могут быть связаны реальные надежды миллионов, возмущают не сами реформы, а их половинчатость, частичность. Я бы их понял, если бы эти люди, полные гнева и возмущения, вышли на улицы, требуя от властей немедленной приватизации, которая – важнейший шаг в борьбе с бедностью и бесхозяйственностью, твердости и решительности в преобразованиях, в продвижении к рынку. Думаю, что место таких людей совсем в других колоннах, в других рядах – левой оппозиции правительству. Но нет этих рядов. Так стоит ли удивляться, что в демонстрациях правых все больше тех, кто в принципе стоит на других позициях, но у кого нет иного варианта выразить свое недовольство.

Отсутствие серьезной левой оппозиции властям компрометирует демократическое движение. Доходит до того, что само слово “приватизация” приобретает в России отрицательное значение. Как что-то такое, что делается за взятки, подпольно. Многие разубеждаются в успехе перемен, поскольку говорится о них много и давно, но делается мало. Как теперь доказать крестьянину, что он действительно не сегодня-завтра станет хозяином земли? А ведь чтобы вдохнуть жизнь в новое дело, человек сам должен как минимум верить в то, что даже если дадут землю, ее снова не отберут при перемене погоды.

– Будем считать, что вашими устами свою позицию на происходящее в России как раз и излагает та левая оппозиция, о необходимости которой вы так горячо говорите. По сути, вы адресуете демократическому руководству те же упреки, которые в свое время многие демократы, в том числе и ставшие теперешними российскими руководителями, адресовали Горбачеву и его команде. И ее упрекали в половинчатости реформ, неэкономном расходовании времени правления.

– Российская власть тоже потеряла очень много времени. Взять хотя бы самые драгоценные три месяца после августа-91. Решительного перехода к рыночной экономике не произошло, системной смены не последовало. Действительно, требовалась немедленная приватизация. Создать рынок жилья, поощрять частную оптовую торговлю, через биржи, через банки – ссудами... Этого не было сделано. Что в результате мы видим сегодня? В Москве на рынке мясо стоит 100 — 120 рублей за килограмм, в Тамбове или где-то еще — в два-три раза дешевле. Разброс цен свидетельствует об отсутствии той системы распределения, которую без частной оптовой торговли не создать.

Серьезной ошибкой я считаю принятое руководством Ельцина решение о том, что Россия является правопреемницей СССР. Это, на мой взгляд, отдалило власть от общества. Русские как нация не могут в одиночестве нести ответственность за все, что совершалось при старом режиме. Это философски да и юридически неверно. Россия – не правопреемница тоталитарного зла, хотя русские и были доминирующей нацией. Тоталитаризм – международное зло. Не осознав этого, с этим злом нельзя бороться. Признав себя правопреемницей бывшей державы, Россия должна теперь, скажем, возмещать ущерб Афганистану, точно так же, как Германия возмещает ущерб Израилю или Польше. Больше всех потеряв, она, выходит, больше всех и осталась должна.

– У нас сейчас, защищая правительство, принято выдвигать такой аргумент: это правительство хоть что-то делает в отличие от прежних, только говоривших. Но “хоть что-то делать” еще не означает делать именно то, что нужно.

– Для меня абсолютно ясно, что демократическая власть нуждается в поддержке. Но не очередными лозунгами типа “не одобряем и поддерживаем”, а именно созданием сильной левой оппозиции. Очень большие надежды в этом смысле на молодежь – молодым жить в тех условиях, которые создаются сегодня. Молодежь в августе себя проявила и – замолчала. Как и интеллигенция.

– В демократическом лагере проявились симптомы разочарованности и усталости.

– Разочаровались? Но в чем? В демократии? Я в ней не разочаровался и после всех тюрем и психушек. Разумеется, у демократии есть огромные недостатки, не следует ее идеализировать. Прав У. Черчилль: это – худшая из социальных систем, за исключением всех остальных. Это – всего лишь возможность свободно отстаивать свои взгляды. Не гарантия успеха, но возможность бороться за свое место под солнцем, не чувствуя при этом, что ты обречен. Наша интеллигенция возвела демократию в фетиш. И теперь стоит, скажем, милиции жестко обойтись с нарушающими законы и общественный порядок демонстрантами, как те же интеллигенты первыми поднимают панику: ах, власти поступают недемократично... Но при чем здесь демократия? А в Англии или в ФРГ полиция церемонится с нарушителями общественного порядка? Да посмел бы там кто-то поднять руку на полицейского...

В России, из-за того что упущено много времени, реформы пойдут теперь тяжелее. Хотя они совершенно неизбежны, как неизбежна смена дня и ночи.

Интервью взял А. Плутник

Апрель 1992 г.

Леонид БАТКИН

ВЕСЕННИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Заметки в разных жанрах, но на одну тему

I. ГОЛ В СОБСТВЕННЫЕ ВОРОТА

Проходят дни, насыщенные куда более, казалось бы, существенными событиями, а у меня не идет из головы впечатление 2 мая. И даже по мере того, как оно заслоняется и отодвигается в прошлое, его скромное значение — благодаря простоте и наглядности для всей страны сугубо бытового, но и подчеркнуто политического жеста — становится еще более выразительным, принципиальным по стилю.

Вечером нам показали по телевизору беспрецедентное шоу. Высшие руководители России и Москвы, облачившись в трусы и футболки, гоняли мяч на стадионе. В перерыве и после матча давали блиц-интервью. Президент Ельцин и столичный мэр Попов изображали “тренеров”, государственный секретарь Бурбулис взял на себя, если я правильно запомнил, роль “капитана” российской государственной сборной, в которой творцы отечественного экономического чуда, прочие министры, также генерал Грачев. Вице-мэр Лужков, игрок таранного типа, на удивление прытко передвигал свой мощный корпус к воротам президентского правительства, и я не позавидовал бы тем, кто попадался ему на пути. Красивый шеф московского КГБ, известный демократ Е. Савостьянов, сообщил, что, будучи одновременно заместителем министра этого ведомства (разумеется переименованного, как и все), колебался, в какой команде ему надлежит участвовать по чину, но выбрал все-таки “Москву”. И правильно! — ведь должность он получил из рук Попова. Толстые и тонкие, старые и молодые высоко-

Весенние впечатления

поставленные чиновники бегали и пыхтели, иногда сталкиваясь и сшибая друг друга. Особенную убедительность происходящему придали травмы: министра юстиции даже унесли с поля на носилках (То ли еще впереди!) Политики обливаясь потом, показывая стране и миру, что вообще это весьма изнурительная профессия. Большая политика! Большой футбол.

Стадион, насколько я могу сообразить, довольно удобное место для организации охраны. Немногочисленная публика, допущенная на трибуны (по спецпропускам?), включала в себя сразу всех телохранителей, впервые при исполнении служебных обязанностей сидевших. Интересно, за сколько кварталов был закрыт проезд для остальных болельщиков? Правящие лица, устало и мило улыбаясь, один за другим сознавались, что играли в это дело в последний раз лет двадцать или сколько-то назад, в бытность, очевидно, студентами. Как выяснилось, лишь один из государственных мужей делает по утрам зарядку, мало кто действительно любит движения на свежем воздухе, в отличие от Бориса Николаевича, большинству остальных не до того, работают допоздна, по утрам хочется соснуть хоть на десять минут дольше. (Тут я ощутил искренность, которой так недоставало спектаклю в целом.)

Попов сказал, что в молодости — очевидно, до работы в ЦК КПСС и до перехода в науку — увлекался никак не футболом, но туризмом, а ныне (смеется) какой уж тут спорт. “Если выиграем матч, нам не видать ассигнований”, — специфически шутил он. И только человек, восприимчивый к ведомственному юмору и знающий, что Г.Х. добивался от президента всего, чего пожелает, способен оценить эту сценку.

Ельцин сказал, что, если победит “Москва” (т. е. мэрия), все равно это будет победой “России” (т. е. президентского кабинета), так как “Москва — это Россия”. Так пушкинские строки (“как много в этом звуке для сердца русского слилось”) вдруг наполнились современным политико-административным содержанием.

Конечно, на поле не хватало Хасбулатова, который наверняка сумел бы внести в игру особый колорит. Но мы, впрочем, и так недавно видели его в марафонском забеге мнимого “парламента” в соответствующем (спортивном) исподнем, когда он делал на глазах всего населения быстрые финты (которые люди, ни черта не смыслящие в политике и спорте, нехорошо называют ложью), прибегал к силовым приемам, но, впрочем, вынужден был кончить ничьей по договоренности. Ах, на сей раз было весело и без Руслана Имрановича, притом совершенно в его же вкусе.

Должен сознаться, это пошлое политическое зрелище меня доконало. И вот почему.

Даже “популизмом”, пусть самого дешевого разбора, сие не назовешь. Популизм — это политика, играющая на массовых настроениях, любых, глубоко оправданных или темных, пытающаяся потрафить человеку с улицы, привлечь его на свою сторону. Но угаданы ли настроения, удалось ли привлечь?.. Я понимаю — и, полагаю, все телезрители понимали, а вот это уже не годится для впрямь ловких политиков, — что на телеэкране власть попыталась грубо польстить народу своей доступностью, обыкновенностью, демократизмом.

Начиналось же с того, что Горбачев выходил из машины на улице, запросто толковал, ну, с совершенно случайно встретившимися трудящимися... заходил по дороге в какой-либо, ну, совершенно первый же попавшийся продмаг, озирая очень скромное и опрятное изобилие, пока не могущее удовлетворить нас... ничего, ничего,

будет лучше, процессы пойдут и пр. Теперь уже Ельцин делает иногда нечто сходное; но обещает меньше, говорит жесткие вещи... Однако трудно удержаться от желания подсластить пилюлю, удержать падение рейтинга. И вот “меняют политический стиль” (как это, наверное, воспринимают какие-то лица в окружении президента и он сам). Да так радикально, что Горбачеву и Раисе Максимовне и не снилось. Выбегают на поле, играют в любимую в народе игру — гоняют мяч, как все. Притворяются беззаботными здоровяками, по-своему понимают евангельское “будьте как дети”, шалят, изображают своих парней. Значит, так надо. Ведь перед нами о-о-очень серьезные мужики, государственный цвет России.

Что ж, ради того же Попов на старости лет чуть не впервые полез в прорубь, не дрогнув, притворился “моржом”. Таковы (в его понимании) высокие требования политики! А теперь все они как один притворились спортивными, охочими до беготни, азартными футболистами. (Справедливости ради, следует сказать, что Ельцин, сидя под тентом, “болел”, кажется, не на шутку, от души.)

Но... притворство — это еще не политика. Или же это советская политика, до ужаса знакомая советская показуха, пусть на новый лад. Такая “политика” не сулит успеха.

А я пожелал бы новой власти — нет, не любого, а глубинного, исторического и, следовательно, демократического — успеха. Для этого, однако, требуется подлинность. Мыслей, слов, поведения.

Они же почему-то решили, что, увидев вождей без штанов, народ умилится. Испытает праздничное чувство. И поверит в реформы. Они думали, что люди по-прежнему увлекаются футболом. Хотя и на настоящих матчах стадионы пустуют. У подавляющего большинства и развлечения, и заботы ныне совсем иные...

По-моему, руководители, называющие себя демократами, держат нас за простаков, лишенных здравого смысла и трезвой насмешливости. Опасная ошибка!

Ладно, ежели я не прав. Предложил бы в следующий раз устроить игру на высшем уровне “в козла”. Министры схватились бы, само собой, “на вылет”. Столы можно установить в Георгиевском зале Кремля. В домино естественней, чем в футбол, играть и нездоровым и пузатым. Домино гораздо более распространено среди населения, чем футбол. Стук костяшек и незлобивый мат разносились по России и в эти дни дарованного нам ни с того ни с сего сплошного майского празднования. Вот державный стук и слился бы с народным в одном громовом звуке. И, как советует посол Лукин, призадумались бы на Запорожской сечи, и вздрогнули бы от грома российской голевой тройки окрестные народы.

...Интересно, кто тот умник, который подал эту роскошную футбольную идею, наглядевшись на кадры американской хроники, запечатлевшие Рейгана или Буша играющими в гольф и делающими утренние пробежки. Все дело, однако, в том, что тамошние политики (сплошь поджарые) занимаются этим, не только когда приглашают тележурналистов... Хотя, конечно, они заинтересованы, чтобы избиратели не сомневались в их выносливости и в их отличной физической форме. Если бы и Попов, Бурбулис, Гайдар повседневно... и т.д. Но телерепортаж из Москвы показывал подделку (большинства участников) под “спортивность”. Это первая фальшь. Далее. Американцы, как известно, в любом возрасте бегают, плавают, тренируют мышцы, следят за собой, у них (так же и у людей скромного достатка) есть для этого в двух

Весенние впечатления

кварталах от дома бассейн, спортзал и пр. А наши люди, даже отдав дань спорту в молодости, затем не имеют, как правило, ни сил, ни охоты, ни элементарных условий им заниматься. То есть американские политики демонстрируют, что у них такие же привычки, как у большинства избирателей. А у нас субботний матч сановников был привилегированной блажью, до которой народу не может быть дела. Эти зрелые и пожилые футболисты “отдыхали” вовсе не “как все”. Это — вторая фальшь.

Далее. Там можно заснять тренировку Буша, но нельзя вообразить, что в кадре за ним бегут трусцой Бейкер и все люди из его администрации, включая представителей армии, ЦРУ и вашингтонской мэрии... В Стране Советов традиция, конечно, иная. Легко предположить, что кое-кто рад был бы отвертеться. Неужели, например, Гайдар был в своей тарелке, разве он не скрывал раздражения, попав в неестественную для себя дурацкую роль, участвуя в водевиле с переодеваниями? Но ему сказали: “Так надо. А то простых людей, по нашим данным, не греет излишне интеллигентный вид и мудреные обороты речи. Следует приблизиться к населению”. Что ж, если, как говорится, партия велела...

Советская традиция высшего руководства являться перед народом в полном составе, иерархической командой, “коллегиально”, дисциплинированно — традиция, которая десяток лет тому назад выражалась при вручении друг другу орденов или стоянии на мавзолсе и которая поныне выражается в проводах и встречах гурьбой в аэропорту, с показом в теленовостях, — это традиция официального (по происхождению придворного) церемониала преобразена до невероятия. Она демократизована... вплоть до бегания, хотя и все тем же скопом, за мячом. Перед игрой руководители выстроились в ряд заведенным порядком, но одетые своеобразно... Выражения “команда Ельцина”, “команда Попова” они решили истолковать буквально! Стали раженными. Трибуну же переоборудовали в футбольное поле.

Вот — третья фальшь.

Есть и четвертая фальшь, и пятая, и шестая... Ибо свойскость лиц, ставших малодоступными даже для собственных советников наиграна. Ибо простонародная забава выглядит двусмысленно, когда ее изображают люди, сохранившие прежнюю систему закрытых привилегий, огромный парк автомобилей ЦК КПСС, соответственный штат obsługi и т.д. Ибо “открытость” деятелей, по-прежнему понимающих политику как дело закрытое, — никчемно. Покажите нам лучше и расскажите, кто готовит тексты указов, как и кем реально принимаются важнейшие решения, подчас бездарные и вредные.

Главный же урок при разборе матча в раздевалке, я полагаю, следующий. Мы не только живем во всей той же социально-экономической системе, что и до августа 1991 года, с тем же горбачевско-воротниковским составом “съезда народных депутатов” и с тем же, в общем, аппаратом исполнительной власти (лишь в “центре” обновленном в персональном отношении, но с прежним механизмом управления, рутиной, склонностью к “реорганизациям”, лишь с десятикратным казнокрадством и развалом). Сами стиль и психология власти — в ее взаимоотношениях с населением — тоже в глубине своей изменились мало.

Новая высшая власть — а ведь речь идет также о некоторых лучших ее представителях, на которых мы продолжаем надеяться, поддерживая их, безусловно, против ненавистников справа, всех этих анпиловых, бабуриных, астафьевых, а также

против элитиканов хасбулатовского покроя, — эта власть страдает тяжелой демократической недостаточностью. Она, как и само послеавгустовское общество, в своих основаниях — помимо роспуска парткомитетов и замены “социалистической” идеологии на “державную” — та же самая.

Множество явлений, на первый взгляд не имеющих ничего общего, в самых разных сферах государственной и общественной жизни сегодня потрясающе сходятся в одной фокусе. Этот социально-психологический фокус: перевертыши и переодевания. Со сбережением прежней, “совковой”, структурной исторической сути.

Вот почему незначительный сам по себе, но зато замечательно выразительный и показанный десяткам миллионов майский футбол воспринят мною как эмблематический образ всего нынешнего состояния и власти, и общества в России. И это при том, что ельцинская Россия явно опережает по части реформ, департизации и т.д. всех членов СНГ (за исключением Армении).

Я испытываю разлитие желчи, но не злобы. Я прежде всего в очередной раз удручен и встревожен. Можно ли полагаться на то, что политики, которым настолько недостает социального такта, вытянут нас из ямы? То есть помогут нам самим (только так! только самим, “снизу”!) вылезти из непрсыхающей постперестроечной трясины? Спустя скоро год после Августа 1991 поверить в это все трудней и трудней.

Пытаясь разобраться в природе своего неприятия самого стиля политического поведения новой власти, я прихожу к такому самонаблюдению. Считаю необходимым немедленно убрать некоторых персонажей “наверху”; протестуя против того, как ведется политика внутри СНГ, испытываю страх и отвращение к заигрываниям с национал-патриотизмом или монархическими мифами, с мнимыми и неуправляемыми вооруженными “казаками”; возмущен тем, что похоронены надежды русских немцев, а также подстрекательством в Крыму и Приднестровье; наконец, ожидаю, когда и как правительство Ельцина—Гайдара, слава богу, решившееся начать (пусть с очень серьезными, но поправимыми ошибками), перейдет к действительным коренным реформам. Ибо беда не столько в том, что делает правительство, сколько в том, чего оно не делает, благодаря чему может угробить в итоге все. Но в целом я — непривычное чувство! — все же пока не ощущаю эту власть враждебной себе.

В ней есть, скажем так, и здоровые элементы. Я вижу в ее составе также дельных, образованных, бескорыстных людей, захваченных великой задачей. Я вижу, повторяю, достоинства отдельных ее шагов. Короче, с этой властью можно иметь дело. В этом-то и заключена подоплека наших разочарований...

Дело в том, что новая власть, разумеется, подчас сильно отличается к лучшему от Горбачева и его “перестройки”. Как и сам Горбачев — особенно до поворота вправо осенью 1989 года — был, конечно, несопоставимо лучше брежневского политбюро, этого сборища живых мертвецов, из которого он вышел сам. Начальство на Руси в определенной своей части за десятилетие улучшилось. И вот именно это переходное состояние страны — это приближение к чему-то неясно похожему на что-то демократическое... Все это избавляет нас от злобного равнодушия, повышает социальную (и этическую и, если хотите, художественную) впечатлительность и требовательность. Кому приходило в голову чего-то ждать от брежневых и словых?

Да, это уже не проклятая партийная власть. Не те, о ком мы говорили чокаясь: “Пусть они сдохнут!” Не те. Но и не подлинно другие. Не тоталитаризм, но и не демократия.

Весенние впечатления

Грешу “максимализмом”? Э, нет. У страны не осталось времени сживать и поджидать, пока придет настоящая, не переодетая политика. Нет больше сил — не только из-за распада всех и всяческих жизненных связей, из-за нашей неприютности погорельцев на пепелище лагерной зоны, но особенно потому, что час действительной свободы и открытости, надо думать, близок.

Да, это беспримерно трудный и не такой быстрый, как хотелось бы, путь. Но не принимать нас за придурков, не уподобляться хасбулатовым — вы, господа, можете уже сейчас. Сразу же. Многих из нас больше всего приводит в отчаяние не цены, а притворство, игра в демократию, корыстолюбие, напыщенность, привилегии, сохранение прежних нравов и структур.

Пусть бесится партократическое большинство на “съезде”, пусть митингуют коммунисты — туда мы не вернемся. Туда еще никто, выйдя, не возвращался. То был режим одноразового пользования. Но не попасть бы куда-нибудь в другое “нетуда”, в затаившийся, всегдашний русский роман с прошлым.

В тот день, 2 мая, я поехал через всю Москву к матери. Женщина, сидевшая за мной в автобусе, рассказывала соседке, что везет назад в магазин купленную сегодня и оказавшуюся гнилой картошку по шесть с полтиной. Она надеялась, что удастся поменять ее на польскую, говорят, отличную, без отходов. Она объясняла, что потратила на картошку последние пятьдесят рублей, поэтому очень беспокоилась и рассуждала вслух, пойти ли сразу к заведующей и что сказать, чтоб дело не сорвалось. Потом, в переходе метро от Тургеневской к Чистым прудам, меня поразило количество нищих. Они стоят там теперь всегда, но чтобы вот так, сплошь вдоль стен, я еще не видел. Подал рубль молодому смуглому афганцу с восточным лицом, сидевшему на полу, костыли рядом. Он молча слегка наклонил голову. Потом я обошел все булочные в районе Преображенки, они или были закрыты, или хлеба в них все равно не было. Потом, в сумерках, добирался кое-как по страшному, мусорному городу. И поспел к “Вестям”. И увидел, как высшие руководители России и Москвы гоняли мяч, чтобы поднять настроение народа.

II. КОНСПЕКТ НА ЗАВТРА

Настала пора взамен сочинения очередной политической статьи — ограничиться публикацией всего лишь ее конспекта.

Уж, пожалуй, явственно различим завтрашний день. И времени мало.

Подробности будущего нам никогда не известны: что ж, в конспекте подробности как раз опускаются. От конспекта требуется только четкость линий общего смысла.

К тому же безумно надоело писать примерно одно и то же — что до августа, что по. Рев библейской валаамской ослицы и стук пишущей машинки сливаются с законным уличным шумом. Все разумные люди устали от слов.

Но, ежели не оставляет саднящее ощущение чего-то вроде долга, требующего все же твердить, что “Карфаген должен быть разрушен”, — тогда попробуем тоже выговорить нечто известное. И почти столь же лаконично, как этот древнеримский

Леонид Баткин

радикал (правый или левый?), этот Катон Старший. Достаточно просто положить рядом две стопки газет — слегка пожелтевших и свежих — и выписывать для наглядности столбиком.

Весна 1991.
Впереди август.

Состав и поведение двухступенчатого “парламента” СССР. “Новые правые”. Алкснис и т.п.

Дезинтеграция СССР нарастает. Принятие новой Конституции наглухо заблокировано.

“Новоогаревский процесс”. Попытка создать видимость решения и согласия. Украина и др. упрямятся. Парафировали, хотя подписать не успели.

Радикальных преобразований отношений собственности и власти нет. Много обещаний. Аграрная реформа откладывается на неопределенные сроки.

Спад производства и падение жизненного уровня. Финансовые маневры Павлова. Коррупция и привилегии “коммунистического” аппарата.

Явлинский, что бы ни думать о его экономической программе, был грубо предан.

Всеобщее разочарование в “перестройке”. Падение рейтинга Горбачева. Массовые движения политического протеста.

Весна 1992.
Впереди тоже август?

Состав и поведение двухступенчатого “парламента” РФ. Новые “новые правые”. Бабурин и т.п.

Дезинтеграция России нарастает. Принятие новой Конституции наглухо заблокировано.

“Федеративный договор”. Уровень эффективности сходный. Татарстан и др. упрямятся. Подписать успели, но толку столько же, как если бы не успели.

Радикальных преобразований отношений собственности и власти нет. Обещания громче. На селе без особых перемен. Сроки неведомы.

Спад производства и обнищание населения невероятно ускоряются. Финансовые реформы Гайдара в рамках той же государственной экономики. Более наглая коррупция и привилегии “демократического” аппарата.

Гайдара это ожидает.

Усиливающееся разочарование в “рыночных реформах”. Падение рейтинга Ельцина. Движения протеста уже есть.

Болдин и роль личного аппарата Горбачева. Закулисный стиль работы политических решений.

Беспрестанные “указы” Горбачева, которые никто не думает выполнять.

Административно-командные претензии “президиума ВС”. Во главе двусмысленный сторонник-противник Горбачева: Лукьянов. Гротескные телетрансляции из Кремля.

КГБ ничуть не ослаб, никто не знает, что происходит в его недрах, но все уверены, что слежка, прослушивание и пр. продолжаются.

Горбачев зондирует идею чрезвычайных полномочий для президента. Вводить “сильную исполнительную власть” тихой сапой или энергично? Часть его команды настроена более решительно.

Сдвиги Горбачева вправо. Перемены в составе правительства. Усиление “опытных хозяйственников” (Павлов, Бакланов, Щербаков и пр.).

Яковлев. Философический стиль. Горбачев его и других старых соратников, “идеологов”, задвигает.

Шеварнадзе, впрочем, сам уходит в отставку и предупреждает о грядущей диктатуре.

Вице-президент (Янаев) не прочь со временем стать президентом, однако никто об этом не знает.

Петров и роль личного аппарата Ельцина. Тот же стиль кабинетных решений.

Бесчисленные “указы” Ельцина, остающиеся пустым звуком.

Еще больше командно-административные претензии “президиума” ВС России. Во главе двусмысленный противник-сторонник Ельцина: Хасбулатов. Гротескные трансляции из Белого дома.

То же самое Никто не знает. Но все уверены. Ведомство переименовано.

Ельцин зондирует идею “президентской республики” через возможный референдум. Шахрай и др. настроены более решительно.

Сдвиги Ельцина вправо. Перемены в составе правительства. Возвращение “опытных хозяйственников” (Хижа, Шумейко, Черномырдин и пр.).

Бурбулис. Окончательно философический стиль. Ельцин его и других старых соратников, идеологов, задвигает.

Шахрай, впрочем, сам уходит в отставку и предупреждает о грядущей диктатуре.

Вице-президент (Руцкой) не прочь со временем стать президентом, и все об этом знают.

Политизация. “Взгляд”. Цензура на телевидении и радио: лояльность Горбачеву, исключения делаются только для правых.

“Горбачев незаменим”. От “демократической общественности” требуют сплотиться вокруг Горбачева. Люди, вроде “республиканцев”, хлопчуют о “центризме”, “консенсусе” и т.п.

Свежа утрата Сахарова, соединявшего прагматизм с историческим воображением, моральным авторитетом и мужеством.

Верхушка “Демроссии”, имитируя политическую независимость, пытается бежать на шаг впереди Ельцина, угадывая его желания. Население охотно митингует по призыву “Демроссии” против КПСС.

Попытка создать “ДДР”. Вольский в тени.

На пост московского мэра приходит весьма популярный и хитроумный Попов. Вскоре он — сторонник блока демократов с аппаратчиками и жесткого авторитаризма. Столица — очень грязная.

Собчак любит поговорить о “правовом” государстве, Он еще не знаком с гражданами Романовыми.

Требования “дсидеологизации” государственных структур (против КПСС и... ради укрепления “демократов”). Первые признаки реставрации “православной” и “державной” идеологии.

Коммерциализация. “Вид”. Цензура на телевидении и радио в новом плане: лояльность Ельцину, многое дозволено, однако, правым.

“Ельцин незаменим”. От общественности требуют сплотиться вокруг Ельцина. Те же люди в тех же выражениях хлопчуют о том же — и с тем же успехом.

Отсутствие Сахарова оказалось политически невозможным. Люди, верные его духу, не имеют практического влияния.

То же самое... и снова митинги; но людей теперь приходит вдвое меньше.

Попытка создать “Обновление”. Вольский в полутени.

С поста московского мэра решил вовремя уйти растерявший популярность хитроумный Попов. Теперь он опять безупречный демократ, противник номенклатуры и авторитаризма. Столица грязна уже фантастически...

Собчак еще больше любит поговорить. Но теперь о необходимости “сильной исполнительной власти”. Он уже знаком с Их Императорскими Высочествами.

Требования создания “новой государственной идеологии” (национально-патриотической, “евразийской” и т.п.) ... ради укрепления тех же “демократов”.

Весенние впечатления

Показывают нынешнюю пьянь в фильме “Так жить нельзя”.

Власти очень деликатны с “Памятью”. Евреи уезжают.

Все говорят, что номенклатурный Карфаген должен быть разрушен.

Межнациональные конфликты в СССР. Попытка Москвы усилить давление в Карабахе. Горбачев назначает генерала Громова первым заместителем министра внутренних дел Пуго.

Запад хочет помочь Горбачеву, однако не спешит бросать деньги на ветер.

Кризис и крушение политики Горбачева, которая не стала *своей* для “низов”, не переросла в мирную социальную революцию. Горбачев, хотя и получил Нобелевскую премию, но потерял власть. В роли президента он пробыл полтора года.

Несмотря на мощные политические забастовки, в России не сложилась общенациональная демократическая оппозиция (вроде польской “Солидарности”). Именно поэтому Август станет сугубо верхушечным — “странной революцией” без революционеров, то есть победой региональных элит над общесоюзной, без существенной смены правящего слоя.

Поздняя осень 1991 г. была решающей. С тревогой ждали зиму.

До того времени, если не хочется, газет можно не читать.

Июнь 1992 г.

Показывают ту же пьянь, но и сытую благолепную дореволюционную “Россию, которую мы потеряли”. Пьяни тогда, оказывается, не было.

Власти очень деликатны с преемниками “Памяти”, которые ведут себя куда наглей. Евреи уезжают.

Номенклатурный Карфаген шикарно обстроился и переименован в Третий Рим.

Войны в СНГ. Попытка Москвы усилить давление в Приднестровье. Ельцин назначает генерала Громова первым заместителем министра обороны Грачева.

Запад решает помочь Ельцину — Гайдару, однако притормаживает, чтобы не прогадать.

Кризис и неизбежность крушения политики Ельцина по тем же причинам. Ельцин, хотя и получил какую-то престижную премию в США, но уже заговорил о том, что не согласится на свое досрочное смещение. В роли президента он провел первый год.

Рабочее движение дезориентировано и расколото. Никакой независимой и массовой демократической оппозиции нет вообще. Именно поэтому новый Август может оказаться “странной контрреволюцией” без контрреволюционеров, то есть без существенной смены правящего слоя.

Поздняя осень 1992 г. может стать решающей. С тревогой ждем зиму.

Россия в СНГ и в мире

Елена БОННЭР

ПОЙДЕМ ЛИ МЫ ЗАЩИЩАТЬ СТАРУЮ ПЛОЩАДЬ?

Прошло два месяца с рождения Содружества, и вполне можно задать вопрос: для чего оно было создано? Только чтобы покончить со старым миром или еще и начать строить новый? Первое свершилось. Без гражданской войны и ядерного взрыва, которыми нас пугали. Насколько только возможно – вполне благополучно, потому что лидеры трех государств сделали все четко и стремительно, не дав опутать себя паутиной законообразных, якобы правовых рассуждений.

А вот второй этап – Алма-Ата – не получился. И все больше сомнений, был ли он вообще нужен. Может, было бы достаточно пригласить четвертую ядерную державу, а потом осмотреться, подумать. Ничто не требовало спешки. Ни единые денежные, экономические и военные пространства, ни все остальное прочее. С самого начала было ясно, что все страны будут вводить свою валюту, а многие и армию, будут кооперироваться не со всеми членами Содружества, будут ориентироваться кто на Запад, кто на Восток. А некоторые и на две стороны по принципу “ласковое теля двух маток сосет”. Практическим же результатом скороспелого Содружества стала перманентная нервотрепка всего общества, состояние, когда – ни в браке, ни в разводе. Можно ли вступать в долговременное Содружество фактически неконституированным государствам? Не нужно ли, объявив себя коллективным должником, подсчитать и поделить долги и только потом брать в долг уже каждому на свою ответственность? Поделить общую (бывшую союзную) собственность в пределах Союза и вне его и взять обязательства по погашению взаимных долгов если не сейчас, так в будущем, когда в карманах (сиречь в банках) что-то заведется. Подсчитать стоимость флотов, вооружений, которые не во всех бывших членах Союза равнозначны по количеству

Елена Боннэр

и цене, стоимость зданий посольств и всего прочего, что наше общее – не от Екатерины Великой накопленное, а от Октябрьской революции, которая ведь тоже Великая – хоть с плюсом, хоть с минусом, а великости у нее не отнимешь. Праволюбы парламентские почему-то забыли, что у этого процесса есть правовой термин – “раздел имущества”, и он вполне может идти цивилизованно. Как исчислять кому сколько, тоже можно решить спокойно – более демократично от численности населения, более реально от процента валового национального дохода. И чтобы обойтись без драчки, доверить это новым лидерам – то ли демократам, то ли реалистам, уж кто каким себя проявит. Но прежде всего Содружеству нужна правовая хартия, которая не даст возможности воссоздать “Союз нерушимый” и, как лакмусовая бумажка, проявит, что вовсе не всем “бывшим” (Прибалтике я в данном случае вообще не обсуждаю) надо быть в Содружестве, не всем со всеми надлежит быть в нем вместе. Хартия должна содержать основные гарантии прав личности и народов, и они, в свою очередь, должны быть подтверждены в конституциях будущих членов Содружества и защищаться ими... Я не оговариваюсь, когда пишу слово “будущее”. Содружество декларировано, но его нет. И это сегодняшнее балансирование между “оно есть” и “его нет” больше всего отпугивает те круги на Западе, которые могут и хотели бы оказать не только гуманитарную помощь новым государствам.

Возможно, я скажу нечто кошунственное, но мне сдается: лучшее, что могут сделать в два или три дня главы новых государств, – кончить скандал на коммунальной кухне, заключить соглашения (не обязательно между всеми членами Содружества), которые не вызывают споров, объявить временный мораторий на существование Содружества впредь до выработки хартии, которая создаст условия для его устойчивости. Правовой хартии боятся если не все, то многие новые государства, и этим подтверждают опасения Запада, что процессы, идущие в них, совсем не демократические.

Основной правовой хартии наряду с защитой прав личности должно стать право народов на самоопределение. В ней должно быть отражено, какой механизм определения волеизъявления народов – видимо, референдум с простым или лучше квалифицированным большинством – считать определяющим. И сопутствующими праву на самоопределение должны стать гарантии прав национальных меньшинств на любой новой самоопределяющейся территории. Сегодня права на самоопределение боится Россия, Молдова, Грузия, Азербайджан, Украина. И этот страх стоит на пути к демократии для всех народов бывшего СССР. Если мы не сделаем этот шаг (первой Россия), то и во всем другом будем в лучшем случае топтаться на месте.

Без гарантированного права на самоопределение мы обречены на гражданскую войну. Неужели не ясно, что чем больше будет давление на народы России, тем трагичнее ее распад. А самоопределение дает возможность не только мирного сосуществования, но и свободного сотрудничества. Еще раз вспомним Югославию. Там победил процесс самоопределения – с кровью. Давайте попробуем обойтись без крови. Тогда у нас будет надежда, что, пройдя путь свободы, мы сможем свободно объединиться – спокойно, как теперь Европа готовится совершить этот переход к 2000 году. Также не с бухты-барухты, а за десять лет, если считать от Парижской хартии 1990 года. Правовая хартия Содружества прекратит распри о присяге и решит, может ли гражданин одного государства присягать другому или он просто идет в наемники

Пойдем ли мы защищать Старую площадь?

к нему. Успокоит пенсионеров, если государства заключат между собой договоренности о том, кем и как они будут обеспечиваться. Может, просто получать переводы, если живут на территории другого государства. Она решит, что обязательно для всех государств Содружества, в частности – отношение к различным видам собственности, а что в них будет различно. Она должна решить судьбу офицеров и прапорщиков, которые покинут армию в связи с ее сокращением. Им должны быть предоставлены в государствах, гражданами которых они являются, земельные наделы, достаточные для ведения продуктивного хозяйства. В нашей стране давайте сделаем хоть их что-то имеющими.

Она должна на взаимной основе решить судьбу беженцев и будущих мигрантов. И все это будет не болтовней о народе, а конкретной заботой о конкретных группах населения, из которых и состоит народ.

Все, о чем я пишу, просто, как белый день. И не потому ли так старательно обходится молчанием, что при свете дня труднее делать темное дело? Ну как можно в 16 раз увеличить зарплату самим себе, граждане парламентарии? Как можно, не разобрав, что кому принадлежит, поднять над всеми посольствами во всех странах мира российский флаг? Над ООН, между прочим, флаги всех наций, в нее входящих! Как можно вопрос о Крыме поднимать в российском парламенте, когда это дело только тех, кто живет в Крыму? И как получилось, что в нашей якобы демократической России только 16 человек в парламенте голосовали против резолюции по Крыму? Как можно согласиться с тем, что почти все аппаратчики-номенклатурщики ведомств, министерств, аппарата Верховного Совета и ЦК пересели в российские кресла? Ну хоть на пару лет ввели бы для них мораторий на государственную службу! И для сотрудничавших с КГБ, пусть тех только, о ком известно. Нельзя же все оставлять безнаказанным! Как можно умудриться занять новой бюрократией все бесчисленные административные здания Москвы? Ведь не планирует же новая Россия свою бюрократию “по достигнутому” от союзного уровня? Как можно не пресечь приватизацию “от народа”, начавшуюся при Горбачеве? И не вернуть все, что приватизировано воровски, в пустые народные закрома? Как можно, продавая гуманитарную помощь, не публиковать ежедневно или еженедельно, на сколько рублей ее продано и куда точно они, эти рубли, идут?

И как можно российским властям вселяться на Старую площадь? Представьте – однажды утром по радио или у метро прозвучит призыв: “Все на защиту Старой площади!” И кто на него откликнется?

Борис Николаевич, людям очень трудно, но вам пока еще многие верят и готовы помочь. Помогите и вы им своей четко демократической позицией в Содружестве и в России. Сегодняшний ее парламент не даст нам настоящей конституции, как Съезд народных депутатов СССР не дал конституции Союзу. Нам надо Учредительное собрание для принятия конституции и основных положений правовой хартии. Тогда можно будет проводить новые выборы и основывать реальное Содружество демократических государств.

Февраль 1992

Марина
ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКАЯ

У РОССИИ ЕСТЬ ШАНС ОСТАТЬСЯ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВОЙ

Министр А. Козырев удовлетворенно подводил недавно по телевидению итог трудов своего ведомства: вот, мол, добились того, что Ельцин может теперь запросто позвонить по телефону лидерам западного мира, а те не станут сначала справляться: кто таков и стоит ли его поддерживать. Одним словом, признана Россия “нормальной великой державой”. Лейтмотив России – великой державы, в последнее время часто звучащий в выступлениях Козырева, вызывает много вопросов: что, собственно, означает в сегодняшнем мире “великая держава” и в чем ее “нормальность”? Не странно ли, что они так слаженно звучат с хором “почвеннических” и “национал-патриотических голосов”?

Формально великими державами считаются государства – постоянные члены Совета Безопасности. Россия заняла в нем по наследству место СССР. Хорошо, но означает всего-навсего лишь признание мировым сообществом двух неоспоримых фактов: наше государство обширно и обладает большим ядерным потенциалом. Как Китай. Решение ООН разумно, в основе его лежит понимание того, как рискованно без надобности унижать многочисленный народ, воспитанный в понятиях социально-политического первородства и готовый, как считается, вытерпеть лишения во имя сохранения своего особого места в мире и истории.

Если дело только в кресле в Совете Безопасности, то свершившийся факт не заслуживает, чтобы его особенно рассусоливали. Ибо к драме, которую переживает часть нашего народа, он имеет лишь косвенное отношение. Пусть формально Россия

У России есть шанс остаться великой державой

еще заседает в Совете Безопасности на правах постоянного члена, а Германия и Япония – нет. Но дискуссии на тему о составе Совета уже начались, и от них никуда не уйти.

“Нормальное” означает “как все”, “как другие”. Россия и в XIX веке была “нормальной” великой державой в европейском оркестре лишь в военном отношении, а, изгнав Бонапарта силами своих крепостных, принялась поддерживать за своими пределами прежние порядки. И, тяжело реформируясь сама, все катила да катила вверх, подобно Сизифу, неподъемную глыбу великодержавности – пока не сорвалась в первой мировой. Снова взялась за то же дело после Октября и гражданской, чтобы, победив во второй мировой, без малого не изойти кровью. Но опять покатали вверх – и того хлестче – махину ядерной сверхдержавы. И только к середине 80-х посвященные окончательно отдали себе отчет в том, что силы коммунистического Сизифа иссякли, попытались отпустить руки – и глыба понеслась вниз...

В наши дни “нормальная великая держава” – это государство не просто обширное и многонаселенное, обладающее военной мощью и культурными традициями, но прежде всего богатое и демократическое. Строго говоря, “нормальные” великие державы конца XX века – это члены “большой семерки”, на совещание которой М. Горбачева в свое время на равных, как известно, не пустили.

Уверения в “нормальности” – это всего лишь утешение: ничего-де особого с нашим былым величием не произошло. Но ни цивилизные граждане, ни, тем более профессионалы-военные, особенно обеспокоенные репутацией страны в мире, этому не поверят. Потому что, конечно же, произошло: у одной из двух сверхдержав подломились глиняные ноги. Да так, что сохранить прежний престиж сил нет, но и отказаться от него, уничтожив горы оружия, тоже не по карману. Статус же “просто” великой державы вроде Великобритании – это уже другой порядок военной силы. Там парламентарии ломают копья насчет того, снесет ли нация бремя трех или четырех собственных ядерных подводных лодок.

Государства и нации, как известно, тяжело переносят свою слабость, особенно по контрасту с былым могуществом. Раньше мы только слышали о расхожих тому примерах: реакции Германии на условия Версальского мира или вьетнамском синдроме у американцев, а теперь вот переживаем нечто подобное на собственной шкуре. Негодует вице-президент А. Руцкой: “Не хочу жить в банановой республике!”. Вроде бы крик души, искренний порыв. Если бы в этом возгласе полное непонимание (или нежелание понять), что произошло со страной, не было поразительно сплавлено с приподнявшимся имперским высокомерием!

Но страдает, не понимает и кричит не один А. Руцкой – многие. Сколько именно и насколько искренне, никто вам толком не скажет, потому что глубина национальной травмы всерьез не измерена. Тем не менее политики и печать усердно нас с вами и Запад пугают. А раз опасность велика, значит, надо что-то предпринять, дабы преодолеть национальное унижение и заодно перехватить лозунги у национал-патриотических кругов. На мой взгляд, лекарство выбрано в расчете на слабых и малодушных, не имеющих силы взглянуть правде в глаза. Это очень выразительно свидетельствует об отношении к собственному народу. Одни раздувают великорусский угар, другие же, напротив, иронизируют, а то и изгаляются над тупостью пресловутого “совка”.

Разорванное, полушизофреническое сознание, которое отражает внутренние метания народа из одной крайности в другую. Они как бы воспроизводят два полярных педагогических подхода, предлагающих воспитывать ребенка либо в строгости, либо на одних похвалах да конфетах. Словно нет середины – спокойствия, трезвости, рациональности, прагматизма. Быстро укоренившееся в русском жаргоне словцо “совок” не просто уродливо. Оно глубоко безнравственно. Бесшабашное жонглирование им – в тот самый момент, когда люди, как никогда, нуждаются в самоуважении и личном достоинстве, – не пройдет бесследно для национального самосознания.

Нелепые шараханья *или—или* (если не “народ-богоносец”, то сразу “совок”, если страна не дураков, то уж непременно гениев) не делают чести никому. Говорят, мифический homo sovieticus привык все получать свыше и делить поровну. Отчасти оно так и есть, но о чем это говорит? О врожденной неспособности действовать разумно, видеть дальше кончика носа? Люди, как могли, приспособлялись к условиям, в которые были поставлены, чтобы выжить, и сейчас, когда меняется строй, снова проявляют то же самое свойство. Как по мне, так для шести лет непоследовательных и пока безуспешных преобразований наши сограждане проявили недюжинную сообразительность и способность видеть вещи без прикрас. Многие политики-демократы вполне могли бы позаимствовать трезвости взгляда у маленького человека. Он никогда не обольщался особенно насчет Горбачева.

Конечно, “рядовой человек” – это абстракция, за которой скрыты как природные умы и праведники, так и глупцы либо негодяи. А среди элиты – по-другому? И там, и тут порой неисповедимыми путями наряду с разумными распространяются и совершенно иррациональные суждения. Только с того, кому много дано, и спрос другой.

Наш маленький человек – не избранник судьбы, но и не ничтожество. И уж во всяком случае нет ни малейшего основания считать “человека с улицы” чересчур изнеженным существом, который не выдержит правды без словесно-идеологической мороки. А потому не резон вместо серьезной общенациональной перспективы совать ему под нос звонкую великодержавную погремушку: “На, мол, потешься, только не кричи!”.

Можно ли принимать за доказательные рассуждение А. Козырева из интервью “Новому времени”: “Величие определяется и размером, если хотите, и нашим местом в том, что мы называем западной или европейской цивилизацией. Это место никуда не девалось. Ни Достоевский, ни Пушкин...”

Журналист: Но мы же нищие...

А. Козырев: Люди ведь мыслят не только экономическими категориями. Пушкин даже в нищей стране – Пушкин. Достоевский даже в “Мертвом доме” – Достоевский”.

Это ведь всего лишь расхожее клише-агитка из арсенала какого-то культурно-политического тотемизма. Оно не дает никаких серьезных оснований для того, чтобы до окончания века стричь политические купоны с репутации великих деятелей культуры прошлого, претендуя на особую роль в мире. Они были у любого народа, но даже гениям, увы, не дано на веки веков защитить своих соплеменников от превратностей исторической судьбы. Да к тому же, как говаривал Ю. Тынянов, любопытна я знать, какая часть не то что жителей России вообще, а хотя бы нынешней российской интеллигенции, которая после десятилетий официального поношения

Федора Михайловича готова сейчас по любому поводу клясться священным именем. действительно читала – не говоря уж о том, что всерьез поняла его писания и приняла его жизненную философию и взгляды?

Но не менее пуста и словесная формула о том, что мы-де “обречены быть великой державой”. Можно еще согласиться с тем, что на какое-то время она будет вынуждена (впрочем, в своих же будущих интересах) нести бремя международных обязательств прежнего Союза: например, довести до конца вывод войск из Германии, Польши и Прибалтики, выплатить ту часть нынешнего долга, которую другие страны СНГ не “потянут”. Но если Россия и дальше будет действовать в духе великодержавной “обреченности”, дело просто кончится ее распадом на государства, размеры которых уже не будут их ни к чему обязывать.

Еще одна из “новомодных” попыток утешиться и обосновать особую роль России – обращение к идее моста между Европой и Азией. Мысль не новая и заманчива только на первый взгляд. Мостом видели себя в посттоталитарном мире поляки и чехи, венгры и болгары, а мы предпочли улаживать свои дела с Европой напрямую, посчитав, что так выгоднее. Такая же судьба ждет и российский мост, это очередная утопия, самоутешение, попытка любой ценой сохранить веру в свое особое предназначение и величие. Кого с кем требуется соединять? Японию или Китай со Старым и Новым Светом? Таджикистан с Германией или Иран с ней же? Да помилуйте, кому это нужно? Очевидно ведь, что все предпочитают строить двусторонние отношения без посредников. Отсюда взрыв активности Д. Бейкера, турецких и иранских политиков в Средней Азии.

Наверное, мысли о том, что надо дать народу новое сознание, новую этику, продиктованы тем, что люди частенько твердят: “Надо же во что-то верить!”. Разумеется, надо. Вопрос только, во что? И обязательно ли – во что? Может, в кого? Самосознание западноевропейцев и особенно американцев, которые осваивали Новый Свет, тоже построено на вере, но в себя, в собственные силы. Возьмите, к примеру, хрестоматийную легенду о судьбе Форда. Ее мораль: каждый человек может достичь многого, если только постарается, – это общественная этика, ориентированная не на полудурка-“совка”, а на энергичную личность. Не подумайте, будто я предлагаю выдумать сладкую сказочку, а la gusse, например, про Борового. Копировать в этом отношении американцев или японцев нет нужды. Но в наших условиях нельзя ориентировать людей на смирение, покорность. Присягая, Б. Ельцин сказал о России, поднимающейся с колен. Не знаю, стояла ли на коленях она, но что нам всем, обычным людям, давно пора наконец подняться и распрямиться, – факт. Если же все время думать лишь о величии державы, отродясь этого не дожждаться. А потому лозунгу “Не хочу жить в банановой республике!”-я предпочитаю другой: “Не позволю, чтобы меня держали за “совка!”.

Совсем недавно, во время визита Б. Ельцина в Париж, мы могли наблюдать пример “духоподъемности” по-французски: пышность ритуала, значение, придаваемое национальным символам, и т.д. Наверное, все это как-то помогло французам пережить поражение, понесенное от нацистов, временную утрату de facto положения великой державы. Но французы всегда оставались уверенными в себе реалистами,

чуток скептиками, но не оруэлловскими пролами или “совками”. И именно это было тем прочным фундаментом, который позволил нации преодолеть послевоенный кризис.

“Перехватывать” у национал-патриотов их великодержавные идеи не имеет ни малейшего смысла, потому что, вопреки своей кажущейся “духоподъемности”, они не только опасны, но и бесплодны. В нашем нынешнем положении самое большое мужество и патриотизм заключаются не в том, чтобы хвастать безбрежными просторами и богатствами, а в том, чтобы научиться ценить, беречь и с толком использовать малое. Новейший пример: плохие у нас дела с энергией. Как поступают в богатых странах? К примеру, ставят в подъездах специальные устройства: вошел – зажег свет, а через какое-то время, достаточное для того, чтобы добраться до квартиры, он автоматически гаснет. Как поступили мы? Начали с того, что стали пересматривать цены на поставки газа в восточные земли Германии.

Довольно затрепанная идея гласит, будто вечный вопрос “Что делать?” типично русский, а потому бесплодный. Ничуть не бывало, очень даже полезный и цивилизованно-европейский вопрос – при условии, если за ним следует другой: “Как сделать?”. Так вот, как доказывают миру величие державы в канонах второй мировой войны, наши власти знают, а вот по части мелочной, продуманной организации – тут очень уж шваховато. И не рядовые граждане в этом виноваты, а те, кому организовывать положено по чину и должности. Им же проще толковать про просторы и величие, потому что “малое” трудно и невыигршно для “подъема духа”.

Вступая на путь радикального одностороннего сокращения вооружений, российский Президент, конечно же, поступит правильно, но совместимы ли эти разумные в своей основе установки с великодержавной фразеологией МИДа? (Я говорю об этом ведомстве потому, что сам Б. Ельцин понятием “великая держава” не злоупотребляет, хотя весь его последний зарубежный марафон тоже явно носил тот же оттенок). А ведь такая ориентация далеко не безобидна при выборе внешнеполитических приоритетов – не говоря уж о кошельках и без того отощавших налогоплательщиков. За ней стоит, в частности, теперешний интенсивный дипломатический диалог с США – это с одной стороны. И с другой – странные, крайне неуклюжие, если не сказать вызывающие, телодвижения по отношению к Германии и Японии. И это при всех заверениях лиц, формирующих внешнюю политику России, что вне СНГ у нее будет два основных театра внешнеполитической активности – Европа и азиатско-тихоокеанский регион.

Нельзя, чтобы общественное мнение России было убаюкано представлением, будто все в порядке. Страна, мол, уже заняла место в мире, которое подобает ей за то, что она защитит цивилизованный мир от исламского фундаментализма. Не говоря уже о том, что громкие речи об опасности ислама не лучшим образом отзываются на внутрироссийских проблемах – татарской, башкирской и т.д. Идея щита – один из мифов, широко распространенных к востоку от Франции. Не только наш орел двуглав. Все восточноевропейские народы смотрели и смотрят на Запад в уверенности, будто не только во времена татаро-монгольского могущества именно они остановили нашествие азиатов, но и сейчас выполняют по отношению к Старому Свету ту же благородную защитную функцию.

У России есть шанс остаться великой державой

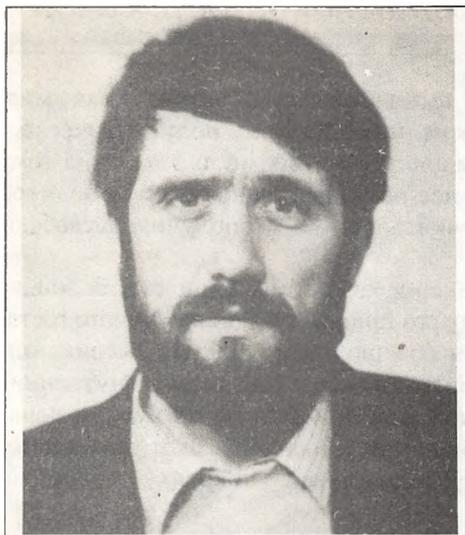
В критические моменты истории нация нуждается не в старых, как мир, примсчиках, в апелляциях к идеям избранности и заведомого полумистического величия, а в серьезном, трезвом и реалистичном диалоге со своими лидерами на тему ее будущего. Мы имеем право знать, есть ли у нас реальный шанс остаться великой державой в XXI веке. Державой великой с точки зрения благополучия и свободы граждан, новейшей технологии и информации.

Сейчас вежливый, но решительный Д. Бейкер в ходе своих блицвожжей зондирует положение в странах СНГ и Грузии, и всюду его привечают как желанного гостя, поскольку для молодых государств такой визит необычно престижен. Но американцы ведь не могут вечно выступать в роли пожарной команды, у них есть и внутренние проблемы. Где лежат российские внешнеполитические приоритеты на будний день? Разумно ли рассчитывать по-прежнему на российско-американский дуэт, или все же целесообразнее перенести центр тяжести нашей дипломатии в Европу – сохраняя, разумеется, хорошие отношения с Америкой?

И главное: намерены ли российские политики и впредь время от времени ошарашивать Старый Свет разного рода неожиданностями и вести себя там вроде слона в посудной лавке, или все же следует взять осторожный курс, стараясь сохранить то, что таким кропотливым трудом создано западными европейцами, вести себя спокойно и обдуманно – без мании величия, но и без комплекса неполноценности? По одежке протягивают ножки. Этот вопрос жизненно важен, он не решается с кондачка во время очередного предвизитного аврала на какой-нибудь правительственной даче.

Бананов российская земля не родит, но в ней все еще скрыты немалые природные богатства. И именно они – одна из причин, по которой с Россией, переживающей тяжелые времена, все равно разговаривают, как с великой державой. Как отнестись к этому факту? Просто вопить о нашей “банановости” или пытаться поставить дело экономно, по-современному, не допустив глобального разрушения среды? Встанем, подобно государствам ОПЕК во время последних нефтяных кризисов, в позу и начнем заламывать чрезмерно высокие цены, играть на некоторой зависимости западноевропейских стран от поставок нашего газа? Мир обойдется без нас, найдет другие выходы из положения. Но, с другой стороны, как защитить слабую отечественную промышленность, не впадая в неоизоляционизм? Уже сейчас видно, что часть предпринимателей, сколачивающих капитал на перепродаже по головокружительным ценам привозного товара и потому усматривающих в беспрепятственности внешней торговли свой главный источник обогащения, вступают в противоречие с теми предпринимателями, которые намереваются развивать собственное производство. В расчете на ту или иную форму протекционистской политики в будущем последние начинают поддерживать национал-патриотов.

Практических вопросов уйма, но, если просто оставаться в плоскости великодержавной фразеологии, мы до них никогда не доберемся, и тогда уж, как пить дать, подобно другим народам, не без основания считавшим себя великими, навсегда сойдем с первых ролей на исторической сцене.

Аркадий ПОПОВ

КТО ОСТАНОВИТ “ПАРТИЮ ВОЙНЫ”?

Покуда наши политики-догматики, выбиваясь из последних сил, пытаются восстановить на просторах лопнувшей империи хоть какое-то подобие былого единства — так называемое “единое экономическое пространство”, оказывается, что проблема искомого единства уже благополучно решена. Правда, на несколько иной, сугубо идеологической основе — на основе создания “единого патриотического пространства”. Притом единого не на словах, а на деле. Это только кажется, что национал-патриотические идеологи и политики воюют друг с другом не на жизнь, а на смерть. Всамделишно, на уничтожение, воюют лишь увлекаемые ими массы, простодушно полагающие, что изничтожение ненавистного Врага Нации и есть то самое, что требуется от них воителями национал-патриотической идеи.. В действительности все обстоит иначе.

Что записные патриоты враждующих держав органически нуждаются друг в друге как в партнерах по нагнетанию с обеих сторон двуединой националистической истерии, благодаря которой в выигрыше у себя дома оказываются и те, и другие, известно с давних пор. И наша нынешняя политическая ситуация примеры подобного партнерства демонстрирует в избытке, идет ли речь о карабахском, приднестровском или любых иных серьезных конфликтах. Хрестоматийный случай — ритмично-симметричные действия российских “бабуриnceв” и украинских “хмаровцев” по совместному накачиванию кислорода в котел страстей вокруг проблемы Крыма. Что из того, что в результате такого “накачивания” в самом Крыму угасшая было русско-татарская и едва тлевшая русско-украинская этническая напряженность грозит в один

Кто остановит "партию войны"?

прекрасный день рвануть очередным Карабахом, а усиление вражды и недоверия на межправительственном уровне дорого обходится и национальной экономике, и национальной демократии обеих держав? Зато "есть такая партия!", которая одна, не в пример предателям-соглашателям, способна защитить национальные интересы от вражеских на них посягательств, красочные свидетельства коих и представляет партнер с противоположного берега. Вроде бы — противники, а на самом деле союзники. У преферансистов это называется "играть на лапу".

При всей этнической и идеологической пестроте постсоветского общеполитического ландшафта в нем без труда усматриваются две обобщенные по сути интернациональные "партии": партия политиков, ориентированных на поиск мирных решений, и партия националистов, жаждущих попытать счастья на поприще "священной войны". России, как правопреемнице империи, в этом глобальном партийном раскладе уготовано, конечно, особое место: ее национал-патриоты пытаются играть "партию войны" сразу на всех фронтах. И приходится констатировать, что эта игра им все более и более удается. Самое свежее тому подтверждение — развитие событий вокруг грузино-осетинского конфликта в свете известного "Заявления Хасбулатова".

Напомним: длящийся уже много месяцев кровавый конфликт этот, кем бы он ни был инициирован, нынешнему руководству Грузии достался в наследство от прежних правителей. Ни для кого не секрет, что провозгласившая курс на демократию и примирение с национальными меньшинствами новая власть в Тбилиси далеко не полностью контролирует ситуацию в республике. "Звиадизм" еще очень силен и опасен как в военно-политическом отношении о чем напоминают непрекращающиеся диверсии и покушения на лидеров Госсовета, так и в идеологической сфере, в особенности — в вопросах межнациональных отношений. По-видимому, нет согласия по этим вопросам и в самом Госсовете, во всяком случае один из самых влиятельных его членов, министр обороны Китовани, то ли не очень может, то ли не очень хочет заставить подчиненные ему части Национальной гвардии прекратить бесчеловечную осаду Цхинвала. С огромным трудом начатый переговорный процесс встречает глухое, но упорное сопротивление ультрапатриотов с обеих сторон, ищущих любого способа взорвать ситуацию — путем ли бандитских расстрелов беженцев или посредством откровенно провокационных нападений на российские части в Гори и Владикавказе. Тем не менее достигнутые в Казбеги договоренности, казалось, вселили какую-то надежду... И вот в этот самый момент — не раньше и не позже! — председатель российского парламента вдруг выступает с "Заявлением", центральным содержанием которого оказывается, во-первых, угроза активного военного вмешательства России в конфликт на осетинской стороне, а во-вторых — и это, пожалуй, даже серьезнее, — угроза "немедленного рассмотрения в ВС РФ вопроса о присоединении Южной Осетии к России" согласно волеизъявлению народа и обращению властей Южной Осетии в Верховный Совет России".

Вопрос: как квалифицировать это "Заявление" и эти угрозы?

Для начала отметим, что с позиции международного права всякое подобное "присоединение", осуществленное насильственным путем, то есть без согласия на то официальных властей государства, куда входила отторгаемая территория, есть не что иное, как аннексия. А это значит, что не взирая ни на какие доводы и апелляции, включая и ссылки на январский референдум, новый статус Южной Осетии междуна-

родного признания не получит. Россия же, без военного содействия которой подобное присоединение просто немыслимо, скорее всего получит статус агрессора со всеми вытекающими отсюда поистине необозримыми последствиями для ее отношений с “ближним” и “дальним” зарубежьем. Неприятно, но это в конце концов всего лишь абстрактно-правовая сторона дела. А как с моральной стороной, все ли тут здорово?

Нет спору, принцип “невмешательства во внутренние дела” с моральной точки зрения не может считаться достаточным основанием того, чтобы попустительствовать попранию прав человека, тем более когда это попрание граничит с геноцидом. Применительно к таким случаям можно выразиться и определеннее: власть, не способная решать проблемы конфликтных взаимоотношений с какими-то из своих территорий невоенными методами (то есть без применения армии), автоматически ставит под сомнение само право — моральное право — осуществлять над этими территориями свою юрисдикцию. И не важно, идет ли при этом речь о юрисдикции Азербайджана над Нагорным Карабахом, Молдовы над Приднестровьем или Грузии над Южной Осетией: принцип везде один — принцип права народа на самозащиту через государственное самоопределение. Другое дело — какими путями и, главное, какой ценой может быть реализован этот принцип в каждом конкретном случае. А вот это уже не право и не мораль, а самая что ни на есть прозаическая политика.

Сегодня нам, видимо, уже не нужно доказывать, что высшим, если не единственным критерием оценки качества политических решений является достигнутая с их помощью минимизация человеческих страданий. Этнические конфликты от всех других отличаются, помимо прочего, своей особенной, массовой жестокостью, которая, кстати, никогда не бывает односторонней, а всегда — взаимной (и это следовало бы помнить всем тем, кто, справедливо сочувствуя жертвам среди мирного осетинского населения, подчас забывает о точно таких же, пусть и в меньших масштабах, жертвах среди населения грузинского). И потому, покуда есть хоть малейший шанс остановить эскалацию насилия, прекратить взаимные убийства и разрушения и сесть за стол переговоров, чтобы сообща попытаться прийти к каким-то компромиссным решениям (все равно каким — федерация, конфедерация, “развод по-татарстански”), — этот шанс должен быть использован до конца. Все другие резоны, все самые высокие принципы и материи, будь то “национальный престиж”, “конституционное право”, “историческая справедливость”, — ничто перед соображениями жизни и смерти людей. Конституции вводятся и упраздняются, представления о справедливости и национальных интересах с течением лет трансформируются до неузнаваемости, а человек живет один раз и умирает навсегда. Вот с этой, самой фундаментальной для политики моральной позиции чего хотел достичь спикер российского парламента своим грозным “Заявлением”? И чего достиг?

Чего хотел он — можно только гадать. А вот достиг — и это уже не гадание, а факт — прямо противоположного тому, что было заявлено им в качестве желаемого. В Грузии в целом и в Южной Осетии в частности ситуация резко обострилась. Воодушевленные долгожданным и авторитетным подтверждением наличия “московско-осетинского экспансионистского заговора”, отряды китованиевской “национальной гвардии” окончательно осмелели и утйоили свои патриотические усилия по расстрелу Цхинвала, сопроводив их для верности нападением на российские вертолеты. Что, естественно, вызвало не только ответный огонь летчиков, но и новую порцию

Кто остановит "партию войны"?

"серьезных предупреждений" из Москвы, само собой не оставшихся без приличествующих ответов из Тбилиси. На Шеварнадзе и других "госссоветовских соглашателей", как и следовало ожидать, обрушился шквал обвинений со стороны звиядистских и звиядоподобных радикалов, еще вчера и не мечтавших о таком подарке (шутка ли: империя вновь пытается поставить свободную Грузию на колени!). Одним словом, войны стало больше, мира — меньше. Переговоры сорваны, об их возобновлении боязно и заикаться. Ну и что дальше?

А дальше, следуя обещанному в "Заявлении", Россия, не добившись от Грузии надлежащего "исправления поведения", должна, очевидно, ввести в мятежную область соседнего государства "ограниченный контингент". Что означает, что впервые за всю историю российско-грузинских отношений между этими двумя народами вспыхивает война! Не словесная — настоящая. С кровью и смертью, со взрывами и пожарами, с бомбардировками городов и захватами заложников (благо в Грузии достаточно русских жителей). Абсурд? Грузины не станут воевать против русских? А отчего же не станут, коли русские сами начнут (а не начав — как иначе воплотить в жизнь торжественный Акт о присоединении?). Не знаю, утешит ли это тех, кого убили вчера и убьют завтра в присоединении Осетии, но что, интересно знать, скажут нам тогда в своих очередных заявлениях наши московские вожди-воители? Что они не виноваты, а виноваты другие, что они-то хотели как лучше, а вышло — как хуже?

Впрочем, о чем беспокоится? Разве у Великой России не достанет военной мощи, чтобы показать какой-то там Грузии всю нашу кузькину мать! Вот ведь и известный политолог А. Мигранян учит нас в "Российской газете", что, дескать, ничего страшного, не надо бояться "двигаться навстречу горским народам", то бишь брать их под свое российское "покровительство и защиту", коль скоро того требуют ее, России, "национальный престиж" и "государственные интересы". А и то! Просытятся ведь горские народы — будем двигаться! Вот только как насчет "престижа и интересов" окрестных государств, той же, к примеру, Грузии, которой вдруг да не понравится такое — сквозь нее — "продвижение"?

А вот как: "Внутренне рыхлая и в общем-то центробежная Грузия, — популярно растолковывает политолог, — сама является сегодня слишком уязвимой, чтобы делать очень серьезные демонстрации силы (так в тексте. — А. П.) против России. При подобных попытках — читаем внимательно! — Грузия может стать и дальше расчлененной: по-прежнему неспокойно в Абхазии, есть большие районы компактного проживания аджарцев, азербайджанцев, в районах, примыкающих к Армении, проживает много армян...". Понятно?

Признаться, с таким захватывающим дух "геополитическим" цинизмом и одновременно авантюризмом в демократической прессе сталкиваться что-то не доводилось. До сих пор считалось само собой разумеющимся, что рассуждения и рекомендации подобного рода — удел изданий и политиков совершенно определенного сорта, именуемых у нас коммунофашистскими. "Российская" же газета — как-никак парламентский официоз, орган Верховного Совета, а не какой-нибудь "Памяти". Что это — симптом? Или сигнал?

Аркадий Попов

Думается все же, что чуткий к “геополитической ситуации” политолог на сей раз несколько поторопился. Наверное, Руслан Имранович (как вслед за ним и Александр Владимирович) вовсе не имел в виду вот так вот всерьез объявлять Грузии войну и начинать “движение” на Кавказ. А просто в отсутствие президента решил дать знать мировой и домашней общественности, кто тут есть главный защитник интересов Российской державы. Тем более что и оппозиция во главе с Бабуриным—Павловым насаждает, норовит перехватить на волне горячего патриотизма руль державного правления. Все так, и, может, для Хасбулатова и имеет значение, кто именно оседлает эту волну — он сам или, положим, Бабурин. Да только для России и россиян это совершенно безразлично. Похоже, наши не в меру озабоченные своей харизмой политики все никак не усвоят, что сами они хороши и нужны Отечеству ровно настолько, насколько хороша их политика.

А та, замешенная на вчерашних амбициях и провинциально- мессианских потугах “неодержавническая” политика, на которую под напором коммунопатриотов все чаще и непоправимее сбивается наше российское руководство, отчасти смешна и жалка (ибо не имеет уже сил для реализации прокламируемых ею целей), отчасти же — страшна, ибо возможностей для того, чтобы ввергнуть страну в пучину кровавого хаоса, у нее предостаточно. Особенно если учесть, что по другую сторону государственной границы этой политики ждут не дождутся ее многочисленные и разношерстные враги-союзники. Мировая большевистская революция не умерла, она только сменила клич, вместо “пролетариев всех стран” сегодня соединяются разумокипящие “пассионарии всех отечеств”. И Смертный Бой, который они сообща грозятся дать друг другу, кажется, и впрямь обещает стать для всех нас и “решительным”, и “последним”.

Июнь 1992 г.

Андрей КОЗЫРЕВ

Фото А. Бойцова

ПАРТИЯ ВОЙНЫ НАСТУПАЕТ

Андрей Владимирович, сейчас, после встреч на высшем уровне в Дагомысе и Стамбуле, обстановка в Приднестровье и Южной Осетии и вокруг них, кажется несколько смягчилась, удалось о чем-то договориться с лидерами Молдовы и Грузии. И вот некоторые считают, что это — результат жесткости, проявленной российским руководством, угроз применения силы в адрес этих республик. Вы с этим согласны?

— Нет! Но это не новая точка зрения, а старая, это логика советского режима. Политический примитивизм — действия на уровне рефлексов, когда есть всегда один ответ — силовой. Ситуация, толкающая к применению силы, создается с помощью соответствующей подачи информации по линии бывшего КГБ и военных ведомств. Не то чтобы совершенно искаженная информация, но с соответствующим окрасом, тенденциозная. Сначала добиваются сдержанной реакции: “Наших надо бы поддержать”. А “наши”-то эти часто оказываются экстремистами. И этим экстремистам на ухо, намеком дают понять: “Вас поддержат”. Потом им “подкидывают” небольшую партию оружия, потом, может быть, помогут подготовить группу боевиков... А потом идет реакция с другой стороны. Там-то ведь тоже есть экстремисты! Возьмем пример Молдовы, где сейчас создается военное ведомство, которое может оказаться бесконтрольным. Умеренный спектр вымывается течением, все громче звучат обвинения в “предательстве”, маловерии, “дипломатии улыбок” — и вот вам уже мясорубка.

Есть разные версии того, что предшествовало последней трагедии в Бендерах. То ли полицейских сначала атаковали гвардейцы Приднестровья, то ли наоборот. Никто теперь этого уже не прояснит. Но даже если Кишинев прав и его действия носили

ответный характер, очевидно, что имел место большой пережест в применении силы со стороны Молдовы. Но значит ли это, что и России следует включаться в политику силовых действий, что на пережесты надо отвечать своими пережестами?

В Афганистане эта же модель была как следует апробирована — “на одну пулю отвечать десятью”, и к чему это привело? Отвечали мы минометами, танками, авианалетами, под конец ракетами “Р-300” — это уже при Горбачеве, — и все это кончилось трагично и для Афганистана, и для нас. И вот теперь люди, участвовавшие во всем этом, пытаются ту же логику применить здесь, как будто и не было этого ужасного афганского опыта. Это такая логика: если в Молдове вверх начинает брать “партия войны”, то давайте и мы отдадим власть этой партии. Если в Грузии Гамсахурдиа и его последователи убивают людей без разбору, давайте и мы бить грузин без разбору! Зачем общаться с Шеварднадзе, когда можно бомбить грузинские города!

— Но что же тогда делать, нельзя же в самом деле, просто наблюдать, как убивают людей и в Приднестровье, и в Южной Осетии...

— Определенная жесткость требуется. Но ни в кем случае не жесткость силовых решений, а жесткая реакция, основанная на праве. Нельзя же уподобляться тем, кого мы хотим призвать к порядку. Суд Линча скор, а нормальный судебный процесс долг. Так что же, неужели из-за этого предпочитать первый второму?

Применение санкций — возможный путь и в отношении Молдовы, но к таким методам надо прибегать, только когда остальные исчерпаны. Давайте вернемся к югославскому примеру. Во время нашей последней поездки мы убедились: армию, воюющую в Боснии и Герцеговине, снабжают из Белграда, самолеты взлетают оттуда же, горюче-смазочные материалы поступают из Белграда. Сербские силы там действуют как регулярная армия мощного государства. В чем виновен Белград? Как минимум, повторяю, как минимум, в том, что он не гребет против течения, уступает “партии войны”.

Президент Снегур, на мой взгляд, пытается идти против такого же захлестывающего националистического течения, вопрос в том, насколько ему это удастся и будет удаваться дальше. Я думаю, что и Эдуард Шеварднадзе тоже пытается бороться с течением, но то ли не имеет полного контроля над ситуацией, то ли действует недостаточно энергично.

В Дагомысе мы продемонстрировали всемерную поддержку именно такому выбору — остановить сползание в пропасть, и нет оснований сомневаться в том, что Россия готова оказать поддержку, дать шанс и грузинскому и молдавскому руководству.

— Почему же нет оснований? А нас самих разве не грозит захлестнуть то же течение?

— Да, и у нас, к сожалению, поднимает голову партия войны, партия неоминоритаризма. Возможно, требуется радикальная реформа наших силовых структур, бывшего КГБ и военных ведомств. Не понимаю, как можно беспокоиться по поводу “дипломатии улыбок”, когда идет обвальная передача оружия и в Закавказье, и в

Партия войны наступает...

Молдове. В последней действительно кое-какое оружие поступает из Румынии, но подавляющая часть идет от армии. По какому соглашению это происходит, хотел бы я спросить, кто его подписывал? Почему военные решают важнейшие политические вопросы? Когда танки становятся самостоятельной политической силой — это катастрофа!

— Но надо ведь как-то все таки и защищать сограждан... Правда, непонятно, как их определять — не по чистоте же крови, в самом деле... Или же граждане России — все “русскоязычные”? Или, все кто хочет? Но ведь есть немало русскоязычных и даже русских, которые не хотят нашего гражданства. Третьи — хотят двойного. Четвертые — никак не определяются. Кого же нам защищать?

— Это еще один трудный вопрос. Но известно одно: есть бывшие граждане Союза, чувствующие себя ущемленными — в Латвии, например. В Эстонии, где законодательство прошло международную экспертизу, но тем не менее, оно тоже не учитывает беспрецедентность нашей ситуации. Иногда речь идет о притеснениях бытового порядка, никак не определенных юридически. В Приднестровье можно говорить о межнациональном конфликте. Но ни один из этих конфликтов силового решения не имеет! В том же Приднестровье живет 150 тысяч русских, а на остальной территории Молдовы — 450 тысяч. Есть только два варианта действий. Или уж быть последовательными, поступать в духе “отца народов”, в духе ГКЧП, то есть оккупировать войсками территории республик, миллионами высылать людей, миллионами расстреливать, установить жесточайший режим террора. Или уж все решать мирно, на основе международного права, цивилизованно. А третьего какого-то способа защитить русскоязычных, оказавшихся среди других народов, просто нет: Не пришлете вы “голубой вертолет” защитить каждого русскоязычного мальчика или девочку, идущего в школу. Что бомбить-то будем — города со смешанным населением, что ли? И если мы своими действиями, наломав дров, вызовем там русофобию — вот это будет настоящее национальное предательство, совершаемое национал-патриотами.

Так что я бы не стал торопиться с определением, кто есть гражданин России, а кому в этом отказано. Но, безусловно, те, кто определенно хочет получить гражданство, должны иметь такую возможность. Соответствующий закон должен быть принят Верховным Советом. Но значительная часть тех, кого мы хотим защитить, просит этого не делать! Пресса почему-то замалчивает такие факты, но ко мне во время поездок подходили люди — представители ассоциаций, землячеств и говорили, например, а нельзя ли там как-то унять Бабурина, а то нам его выступления боком выходят. Русские в республиках могут фактически превратиться в заложников национал-патриотов, если они будут восприниматься не как честные граждане этих стран, не как высококвалифицированные работники и носители европейской культуры, а как какая-то пятая колонна империалистической державы. Им уж или надо уезжать, или же браться всем за “калашниковы”. Другой вариант — жить достойно, принимая законы и суверенитет страны, добываясь законными путями уважения своих прав. В США живут миллионы китайцев и не жалуются на свою судьбу, но и навязывать свои порядки американцам не пытаются. То же самое можно сказать и о русских, и украинцах в Канаде.

Посмотрите, что делает Верховный Совет — голосует за приостановку санкций против Сербии, даже не пытаясь разобраться в сути дела. Но ведь это — прямое

нарушение Устава ООН. Депутаты хотели бы, чтобы Россия пошла против воли международного сообщества, в том числе против славянских республик бывшей СФРЮ, которые умоляют усмирить белградских вояк и смотрят с надеждой на Россию, потому что Россия — демократическое государство, которое может спасти их от “югославской КПСС”, от сербских национал-патриотов и красно-коричневых. Но наша “КПСС” и наши красно-коричневые вполне логично идут на помощь своим сербским собратьям.

То, что происходит сейчас у нас, — похоже на 1933 год в Германии, когда часть демократов стала переходить на националистические позиции. Понятно, что есть сложнейшие проблемы, на которые чрезвычайно трудно находить демократические ответы. И еще, возможно, в людях возникает инстинктивный страх перед этой темной силой. Наконец, не хочется, чтобы тебя публично называли предателем национальных интересов. Действительно, большое мужество требуется, чтобы выдержать эти исторические обвинения. И появляется соблазн говорить о “Явлении Державы”, доказывая таким образом свой патриотизм.

Страшную ответственность берет на себя интеллигенция — та, что играет в “патриотизм” поддается красно-коричневому. Еще в прошлом году радовались мы разнообразию, а теперь во множестве разных газет — речь о “Державе”. Наверное, когда в следующий раз ГКЧП захватит власть, список разрешенных газет окажется куда шире. Я даже иногда ловлю себя на мысли: а может, именно на это и рассчитывают некоторые журналисты и редакторы?

Во время визита в республики Югославии с нами ездили журналисты из телеслужбы ТАСС. Рисковали больше нас всех, высывались, снимали честно то, что происходило в Сараево. И что бы вы думали? Показывать их материал наше телевидение не желает! А перед отъездом там говорили о своей живейшей заинтересованности. Рассчитывали, видимо, что получится какая-нибудь пропаганда в пользу национал-патриотического режима в Белграде, а оказалось, что из фильма ясно: это югославская армия воюет в Сараево, и эти формирования, конечно же, поддерживаются и в значительной мере контролируются из Белграда. Такой фильм оказался не нужен. В Верховном Совете, принимая решения по Югославии, не захотели узнать, что видел собственный российский министр иностранных дел в Сараево своими глазами. Почему бы не послушать операторов или не посмотреть снятый ими фильм?

Вот теперь Верховный Совет призывает отказаться от санкций против Сербии, ставит вопрос об отказе от принципа нерушимости границ. Слушая выступления депутатов, чувствуешь себя вернувшимся в старые времена. Все, как и было все эти 70 лет: о НАТО, о США говорят как о заведомых противниках России. Действительно, они были противниками коммунизма и снова будут противниками национал-патриотической России, к которой некоторые депутаты, видимо, себя относят.

Когда Верховный Совет скатывается на подобную позицию, остается надежда лишь на президента. Он остается единственной скалой, единственной реальной силой, противостоящей течению, и мы все должны сплотиться вокруг него.

— Последний визит президента в США, достигнутые там договоренности тоже подвергаются, насколько я знаю, уничтожающей критике. Говорят, национальные интересы были преданы, недаром же 11 раз аплодировали Борису Ельцину конгрессмены.

Партия войны наступает...

— Визит в США подтвердил правильность августовского выбора. 45 лет копились горы оружия, но и, начав сокращать их, США делали это в горбачевскую эпоху с большой осторожностью. Они и слышать не хотели о возможности сокращения военно-морского — главного для них — компонента ядерных сил. И вот теперь всего за 5 месяцев открытых, честных, без камня за пазухой (“социалистический выбор” — помните) переговоров, и США соглашаются сократить военно-морской компонент в три раза! И это произошло не потому, что мы их обманули или вынудили пойти на уступки. Просто американцы впервые нам до конца поверили, поверили в Ельцина и его команду, поверили, кстати, и в то, что эта команда способна справиться с национал-патриотами. Но если нет, если те придут к власти, то гонка вооружений немедленно начнется с новой силой. Вот уж будет предательство национальных интересов! Потому что если уж Советский Союз не выдержал гонки вооружений и рухнул, то что смогут сделать необольшевики в нынешнем состоянии России.

Хочу напомнить: нынешняя власть в России получила от народа демократический, а не национал-патриотический мандат. И в августе прошлого года народ вновь подтвердил свой выбор, отказавшись подчиниться ГКЧП. В его платформе, кстати, не было ни слова о коммунизме, и она была идентична тому, что предлагается национал-патриотами сейчас. Народ такой выбор отверг, но ему снова навязывают его. Считаю, что угроза антидемократического переворота существует. Или через “очередной съезд КПСС”, или путем аппаратного реванша. Смотрите, какой контраст: как вяло реагировали соответствующие структуры на события вокруг “Останкино” и как живо, как сильно — на события в ближнем зарубежье. Неделя прошла, пока разогнали это отребье! В демократических странах — в США, во Франции подобных демонстрантов, призывающих к насильственному свержению законно избранной власти, к насилию, мгновенно разгоняют брандспойтами.

Нет, не в Приднестровье, не в Осетии решается сейчас судьба России, она решается здесь, в Москве, в центре государственной власти. Либо российское общество сумеет вновь, как в августе, отвергнуть путь ГКЧП и, сжав зубы, идти вперед по демократической дороге, сочетая твердость со сдержанностью, тонкостью подходов. Либо мы, так и не разрешив ни одного межнационального конфликта, принесем сюда, в Россию, и Приднестровье, и Осетию. Демократия внутри и национал-коммунистические методы вовне — вещи несовместимые. Попытаться сочетать их, отдать на откуп “ура-патриотизму” внешнюю политику — это своеобразный Мюнхен. Это обязательно приведет к бесконтрольности силовых структур — армии и госбезопасности, которые затем рано или поздно сбросят ненужные, мешающие им демократические оболочки. Михаил Горбачев испробовал этот путь в Прибалтике, и ему пришлось опираться на Янаева, Крючкова и Язова. А потом он стал им не нужен. Сейчас все это может повториться, если мы станем уступать этим силам, заключать с ними компромиссы. Это — путь катастрофы

Интервью брал Андрей Остальский, корр. “Известий”

Июнь 1992 г.

Демократия и нравственность

Владимир БИБЛЕР

ДЕМОКРАТОМ БЫТЬ ТРУДНО

ИЗ ЗАМЕТОК О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В отличие от многих иных общественных и социальных идей, идея гражданского общества крайне трудна для освоения и “духовного пафоса”, потому что она не может быть вдохновенно спроецирована на будущее, потому что она — по сути своей — внепафосна, потому что идея эта может быть реализована просто-напросто в ежедневном образе жизни человека, живущего сегодня, во всей неприхотливости его поступков. Попробуй, различи в этом повседневье великий исторический пафос... Попробуй в ближнем и рядом стоящем разгляди далекую историческую перспективу... Но если ее не разглядишь, не укоренишь в своем сознании как идею, как перспективу — пиши пропало. Ни демократии, ни рынка, ни свободы в нашем быте-бытии не возникнет. Конечно, сейчас не до таких остановок самосознания, но как раз сегодня — должно быть до них. В предлагаемых заметках я не философствую о далеких общественных и культурных поворотах. Остаюсь в сегодня, поворачивая идею и образ жизни гражданского общества разными гранями, трудностями, запинками, с неизбежными (желательными) повторениями и вариантами. Не говорю непосредственно о современных политических и экономических задачах, но продумываю подход к этим актуальным задачам в модальности свободной независимой гражданской мысли.

Пытаюсь жить — вместе с читателями — в Большом Настоящем Времени.

I. ДЕМОКРАТИЗМ: ИДЕЯ И ОБРАЗ ЖИЗНИ

Странные, а возможно, и роковые события происходят сегодня в нашем идейном обороте. Очень много говорится о демократии, демократичности, демократизме, а вместе с тем вновь приобретает влияние на людей, казалось бы, ушедшая навсегда, после миллионов смертей и губительных потрясений, коммунистическая идея. Она не только возрождается, но и начинает становиться все более привлекательной, претендуя на то, чтобы вновь стать массовой.

На то же самое претендует и другая идеология: шовинистически-имперски-державного толка, где странным образом смешаны самые дикие — и старые и новые — шовинистические экстазы, дикая злоба ко всему не только инакомыслящему, но и инакорожденному.

Мы можем произносить сколько угодно громких слов, отрицая, ругая, проклиная эти идеи. Но остается фактом то, что они обладают каким-то импульсом действия, способностью повести за собой людей, сделать так, чтобы индивиды начали сплываться в массу, забыв себя, свою индивидуальность, соединились в нечто аморфное, но страшно мощное, злобное, многоголовое.

Между тем, идея демократии завоевать массы никак не может. Почему?

Мы говорим о демократическом устройстве государства, говорим о внутренней связи рынка и демократии, говорим, что демократическое правительство должно сменить тоталитарный режим (и в какой-то мере это произошло), но тут же сами демократы (во всяком случае, демократы-политики) начинают судорожно рыться в своем идейном арсенале: а нет ли все-таки какой-то другой подсобной идеи, которая “подопрет” демократию и сделает ее более “удобоваримой”.

В частности, сейчас нашими даже вполне прогрессивными и честными политиками все более выдвигается на первый план идея авторитаризма. Дескать, ситуация сложная, экономическая реформа идет более чем трудно, со скрипом, масса не понимает всей сложности ситуации, “народец глуповат”, и поэтому на какой-то период нужна сильная власть, конечно, с призраком какого-то вождя, но “доброе, умное, понимающего”, который и осуществит эту реформу... В чем тут дело?

Не только в каких-то недостатках наших демократов или непривычности для нас самой идеи демократии. Вопрос, кажется, гораздо сложнее. Суть в том, что демократия, демократические идеалы не сводятся и не могут свестись только лишь к демократически устроенному *государству*...

В русском языке “демократизм”, наверное, единственный из многочисленных “измов”, который обозначает не какое-то Учение, но прямо указывает на образ жизни, на стиль взаимоотношений, заложенный в индивиде. Демократичен человек или нет — это не вопрос о власти, не вопрос о государстве, это вопрос о некотором индивидуальном поведении.

И еще одно.

Демократом быть трудно

Произнося слово “социализм” или “фашизм”, мы каждый раз связываем это с представлением о каком-то пусть неопределенном, но будущем. “Мы хотим строить социализм!”. “Фашизм обеспечит тысячелетие великой расы!”. Единственный “изм”, который говорит не о будущем, но о настоящем, — это “демократизм”. Он не требует затрат материальных или исторических; он не откладывается на завтра; его нельзя “строить”, как социализм. Демократизма нельзя добиться каким-то усилием народа, но только личным усилием, воспитанием. Он или есть, или его нет.

Между тем, отсутствие демократизма является, на мой взгляд, может быть, главным пороком наших самых лучших демократов, политически достаточно деловитых, искренне стремящихся покончить с тоталитаризмом. Большинство из них по своей политической идеологии убеждены, что демократ — это тот, кто исполняет волю большинства (выборы), кто помогает организовать рынок, проводит политику, направленную, скажем, на развитие частной собственности. Все это очень важно. Но это еще не признак демократизма.

Вопрос “А демократ ли ты?” означает, в первую очередь: “Насколько ты демократичен в личном поведении, по отношению к своим секретарям, просителям, любому человеку?” Вот тут-то и оказывается, что зараза иерархических отношений между людьми проникла глубоко в сознание демократов. И это обстоятельство уже изначально страшно компрометирует идею демократизма, да и демократии в целом.

Демократизм труден. Мне пришлось сталкиваться со многими властью имущими людьми (я говорю не о каких-то подонках, коррумпированных типах, а о наших нормальных политиках), и в их поведении, отношении к людям демократизма не чувствуешь. Наши демократы — менее всего демократы в общении с людьми. А это заранее делает невозможным существование демократии в качестве идеи (и — образа жизни), в качестве основы нашего душевного и умственного уклада. Не успев родиться, идеи демократии у нас отождествляются всего лишь с определенным устройством власти, когда большинство выбирает соответствующий парламент или правительство. Выбрали и отпали. А сам демократизм как форма жизни людей, живущих в каждом доме, в каждой квартире, стоящих в очереди, оказывается пустым звуком, пустым местом, которое свято не бывает и которое легко занимают иные, более привычные для нас идеи и импульсы из прошлого.

Теперь — главное.

Отличительной особенностью демократизма, его “родовым признаком” является наличие особого, очень необычного равенства, вне которого все демократические и политические институты, все законы, вся экономика рынка и все прочее оказываются лишь пустым звуком или неприятным, диким рыночным экстазом. Демократизм предполагает очень простую максиму. Ее можно выразить так: нет ни одного человека выше и ни одного человека ниже меня (какое бы официальное место в обществе он ни занимал). И эта простая максима таит в себе, в своих глубинах один существенный оборот в отношениях между людьми — очень необычный и мучительный для нашего сознания. Сталкиваясь с людьми, мы видим, что один умнее, образованнее, другой глупее; один способен активно творить, другой — нет. В итоге в сознании легко выстраивается некая вертикальная иерархическая структура: один становится властью имущим, другой — тем, кому власти дарят некоторое “благоволение” или не дарят,

и тогда он возмущается. Казалось бы, что это вполне нормальное явление, ведь, действительно, все люди разные, и мы все сейчас справедливо выступаем против уравниловки, внешнего примитивного равенства всех людей...

Ничуть не сомневаясь во всем этом, хотел бы копнуть чуть глубже.

Демократизм предполагает, что каждый без исключения человек — это книга за семью печатями, некоторая тайна. И то, чем индивид является сегодня в реальном своем поведении и “положении”, — это лишь самая-самая вершина айсберга. Каждый — внутренне — абсолютно безграничен, безмерен. И мы обычно сталкиваемся лишь с внешним, не чувствуя совершенно этой никак не выражаемой вовне интересности, глубинности, неисчерпаемости каждого человека. И если исчезает внутреннее ощущение непознанности его личности, загадочности, индивидуальной глубины его, то исчезают основы того, что я назвал демократизмом. Демократизмом, который предполагает, что только так надо относиться к человеку, чувствовать в нем нечто, не выявленное условиями его жизни, случайностями его судьбы, но остающееся в нем и, возможно, ему самому неизвестное.

Демократизм принимает в расчет лишь это равенство. То, что в привычном буржуазном обороте называется “равенством возможностей”. Не дешевое равенство социальной уравниловки и не равенство подданных перед Вождем, но глубинное равенство, предполагающее, однако, отнюдь не тождественность, а неисчерпаемое различие телесных, духовных, душевных, интеллектуальных миров любого индивидуума.

К этому мы не привыкли. Мы всегда спешили влиться в массовый энтузиазм, экстаз, толпу, вопль. Нам было неуютно в осознании, что подлинное общение людей предполагает их особую, непохожую на нас индивидуальность, то, что мы находимся как бы в разных вселенных и перекликаемся через бездонные провалы непонимания. Демократизм — в своих глубинах — связан не только с признанием глубины и неповторимости каждого человека, но и с принципиальным индивидуализмом, в “режиме” которого общение людей — в экономике, политике, семейных отношениях, в отношениях на улице, в очереди, транспорте — требует некоторого свободного соглашения. Совместное, общее выступает реально и даже углубляется, но не потому, что оно заранее дано, “предписано”, а потому, что я на это соглашаюсь. И при том я сохраняю внутреннюю свободу! Общение в стиле демократизма — это общение индивидуальностей. И все это — вспомните первый тезис — укоренено в настоящем, а не ориентировано на “светлое будущее”.

Есть у демократизма еще одна сторона. Демократизм предполагает культ внешней, формальной воспитанности, цивилизованности. Демократизм существует, когда он... “автоматичен”.

Допускаю, что Руслан Имранович Хасбулатов — великолепный, непревзойденный демократ по своим политическим устремлениям, но когда он позволяет себе говорить “мальчишки”, обращаясь к министрам, или когда он говорит о “Петьке Филиппове” — это элементарное хамство. И это вовсе не мелочь. Демократ, который хамит своим коллегам, — это не демократ. Его нельзя близко подпускать к правительственным верхам, потому что элементарная *воспитанность* является в демократизме глубоко содержательным фактором.

Демократом быть трудно

Если спросить, в чем содержание идей социализма, ответ ясен: “общественная собственность на средства производства, необходимость наличия громадных мегаколлективов на производстве...”. В чем фашизм? “В признании господства одной расы...”. Но в чем содержание идей демократизма? Да нет у него никакого особого содержания. Заранее сказать: “Демократизм — это то-то и то-то...” — невозможно. Он каждый раз формируется и раскрывается по-своему, а это является также громадной трудностью для нас, в России. Мы ведь привыкли к содержательному определению идей. А там, где основным содержанием является индивидуальность каждого человека, тут какого-то массовидного определения дать невозможно, и нас это раздражает. “Это узко, это бессодержательно, пусто, формально!” — кричим мы внутренне и бросаемся в русло привычных идей: имперство, шовинизм, национализм, коммунизм, расизм и прочее... Вот в чем сложность, а вместе с тем и насущность идей демократизма и демократического образа жизни в нашем современном обществе.

Крайне опасен в современном обществе и квазидемократизм, когда демократичность отношений между людьми берется не как самоцель, но как некое средство для достижения политических целей. “Чтобы меня слушали, любили, за мной шли, я буду всячески, утрированно подчеркивать свою демократичность”. Но эту фальшь люди всегда разглядят, и эта игра в демократию, авантюра популизма — вещь очень опасная. Опасна именно для идеи и образа жизни демократизма.

В этой связи можно вспомнить о таком феномене квазидемократических структур, как “демократизм” внутри коммунистической или фашистской партий, в отношениях между их членами (товарищами, *parteiigenossen*). Ведь как было: все мы товарищи, все мы равны, имеем равный голос и равное право и можем смело критиковать друг друга и спорить, хотя один из нас может быть генеральным секретарем, а другой — последним “винтиком”. Это очень привлекательно. Я вспоминаю свои ощущения в очень далекие годы — ощущение того, что я могу, будучи в партии, смело говорить хоть с самим Сталиным. И я, помню, написал ему письмо, году эдак в 37-м, а потом — в 49-м, где критиковал его произведения. А как же, мол, мы — товарищи, равные, и я понимаю, что сор из избы выносить не следует — “чужаки” могут это использовать против нас, но мы-то равны, между нами-то нет секретов, и потому я говорю, что вот тут вы, Иосиф Виссарионович, ошибались. Тогда я чудом уцелел, взялись за меня позже и по иному поводу, но тогда я хорошо помню эту упоительно интересную “игру в равенство”. Мы — особые; те, кто не с нами, — от них надо что-то таить, они не все могут понять, они не такие, как мы, на них могут повлиять другие силы, но мы-то совсем иное дело. Эта идеология переворачивания жесткой иерархии деспотизма в некое внутривнутрипартийное квазиравенство страшно привлекательна.

Выделение партийцев из общего числа людей и их квазиравенство (внутри партии) крайне опасно, потому что как только остается равенство и демократизм (также мнимые) лишь для членов партии, всякие идеи демократизма рушатся мгновенно и полностью. Тут нет и намека на индивидуализм, глубину и безграничность каждого человека. Сейчас снова возникает это явление — квазидемократизм в сфере демократии: “Мы, люди, принадлежащие власти, совершаем иногда не те

поступки. Мы-то это осознаем, но народ это не поймет, мы вынуждены под него подлаживаться. Хотя, конечно, внутри мы понимаем, как надо". Сегодня этот псевдодемократизм часто принимает форму дешевой демагогии и популизма.

Самые крупные наши политики считают возможным, говоря "с народом" ("он не все ведь понимает"), выдвигать шовинистические лозунги. Требовать, скажем, изменения границ или отвергать срочную необходимость устройства республики немцев Поволжья. Заговорил я об этом не случайно, а потому, что сегодня успех реформ, доверие к правительству в гигантской мере зависят от того, чтобы быть по-настоящему демократом, а не играть в демократизм.

Это важно и принципиально. Позиция "рядового гражданина" не должна сниматься в позиции правящего политика. В современной России это очень сложно. В отличие от Запада наш политик, не защищенный частной собственностью, своим каким-то делом, бизнесом, домом-крепостью, "дедушкиным наследством", вылетев с политической орбиты, моментально может оказаться на задворках, лишиться привычного образа жизни, его могут оскорблять и пр. А западный политик на любом, самом высоком, посту сохраняет чувство элементарного гражданского достоинства, ведет себя не только как политик, которому надо оправдать доверие избирателей, повести за собой людей, но и как гражданин, который может позволить себе заявить публично: "Да, дорогие, сейчас то-то и то-то политически необходимо, но я как гражданин тем не менее считаю так...". "Да, я понимаю, что политически создание немецкой автономии — очень трудное дело, но как для гражданина для меня омерзительна даже мысль, даже предположение, что немцы могут быть выброшены на какой-то полигон, начиненный еще снарядами! Я, гражданин N, за немедленную автономию".

Теперь — к корням. Современное общество — это не просто общество рынка, это общество граждан, гражданское общество. Не каждый хочет и может быть предпринимателем. Настоящий философ или настоящий поэт — всегда — вне и даже против рынка. И это насущно для гражданского общества и для... самого рынка. Гражданское общество дает возможность коренной "тайной свободы" человеческого бытия, которая не сводится к свободе (при всей ее необходимости) рыночных отношений. Демократизм предполагает — в условиях современной цивилизации — свободное бытие вне рынка, на выходе из рынка, в преодолении рыночной детерминации.

Демократизм — вот ядро, в котором индивид буржуазной цивилизации превращается в личность культуры — вне всякой буржуазности.

II. ДЕСЯТЬ ТРУДНОСТЕЙ ГРАЖДАНИНА, ЗАНИМАЮЩЕГОСЯ ПОЛИТИКОЙ

В первые годы немецкого фашизма Бертольд Брехт сформулировал "Пять трудностей пишущего правду". Эта статья-листочка вошла значимым предупреждением во многие дома немецкой интеллигенции. Я видел в Берлине 45-го года ее пожелтевшие списки, хранимые как знаки гражданского достоинства. Многие из хранителей

действительно вели себя достойно и заплатились концлагерем. Вспоминаю об этом сейчас, потому что для точного понимания этой части моих заметок существенно ощущение того речевого жанра, в котором они написаны, когда читатель заранее заключает как бы тихий договор с автором и входит в правила речевой игры. Хватит с нас серьезностей “на ходулях”.

Итак, сначала о близости моих заметок к речевому жанру листовки Брехта. Во-первых, общим является то, что, вслед за Брехтом, я считаю существенным, чтобы каждый участвующий в политической деятельности постоянно (может быть — еженощно) напоминал самому себе о том, за что, за какое чудовищно трудное дело он берется. Необходим как бы некий кодекс чести, узелки на память. Сформулировать эти трудности — значит попытаться обратить политические реалии в некоторые определения нравственности, в самосознание. У нас невероятно низкий уровень самосознания. Политик бросается в политику и дальше думает только “от себя”. Он перестает оставаться наедине с собой; нет ощущения, что где-то он сосредотачивается и предупреждает себя: этот поступок запрещен, тут я должен прекратить свои действия, потому что они выходят за пределы элементарных гражданских норм поведения. Эта одинокая самососредоточенность крайне необходима — пусть это звучит утопически — для каждого современного политика. Вот общее в подходе, в речевом жанре моего и брехтовского описания трудностей.

Но для меня важно подчеркнуть и некоторое отталкивание от брехтовского подхода. То, что делает он, определяя свои “Пять трудностей”, подразумевает некую заранее фиксированную политическую идею, в которой он не сомневается и в которой должен убедить читателей. В “Десяти трудностях” политика-гражданина сама формулировка *сомнений и трудностей*, перед которыми стоит человек, рискующий стать политиком, — это и есть основная идея. Идея сомнений. Далее, для Брехта, да и для многих наших демократов, кажется несомненным, что политическое убеждение является неким коллективным общим достоянием, которое нужно сохранить именно как нечто общее и коллективное. В тех трудностях, которые я пытаюсь сформулировать, перевод политики в нравственность означает, прежде всего, *персонализацию*. Это — предельное обнаружение трудностей моего участия в общем политическом деле. Общее, коллективное приобретает здесь характер индивидуальный, личный, особенный. Наконец, политика для Брехта — все! В моих определениях политика понимается лишь как некая сторона, некое вторичное отражение свободного общения граждан. Забегая вперед, скажу: трудность человека, который хочет заниматься политикой и сохраниться в качестве гражданина, как раз и состоит в том, чтобы суметь при всем азарте, хитроумии “участия в политике” углубить свою неангажированность, невключенность в политику, свое гражданское личное достояние. Понимать, что политика — лишь часть, и малая часть, не только общественной жизни, но даже и моей собственной жизни политика, остающегося гражданином.

Вот некоторые соображения, которые мне бы хотелось сформулировать заранее. То, что я буду говорить дальше, — это не какой-то кодекс заповедей для других. Сосредотачиваю эти мысли в значительной мере для себя самого, для своего сознания, ведь кто из нас вольно или невольно не вовлечен сегодня, пусть “по касательной”, в политические напряжения? Определяю для себя и только в меру такого самосознания — для возможных читателей.

Нельзя отложить самосознание на завтра — вот сейчас сделаем все политические дела, наладим экономику, политику, наладим социальные, национальные отношения и тогда позволим себе роскошь самосознания. Нет! Ничего мы не наладим и снова вернемся к старым грехам и ужасам, если любой внешний политический и экономический процесс не будет одновременно процессом внутреннего измерения. Внутреннего мужественного подвига по отношению к самому себе. Вытаскивание самого себя за волосы наверх, подобно Мюнхаузену. Конечно, эти мои заметки вряд ли что-нибудь изменят в нашем сознании и в наших действиях. Но капля долбит камень. Момент такой остановки, раздумья необходим и насущен как никогда.

Теперь — к делу.

Как я понимаю основные трудности гражданина, вступающего на политический путь? По сути, я уже сформулировал первую “трудность”.

1. ОСТАТЬСЯ ГРАЖДАНИНОМ

Первая трудность, стоящая перед человеком, занимающимся политикой, состоит в том, что он должен упрямо сохранить в себе независимого, не сливающегося с политической заинтересованностью, одинокого гражданина, я бы сказал — частное лицо. В политике-гражданине должен формироваться некий внутренний судья и свидетель. Судья и свидетель не в каком-то абстрактном высоком плане, но в плане очень простом. Этот свидетель — частное лицо, гражданин, бюргер, “обыватель” со всеми особенностями этого, скажу утрируя, безответственного (может быть, впрочем, самого ответственного) поведения одиноких “рядовых” граждан. Как только исчезает в человеке, занимающемся политикой, этот внутренний судья и свидетель-гражданин, сразу же исчезает политик-демократ. Политический деятель начинает себя рассматривать как политика “по преимуществу”, а рядовых граждан — как неприятный объект его действий. Политик *управляет* гражданами, организует их, направляет их мысли. И дело не в злой воле. Он может руководствоваться самыми лучшими побуждениями. Но как только отношения политика и гражданина сводятся к отношениям внешним: Я — политик, а ОНИ — граждане, которых нужно любыми способами повести ради их же пользы за собой, — политик перестает быть гражданином, членом гражданского общества, перестает быть настоящим демократом. Возвеличивающие Ленина слова Бориса Пастернака “...Он управлял течением мыслей и только постому — страной” — есть, возможно, самое глубокое обвинение Ильичу.

2. НЕ ИСКАТЬ ТАЙНЫХ УМЫСЛОВ

Казалось бы, не столь глобальная трудность, как первая, но в наших условиях крайне существенная. С этой трудностью связаны очень многие сбои наших самых честных политиков-демократов. Это — трудность сохранить в своих действиях, в своем разумении *презумпцию доброй воли моих оппонентов*. Очень трудно предположить, что инакомыслящие мыслят иначе, чем я, не потому, что у них есть какие-то “задние мысли”, расчеты, не потому, что “нам подкидывают какие-то идеи, которые могут...” и т.д. И все же надо хотя бы на время допустить (даже если это в действительности не так), что публичная аргументация моего политического оппонента, пускай противника — это единственная реальность, с которой я должен иметь дело. Для политика запрещено копаться в “тайных умыслах”, в выгодах и лицемерии оппозиционера. Как только мы поддаемся политической подозрительности и вместо

аргументов оппонента начинаем иметь дело с предполагаемыми нами хитрыми замыслами и умыслами, искать тайных врагов, сразу же внутри нас будет вырастать, вольно или невольно, некий маленький внутренний сыскной орган — КГБ или Гестапо. Этот лживый стукач (внутри нас) будет вместо реальной честной политической борьбы заниматься политическим доносительством, провокациями и т.д. А в наших советских условиях, когда мы издавна привыкли именно к такому восприятию оппонентов, этот соблазн особенно велик. Нужно заставить себя (это невероятно трудно), как бы плохо я ни относился к этому человеку, сколько бы оснований я ни имел для своих подозрений, вовремя остановиться, оставить эти подозрения дома, высказывая их лишь жене или детям, но в политической деятельности строго ограничить себя тем, что говорит и делает оппонент, иметь дело только с его аргументами. И — все. Вспоминаю, как, читая работы Ленина, я поразился самой фразеологии — *предатель, иуда, агент, капитулянт, ренегат...* Фразеология, казалось бы, вовсе не была связана с тем, что Ленин действительно считал: этот — предавал, этот — уголовник, а этот — завербован и т.п. Но сама фразеология такого вот сыского характера страшно влияет и на собственную психологию. Она легко материализуется и реализуется далее в действиях. Ренегат — бить; агент — разоблачить; предатель — обнаружить, кого предал... Наш язык — это хитрая заманка, он во многом наш хозяин. Используя вначале эти обороты просто как образы “для простоты” или чтобы сильнее подействовать на массы, мы становимся рабами этих оборотов. И вот уже выглядывает рябое лицо следующего властителя, который буквально воспринял и реализовал все эти публицистические обороты.

Я не называю имен, не привожу выдержек из речей наших современных властителей, но читатель сам легко заполнит пустоты и увидит — как трудно удержаться от поиска “задних мыслей” и как невероятно трудно видеть в аргументах противника только одно — его аргументы. С ними можно спорить, их опровергать, им противопоставлять свои, но не искать “подбрасываемых идей” и тайных умыслов.

3. СО-РАЗНО-ГЛАСИЕ

Третью трудность гражданина, который решает быть политиком в гражданском обществе, я бы сформулировал так: трудность такого согласия со своим оппонентом, которое сохраняет ситуацию разногласия. Это понимание того, что, вступая со своими оппонентами в самые сложные отношения компромисса и уступок, ты вместе с тем должен сохранять максимализм своей исходной позиции. Мы так часто любим повторять: “согласие”, “единство”, “консолидация”, — что из этих слов начинают выглядывать знакомые уши “морально-политического единства партии и народа”. Гражданское согласие всегда является оборотной стороной необходимого разногласия, разноречия, разных интересов, органически необходимых здесь и сегодня.

Тут есть два соблазна. Первый. Если политик в результате компромисса просто отказывается от своей точки зрения, тогда мгновенно упрощается общественная картина, в обществе остается меньше голосов и голов. Гражданское общество оказывается ущербным. В идеале: у каждого — свой голос, своя позиция. Второй соблазн. Если я настаиваю дуболомно, упрямо на своей позиции, не иду на компромисс, считая: раз я прав, какой может быть компромисс, — снова нарушается со-разно-гласие нормальных граждан.

Такое понимание со-разно-гласия оказывается крайне трудным выбором. Но если эту трудность политик не преодолевает или хотя бы не осознает эти соблазны (потому что преодолевать их зачастую не удается), он перестает быть демократом.

4. НЕ ОТКЛАДЫВАТЬ НА ЗАВТРА

Я бы определил четвертую трудность так: при всей необходимости компромисса, соглашения, понимания того, что политика — это искусство возможного, необходимо, чтобы сохранить в себе гражданскую позицию, в решающем выборе исходить не из соображений целесообразности — революционной, государственной, политической, экономической, — но прямо из самой сути дела. Это то, что древние описали словами: “Здесь Родос — здесь прыгай”. То есть не ссылайся на особые условия места и времени, в которых ты можешь позволить себе быть самим собой. Это место — здесь. Это время — сейчас. Нельзя демократию, демократизм как идею и образ жизни откладывать на завтра. Дескать, сейчас рано проявлять все свои настоящие демократические качества: “народ не поймет, он прост, противники воспользуются”, “враг не дремлет”... Поэтому пока отложим роскошь подлинного демократизма на светлое будущее, когда можно будет позволить себе быть честным, порядочным, демократичным и т.д. и т.п.

Чтобы яснее выразить свою мысль, я воспользуюсь помощью, которую мне оказал наш политолог А. Кива в ряде своих статей. Он вообще обладает счастливой способностью так формулировать некие расхожие идеи, что поиск истины становится для читателя простым: это прямая и наглядная противоположность его утверждениям. Так что я очень благодарен ему, честно благодарен за умение доводить до предела, до саморазоблачения каждую, вообще-то говоря, если она не так жестко сформулирована, как будто бы соблазнительную идею. Кива пишет: “Идея демократизма, суверенитета личности, приоритета прав человека над правами нации, экономической независимости личности, гуманизма, культивирования новой трудовой этики, блага зажиточности, пользы для общества богатства отдельных людей, равно как и развенчание большевистско-босаяцких ценностей несомненно нужны, но они смогут оказать решающее влияние на общество на более поздних этапах посткоммунистического развития. Мы должны быть реалистами...” (А. Кива. *Демократия державным шагом.* — “Литературная газета”, 1992, №11).

Теперь представим себе такую ситуацию. Наши политологи часто ссылаются на Чили, говоря о том, какую положительную роль сыграл Пиночет своим авторитарным режимом в подъеме экономики страны. И считают, что нам показан этот путь. Не буду говорить сейчас о самом этом прогнозе, крайне сомнительном при нашей исторической наследственности, привычках, отсутствии гражданского общества и рынка... Сейчас существеннее другой вопрос. Предположим, завтра у нас наступает тот авторитарный режим, без которого, вы считаете, дальше невозможно жить и обойти который нельзя. Как вы себя будете вести? Как сторонник авторитарного режима, поскольку он целесообразен, или как противник его, будучи демократом, гражданином, выше всего ставящим права личности и т.д.? Или вы отложите на завтра высказывание своих идей? Окажетесь ли вы сторонником демократических ценностей в их полном виде или будете умалчивать, скрывать эти ценности до того времени, пока они “смогут оказать серьезное влияние?” Но тогда они никогда не смогут оказать

Демократом быть трудно

свое влияние. При Пиночете демократы сохраняли свою позицию демократов. Они выступали против авторитарного режима, тем самым придавая ему все же определенные черты гражданского общества. Все это требовало трудного, мужественного, опасного оппозиционного действия. Если я сегодня не демократ, то я не смогу завтра стать демократом. Дело в том, что даже при победе этой самой “целесообразности”, обойти которую вроде бы невозможно, — если я не сохраню черты гражданина и демократа, грош мне цена, и тогда из авторитаризма будет только один выход — в тоталитарную диктатуру.

Понимание, что нельзя откладывать основные ценности демократии, собственного рискованного гражданского поведения на завтра, ссылаясь на революционную (или контрреволюционную) целесообразность, невероятно затрудняет жизнь политика. Но вместе с тем, как только мы уступаем в этом вопросе, мы перестаем быть гражданами, а становимся политиками. Из каких бы хороших, теоретически верных (на мой взгляд, впрочем, и теоретически неверных) положений мы ни исходили.

5. ОТКАЗ ОТ ЕДИНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Еще раз спасибо моим оппонентам. В той же статье Кива говорит о необходимости особой *национальной идеи, единой для всей России*. Эту идею мы должны хитроумно взять на вооружение, отобрать у реакционеров, шовинистов и т.п., поскольку иначе мы не завоюем народ и не сумеем добиться своих целей. Основные черты этой идеи Кива формулирует так: общественными процессами в только что образовавшемся государстве, в данном случае — России, надо управлять. Слышите: надо *управлять общественными процессами!* И это называется переходом к гражданскому обществу! Иначе говоря, “...нужна сильная, если хотите, авторитарная власть, причем власть, которая должна опираться на идеи, имеющие глубокие корни в народе. Для России не вижу других идей, кроме державности, религиозности, народности, включая популизм”. С этими утверждениями Кивы и других политологов очень хорошо полемизировал в той же газете Леонид Баткин. Но сейчас я о другом. О политике-гражданине. Если предположить, что политик исходит из возможности единой (одной!) идеи для всех граждан этого государства, да еще такой, что должна слить массы в нечто целое, — “державность, религиозность, народность”, — тогда сама идея гражданства приказала долго жить...

Вот пункт за пунктом.

Державность может быть в этом контексте понята только как противопоставление гражданскому обществу с отдельными независимыми гражданами, вступающими между собой в свободные договорные соглашения. Приоритет державности, государственности или — приоритет гражданина. Нет между ними в политике-гражданине-демократе никаких примиряющих переходов.

Религиозность. Речь не о том, религиозен ты или нет, православный или сторонник ислама, буддизма... Как частное лицо ты можешь быть сторонником той или иной религиозной конфессии или свободомыслящим, но как только ты становишься политиком, ты должен исходить из того, что такое же право на другую религиозность или на свободомыслие, на атеизм имеет каждый гражданин этого общества.

Если господствует одна религиозная идея, то этим исключается принцип, наиболее существенный для гражданского общества, — принцип осуществления человеком своей внутренней свободы. Своего Самостояния.

Народность, наконец. Казалось бы, что может быть лучше? Но представление о том, что основу государства представляет народ — некое единое миллионноголовое целое, а не отдельные граждане, это означает отказаться от идеи демократизма, это значит, что политик перестает быть гражданином. Народ делится на страты, прослойки, он состоит из различных людей, абсолютно неповторимых; народ делится — умножается! — на граждан, которые сами выбирают те формы объединений, которые им необходимы.

Кива блестяще сформулировал те определения, взяв которые на вооружение, государство перестает быть демократическим, потому что вместо реальной глубокой, трудной гетерогенности и трудной гражданственности господствуют эти единые и всех сливающие воедино идеи.

Можно подытожить: если в обществе господствует одна национальная идея, пусть самая блестящая и красивая, то это не общество граждан. Идея Пушкина — это Пушкин. Идея Чехова — это Чехов. Идея Достоевского — не православие, но неповторимость личного и творческого облика Федора Достоевского. Если мы все это вынесем за скобки и присягнем некоему общему идеалу, то мы ликвидируем саму идею гражданского общества, его исходный смысл.

Теперь немного о другом — о странной ссылке на то, что так хочет наш народ.

Не знаю, каким образом, каким прорицанием такие политологи угадывают, что “хочет народ”. Пускай люди проголосуют, пускай выберут парламент, пусть образуется меньшинство, пусть реализуются разногласия, — вот тогда мы будем почти статистически знать, что и как. Довольно говорить за других, за народ. Продолжается эта странная и удивительная традиция. Ну, ладно, предположим, некий пророк найдет эту тайную национальную идею — и что же, я, политик, примусь руководить обществом, чтобы воплотить эту идею в жизнь? Да какое я имею на это право, если я не претендую на божественную роль?! Я должен заниматься простым политическим делом — не мешать осуществляться (а вовсе не управлять ими!) общественным, экономическим, культурным и прочим процессам. И все.

Здесь — одно отступление. Предполагаю, что действительным и органическим воплощением “национальной идеи”, не исключающей, но предполагающей человеческое, индивидуальное и духовное многообразие, впитывающей в себя все прошлое и таящее все будущее данного этноса... может быть только родная речь. Для людей русской культуры — родная русская речь. Для современности — русская речь XX века. Но это уже особая тема.

6. НЕ СУДИТЬ ПО АНАЛОГИИ

Может показаться странным, что я ставлю эту трудность в один ряд с другими, но, между тем, она существенна. Политик, если он хочет остаться гражданином, не должен судить о своих оппонентах, о современной политической жизни, современных общественных процессах по аналогии. Как бы красиво и литературно эти аналогии ни звучали. Ну, например, говорят о митингах в Москве за последние месяцы, и интеллектуалы начинают радостно восклицать: точь-в-точь вылитый Петруша Вер-

ховенский! Точь-в-точь Ставрогин! Один к одному — герои “Бесов”! Реальная, современная, неповторимая ситуация сводится по аналогии к каким-то литературным или общественным воспоминаниям. Это опасный соблазн. То мы узнаем в современности нечто похожее на февраль 17-го, то мы узнаем в современных деятелях “небольшевиков”. Наверное, между ними есть сходство, наверное, литературоведу или социологу можно об этом говорить. Но для политика необходимо, хотя и крайне трудно, удерживаться от суждений по аналогии. Сегодняшняя ситуация существует только сегодня, она неповторима, уникальна, несводима к аналогам, прецедентам прошлого; она предъявляет к политику особо трудные требования: пойми ее без сведения к каким-то похожим ситуациям, только как эту — данную, настоящую — ситуацию и не спеша сегодняшних политических деятелей судить судом прошлого. “Чудо, тайна и авторитет — вот главные противники подлинного христианства”, — говорил когда-то о Великом инквизиторе тот же Достоевский. Ссылки на авторитет аналогий, истории — вещь такая же опасная и в обычной гражданской жизни.

7. ПРИЗНАТЬ НАСУЩНОСТЬ ДРУГИХ КРАЙНОСТЕЙ

Необходимо, чтобы политик, остающийся гражданином, всегда осознавая гражданский смысл разных полюсов демократии, многопартийности, и в реальных действиях всегда исходил из этого. Хотя он сам как представитель определенных политических убеждений, конечно, убежден в правильности лишь одного из этих полюсов. Сейчас я постараюсь проиллюстрировать это утверждение.

Вот возьмите проблему демократии: ты находишься у власти, избран большинством вполне по-демократически, и для тебя наиболее привлекательно утверждать, что демократия сводится к власти большинства. Остальные полюсы демократии — защита прав меньшинства, митинговая стихия, главенство права — оказываются для тебя второстепенными, терпимыми, конечно, но с трудом: ведь они мешают осуществлять волю большинства, которая тебя избрала и тебя призвала. Казалось бы, так. Но при таком видении гражданское общество исчезает. Потому что, может быть, еще более существенным определением демократии является не “власть большинства”, но — защита меньшинства, вплоть до одного-единственного человека, одного инакомыслящего. Или еще: неприятная для многих из нас стихия митинга, выплескивание на улицу “карнавального веселья масс”; но это также необходимая сторона демократического общества, демократических противоречий. Наконец — приоритет права... Однако без сочетания таких, казалось бы непримиримых, трудных для сопряжения полюсов, во-первых, нет самой демократии; во-вторых, если государственный деятель, или трибун митинговой стихии, или политик, оказавшийся в большинстве, не учитывают необходимость других полюсов демократии, то они перестают быть политиками гражданского общества.

Столь же многополюсна — и необходимо многополюсна — идея многопартийности. И дело тут не только в терпимости, в принципе “живи и давай жить другим”, согласно которому я не буду запрещать, скажем, конституционно-демократическую партию, или социал-демократическую, анархистскую, социалистическую, либеральную партии, впрочем, в душе предполагая, что лучше было бы без этих “других партий”, которые все куда-то не туда ведут, могут привести к бедствиям... Нет, дело

не в терпимости. Все названные мной полюса многопартийности являются необходимыми, насущными. Именно в своем преувеличении разных сторон гражданской жизни. Социал-демократ подчеркивает необходимость дополнить политическую демократию социальной и экономической демократией, и это подчеркивание социальной справедливости крайне засушно, без этого полюса общество еще не нормальное, не гражданское, не демократическое, не рыночное и не современное. Столь же насыщен либеральный полюс, подчеркивающий в первую очередь свободу индивида, предпринимателя, вообще частного лица, собственника, пусть собственника только своей собственной рабочей силы, свободу от государства. Но либеральный полюс без полюса "с.-д.", без других полюсов оказывается средоточием эгоизма и, в конечном счете, исключает настоящую демократию. Даже анархистский, скажем, пафос, связанный с преувеличенным представлением о непосредственной демократии — без выборов, об этой стихии народной радости или гнева, о внесударственной основе современной политической жизни, — и этот пафос необходим в современной политической и партийной жизни. Скажу больше, я считаю, что в современной жизни столь же необходим полюс не только социалистический, но и то, что можно назвать полюсом "коммунных" интересов. Только важно не откладывать коммуну "на завтра" и не говорить, что все общество будет строить — в будущем — некий однообразный "коммунизм". Надо исходить из другого простейшего требования: ты сторонник коллективной жизни, ты хочешь отказаться от всего, что ты приобретаешь, от своих особых благ, ты стремишься дать свое достояние в пользу общины, коммуны — что ж, действуй, действуй сегодня, сейчас, живи по своим убеждениям. Такие люди, общинного, коммунного настроения, также засушни в современном обществе, являются острым бродилом. Будь ли это кибуцы, или кооперативы, характерные для современной Голландии, или что-то другое. Между тем — как трудно примириться с такой засушностью иных, мне неприятных партий!

Впрочем, есть исключения. Есть и необходимость запрета. На мой взгляд, такими исключениями являются партии и движения, отрицающие приоритет права. Как только партия начинает претендовать на исключительность, она сама исключает себя из общего правила гражданского общества и должна быть подвергнута суровому остракизму, потому что претензия на исключительность, на единственную правоту — самая страшная вещь в нашем обществе. Если расист, фашист или тот же коммунист добивается своих целей путем насилия, свержения существующего строя, путем отвержения правовых институтов, и если он соответственно действует, то он должен быть судим. Кстати, то, что мы сегодня не судим наших фашистов, коричневых или красных, — это гигантская ошибка.

Понять необходимость (а не просто терпимость) разных полюсов многопартийности и демократии крайне трудно, а в наших условиях, скажу честно, почти невозможно. С таким трудом мы приходим к *собственной* идее, с таким трудом мы вынашиваем свою либеральную или с.-д. идею после господства в течение стольких десятилетий одной-единственной идеологии, что нам ужасно хочется, чтобы скорее победила "моя идея" и исчезли все иные, на мой взгляд, опасные и излишние. Это

хочется не каким-то “плохим людям”, нет, эта поспешность нетерпимости — воплощение ужасов нашей истории. Именно на этой почве возникает представление о какой-то единой, национальной, государственной идее.

8. ОБЩЕНИЕ ПОКОЛЕНИЙ

Есть одно “помощное слово”, позволяющее глубоко осмыслить эти трудности и углубить в политике голос одинокого гражданина. Но это помощное слово само оказывается еще одной трудностью. Сохранить в себе свидетеля-гражданина возможно, когда я способен быть — в себе — многосмысленным, нести в себе диалог поколений и культурных эпох. Я могу понять гражданина-современника (во всем неприятном отличии его воззрений), когда я — это все же спокойнее и культурней — понимаю органичность и насущность воззрений Герцена и Конст. Леонтьева, Белинского и Киреевского, Достоевского и Чехова. Проецировать плодотворную гетерогенность *истории* на *современную* общественную жизнь — и означает углубить “хронотоп” своего внутреннего гражданского судьи. А тогда уже будет легче понять историческую необходимость разных партий и разных полюсов современной демократической жизни. Только... для этой “легкости” надо быть культурным и интеллигентным... Ясно, о какой страшной трудности для наших демократических политиков идет здесь речь. Ведь даже сегодня, после двух—трех десятилетий, мы склонны отрицать непреходящее, вечное значение шестидесятников, диссидентов, призывников Роковых Сороковых Годов, поэтов силы Кульчицкого или Когана. Я с ужасом читал некоторые статьи, которые обрушиваются — дай Бог, чтобы только без последних нецензурных слов, — скажем, на шестидесятников или на диссидентов. Наше диссидентское движение — это движение, смыслом которого была защита прав. Не завоевание власти, но сохранение и защита личных прав, причем на основе действующей Конституции и в действующих институтах. Это было впервые за многие десятилетия: ощущение приоритета права, закона, гражданских свобод. Это было и осталось невероятно существенным. Конечно, совершалось много ошибок. Но без движения диссидентов не было бы современного движения интеллигентов, не было бы современных демократов.

Важно еще понять неповторимость этого движения — сегодня оно исчезло из реальной политической жизни, но не может исчезнуть из нашего духовного спектра, из хронотопа нашего внутреннего общения. Пусть эти люди погибли, уничтоженные режимом, как мой друг Лина Борисовна Туманова, пусть они живы сейчас... Продолжим эту мучительную тему. Особенность поколения шестидесятников в том, что при всех разногласиях, глубоких различиях, трениях внутри этого поколения, характерным для него было то, что люди *перестали исходить из предвзятой, извне предписанной идеи*, перестали быть исполнителями, а как бы заново перерешали свою судьбу. Иногда они приходили к той же коммунистической идее, к “чистому, истинному ленинизму”, к любым другим вариантам, но это было первое поколение за многие предшествующие десятилетия, в котором люди своим выбором (иногда — капризом, позой), но не по указанию вождей, намечали свою жизненную позицию. Евтушенко ли это, Вознесенский ли, диссиденты ли это, которых я упомянул — Туманова Лина, Ковалев Сергей Адамович или кто-то другой. Или два средоточия шестидесятников — Сахаров и Солженицын... Всех их объединяет ощущение распада

предшествующей коллективности и предрешенности, необходимость самим перерешать свою жизнь. Сегодня мы начинаем — с высот 90-х — осуждать ту или иную избранную ими позицию за ее недостаточную радикальность, излишнюю компромиссность, маргинальную эстрадность и т.п. Но даже прощая им их “недальновидность”, мы не понимаем главного. Нечто они видели лучше, чем мы сейчас, ибо сама разница их позиций, многообразие этих позиций каждый раз означали личный выбор, личное решение, у одних ограничивающееся позой, жестом, других доводящее до Гулага. Конечно, это страшно разные вещи. Но все же шестидесятники — первое поколение не единого призыва, не армейского подчинения. И сегодняшним политикам необходимо внутреннее общение с поколением диссидентов — в их творениях или с ними лично, с поколением шестидесятников, с поколениями демократов XIX века.

Недавно я читал в одной статье отождествление Жданова с Герценом! Нельзя же доходить до такого позора! Лев Толстой говорил, что Герцен — один из самых глубоких русских умов. Но мы рассуждаем по-ленински, только с обратным знаком: декабристы разбудили Герцена, тот разбудил Чернышевского... и вот вам Сталин. Следовательно, Герцен или декабристы виноваты во всех наших ужасах. А в наших ужасах виноваты мы! И нечего винить предшествующие поколения.

Надо помнить: современный политик — это не только современный политик, но и человек, продолжающий нашу историю. И вот эти отсекования, убиения прошлых скреп и противоречий нашей действительности, реальной истории культуры — столь же губительны, как и непонимание необходимости плюрализма и разнообразия современных политических позиций. Углубляя, можно сказать так: современный политик должен понимать, что одним из важнейших необходимых оппонентов политики в целом является культура, что политика не может исключить культуру, но предполагает ее особость. Человек культуры, не становясь политиком, оказывается вместе с тем необходимым собеседником политического взгляда на мир, неизбежно одностороннего, неизбежно стремящегося достичь быстрейших политических результатов. Политик, не живущий в большом историческом времени, не осознающий в той или другой мере, что его современниками являются люди прошлых поколений и эпох, не выдерживает искус политика-гражданина. Опять же, это все невероятно трудно, легче об этом говорить, чем осуществлять, но ощутить эту трудность, понять собственную ущербность как политика, поскольку он не человек культуры, и в особенности понять, что политик не может, не должен управлять культурным процессом, но должен дать ему возможность развиваться по своим внутренним ритмам, — необходимо.

9. БЫТЬ ГОТОВЫМ К ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Гражданин, решивший стать политиком, должен понимать, что становится им не навсегда, что после своей активной политической деятельности он может и должен стать рядовым гражданином, частным лицом. Его ждет переключение в гражданское нормальное состояние, и поэтому его любая политическая активность сегодня отзовется завтра на нем же, когда он вернется в прежнее положение инженера или плотника. Пора покончить с идеей политического мессианства, особой роли политики

Демократом быть трудно

в нашей жизни. Политик подвержен таким же правовым, конституционным нормам, что и любой гражданин. Но с этим связан и еще один момент, особенно актуальный сегодня.

Поскольку в нашей современной политике совмещается власть политическая и экономическая (система жива!), постольку политик, особенно сторонник рыночных отношений, легко срывается в прорыв личного экономического использования своего политического места. Поэтому, чтобы наши политики сохраняли напряженный дух демократизма, для них прямо-таки законом должен стать даже подчеркнутый, преувеличенный аскетизм собственной жизни, исключение на время занятий политической деятельностью всяких преимуществ — квартирных, материальных, финансовых. Образно говоря, гражданин, живущий в 4-комнатной квартире, должен жить в 2-комнатной, став политиком. Потом это может измениться; сам по себе подобный аскетизм — совсем не идеал. Но сегодня, когда столь многие люди несчастны, стоят в очередях и недоедают, политически властный человек должен быть подчеркнуто, щепетильно равен с другими по своему материальному положению. Сегодня такой аскетизм политика-демократа является для нас крайне необходимым и существенным. От него прямо зависит “рейтинг” демократии.

10. ЗАБОТИТЬСЯ ОБ УМЕНЬШЕНИИ СВОЕЙ РОЛИ

Может быть, основная трудность политика, который хочет сохранить в себе гражданина, — это понять, что его задача состоит в том, чтобы *уменьшить* возможность и необходимость вмешательства политики в экономические, общественные, политические процессы. Демократический политик современной России — тот, кто стремится ослабить возможность политического, государственного управления нормальной гражданской жизнью. Вот в чем задача политика: не “управлять общественными процессами”, но все время сужать свою роль в этом управлении. И это вовсе не марксистское “отмирание государства”. Просто “знай, сверчок, свой шесток”. Государство и политическая активность занимают лишь малый отсек в жизни, деятельности, думании, творчестве человека. И чем меньше в нашей жизни будет этот отсек, чем больше получат свободы нормальные общественные процессы, тем лучше. Политика должна перестать вмешиваться не в свои дела. Очень часто в наших условиях новые предприниматели, новые профсоюзы, союзы рабочих и пр. будут делать глупости, нащупывая правильные пути. Пусть политик правильно понимает, что они делают “не то”, но надо удержаться от вмешательства. Да, это страшно трудно, потом, может, через пять лет, люди придут к тому, что ты предлагал сейчас, но они придут сами, в результате нормального экономического процесса, который нельзя заране рассчитать, предвосхитить. Нельзя, чтобы политик исходил из своей мудрости в тех областях, куда политика нос совать не должна. В экономике, культуре, гражданской и общественной жизни. Стоит только раз вмешаться, из самых благих желаний, как завтра политик будет указывать Льву Додину, что ставить на сцене, предпринимателю Тарасову — куда вкладывать средства, Шнитке — как писать симфонии... И в итоге при самых лучших намерениях мы скатимся к обществу старого типа. Это — почти банальность, но банальность удивительно трудная для нашей политики.

Владимир Библер

* * *

Пусть каждый гражданин, который включается в политический круг, многократно подумает, прежде чем встать на эту стезю, а подумав, решит, кем он хочет быть: оставаться ли гражданином и, следовательно, осуществлять политику в гражданском обществе или, капитулируя перед этими трудностями, стать на тоталитарный путь. Понимаю, что во многом мой призыв направлен в пустоту: вряд ли политики наши над всем этим задумаются, но, может быть, “рядовые граждане”, которые действительно выбирают и решают, задумаются более серьезно и ответственно о критериях демократизма в политике. Это — я и к себе. Для нас понимание этих трудностей — момент кристаллизации подлинной гражданской позиции. Нельзя откладывать на будущее ни демократию, ни наше самосознание, свободную гражданскую мысль.

P.S. Я вдумывался в эти трудности за письменным столом. Не сомневаюсь, что будучи реально вовлечен в политику, капитулировал бы перед многими из перечисленных соблазнов. Со стороны виднее и легче. И все же как участник гражданского общества я считаю себя внутренне обязанным всегда выступать за то, чтобы — преодолевая эти трудности — политик сохранял и укреплял в себе голос независимого гражданина. Без этого наша демократия просто не выживет.

Май 1992 г.

Записала Татьяна Бойкова

Элла ПАМФИЛОВА

ГРУСТНО И СТРАННО...

С вашего разрешения, разговор пойдет о коррупции, понимаемой не только как банальные взятки, но также привилегии и другие способы хорошо жить за счет других, которые не являются, строго говоря, противозаконными.

— Я все время твержу об опасности коррупции и стяжательства и Президенту, и Бурбулису, и Гайдару, но они, похоже, недооценивают ее. Нельзя призывать народ потерпеть, потуже затянуть пояса, когда власть имущие позволяют себе строить особняки и поднимать тосты шампанским на пышно рекламируемых банкетах. Даже если это и законно, то есть не криминально с точки зрения уголовного кодекса, то это просто...

— ...неприлично. Лишь в конце брежневской эпохи партаппаратчики стали позволять своим женам щеголять в бриллиантах, но меню кремлевской столовой оставалось строго секретным документом. Вот эту часть большевистского опыта Ельцину не мешало бы принять на вооружение, как вы считаете?

— Извините, у меня менее циничный взгляд на эти вещи. Скромность для уважающего себя человека должна быть естественным, а не показным качеством.

— Если бы те, кто сегодня олицетворяет власть, все без исключения были просто порядочными людьми, то и наш разговор не имел бы под собой никакой почвы. Но эйфория августа прошлого года, когда казалось, что власть наконец-то в руках “демократов”, какой-то иной, более высокой породы, эта эйфория сменяется разочарованием.

Грустно и странно...

— Вы мне напомнили... Как раз перед самым путчем, тогда еще как член Комиссии по привилегиям Верховного Совета СССР, я дала интервью какой-то американской телекомпании. На днях они привезли мне в подарок кассету с этой записью. Грустно и странно было ее смотреть через год. Если бы мне пришлось давать это интервью сегодня, то не пришлось бы менять в нем ни одного слова. Социальной справедливости или хотя бы искреннего желания ее придерживаться не было и нет.

— Как проник в обновленные структуры власти вирус стяжательства? Вам это видно изнутри? Есть и такая версия: прежние уже наелись, а новые пришли голодные, отсюда и рост коррупции...

— Если рассматривать власть как некий большой дом, из которого она осуществляется, то в этом новом доме на самом деле совсем немного новых лиц. А возможностей, безнаказанности стало больше. Если сравнивать сегодняшних российских депутатов с вчерашними союзными, которых наша комиссия покусывала, то куда там союзным!..

У вопроса о привилегиях есть ведь и вторая сторона. Скажем, у министра могут быть привилегии, то есть больше, чем необходимо для личной жизни, но в то же время меньше, чем необходимо для работы. Тем и другим командует аппарат кабинета министров, и здесь нет никакой системы. Все приходится "выбивать". Если у меня сел аккумулятор в служебной "Волге", то мне его обязано заменить ХозУ, но я поставлена перед необходимостью звонить начальнику этого ХозУ и просить его как бы о личном одолжении.

— А вы говорите, что нет системы!

— Да, пожалуй, шиворот-навыворот, это антисистема, при которой лакей (он себя так ведет, я его так именно и называю) становится хозяином хозяина. Уровень коррумпированности в аппарате настолько высок, что почти любого нового человека он либо вытесняет, либо в большей или меньшей степени заражает собственными болезнями.

— В своей деятельности на посту министра социальной защиты населения вы ощущаете противодействие аппарата?

— Да он просто держит нас за горло. Например, нам с большим трудом удалось отвоевать для нуждающихся и малоимущих часть бывших цеховских здравниц. Персонализацию этих учреждений саботирует в первую очередь их собственный персонал, но даже не в этом дело. Один из подмосковных пансионатов мы собрались передать детям. Но ХозУ только что расписал эти дома под дачи не для кого-нибудь, а для работников аппарата. Я, естественно, устроила скандал. Теперь Петров их всех оттуда в одночасье вышибает: с криками, руганью, целой театральной постановкой. А кто главный враг? Памфилова! Это она отняла дачи у ваших детей и напихала туда каких-то "своих". Нас просто стравливают, вы видите?

Элла Памфилова

Я не могу получить элементарно необходимой информации. Меня, министра социальной защиты, даже не включили в комиссию, которая сейчас определяет новый контингент пациентов бывшего Четвертого управления Минздрава. Мои подопечные, действительно нуждающиеся инвалиды, больные, ветераны, спрашивают: кто там у вас лечится, кто лежит в роскошных палатах? А это вовсе не “у нас”, и я не знаю, кто там лежит: аппаратчики, их дети или депутаты и их бабушки — не знаю...

— Допустим, в отношении депутатов это, может быть, и нормально...

— А почему?! Нет, я в этом вопросе экстремист.

— Можно догадаться, почему вас в эту комиссию не включили.

— Требуя жертв от других; власть должна подавать в этом пример, идти на собственные, в том числе личные жертвы. Иначе у простого человека пропадает всякая вера в нее, вот он и идет за Анпиловым штурмовать Останкинскую телебашню. Почему не движется приватизация хотя бы в квартирном вопросе? Почему тормозится зсмелъная реформа?

— Они идут полным ходом, но это теневые подготовительные процессы перераспределения. Номенклатура готовится, и пока каждый свой кусок земли не застолбит, Съезд народных депутатов за частную собственность на землю не проголосует.

— Мы столкнулись с явлением номенклатурной приватизации в Комиссии Верховного Совета СССР по привилегиям, когда, в частности, стало известно о покупке Рыжковым, Бирюковой и другими дач на Николиной горе и в Баковке по ценам, значительно ниже их действительной стоимости, о заселении с грубыми нарушениями закона элитного дома в Савельевском переулке в центре Москвы, который строился как гостиница для приема иностранных делегаций, и многими другими вопиющими фактами. Они достаточно известны, они как раз и попали в свое время в известную “черную папку” Горбачева, потом о них много писали в газетах. Но сегодня есть важный повод к ним вернуться.

В “черной папке” главным действующим лицом был совсем не Рыжков, а А. Н. Стерлигов, бывший генерал КГБ, а в то время начальник ХозУ Совмина СССР. Это он, говоря по существу, открыл зеленый свет “приватизации по-коммунистически”, не забывая и про себя. Получив квартиру в том самом доме в Савельевском переулке, попутно решив жилищный вопрос для дочери, купив по дешевке дачу в Баковке и мелочно сжульничав даже и при этом, почему бы ему теперь и не возглавить “Русский национальный собор” и не сесть рядом с писателем Распутиным, поискав местечко среди интеллигенции? Почему же ему и не встать во главе действительно обездоленных людей в Останкине, которые требуют покончить с коррупцией? Можно теперь и покончить, раз у него, Стерлигова, уже все есть. Другие хотя бы нахватали и тихо сидят, и Бог всем им судья, они сейчас менее опасны. Но Стерлигов... Ему мало кажется или он власти хочет?

Грустно и странно...

— По моей версии, у него нет уверенности в том, что ухваченный кусок в сегодняшней обстановке удастся сохранить, и таких, как он, много. Следовательно, полезно отвлечь от себя общественное внимание, а в случае удачи “обратной коммунистической революции”, к которой они призывают народ теперь уже под националистическим флагом, это позволило бы закрепить те успехи номенклатурной приватизации, которых удалось достичь.

Но генерал Стерлигов — уже только внешняя угроза для нынешней власти, для вашей, Элла Александровна, власти. Сегодня мне кажется куда более опасной та, что внутри, как червь в яблоке.

С точки зрения рядового россиянина, особенно живущего в провинции, имеющего перед глазами буквально через улицу наглядный пример особняков, которые строит себе новая “демократическая” администрация, для такого рядового россиянина один черт: что старые — что новые, что левые — что правые, что парламент — что правительство. Если ворует и берет взятки хоть один депутат райсовета, а он их берет, то наш рядовой россиянин распространяет свои выводы о коррупции на всю власть по принципу “все они одним миром мазаны”.

— Да, это ужасно. Я готова говорить обо всех известных мне фактах, с чьими бы именами они ни были связаны, но я знаю их сегодня не больше вашего. Я много раз говорила в Верховном Совете о необходимости создать специальную комиссию по привилегиям по образцу той, которая была в Верховном Совете СССР, что особенно важно при совершенно “ручных” правоохранительных органах, но эти мои предложения отклика у депутатов не находят.

— А вы говорите, что у вас нет фактов. Разве это не факт?

— Конечно, это тяжелый и сложный труд, это и большой риск — бороться в том числе и против собственного аппарата. Но еще опаснее в сегодняшних обстоятельствах, если власть не вызывает доверия у народа. Если нас, правительство, тоже обвиняют в наличии у нас привилегий, какой-то корыстной заинтересованности, давайте создадим независимую, пусть даже предвзято настроенную, комиссию и предоставим народу полный отчет.

Мы рискуем слишком многим: страной. Об отсутствие доверия к власти могут разбиться все экономические реформы.

Я каждый день сталкиваюсь с теми, кого вы называете рядовыми россиянами, да я и себя к ним целиком отношу. Мне бывает стыдно перед ними за то, что мне им нечего дать: бюджет социальной сферы зависит от сферы производственной, а вы сами знаете, в каком она состоянии. Поэтому я готова дать им вместо хлеба хотя бы правду, с правдой жить легче.

Июнь 1992 г.

Беседу вел Л. Никитинский

Эльдар РЯЗАНОВ

ПАРТИЯ ПОРЯДОЧНЫХ ЛЮДЕЙ

Эльдар Александрович, вы один из тех немногих художников, кому в течение долгого времени удавалось выражать настроение общества, чьи фильмы заставляли человека посмотреть на себя критически и в то же время улучшали его самочувствие. Как Вам живется сегодня?

— Живу с чувством смешанным. С одной стороны, я много работаю — вышла картина “Небеса обетованные”, издали повесть “Предсказание”, я вернулся на телевидение, занят постановкой нового фильма. Словом, ощущение нужности этому времени у меня есть, в отличие от немалого числа людей моего поколения, которые чувствуют себя вышвырнутыми на обочину. Нет, я вроде являюсь одним из активных участников некоего действия. Но, с другой стороны, когда я читаю газеты, смотрю телевизор, меня, как и, наверное, многих, охватывает отчаяние и наступает какая-то депрессия при, повторяю, субъективном моем благополучии.

— Что вас особенно тревожит?

— Беда в том, что в нашей жизни за последние три—четыре года так и не произошло самого главного. Что я имею в виду? По-моему, мы находимся сейчас примерно в той же ситуации, в которой была разгромленная в войне Германия. Мы ведь тоже как бы проиграли свою войну, то есть коммунистическая идеология ее проиграла, и страна наша, по сути, лежит в руинах — экономических, идеологических, морально- нравственных, в руинах пристойных ранее национальных отношений и так далее. Однако Германия, отрекшись от приведшей ее к гибели нацистской идеологии, сумела начать с нуля и стала процветающим государством. И сегодня мы,

нескогда победившие нацизм, но по сути ставшие его преемниками, обязаны были совершить нечто подобное, то есть глобальное отречение от коммунистической идеологии на всех уровнях общества.

— Мне казалось, что, наоборот, нацизм извлек для себя массу полезного из большевистской практики.

— Не будем рассуждать о приоритетах — оба, как говорится, хуже. Хотя мне вспоминается, что до войны у нас не было многих дурных вещей, например, столь развитого антисемитизма. Так вот, до сих пор мы не решились на предание анафеме коммунистической доктрины. Конечно, указ Ельцина о запрещении деятельности КПСС — законен он или нет — с позиций высшей морали абсолютно верен, и я не могу не относиться с уважением к Ельцину за этот шаг. Однако одного ельцинского указа для одоления большевизма мало. Я даже считаю, что не так уж важно и проведение судебного процесса над КПСС, тем более, что главные преступники давно в Мавзолее, кремлевской стене и других потусторонних местах, а здравствуют поныне отнюдь не отцы нашего рейха, а так — троюродные внуки... Важно осудить не людей, а идею...

Прежде всего следует осознать, что все мы заражены коммунистическим ядом, все без исключения, даже самые сверхдемократы. Кто в большей, кто в меньшей степени. Чистеньких нет. И всем нам предстоит выдавливать яд из себя — кому по капле, кому по чашке, кому по ведру. У кого как получится, кто как сможет. Потребуется огромные внутренние усилия всех народов бывшего Союза и каждого человека — от президента до рядового жителя. Вернемся к Германии. Адэнауэр был христианским демократом и, начав свою карьеру до Гитлера, при нем не служил. Наши же все нынешние руководители — бывшие партбоссы.

Совершенно необходима широчайшая разъяснительная работа с людьми. К сожалению, как раз этого и не происходит. Путч мало что изменил в этом отношении, он просто катализировал некоторые процессы. Ситуация страшна еще и тем, что мы продолжаем растить и воспитывать детей по коммунистическому образу и подобию.

— А общество как-то равнодушно на это взирает. Более того, по мере падения уровня жизни социалистическое прошлое у все большего круга людей начинает окрашиваться в светлые тона.

— Отчасти я связываю это с тем, что восприятие коммунистической идеологии как преступной еще не вошло в сознание значительной части общества. Но не только с этим. Все обстоит гораздо тоньше и сложнее. У меня есть такие строчки: “Как раз на жизнь свобода опоздала”. Понимаете, на жизнь. Сегодня произошла страшная вещь — как бы зачеркнутыми, прожитыми впустую оказались жизни громадного числа людей. Неважно, кем они были, состояли или не состояли в партии. Я, разумеется, говорю не о тех, кто имел черные “Волги” и прочие привилегии. Я имею в виду тех, кто “шел на рекорды”, “боролся за урожай”, замерзал, мок под дождем, теснился в коммуналках, жил трудной нищенской жизнью ради светлого будущего.

Партия порядочных людей

И не только о стариках идет речь, к этой категории относятся и люди немногим старше 45–50 лет. Сегодня им объявили: “Лозунги ваши лживы, светлое будущее — выдумка кучки негодяев”. Что же, человек должен сказать себе: “Я прожил жизнь напрасно, все мои труды, силы, беды, молодость, надежды — все бессмысленно”? Но ни один человек не способен перечеркнуть свою жизнь, тут появляется естественная защитная реакция. И тогда не могут не возникать воспоминания о том, сколько было хорошего в его собственной, его единственной жизни: была любовь, рождались дети, получали квартиру, все было недорого, веселились на вечеринках с друзьями — вроде бы полнокровная жизнь. А теперь говорят, что ее как бы и не было. И вот именно у этих людей, ни в чем не виноватых, честно вкальвающих, а их большинство, поднимающие голову коммунисты получают колоссальную подпитку, играя именно на ностальгических струнах.

— Но тому немало способствует и разочарование в действиях нынешней власти, называющей себя демократией.

— На мой взгляд, новые люди совершили непоправимую моральную ошибку. Они шли к власти и получили ее в значительной степени на отрицании всякого рода привилегий. А затем сами уселись в “членовозы” своих предшественников, в их кабинеты и кресла, заняли их дачи, квартиры, мне противно продолжать это перечисление. Я допускаю, что в зданиях на Старой площади были “вертушки”, удобные подвалы и т.д., и потому они их выбрали. Моральный ущерб от всех этих действий просто невероятен — люди немедленно отождествили их с прежними “хозяевами жизни”.

Говорят, политика всегда аморальна, но в нашей ситуации надо быть очень последовательными и крайне щепетильными и ни в коем случае не становиться материальными наследниками коммунистов. Здесь надо идти до конца. И думаю, что не только мне одному президент, идущий пешком несколько кварталов до своей резиденции, ближе, чем тот, кто мчится в “ЗИЛе-117”. Казалось бы, ошибки отдельных людей, а урон демократии нанесен огромный.

Другой тревожащий момент. Помните сказку о султанах, которого пришли свергать? Он сказал своим подданным: “Вы совершаете большую ошибку. Мой сундук уже наполнен почти до краев, а у нового султана сундук еще пуст. Он начнет все заново”. Вот и начали...

Испытание властью — штука нелегкая, тем более властью безнаказанной и бесконтрольной, какая сложилась на сегодня. У коммунистов была хотя бы видимость партийного контроля, теперь и ее нет. Тем более время пришло такое, когда господствует один-единственный идеологический постулат — обогащаться! А если учесть, что очень и очень многие из пришедших к власти чувствуют себя временщиками и стараются урвать побыстрее и побольше... Один мой знакомый, ныне живущий за границей и ведущий дела с Россией “фирмач”, зашибающий у нас большие деньги, часто говорит мне: “Вы не представляете, как разворовывают страну, каковы масштабы коррупции”. Я далек от всего этого и действительно не представляю конкретно, но логически можно вычислить, что происходит нечто чудовищное. Вообще, если бы года три назад нам сказали, что начнется такой кошмар, такая

неразбериха, сумятица, будут уничтожаться целые отрасли экономики, науки, искусства, кто бы в это поверил? Я, знаете, поймал себя на том, что о недавнем прошлом обычно говорю “в мирное время”. В самом деле — война идет.

— Как вы оцениваете нынешнее политическое противостояние? Есть ли среди заявивших о себе общественных позиций такие, которые близки вам?

— Признаться, я плохо в этом разбираюсь. Пока вижу, что у нас существует одна по-настоящему реальная политическая структура — это пусть деморализованная, но вновь пытающаяся возродиться компартия. Она мне ясна, как ясны и прохановско-жириновское или куняевское направления. А вот почему вдруг передралось демократическое движение, я не понимаю, как не понимаю, какие интересы выражают многочисленные карликовые партии вроде бы демократического толка. И мне от этого становится грустно. По-моему, это просто катастрофа, что вновь набирающим силу коммунистам противостоит этакое прогрессивно-аморфное и мало-вразумительное нечто, которое группируется около Ельцина. А это само по себе неверно — не вокруг власти надо объединяться. Сектантская кучка, даже исходящая из благих намерений, ничего не изменит, люди за ней не идут и не пойдут. Поэтому совершенно необходимо создание оформленной демократической структуры, с жесткими границами, но, разумеется, не столь резкими, как у коммунистов, руководствующихся принципом: кто не с нами, тот против нас. На мой взгляд, это должна быть социал-демократическая партия, мне это направление по духу ближе других. У этой партии должны быть свои лидеры, которые, если понадобится, могли бы заменить нынешних руководителей. Но опять беда — нет у нас крупных теоретиков социал-демократии. Как вообще нет ни на государственном, ни на общественном уровнях сформированной политической стратегии. А нынешние заявления о том, что мы хотим жить как в Америке, разве могут быть движущей пружиной общества, одухотворяющей его идеей? Впрочем, я уже как-то говорил, что единственная партия, в которую я бы вступил, — это партия порядочных людей, но таковой, увы, не существует

— Проблема “власть и культура” — каким содержанием она для вас сейчас наполнена?

— По-моему, культура сейчас вообще никому не нужна, и власть здесь не исключение. Все заняты одной мыслью — выжить... И потому на наших глазах происходит уничтожение многих культурных ценностей.

— Нередко приходится слышать сетования на какую-то особую глухоту нынешнего правительства, Верховного Совета к проблемам культуры.

— Старая истина — каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает. А наш народ... Это только из Москвы кажется, что он пришел в движение. Ничего подобного, этот евразийский материк по-прежнему пребывает в глухой спячке. И амбициозные, некультурные его избранники — плоть от плоти этого народа. По-мо-

Партия порядочных людей

ему, депутатский корпус давно следует распустить. Мне иногда возражают, что, мол, коней на переправе не меняют. Глупая какая-то пословица — а если конь дохлый? Разве может это служить оправданием, когда ты едешь на кляче задом-наперед?

Ситуация с культурой тяжелая. Возьмем кино. Вы можете назвать виденные вами последние фильмы наших киностудий? Наверняка нет, ибо их не видел почти никто. И это при том, что в 90-м году было выпущено 400 фильмов (это вместо прежних 150-ти!). В чем дело? А в том, что начинали их делать году в 88–89-м, когда появилась масса различных категорий людей, которым надо было срочно “отмыть” деньги. Тут и партийные руководители, и шустрые комсомольцы, понявшие, что “пахнет керосином”, и темные дельцы и т.д. Вклад средств в кино — это способ идеальный, из жулика ты мгновенно превращаешься в уважаемого члена общества, в кинопродюсера. Причем их не интересовало ни качество, ни успех в прокате, ни даже прибыль. В итоге все остались довольны — и дельцы, которые свои дела устроили, и режиссеры, особенно молодые, которым дали самовыразиться, и зритель, который всего этого дерьма до сих пор не видел. В 91-м году выпущено 250 фильмов, ибо число партийных и иных нечестных денег не бесконечно. А вот если в этом году появятся 30–40 картин, то будет просто прекрасно, и каждую из них можно будет считать почти подвигом режиссера. Ничего ведь нет — ни денег, ни пленки, ни бензина. А цены на все бешеные. Я, например, снимаю сейчас фильм по своей новой повести, — она была напечатана недавно в “Юности”, — снимаю как бы “короткими перебежками”, то есть получаю деньги на короткие периоды производства и не ведаю, сумеем ли мы добраться до конца.

— Но, может быть, появятся подлинные меценаты?

— У нас социализм был со “звериным лицом”, и, боюсь, капитализм нарождается со столь же нечеловеческим выражением. Мы всегда идем “своим путем”. Предприниматели пока заняты только обогащением. Может быть, лет через десять они придут к тому, что надо думать и о душе, и начнут субсидировать театры, кино, посылать художников и певцов учиться в Италию. Надеюсь. А сейчас кинодельцы в поисках наживы пошли по более легкому пути — скупают за бесценок, гуртом, старые зарубежные ленты третьего сорта и заполняют ими прокат. А цены на билеты устанавливают чуть ли не в 15–20 рублей. Чего же проще? И смотрит наш народ, который так долго держали на голодном пайке, эти бездарные поделки, да еще в совершенно жуткого качества копиях, и воображает, что приобщается к мировой культуре.

— Какой с точки зрения политической, нравственной, творческой видится вам современная интеллигенция?

— Поскольку в нашей стране до сих пор никогда не было свободы — ни при царизме, ни последние семьдесят лет, — не было демократии, то у нас представители власти, политические деятели, руководители партий никогда не становились совестью

нации, как, скажем, во многих странах Запада, где эту функцию брали на себя демократические институты, закон, парламент. У нас ничего подобного быть не могло. Совестью нации всегда было искусство, художники и писатели.

И вот пришла, пускай не полная, свобода. Но, по-моему, наша нынешняя творческая интеллигенция во многих отношениях не выдержала испытания ею. Посему и наступил в ее среде жуткий разброд. Еще недавно было ясно, где враг, ясно, что надо бить систему. Мы делали это, кто меньше, кто больше. Иногда удары заключались просто в раскованности поведения, свободе мысли, неукладывании в общепринятые параметры. Было трудно, мы боролись за каждую строчку, каждый кадр, каждую сцену в спектакле. Порой приходилось обращаться к эзоповому языку. Если говорить о себе, то, например, “О бедном гусаре замолвите слово” — это фильм о КГБ.

Именно потому, что я знаю, как нелегко все это давалось, я порой, с возмущением воспринимаю нравоучения и советы, как надо было жить, со стороны тех, кто был в эмиграции. Конечно, такие люди, как Солженицын или Ростропович имеют на это моральное право, но есть множество тех, кто такого права, с моей точки зрения, не имеет.

Тем, кого “выжили” из страны — а среди них мои друзья А. Галич, В. Войнович, В. Аксенов — было очень трудно, особенно невыносимо от мысли, что это навсегда. Но тем, кто оставался, было не легче, а в чем-то и труднее. Разве легко было Б. Ахмадулиной, Б. Окуджаве, Ф. Искандеру, А. Герману... Можно назвать целую плеяду таких художников. Конечно, каждый из нас может предъявить себе немало упреков — да, осуждал, но на кухне; да, боролся, но на площадь не вышел, да, когда-то пошел на компромисс ради сохранения книги или фильма. Но когда я слышу, как нас всех поучают небольшевики с Елисейских полей, вроде Э. Лимонова, я думаю: “До чего же мы, ядрена вошь, дожили!”

Систему мы общими усилиями вроде бы расшатали. Что дальше? У нас же, деятелей культуры, оппозиционный тип мышления, мы же привыкли в основном “бороться”, а теперь враг размыт, расплывчат. В стране хаос, сумятица. Многие растерялись, замолчали или, наоборот, разочаровались и, как бы в обиде, вновь бросились поносить всех и вся. Но все отрицать очень просто. В какой-то степени диссидентом, оппозиционером быть легче, удобнее, даже почетнее. Но для меня это не позиция. Гораздо трудней, когда ты, как садовник, пытаешься взрастить дерево. Сейчас мне кажется, именно такая пора пришла — мы должны научиться растить деревья, надеюсь, научимся, но не сразу.

Мы видим, что часть творческих работников вообще отвернулась от бед и проблем нашей жизни и бросилась на заработки за границу. Делают там любую “вампуку” — лишь бы получить конвертируемую валюту. Чем с моральной точки зрения они отличаются от своих собратьев, которые прежде продавались режиму и обслуживали коммунистическую идеологию? Разницы никакой нет, хотя кое-кто пытается объяснять это трудностями нашего голодного зрелени. Грустное зрелище.

В итоге у меня складывается впечатление, что у нас интеллигенции, которой и раньше-то было мало, почти не осталось. Так, встречаются отдельные особи. А сколько якобы интеллигентов-либералов буквально “уничтожил” своим приездом и поведением во время путча Ростропович? Теперь биографии многих явно “испорчены”, ибо невольно меряешь по нему.

Партия порядочных людей

— На пороге нового столетия Россия вновь находится во мраке. Кто в том виноват, и что нас ожидает?

— Вы заметили, что я часто произношу такие слова, как ужас, беда, страшно — что делать, я именно так воспринимаю творящееся вокруг. Тем не менее, я оптимист, но, если так можно выразиться, в стратегическом плане. Смотрю с оптимизмом, рассчитанным на долгие века.

В том, что случилось, виноваты прежде всего мы сами, и начинать нам надо, повторяю, с себя. Русский национальный характер — вещь, к сожалению, весьма неоднозначная. С милыми, прекрасными чертами — щедростью, бесшабашностью, храбростью, добротой — сосуществует немало качеств подлых и темных. Об этом писали и Чаадаев, и Достоевский, и другие. Я принадлежу к этому народу, но слепо, как это было раньше, относиться к нему уже не могу. Когда-то я думал, что народ не может быть преступным, подлым, пошлым. Оказывается, может. В истории и в современности немало примеров. Говорят, что социализм испортил нас, но давайте вспомним историю. Во времена Петра купец всучивает царю, ведущему войну, сырой порох. Как это называется? А ведь социализмом тогда и не пахло.

Естественно, что когда такой национальный характер скрестился с ленинской теорией и большевистской практикой, смесь получилась гремучая. Сколькo у нас быдла, жлобов, сколько проявлений дикости, вандализма, нечистоплотности. Я иду в телефонную будку — у автомата срезана трубка, сажусь в лифт — пахнет мочой, еду по дороге — заграничные дорожные знаки разбиты кирпичом... У соседа корова сдохла, а ведь приятно, у фермеров свинарники сожгли — так им и надо. Потребуется лет сто-двести, должно смениться не одно поколение, прежде чем мы впитаем понятия и ценности мировой цивилизации.

Мы, конечно, выкарабкаемся, но не скоро. Так что постоянно напрашивается нескрасовское: “Жаль только, жить в эту пору прекрасную...”.

А вот что произойдет в ближайшем будущем, не знаю. Чувствую только, что движение вперед пойдет мучительно, с отклонениями в сторону и, что вполне вероятно, откатами назад. Надо быть готовыми и к тому, что недобитые коммунистические силы могут спровоцировать людей на что-нибудь более серьезное, чем митинги и забастовки.

Интересно, что в свое время в фильме “Небеса обетованные” мне удалось кое-что предугадать в последующем течении нашей жизни. Например, сцена, как омоновцы и танки громят поселок, была написана за год до событий в Вильнюсе. Или эпизод, когда один из военных переходит на сторону народа, снимался за год до путча. Более того, когда я начинал съемки, то полагал, что делаю картину о маленькой прослойке нашего общества — о нищих. Сегодня же лента воспринимается как рассказ о судьбе народа. Я не считаю подобное предвидение своей особой заслугой, поскольку вовсе не думал так мрачно о нашей действительности. Это действительность “пошла” мне навстречу, и сделанное в фильме оказалось пророческим. Но больше пророком быть не хочу.

Май 1992 г.

Беседовал Александр Николаев

Зоя КРАХМАЛЬНИКОВА

НЕ ПРИШЛА ЛИ ПОРА ВЫХОДИТЬ ИЗ КАТАКОМБ?

1

Не так давно в храме я встретила священника, приехавшего из российской глубинки. Он был полукатакомбным священником. Некогда находившийся в подполье, его приход в наше либеральное время стал почти легальным, принимал ищущих веры и просвещения, но все же не всех, не с улицы, а по рекомендациям. Священник рассказал об одной церкви, которая вот уже триста лет живет под землей. И не хочет выходить на свет Божий. Почему?

Не верит в свободу для христиан или чувствует отвращение к нашему больному обществу? Пугается языческого мира с его безнравственностью, сокрушающими душу обманами, ждет Антихриста, конца света и боится гонений?

Эти причины имеют основание. При одном условии. Если христианство окончательно исчезло из России, а может быть, из мира. И мир не заметил этого. Занятый устройением своего блага и переживанием своих утрат, человек XX века не заметил исчезновения христианства, вполне довольствуясь его суррогатами. Эрзацы, псевдовещи и псевдоидеи, лжерелигии и лжекультуры атаковали и атакуют Россию XX века с таким напором, что ее жителю некогда остановиться и рассмотреть, что он приобретает. Он жадно восполняет дефицит свободы, считая свободой столь излюбленный в сегодняшней России «плюрализм».

В «Дневнике писателя» Достоевский задает вопрос кому-то из своих оппонентов: сколько нужно человек, чтобы в народе не умирали идеалы христианства? Версилов,

Не пришла ли пора выходить из катакомб?

герой романа “Подросток”, ответил на этот вопрос вполне определенно. Достаточно тысячи человек. Святой Иоанн Златоуст говорил, что один человек может исправить весь народ. Надо думать, он говорил о святости. Версиков не был святым, хотя и говорили, что он носил вериги. Он считал себя “носителем высшей русской культурной мысли”: “У нас создан веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире, — говорил Версиков, — тип всемирного боления за всех. Это — тип русский... он хранит в себе будущее России. Нас, может быть, всего только тысяча человек — может более, может менее, — но вся Россия жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу”.

Своими пророческими идеями Достоевский щедро делился со своими персонажами, он не боялся ни ригоризма, ни риторики, ни деклараций. Собеседник Версикова мучался, слушая его: “Я болезненно боялся лжи”. Он боялся не просто лжи, не версиковских восторгов и романтической экспансии, он боялся, что идея окажется ложью. Она была прекрасна — это была неистребимая и “великая идея бессмертия”. И заменить ее было нечем и незачем.

Если бы это было не так, я не стала бы занимать читателя этих строк рассказом о версиковской тьме, во все времена хранящейся в духовных и интеллектуальных катакомбах России. Это к ним обращался во тьме коммунистического террора Солженицын с призывом “Жить не по лжи!”, стать нравственной оппозицией лжи. Конечно, в ту пору он мог казаться безумцем. Призывать отречься от лжи людей, которых принуждали дышать обманом, производить обман, жить им? Что это значило? Встать поутру и сказать: я больше не лгу?

Ложь — религиозная проблема. “Ваш отец диавол”, — говорит Христос, — “он лжец и отец лжи” (Ио. 8, 44).

Если бы в России не было тогда тысячи, способной услышать Солженицына, его бы не выбросили вон из России... Понятно, что тысяча — символическое число. Оно будет восполняться и пребывать в мире до тех пор, пока мир угоден Богу. В версиковские времена русские идеалисты хранили идею “всемирного боления за всех”. Для чего же она может пригодиться сейчас?

Для оппозиции злу и пошлости, лжи и смерти? Но возможна ли такая оппозиция?

Еще недавно с парламентских и съездовских трибун, с газетных полос и с “круглых столов” неслись сетования по поводу отсутствия оппозиции. Сегодня у нас оппозиций больше, чем позиций, а число оппонентов превышает число тех, с кем ведут спор. Но в этом все нарастающем шквале разделений, разрывов, катастрофических расколов нет, как это ни печально, нравственной идеи. Борьба за власть, столь увлекающая сегодняшних политиков всех мастей, — не идея, а интрига.

Посмотрите, о чем ведут речь газеты: о кризисе в экономике, политике, экологии, о преступлениях и беззакониях, об амбициях партийных и церковных чиновников. О чем говорят на московских и питерских кухнях? Да все о том же. Редко кому удается прорваться сквозь этот гул, чтобы напомнить о той самой “общечеловеческой идее”, которой на словах преданы все, без которой России не возродиться. Но никому нет дела до воспитания чувств, до нравственного выздоровления. И если наконец в России воссияет столь желанная “звезда приватизации”, мы сможем превратиться из

Зоя Крахмальникова

стада обиженных и обреченных узурпаторов мира в стадо обывателей и мещан, все так же стремящихся узурпировать сокровища мира, но на сей раз уже другим способом.

Политика прорвала, казалось бы, все дамбы большевизма, приучившего своих подданных почитать идеологию за религию. И сегодня, воцарившись на трибунах, служащих ей амвонами, на съездах и в парламентах, служащих ей храмами, она как бы вознамерилась восполнить собой жажду нравственного совершенства, поиски смысла бытия, осознание этического долга, а главное, необходимость духовной работы для осознания своей ответственности за происходящее. Митинги и демонстрации, так же как телеэкраны, стали псевдорелигиозными ристалищами политиков, рвущихся ошастливить Россию новым “демократическим” или “патриотическим” раем, которым одарят ее свежеепеченные политические идола. Так революционное язычество, пробужденное переворотом 1917 года, “большевизировало” все: религиозных деятелей и паству, верующую в них. Верующих в него оказалось больше, чем в Бога, культуру и науку; и создав свою религию, оно оказалось воистину “опиумом для народа”, заменив ему все, кроме хлеба и водки.

Гибель культуры стала, как это ни парадоксально, особенно очевидной, когда культуре вернули ее свободу и ее права.

Для чего же культуре права, если она поражена бессилием? Если язык ее стал невнятен тем, для кого она существует? Тщетно жрецы политики зывают к единству. Безнравственность и видимое единство могут сочетаться только в мафиях и бандитских шайках. Подлинное же единство возможно лишь в тех сообществах, члены которых способны на жертву собой ради другого. Мечта о том, что “парни всего мира”, “люди доброй воли” вот-вот возьмутся за руки, “чтоб не пропасть поодиночке” (как поется в песне Булата Окуджавы), была самой опасной для советской власти. Создатели тоталитарной системы и их наследники утешали себя мыслью, что мечта эта неосуществима, но производство наручников и колючей проволоки было налажено образцово.

Она и в самом деле казалась безнадежной. Но странным и даже в некотором смысле таинственным образом оказалась воплощенной, когда стало возможно и, что важнее, необходимо “взяться за руки” у Белого дома августовской ночью 91 года. Взяться за руки, чтобы “пропасть” не поодиночке, а вместе, по-видимому, во имя все той же бессмертной русской идеи “всеединства”, столь ненавистной для тех, кто объявляет себя русскими из русских и патриотами из патриотов, утверждаясь в ненависти и жажде мщения.

Как это могло произойти? И зачем стоять ночью под дождем, стоять, ожидая гибели, прислушиваясь, не протрубит ли избавление “труба надежды”? Не оттого ли, что семьдесят с лишним лет рабы КПСС и КГБ тайно мечтали составить ту самую тысячу, ради которой, как утверждает Версиков, и жила Россия, они пришли строить баррикады? И не оттого ли сразу же после той ночи, когда безумцы, — их было куда больше тысячи, — в стылой ночи надрывно кричали: “Россия! Россия!”, словно просили у нее защиты и сил для победы, слишком быстро поспешили осмеять

Не пришла ли пора выходить из катакомб?

эту оппозицию? “Какая там победа, — слышались трезвые голоса, — спектакль, а те, кто взялся за руки, всего лишь статисты”. Статисты огромного шоу, придуманного Горбачевым в паре с Ельциным.

“Глядя издаലെка, как бы со стороны вижу измученное умирающее тело России, уже почти бездыханное, чуть теплящееся... — пишет из Франции священник Владимир Шibaев, эмигрировавший в 1988 году. — В центре этого тела (так у автора — З. К.) построен “Белый дом”, а вокруг этого дома хоровод “после путча” водят разные люди. Песенку поют вместе... Возьмемся за руки, друзья... А друзей-то никаких нет... За руки держатся, не глядя в глаза друг другу и у всех на лицах печать “великой собственной исторической причастности ко спасению Св. Руси!”. Водят этот хоровод мальчишки и девочки, дедушки и бабушки, батюшки-депутаты с красными значками-знаменами на рясах, а также и приезжие, архиереи-КГБэшники, философы и философони, при “гласности” заговорившие. А после хоровода молебен у “Белого дома”, где восседает его хозяин, кавалер ордена Богини Бау, философ Мальтийского ордена — Ельцин!”.

Так потешается над стремлением людей к свободе и единению новая вера, новое “христианское сознание”, вскормленное большевизмом.

Августовская революция 1991 года и ее последствия позволяют сегодня представить себе масштабность тех разрушений, которые внес большевизм своим насилием над совестью и властью над сознанием личности во все сферы жизни российского мира. Все аспекты и планы нынешней с м у т ы : политизация церковной и духовной жизни, а значит, деградация и искажение основ христианства, политическое лукавство, экономический волюнтаризм, методы и тактика компромиссов идеологической войны меж демократами и “патриотами”, леворадикалами и консерваторами, — есть зрелый плод тотальной культуры большевизма. Именно в господстве этой монокультуры, представляющей из себя гигантского монстра, пожиравшего на протяжении семидесяти с лишним лет всякое инакомыслие, я вижу причины разделений и расколов — политических, национальных, духовных.

Только преодоление культуры большевизма может остановить тот нравственный распад, который губит все благие намерения преобразователей России — идеологов и практиков.

2

Коммунизм — это молодость мира, и его возводить молодым”. Размноженная на сотнях километров красных полотнищ, чушь эта опоясала наши города и веси. Наш взор, куда бы он ни был устремлен, обязательно упирался в это красное. Мы были призваны погибнуть за власть красного над всем миром.

В Библии слово “красный” употребляется крайне редко и, как правило, в негативном смысле. “Красным драконом” назван дьявол в Апокалипсисе (Откр. 12, 9). В первой в мире атеистической империи слово “красный” имело “знак качества”. “Красная армия всех сильнее”, — пели жители “самой свободной страны”. “Красная

профессура”, “Красные дьяволята” как произведение красной культуры, красная церковь и красные попы — все служило оправданию и защите культа крови. Но, конечно же, дело не в эпитетах. Слово есть таинственный знак бытия.

Кровавый дракон в своей жажде порабощения пользовался самым мощным оружием: убийством душ. Создавая общество заложников, государство рабов, большевизм убивал в человеке Бога. Убивал совесть, на скрижалях которой записаны знаки причастности творения к Творцу в жажде любви и готовности к жертве. “Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки” (Евангелие от Матфея, 7, 12). Рабам большевизма вместо человеколюбия прививалась ненависть, вместо жертвы — эгоизм, вместо веры и надежды — страх и способность к предательству.

Устроители “новой породы” людей отлично знали, как достичь повиновения своих рабов. Воспитанию верности “красному дракону” должны были содействовать тотальная ложь и тотальный страх тюрем и лагерей. Страх голодной смерти. “Новые люди” не должны были ни желать свободы, ни знать ее вкуса. Им вообще не нужна была свобода думать и говорить, создавать и творить, одаривать и жертвовать. Им ни к чему ни права человека, ни их обязанности.

“Меня совсем не тянет в СНГ, — пишет священник В. Шибает, — я бы скорее вернулся в “брежневскую Россию”, чем в “ельцинскую”...”.

Ностальгия по “красному”. По родине, где так “вольно дышит человек”. Возможно, моя ирония слишком строга. И мечта о возвращении в “брежневскую Россию” есть неосознанное желание преодолеть себя, открыв в себе возможности совершить несвершенное тогда, войти в ту самую тысячу безумцев?

Но для этого надо стать и ным. Инакомыслие есть в некотором роде покаяние. Изменение ума, обновляющегося в жажде искупления. Такое сознание было присуще диссидентам 60--80 годов. Оно складывалось в отречении от власти большевизма над умом и сердцем, в исцелении ума и души, загруженных лицемерием, сиюминутным прагматизмом и мучительной для совести привычкой к мимикрии.

Культура большевизма обречена, спрут с вялыми щупальцами уже почти бездыханен, и августовская революция, подготовленная гласностью первого этапа обновления, могла бы открыть новую историческую перспективу, если бы изменения в сознании были непосредственно зависимы от смены президентов и правителей. Однако это не так — очищение и нравственное восстановление личности и народа прежде всего связаны с осознанием своей вины и необходимости искупления. А это требует нового подвига ума и души. В нравственном противостоянии “красному дракону” будет возникать иное сознание, и оно неизбежно будет заявлять о себе как о диссидентстве.

Будет ли оно отличаться от инакомыслия интеллигенции 60--80-х годов, подготовившего крушение культуры большевизма? Непременно. Это скорей всего будет не катакомбное инакомыслие, а открытое, но оно будет, — как и то, что предшествовало ему, — развиваться в экстремальных условиях, в ситуации неприятия его государственной моралью нынешнего образца.

Не пришла ли пора выходить из катакомб?

3

Версировский собеседник, как мы помним, “болезненно боялся лжи”.

“Мир на роковом пути и катится в пропасть”, — записал в введении к своей книге “Созидатели и разрушители” русский мыслитель и ученый Дмитрий Панин.

Шестнадцать лет его гноили в тюрьмах и лагерях, шестнадцать лет он прожил в эмиграции, записывая свои мысли и открытия. Сейчас им пришла пора возвращаться на родину.

Он был представителем классической российской нравственной оппозиции лжи, насилию, смерти, доказав тем самым, что великая идея бессмертия есть идея жертвы собой и что она не только неистребима, но способна преображать человека и окружающий его мир вопреки террору разрушителей. И что ее, эту идею, не удалось упразднить миллионам коммунистов и чекистов, несмотря на совершенный ими чудовищный геноцид.

Панин называл нравственное противостояние злу разрушителей этическим контролем, он писал о “значении духовного благородства в наши дни”, когда благородство было криминалом, когда оно находилось в гулаговском заточении или таилось в катакомбах.

Что за сила питала его мысль? Вера в Бога и в человека. Вера, которую столь яростно уничтожали все разновидности “красных”, в том числе и красные попы. Вера без жертвы мертва. Русский священник, не стыдящийся своего презрения к “измученному и умирающему телу” России, достоин глубокого сожаления. Тому, кому не дана в дар вера, “отец лжи” влагает в уста яд змеи.

Идея этического контроля, вслед за Паниным, была высказана Солженицыным. Она созрела в ГУЛаге, где особая жажда нравственного подвига рождала особый аскетизм мысли. Однако ни Панин, ни Солженицын не смогли разработать принципы практического применения этического контроля. Кто имеет право на этот контроль? Церковь? Возможно. Но на это способны только те пастыри Церкви, те духовные вожди, которые исключили для себя возможность компромисса и уступок земной власти. В России нет сегодня такого духовного авторитета. Архивы КГБ открыли тайны, о которых еще недавно можно было только догадываться: члены Священного синода Московской Патриархии во главе с Патриархом всея Руси сотрудничали с КГБ. Союз со сталинизмом и большевизмом породил так называемое обновленчество, внешнее, обрядовое, комфортное лжехристианство, заменившее компромиссом покаяние и искупление и потому весьма далекое от евангельских императивов. Религиозный и национальный эгоизм не менее разрушителен, чем ложь и беззаконие.

Надолго ли лишено наше общество духовного и нравственного авторитета? Кто же имеет право и в чьи обязанности входит этический контроль, без которого наше общество не обретет сил для нравственного восстановления? Эти вопросы, надо надеяться, будут решаться в процессе формирования нового неконформистского сознания. Пока можно только предположить, что это право может быть обретено не некоей “этической кастой” или элитой, а лишь нравственной оппозицией, заявившей о себе не словами, а делами, полным отречением от всяческих компромиссов с совестью в любой сфере общественной и культурной жизни. Увы, обретение этого

права, так же как способность выполнять обязанности, дело чрезвычайно сложное и длительное. Но без него, без нравственной оппозиции лжи и злу большевизма и его нынешним перевоплощениям нам не приостановить тот распад, который грозит страшной катастрофой России и миру.

“Если же весь народ, — писал Панин, — изменяет христианским этическим законам, то он по своей воле подкладывает себе мину замедленного действия”. Это — библейская мысль. Содом погиб потому, что в нем не нашлось десяти праведников. Бог вывел оттуда семью праведного Лота — и на Содом пролился огонь.

Был ли Панин романтиком, когда конструировал для пленной России “общество независимых”, звал к “революции умов” и “достижению высокой свободы”? Он был реалистом. Потому что знал по собственному опыту о тех ресурсах, которыми одарил человека Бог.

“Великая идея бессмертия” — тоже библейская идея. И реальнейшая из реальностей. Над ней все еще потешаются прагматики и политики, но многие из тех, кто воистину верует в эту идею, и поныне создают катакомбы духа, убегая от прагматизма и соблазнов политических и экономических авантюр.

Рано хоронить “измученное тело России”, хотя именно сейчас в ней все библейские идеи становятся предметом спекуляций. Но и это не ново ни для России, ни для других стран христианского мира. Дьявольская жажда “иметь”, столь далекая от христианской жажды “отдать”, всегда побуждала и ныне побуждает все новых кандидатов на роль властителей дум изобретать уже отработанные и выброшенные на свалку истории “новые модели” христианства. И нет ничего удивительного в том, что Россия оказывается полигоном для испытания новых идеологов.

Альтернатива партидеологии была предложена Горбачевым, когда он сделал заявку на идею “общечеловеческих ценностей”, не предполагая даже, к чему это его обязывает. В условиях разразившегося идеологического кризиса на “биржу идей” были выброшены прежде всего нравственные, просветительские, христианские идеи.

Почему именно христианская идея оказалась столь соблазнительной для политиков горбачевской “перестройки”? Почему, поруганная и оскверненная, великая идея вдруг вошла в моду, стала предметом постыдных политических спекуляций? Как могло случиться, что в кратчайший срок начался стремительный марафон по Европе и Америке наших “христианских демократов”, ничего толком не знающих ни о христианстве, ни о демократии? Почему вчерашние гонители Церкви стали ее продюсерами, создатели “Красных дьяволят” — истинными сынами России, а вчерашние красные попы призвали национал-патриотов вступить на военную тропу для защиты Церкви?

Эволюцию лжехристианских движений опишут, я надеюсь, их соратники, ставшие врагами, их попутчики, ставшие их оппонентами, апологеты, поэты и “богословы”, меня же интересует причина политических спекуляций христианской идеей.

Она не нова. Вызов Истине. Вечному спору красного дракона с Богом придет конец только с концом этого мира. Когда будет исчерпана возможность каждому из людей стать нравственной оппозицией злу, смерти и лжи.

Войти в неистребимую тысячу, узнав жажду подлинной жизни и подлинной свободы. Для этого нужна титаническая, как может показаться, на самом же деле

Не пришла ли пора выходить из катакомб?

естественная для человека и необходимая его совести личная работа противостояния лжи — религиозной ли, политической или культурной. Любой лжи, ибо она есть тьма, в которой таится зло, насилие, беззаконие.

Этот спор Истины и лжи был блестяще разрешен Дон-Кихотом. И не им одним. Сервантес лишь записал в судьбе и подвигах своего героя неизбежность поражения лжи и пошлости. Записал с блеском, потому что верил в эту неизбежность и знал, что иначе человечество не могло бы сохранить себя, свою веру и культуру.

В “корпусе” Божественных идей нет ничего из того, что способствовало бы профанации и утилитаризации христианства и общечеловеческих ценностей, нет там ни “просвещенного патриотизма” Аксючица, так же как юдофобства Васильева, выдаваемого за “православный патриотизм”. Нет там и духовного невежества Проханова, стряпающего в газете “День” ядовитую похлебку для люмпенов. Это всего лишь ветряные мельницы или, как размышлял рыцарь печального образа, — наваждение, нечистая сила. Он сражался с ней, потому что Бог внушил ему благородное стремление очищать мир от скверны...

Противостояние разрушителей и созидателей в сегодняшней России продолжается с не меньшей силой, чем во времена торжества большевизма. Еще дремлет порода обреченных, лидеры которых мечтают воцариться на Красной площади и обвить нашу землю красными знаменами. Но если их предшественникам не удалось истребить “тип всемирного боления за всех”, хранящего в себе будущее России, и он вопреки всему возникал на пепелищах и в гугаговских бараках, тот тем более им не добраться до духовных катакомб.

Важно, однако, не только вовремя скрыться в катакомбах, но и вовремя выйти из них, чтобы катакомбы не стали твоей могилой...

Апрель 1992 г.

Есть ли у России надежда?

”Круглый стол”

ЕСТЬ ЛИ У РОССИИ НАДЕЖДА?

Круглый стол
в Российском гуманитарном университете

29 мая 1992 года

Юрий БУРТИН:

Прошел год после первых президентских выборов в России и почти год после победы в августе, которую едва ли не все мы, здесь собравшиеся, считали и продолжаем считать нашей. За это время утекло много воды, и события развиваются таким образом, что формулировка темы сегодняшнего “Круглого стола”, материалами которого мы заключим сборник, — “Есть ли у России надежда?” — мало кого удивит. Сегодняшняя ситуация в России драматична и таит в себе все возрастающие угрозы.

Так есть ли надежда? И если есть, то с чем она связана? И что делать нам, людям, причисляющим себя к русской демократической интеллигенции, чтобы эта надежда могла осуществиться? Именно нам, ибо главный спрос должен быть сейчас прежде всего с самих себя.

Итоги послевгустовского года, оценка переживаемого страной политического момента и деятельности нынешнего российского руководства, взгляд на ближайшую экономическую и социально-политическую перспективу и, в связи со всем этим, задачи подлинно демократических сил — примерно так я очертил бы круг основных вопросов, по которым хотелось бы услышать мнения присутствующих — как авторов сборника, так и тех, кто в нем не участвовал.

Кому угодно первым взять слово?

Леонид БАТКИН:

Я буду говорить о вещах известных — о том, что в каждом номере газеты и в сознании миллионов людей. Я попытаюсь лишь жирнее навести этот контур и сделать его более обширным. Две психологические и практические посылки хочется обозначить для начала.

Первое. Это ощущение колоссальной исторической важности того, что совершается сегодня и будет совершаться в ближайшие несколько месяцев — примерно до ноября. Я думаю, эти четыре—шесть месяцев — последний срок, отпущенный всей России и, конечно, нам. События этих предстоящих месяцев, возможно, окажутся более важны, чем любые бывшие до сих пор. Потому что сколько бы ни совершалось поворотов после 1985 года, общий смысл происходившего и общая перспектива были во все возрастающей степени заведомо ясны. Не было только ясно, какую цену мы заплатим, неизвестными, как всегда, оставались сроки и формы, но было понятно, что партийный режим обречен, что крах его близок. В этом состояла революционная простота смысла.

А что ясно теперь?.. Спустя десять месяцев после августовских событий мы оказались перед лицом "загадочной" России, то есть страны промежуточной и межеумочной, отклоняющейся от параметров мирового — и традиционалистского, и "западного" — развития, но слишком огромной, чтобы считаться просто одним из частных типов такого перехода. Нигде не было и нет нашей комбинации мощного военного, космического, индустриального потенциала — и давным-давно полностью уничтоженных соответственных инфраструктур; все еще великой художественной и научной культуры — и дикости, нецивилизованности; мы одни вошли в тоталитаризм через великую революцию, побыли в нем дольше всех, но еще до этого Петербург и Москва успели стать в ряд "современных", передовых (тогда) столиц; мы, как, пожалуй, никто, кентавры мировой истории. Мы стоим перед действительно неизвестным. Крушение режима было всего лишь гигантской исторической прелюдией к тому, что возникнет в том или ином варианте — реставрационном, авторитарном или в варианте глубокого разрыва с самодержавным и большевистским прошлым. Это ощущение кануна.

И второе. Я не собираюсь задаваться знаменитым бескрайним вопросом: "что делать" (России)? Я спрашиваю: что делать мне? Что делать немногим здесь собравшимся? Я не намерен сегодня говорить о программах — приватизационной, аграрной или конституционной. Много было хороших программ. Была программа Пияшевой и Селюнина. Где она сейчас реально? Были прекрасные предложения аграрные. Например, В. Тихонова. Есть опыт армянской, есть опыт венгерской аграрных реформ. Проблема сейчас не в идеях такого рода, хотя поиск их будет продолжен. Главное — кто будет проводить эти хорошие или даже безупречные, может быть, программы?

Главная и единственная в каком-то смысле проблема сейчас (то есть взывающая к нашим скромным личным возможностям, к низким инициативам, зависящая от

поведения граждан) — это проблема соотношения власти (понимаемой широко, на всех ее уровнях, в центре, регионах, власти законодательной, исполнительной) — и населения, демократической общественности.

Переломный момент был обозначен ходом событий в мае. В январе, выйдя из “Демроссии”, я еще не мог бы с достаточной уверенностью сказать многого. Не мог этого сказать даже в марте — на межрегиональном собрании “Демроссии” — с такой определенностью, на какую решаюсь сегодня. Становится все более очевидным, что мы видим наяву знакомый сон. Ельцинское руководство и его политика повторяют с ужасающей, только во сне возможной точностью, то, что происходило недавно в горбачевское время. Был партийный реформатор, в глазах страны и мира персонифицировавший идею движения вперед, к реформам, — Горбачев. Теперь во главе России другой реформатор — Ельцин. Был смелый реформатор, однако реформ, задевающих экономический и политический фундамент, не проводил. Другой — еще более смелый, но тоже реформатор без радикальных структурных реформ отношений собственности и власти. Горбачеву мешал Съезд, Верховный совет, который Ю. Н. Афанасьев назвал сталинско-брежневским. И подобранное им окружение. И, конечно, он сам. Ельцину мешают таковые же Съезд и Верховный Совет. И его собственное окружение. И опять-таки он сам. И, как тогда, так и теперь, все оглядываются на армию, КГБ, ВПК, думают (кто цинично, кто “реалистично”, кто возмущенно, кто обреченно): ой-ой-ой, сила-то у них... Раньше так называемые демократы возглашали: что же делать, господа, надо поддержать Горбачева, иначе — не дай Бог! Теперь же восклицают: давайте сплотимся вокруг Ельцина, иначе придут Стерлиговы, Бабурины, Астафьевы, Анпиловы, будет весьма скверно. А тем временем Б. Н. Ельцин маневрирует, как некогда Горбачев, и, продолжая твердить о нерушимой приверженности реформам, дрейфует вправо и вправо... Речь не о личности и субъективных намерениях Ельцина, речь о политике, номенклатурной “приватизации” за счет населения, об уступках ВПК и национал-патриотической окраски государственной политике, поссорившей Россию со всеми соседями, о реставраторской идеологии, расцветающей, что ни говори, “при Ельцине”.

Сахаров говорил об “условной поддержке” Горбачева и перед смертью отказался от этого. Я год тому назад, в мае, на Координационном совете “Демроссии”, в подражание Сахарову говорил уже об условной поддержке Ельцина — то есть на конкретных условиях, которые мы обязаны сформулировать. Так вот, я думаю сегодня — а каждый отвечает только за себя, — я лично снимаю эту “поддержку” Ельцина. Я полагаю, что условия, необходимые для такой поддержки, промотаны, развеяны по ветру. Развенчаны и политические персонажи вокруг Ельцина. Поддержки со стороны людей, последовательно демократически настроенных, Ельцин сейчас не заслуживает. Власти России, им возглавляемые, в целом не сумели или не захотели осуществить за год необходимые и возможные перемены.

Это не означает какой-то вражды. В некоторых пунктах мы поддерживаем и будем поддерживать Ельцина и правительство. Скажем, на Конституционном суде 7 июля, при обсуждении вопроса о КПСС, понятно, на чьей стороне будут наши

симпатии. Так что переход людей, вроде меня, в оппозицию не означает, что левая оппозиция всегда по всем пунктам должна говорить "нет". Я бы так это сформулировал: будут выполнены основные условия — появится и поддержка. Эти условия, коротко говорю, следующие.

1) Реформы не за счет народа, а за счет государства как собственника всего и вся; настоящая приватизация, а не "аренда" в пользу чиновников и не госкапитализм; для начала же — слом колхозно-совхозной системы способами, развязывающими инициативу крестьян и дающими им собственность посредством упрощенных процедур с массивированной экономической помощью им лично (а не по Руцкому, через новый "агропром") и с эффективной правовой, политической, физической защитой.

2) Чистка госаппарата от высокопоставленных функционеров КПСС и КГБ, в том числе чистка среди армейского генералитета, суд над "ГКЧП", отстранение большинства ельцинских "наместников" и отмена самого этого института, суды над коррумпированными чиновниками любого ранга, ликвидация конкуренции дублирующих механизмов власти и влияния (роли президентского и других аппаратов), свободные выборы местных представительных органов власти и, наконец, Учредительного Собрания; создание новой конституции (все нынешние проекты неудовлетворительны).

3) Отказ от заигрывания с национал-патриотизмом, решительное применение закона и силы в отношении его противоправных проявлений; приоритетность тесных дружеских связей со всем ближним зарубежьем с особой поддержкой демократических тенденций в нем.

4) Всяческое благоприятствование независимым гражданским инициативам, отказ от государственного патернализма, законы о частных школах, негосударственных вузах, негосударственном телевидении и т.д., резкое ускорение судебных реформ...

Ну, и т.д.

Каждый день приходится читать, что интеллигенция, мол, вечно в оппозиции, она — такая, ей видите ли, без этого неуютно. Да, интеллигенция никогда не отождествляет себя с властью, не называет ее "родной" и "своей". Но разве не поддержали мы Ельцина с самого начала? Нечего изображать интеллигентов инфантильными подростками, которые только и мечтают бросить вызов властям. Черта с два! Мы готовы поддержать всякое реальное движение в сторону демократических реформ. Но если этого нет, мы вынуждены, увы, переходить в оппозицию. Пока что "мы" — всего лишь отдельные люди, почему и оппозиция носит скорее идейный и моральный характер.

Итак, борьба против давления на российскую власть "справа", которому эта власть все более поддается, ведя себя во многом неотличимо от правых. И потому вынужденный переход последовательных демократов и либералов в оппозицию, которая, став таковой и завоевав доверие населения, затем может, разумеется, и сотрудничать с властями в отдельных ситуациях, вести переговоры, в чем-то идти на компромиссы и т.п. Вот, по-моему, исходный принципиальный пункт. Но мы страшно далеки еще от его серьезной политической реализации, отчего ельцинская политика становится все более хаотичной, непредсказуемой и самоубийственной для президента...

Теперь более конкретно. Через пять—шесть месяцев, к ноябрю—декабрю, истекут обещанные Ельциным сроки начала стабилизации, медленного, но все-таки осязаемого поворота к повышению жизненного уровня. Экономисты, не сговариваясь, пожимают плечами, удивляются: какая стабилизация? Не будет стабилизации. И вот уже Гайдар роняет: “года через три—четыре начнется стабилизация”, — а не через три—четыре месяца, как было первоначально обещано. Но если к зиме этого не произойдет, искры гнева по всей стране, еще надеющейся на что-то, естественно разгорятся.

Между тем Ельцин начал двигаться вспять.

Я понимаю, что можно и откупиться от директоров заводов, которые теперь так сильно давят на правительство. Но при одном условии: пусть они получают свою долю акций, но лишаются нынешней неограниченной власти на производстве. А то так получается: хозяйничать они будут более или менее привычно, монополистически и списывая убытки на государство, как хозяйничали и прежде, но к тому же будет узаконен процесс личного обогащения.

Все, что происходит сейчас в политической жизни, а особенно наглядно в последние два месяца, — мне глубоко противно. Борьба Ельцина с Хасбулатовым, Шахрая с Петровым и еще с какими-то персонажами, борьба в узком слое правящих лиц, за закрытой дверью принимаемые решения, обрушиваемые на нас указы, которые не выполняются ... Я недавно услышал от одной женщины в очереди три слова, которые стоят иной речи. Она сказала: “*Это их дела!*” Вот политически и социально точное определение: это их дела, не наши! Население, конечно же, не безмолствует. Оно ропщет. Но уже неохотно ходит на митинги. Я бы сказал так: никакой “политической апатии” в стране нет. Политическая апатия есть, может быть, в США и т.д., у нас же это лишь апатия по отношению к лжеполитике. Когда люди видят, что это “тех же щей да пожиже влей”, они отворачиваются — их не интересуют выборы, трансляция съездов, референдумы и пр. Не надо отказывать в здравом смысле русскому народу — он не хочет заводиться, как дурачок, по поводу верхушечных игр.

Какой же выход ищут властвующие? Этот выход — удержание во что бы то ни стало власти... Назвали это, например, “президентской республикой”. Такой “президентской республики”, какую придумал Шахрай, нигде в мире сейчас, кажется, нет. Даже в Южной Корее или Чили время их прошло. Мне приходит на память перонистский режим в Аргентине. Но такой популистский режим держится, прежде всего, на мощной партии. У Ельцина ее нет и не будет. В “Курантах” вчера появилась статья некоего Лебедева под ерническим и характерно-обманным названием: “Диктатура... закон”. В конце статьи — выбалтывание слуги! — выдвигается предложение ввести непосредственное президентское правление с прекращением деятельности всех Советов на всех уровнях, как и всех партий.

Я начал с параллели с горбачевским временем. Смотрите: Горбачев неуверенно подумывал о чрезвычайном положении, колебался, присматривался. Точно так же действует и Ельцин — и тоже, кажется, колеблется. Окружавшие Горбачева были решительнее его. Точно так же решительнее и некоторые в окружении Ельцина. Появилась ученая формулировка, произносимая по телевидению: “диктатура для развития”. Не буду останавливаться на этом. Каждый из вас может квалифициро-

"Круглый стол"

ванно объяснить любой аудитории, почему диктатура южнокорейского или южноамериканского типов немислима у нас, даже если отвлечься от нравственной стороны вопроса.

Итак, диктатура? Но, имея совершенно негодную законодательную власть и не имея сколько-нибудь более пристойной исполнительной, почему нужно прикрывать Советы?! И что же останется? Президентский режим, который, кстати говоря, будет, с одной стороны, неизбежно обуян соблазном к насилию... сначала над прессой, например, или стачками, а дальше — больше. Конечно, вряд ли это будет режим прежнего тоталитарного образца: Буртину будет дозволено печатать о Твардовском, а Баткину об Абельяре, но от политики подобных людей придется тогда уж отстранить, чтобы не путались под ногами, не мешали. Это был бы режим силы на уровне верхушечном и режим бессилия, если иметь в виду всю многосложную, многослойную жизнь России. Это был бы режим, не имеющий массовой социальной базы и даже послушного аппарата. Его бессилие будет по необходимости раскручивать силу. И не против хулиганов-антисемитов и т. п. будут пущены в ход репрессивные структуры.

Я уже не говорю о грызне в окружении Ельцина. "Президентская республика" — под Ельцина?! А если завтра у Ельцина инфаркт — это уже президентская республика Руцкого или чья еще? Может быть, Бабурина?..

Еще один пункт. Зреющий авторитарный режим нуждается в идеологическом оформлении и уже нашел его. Я сужу по выступлениям Станкевича еще до его подстрекательского наезда в Крым и Приднестровье с двумя генералами, пропитанными психологией колониальной войны, битыми в Афганистане. Станкевич — человек, который никогда не ставит себя в такую позицию, чтобы отрезать все пути для маневра. Это человек-градусник. И если такой показательный персонаж, как Станкевич, столь откровенно и безоглядно поставил на "Державу" и ее "миссию", на "русскую идею", на "евразийство", на Руцкого, — значит, он уверен, что это и станет официальной линией.

Я получил, как и многие из вас, приглашение за двухдневный круглый стол в Фонд Горбачева. Тема: "Идеологическое обоснование новой российской государственности"! Значит, болтали целый год о "деидеологизации" государственных структур, когда это было направлено против КПСС, а теперь опять идеологическое государство строим? В этой связи пресловутый вопрос: могут ли о чем-то договориться демократы и патриоты? Я отвечаю: если рассматривать проблему на отвлеченном уровне, такая точка схода есть. Очень просто. Отделите патриотизм от государства, и более того — от идеологии. Патриотизм не может быть знаменем какой-либо уважающей себя партии, а тем более государственной идеологией. Приватизируйте патриотизм. Пусть у Пияшевой будет свой патриотизм, у Селюнина — свой, а у меня — мой. Пусть каждый любит Россию, как может и хочет, а не под знаменем и не под диктовку и в конце концов неизбежно под контролем государства. Вот мы и будем тогда одновременно демократы и патриоты...

Но ведь это вовсе не отвлеченная тема. Есть великодержавные, царские и советские традиции, есть группы громогласных демагогов, есть толпы готовых к погромам черносотенцев, есть уголовные газеты, наполненные словом "жид", матом и угрозами. И есть власть России, Москвы, Питера, которые неспроста на все это поглядывают сквозь пальцы. Политика России губительна для русских в сопредельных

республиках, пестует и там жесткий национализм, уводит Россию от общественных преобразований и экономической стабилизации к “великим потрясениям”. Пытаются потрафить национал-патриотам и войкам, “казакам” и “Трудовой России”, всем этим “нашим”, и тем смягчить их нажим. Самоубийственная для Ельцина политика! А уж о нас что и говорить...

У Ельцина две руки во внешней политике, и левая не знает, что делает правая. Если Козырев отправляется в Кишинев сотворять “четырёхугольный стол”, то в это время советник Ельцина господин Станкевич вместе с вице-президентом отправляется в Тирасполь и политически готовит то, что и произошло сейчас в результате этой поездки. А президент загадочно молчит или говорит двусмысленности...

Я категорический противник очередных затей послушной ельцинскому руководству официальной “Демроссии” — авантюры референдума. Добро бы только референдума о земле, в формуле которого, впрочем, отсутствует понятие “частной собственности”, а поминается лишь некое “право владения и распоряжения” (что есть и в нынешнем законодательстве). Или “референдум о конституции”. Нам предлагают проголосовать о принципах конституции! — это же бред собачий. Я понимаю, можно, допустим, предложить проголосовать за республику или монархию (как в Италии после войны). Но за “основные принципы”, которые большинство и уяснить-то толком не сможет! Или ведут иногда речь о проведении через референдум чрезвычайных полномочий президента. Каких полномочий, почему?! Или — за Учредительное собрание! Хороший лозунг, но сейчас, в условиях экономического и политического спада, отката, всеобщего разочарования, недоверия ко всем “политикам”, апатии, — выбрасывать этот призыв крайне несвоевременно. Где та независимая и мощная демократическая сила в стране, которая проведет своих кандидатов в это учредительное собрание? Это может стать при нынешнем политико-психологическом раскладе окончательным поражением демократии. Сначала нужен подъем обновительных надежд и активности населения, сначала идея Учредительного собрания должна вызвать те же настроения, что, например, в 1989 году вызвала идея отмены 6-й статьи Конституции... Сначала нужно иметь серьезную “левую” оппозицию (предпочитаю употреблять этот термин не в классическом, а в отечественном значении).

Итак, что делать нам? Буковский в интервью “Известиям” отметил, что “слева” — пустое место. Практически вовсе нет оппозиции слева. Политологи говорят, что у нас нет настоящих партий. Я иду дальше: у всех нынешних “партий” нет большого будущего. И не потому, что они слабые, малочисленные, а потому, что все похоже друг на друга. Потому так легко каждую неделю создаются блоки и всякие “согласия” и каждую неделю рассыпаются. Сейчас важны не различия в партийных программах, а различия в отношении к ситуации в стране и в отношении к власти. А тут различия между “партиями” трудноуловимы — все они готовы лечь в одну постель. Не приходится рассчитывать на их силы. Если возникнут подлинные партии, они возникнут наново.

Попытка наша — пока весьма скромная по результатам. Выход из “Демроссии” был совершенно необходимым жестом. Но пока жестом и остался. Надежда создать из, может быть, довольно значительной части “Демроссии” что-то принципиально новое провалилась в марте на межрегиональном совещании. Большинство пошло за Салье. Она хотела бы переиграть своих оппонентов по их же правилам игры—

захватить большинство в Координационном совете. А нужно менять сами правила игры, потому что заправили "Демроссии", эти аппаратчики ее и московской мэрии, политически и исторически скомпрометированы.

Однако создать новую политическую "партию порядочных людей", солидное и подлинно независимое гражданское движение — в данный момент крайне трудно, если не невозможно. И это — самое печальное в нынешней ситуации общего кризиса послеевгустовского режима. Во-первых, все политическое поле как бы захламлено; во-вторых, население не нуждается в новых партиях, этим не интересуется: подумаешь, еще одна партия... Как добиться, чтобы люди разглядели наши лица, наш стиль политического поведения, нашу суть, а не просто лозунги и программы, и сказали бы: да, это похоже на демократов, а не "демократов"? Как восстановить доверие к изгаженным понятиям? И, главное, где взять для этого прежде всего новых, в заметном количестве, и молодых людей?

Я уверен, приходит время того, что я называю "второй волной". Первая волна — подъем массового антикоммунистического и антиимперского сознания, волна, которая смела "перестроечный" режим. Вторая волна должна бы вынести Россию в действительно демократическом направлении. Вы скажете: это утопия, нет людей, нет политиков. Нет радикальных демократов, кроме нескольких человек, и среди мнимого, фантомного парламента. Действительно, пока ситуация видится тупиковой. Но вне "парламента", в общественной жизни есть люди, способные посвятить себя честной, последовательно демократической повседневной политической деятельности. Есть по-моему, огромный социальный запрос на появление таких новых независимых людей. Альтернатива между нынешним официальным курсом новой номенклатуры и национал-патриотами да коммунистами — ложная. Миллионы людей хотели бы увидеть, но не видят пока и отчаиваются, такую версию развития России, которая противостояла бы и бабуриным, и руцким, и анпиловым. Это во-первых.

Во-вторых, с точки зрения внешнеполитической, со стороны всемирно-исторической, у России громадное преимущество сравнительно, скажем, с Февралем 1917 года. Мы сейчас находимся в таком контексте мировой истории, когда нет опасности войны, и весь цивилизованный мир хочет нам помочь. Заинтересованность внешнего мира в том, чтобы демократия, а не очередная форма диктатуры утверждалась в России, очевидна.

Так что же нам делать? Нам нужно сегодня создавать газету... но газету непременно массовую, дешевую, "газету-копейку", заведомо убыточную, стало быть, и притом не просто независимую от властей, но газету с отчетливым демократическим направлением. И приучать к этой газете людей. Если возникнет некая новодемократическая партия в России, она будет партией читателей такой газеты.

Для этого следует: первое — создать инициативную группу для организации газеты, нахождения единомышленников и пластичного формирования своего политического облика; второе — нужно искать материальные средства. Я не сомневаюсь, что к нам присоединятся Буковский, Любарский. Хорошо, если они могли бы возглавить разъяснительную кампанию на Западе. Может быть наш концептуальный сборник статей следует перевести на английский (или хотя бы его дайджест), написать краткий меморандум, где объяснялось бы то, о чем мы сегодня говорим, создать инициативную

группу и на Западе, которая встречалась бы с влиятельными людьми в экономической и политической сферах. И, само собой, нужно иметь счет, куда могли бы притекать средства.

Вы скажете: и это слишком сложно, труднодостижимо, более похоже на мечтания.. Допустим. Но если так, давайте разойдемся по университетским и философским углам. А если, тем не менее, некое сильное чувство и отнюдь не “романтическое”, скорей даже трезво-печальное сознание заставляет нас что-то предпринимать, — давайте попробуем сделать все от нас зависящее сегодня же. Потому что через несколько месяцев будет уже поздно.

Василий СЕЛЮНИН:

Я с большими сомнениями и колебаниями вырабатывал свое отношение к референдуму. И все-таки решил эту идею поддержать. Вы все правильно говорили об угрозе авторитарной власти, будем говорить прямо — об угрозе диктатуры. И вы точно подметили — не обязательно со стороны лично Ельцина. Опасность грозная. Но единственным противоядием, единственным, что может предотвратить такое развитие событий, является сильная законодательная власть. Никакого другого инструмента вы не придумаете. Но нам насущно нужна и сильная исполнительная власть. Реформы пробуксовывают именно потому, что исполнительная власть оказывается недостаточной. И хотим мы того или нет, у нас выбора не остается, мы должны выступать за сильную исполнительную власть. Противовес диктатуре единственный — сильная исполнительная и сильная законодательная власти. Разумеется, Съезд и Верховный Совет — конструкция нелепая. Она могла быть утилитарно использована для борьбы с Центром, и с этим хорошо справилась. Но сейчас эти этажи представительной власти, во-первых, противники реформ, во-вторых — такой тяни-толкай с невероятным количеством голов в принципе ничего решать не может. Хотя, откровенно говоря, не так уж и вредят реформам эти беспомощные Съезд и Верховный Совет, поскольку ничего не могут. Тем не менее нам нужна сильная представительная власть. И я не вижу другого способа получить ее иначе, как через референдум и последующие выборы нового парламента.

Мои рассуждения могут показаться парадоксальными: мы выступаем за референдум, за сильную исполнительную власть, а проводим кампанию для того, чтобы получить сильную законодательную власть. Но другого противовеса у нас не будет. Конечно, колебания у меня тоже есть. Миллион подписей мы, наверно, наберем. Но вот референдум... Тут я ваши сомнения разделяю: придут ли люди голосовать?! Но еще меньше шансов на успех, если мы расколемся, поскольку вы не хотите принимать никакого участия вместе с той группой движения “Демроссия”, которая стоит за референдум, за поддержку власти Президента и его команды. Позиция ваша благородная, но — ладно, я ведь не дипломат — не является ли это некоторым политическим дезертирством? Конечно, очень выгодно остаться чистенькими — мы, мол,

"Круглый стол"

условную поддержку правительству снимаем, потому что Президент или кто-то из его команды что-то не то и не так сказал. Только эта позиция непрактична. Или вот вы задумали газету — я, конечно, не против — и в перспективе у вас партия читателей... Это еще сделать надо, а события не терпят. И я призываю старых бойцов нашего движения, первых и самых известных трибунов "Демроссии", призываю спрятать свою гордость. Мы же не партия, так давайте найдем какой-то компромисс, и попробуем вокруг этой акции — референдума и последующих выборов — сплотиться. Понимаю ваши возражения, Леонид Михайлович, о неудобствах обсуждения сложных вопросов конституции на референдуме... Но мы уже на этот путь вступили и не отступим.

В чем мы расходимся с правительством — и чем дальше, тем больше — это вопрос о приватизации. Ибо реформы продвигнутся ровно настолько, насколько мы продвинемся в приватизации. Их правильно начали, и нельзя было начать иначе как с либерализации цен. Верно выбрано направление из двух противоположных: либо поддерживать производство, не допускать крутых спадов в экономике — тут вырисовывается один комплекс мер; либо стабилизировать денежное обращение, стабилизировать финансы, что может быть достигнуто только ценою больших спадов производства. Совместить эти два направления невозможно. Это азбука политэкономии. Политика правительства мне представляется правильной. Другое дело, что его могут столкнуть с этого пути — хотя бы раздачей больших кредитов, которые даются для погашения взаимных долгов... Ну, это посмотрим, здесь спора с правительством, в общем-то, нет. А вот по приватизации между той группой экономистов, с которой я работаю, и правительством, — дело может дойти до конфликта.

Многие обвиняют и Гайдара, и Ельцина — мол, они бывшие коммунисты, в душе остались ими, и к ним доверия никакого не может быть. Но коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности. Не чувствую я, что коммунистическая идеология тяготеет над Президентом и его командой. Они за утверждение частной собственности. Но дела показывают, что тут не все в порядке...

Ю. Буртин: Вот вы говорили о необходимости сильной власти. И действительно, слабая власть никому не нужна. Но как сделать исполнительную власть и законодательную власть сильными? В чем источник силы власти? Неужели можно вот так просто взять, проголосовать и сделать власть сильной?

В. Селюнин: Противовес, о котором я говорил, и означает усиление не только представительной, но и исполнительной власти. На совсем другой уровень поднимется их противостояние, если мы получим тот Верховный Совет, который отразил бы нынешнее состояние общества. В обществе уже, можно сказать, победило, устоялось мнение о возрождении частной собственности. Я рассчитываю, что состав нового Верховного Совета поддержит эту идею. Я мечтаю, чтобы законодательная власть подталкивала, подпихивала исполнительную власть не на торможение реформ, а на их ускорение. А что касается формирования структур исполнительной власти — это произойдет, хотим мы того или нет, поможем мы им или будем в оппозиции. Да, сегодня правительство не владеет ситуацией даже в Москве, я уж не говорю о периферии. Президента, исполнительную власть, видимо, постепенно будут прибирать к своим рукам другие. Эта сильная власть формируется без нашего участия. И если мы откажемся вовсе от него, как бы нам не проснуться однажды во тьме. И тогда уже никакую демократию защищать не придется, потому что она у нас между пальцев утечет. Вот поэтому я считаю, что и референдум нужен, и последующие выборы.

Зоя КРАХМАЛЬНИКОВА:

Я не политик и не экономист, я — религиозный писатель и не могу, видимо, профессионально участвовать в обсуждении тех вопросов, которые поднимают политики и экономисты. Я коснусь тех проблем, которые мне представляются не менее важными, чем политика и экономика.

Демократия действительно потерпела поражение и не могла не потерпеть поражения. Мы живем еще под властью монокультуры большевизма, которая настолько парализовала наше сознание, что оно до сих пор находится в оцепенении. Россия была не готова к демократии. Да и возможен ли прямой переход от тоталитаризма к демократии? Этот вопрос не раз обсуждался политиками. Нужна ли промежуточная стадия? Каковы особенности этого перехода?

Российская демократия оказалась слаба, как мне думается, потому, что у нее не было концепции ни демократии, ни перехода к демократии от тоталитаризма. От августовского противостояния у Белого дома, от митингов и демонстраций — к новой форме общественного развития. Оказалось, что это невозможно. Демократия, как мне представляется, не только политический выбор типа власти, это — система, у нее есть культура, призванная формировать сознание личности. Демократия — не только политический, но и нравственный выбор. Она должна учитывать особенности переходного периода и ни в коем случае не может слепо перенимать чужой опыт — опыт восточноевропейских или западных демократий. В концепцию российской демократии должны войти исследования принципов демократии в определенной ситуации, исследование не только ее правовой основы, но и морали и нравственности. В эту программу должны включиться специалисты разных направлений.

Я расцениваю статью Юрия Буртина “Важные государственные дела”^{*} как попытку покаяния, именно это, на мой взгляд, открывает новую перспективу. В нашем обществе слишком много и часто говорили о покаянии. Но поскольку это явление не было раскрыто в своей сущности, призывы к покаянию остались всего лишь риторикой. Покаяние есть изменение. Изменение ума. Вчерашний большевик, назвав себя демократом, таковым не станет. Нужна работа по преодолению того мироощущения, которое было привито каждому из нас. И здесь возникает проблема воспитания чувств, различения добра и зла, проблема осознания сути свободы личности. Свободы в выборе добра. Это связано с нравственной потребностью преодоления культуры тотальной лжи. До тех пор, пока не изменится сознание, ум человека и он не отвергнет ложь и насилие как способ обрести “место под солнцем”, он не сможет ничего принести ни себе, ни людям.

* Под таким заглавием в “Независимой газете” (1992, 21 апреля) были напечатаны фрагменты статьи “Горбачев продолжается” (см. выше). — Ред.

Нравственный хаос, я бы сказала, нравственное изнеможение России не позволило рождающейся российской демократии предусмотреть многие ошибки, которые ждали ее на пути политического и прагматического решения проблем гражданского общества. Было утрачено время, данное для нравственного восстановления народа. А без этого восстановления человеку трудно найти в себе силы терпеть те бедствия, в которых он оказывается. Возможно поэтому демократия потеряла своего будущего избирателя. Ему, этому избирателю, который поверил демократам, не помогли демократы, они его разочаровали. Своей грубой политикой. Ему не дали истинной свободы, а значит, нравственной силы для преодоления трудностей. Ему не рассказали правды об экономике, которую погубили предшественники сегодняшних демократов: генсеки и их помощники. Россиянам отказали не только в нравственном просвещении, но и в элементарных знаниях законов экономического развития. Люди мучаются от дороговизны и наступающей бедности, но они не знают подлинных причин ее. И вполне могут поверить пропаганде "коричневых", что Россию "продают на Запад". Советские власти всегда скрывали правду, считая неселение Советского Союза неким огромным детским садом, воспитатели которого знают лучше самих воспитанников, что им нужно.

Я связываю нравственную драму России, господство культуры большевизма, влияющей не только на стиль руководства политическими и экономическими процессами, но и на все аспекты нашего бытия, с несвободой совести, с порабощением личности, с недоверием к ней, с апелляцией правителей не к человеку, а к коллективу, к массам, с презрением к человеку как творению Божию. Новая советская демократия не принесла фактической, реальной свободы личности. Не принес ее ни Ельцин, ни его оппоненты, левые или правые. Да свободу и не приносят, ее не воспитывают, ее признают как непреложный факт те, от которых зависят различные инструкции, средства массовой информации. Поэтому нравственная оппозиция лжи большевизма, все еще господствующего в обществе, должна неукоснительно добиваться свободы личности и защиты ее прав.

Думаю, что нравственная оппозиция большевизму может формироваться в процессе глубоких аналитических консультаций, собеседований, обсуждений. Ей необходима газета, необходим Центр по изучению особенностей российской демократии, целью этих изучений должна стать всесторонняя концепция демократической власти в России, ее установок на свободу личности, правовой контроль, выработка долгосрочных программ по нравственному просвещению народа. Спешить вряд ли нужно, спешка нерентабельна ни в каком смысле. Надо получить доверие общества. Общество сегодня готово к тому, чтобы оценить бескомпромиссность и необходимость нравственного возрождения.

И ещё один аспект этой же проблемы. Не исключено, что именно несвобода личности, нарушение ее прав и отсутствие мер по нравственному выздоровлению человека могут способствовать дальнейшей популярности пропаганды нового тоталитаризма или, если хотите, фашизма на "патриотический манер". Именно фашизм в его российском коричнево-красном варианте ставит перед демократией вопрос о нравственной оппозиции большевизму во всех его проявлениях. Мы видим как на обломках атеистической империи возник новый тип атеизма; антихристианство, называющее себя православным. Это — плод большевизма и сергианства как рефор-

маторства в православии, созданного Московской Патриархией, которая ради мнимого спасения Церкви согласилась на “симфонию” со сталинизмом и тоталитаризмом. Неслучайно иерархи Православной Церкви молча взирают на то, как именем православия прикрывают жажду убийства, богоборчество и человеконенавистничество. Демократии в России предстоит открыть свои уши и для этих проблем. До сих пор они были закрыты. Тотальный атеизм не только способствовал созданию большевизма как религиозного феномена, он воспитал презрение в умах политиков к религиозным проблемам, к религиозному сознанию, к Христианству, которым можно было пользоваться лишь в утилитарных целях. Между тем мы оказались извергнутыми из христианской цивилизации. Революционное язычество исказило в корне жизнь России, ее культуру и сознание и привело сегодня к красно-коричневой агрессии, которая заявляет о себе как о “православном патриотизме”, какового в Православии не только не существует, но и существовать не может. Это — плод религиозного невежества, поиски “новой идеологии” взамен утратившего привлекательность коммунизма. Опасный плод — ведь именно большевики, сделавшие атеизм своей религией, сегодня разыгрывают так называемую “национальную карту” для того, чтобы сакрализировать свой терроризм. Поэтому, я повторяю, особое внимание должно быть уделено правовым проблемам. С этого начинало свое служение диссидентство 60—80 годов, с этого, надо надеяться, и должна начать свое служение молодая российская демократия, утверждая непреходящую ценность личности, ее свободы, ее прав.

Юрий АФАНАСЬЕВ:

Времена Горбачева и Ельцина различаются, в частности, в том отношении, что тогда в стране становилось все больше людей радикальнее Горбачева, все шире разворачивалось оппозиционное демократическое движение. Была Межрегиональная депутатская группа, начиналось рабочее движение как движение специфически-демократическое. И сразу несколько потоков национальных движений набирали силу — они были разные, но элементы демократизма в них, бесспорно, имелись. Ощущался мощный нажим слева на власть, которая претендовала на то, чтобы считаться центристской.

А вот теперь ситуация действительно новая. Те, кто тогда слева выступал против Горбачева, поддерживал, соответственно, тех, кто сейчас у власти. И теперь по прошествии времени, видно, что эти люди, поддерживавшие тогдашних “левых”, обманулись. У них есть достаточно оснований, чтобы выразить свое глубочайшее разочарование. Это первое.

И второе, что мне хотелось бы сказать. Вопрос сегодня стоит так: если мы (с какими-то оговорками и с пониманием своих недостатков) причисляем себя к демократам, к демократической интеллигенции, то достаточно ли у нас оснований, чтобы сказать “нет” политике Гайдара? До сих пор мы выступали с позиции: в основном — “да”; как стратегию, как политический вектор мы эту политику

поддерживаем, но последовательность осуществления различных мер, степень их демократичности вызывают у нас сомнения, поэтому мы заявляем, что безусловно поддерживать подобную политику не можем. А сейчас наступило время, когда надо вновь задуматься: все-таки "да" или "нет" этой политике как таковой? И с моей точки зрения, жизнь предлагает все больше аргументов, которые заставляют сказать "нет" — четкое, определенное, выговоренное, аргументированное.

Аргументов приводилось в последних публикациях и выступлениях предостаточно. Нам остается, может быть, систематизировать все высказанное, придать ему какую-то концептуальность и попытаться сделать нашу позицию убедительной для всех, кому небезразлично мнение демократической интеллигенции.

Прежде всего, это касается сферы экономики. Хотя и говорят о радикальных реформах команды Гайдара, но пока большинством, и мною в том числе, политика реформ — как некое содержательное понятие — воспринимается приблизительно так же, как существование души после смерти. Пощупать, представить себе осязаемо, что такое гайдаровская "политика радикальных экономических реформ", я не могу, и вряд ли кто-нибудь вообще способен это сделать. Есть просто какие-то отрывочные решения, о которых даже нельзя сказать, систематизированы они или бессистемны. Ведь по логике вещей, если брать главное направление такой политики, оно должно было бы складываться из антимонопольных мер, во-первых, осуществления приватизации, во-вторых, и проведения аграрной реформы, в-третьих. Основное содержание экономической реформы должны были составить именно эти три компонента, направленные на изменение отношений собственности, на укладку основ нашего нового жизненного устройства.

Но их нет, этих мер. Есть "отрывочная" либерализация, есть попытки стабилизировать рубль, выбить поддержку Международного валютного фонда. Примеров же осязаемого осуществления конкретных мер по переустройству отношений собственности я не знаю. Это — главный аргумент и достаточное основание для того, чтобы сказать "нет" такой политике в целом.

Кроме того, экономисты, финансисты в частности, говорят, что правительство Гайдара скрывает от общества истинное положение, сложившееся в экономике на сегодняшний день. Причем скрывает не какие-то мелочи, а сущностные явления — в частности, с помощью искусственного удлинения срока нахождения денег в обороте, чтобы представить финансовую ситуацию в России перед Международным валютным фондом в лучшем свете, чем она есть на деле. А если так, то реальная инфляция намного больше видимой на поверхностный взгляд. И тогда получается, что правительство и Ельцин и от нас утаивают истинное положение.

Но для того чтобы его скрыть, нужны маневры, нечто такое, что отвлекало бы внимание общества. Один маневр — это Крым и Приднестровье, то есть попытка "усадить" все общество на "национальную" идею — пожалуйста, потешайтесь. Возможности здесь безграничны. Каждый может найти свое место в "национал-патриотической" программе. И маневр этот выполняют люди не второстепенные — и Ельцин, и Руцкой, и Бурбулис, и Шахрай, и другие лица из высших эшелонов власти. Российское общество сознательно толкают на такой путь.

Далее, создают лжепроблему противостояния исполнительной и законодательной властей. Делают вид, что все беды в России оттого, что Съезд — коммунистический,

правый, а исполнительная власть — демократическая, левая. Та же попытка ввести в заблуждение. В. И. Селюнин спрашивал: есть ли другой путь, кроме референдума для решения тех вопросов, которые хотят на него вынести? Я отвечаю: есть. Надо было Ельцину и Гайдару членораздельно представить четкую программу продвижения нашего общества по тем направлениям, о которых я говорил. Вот аграрная реформа, вот приватизация, вот демонополизация, вот другие демократические меры. Выговорить это так, чтобы было понятно не только съезду, но и рядовым членам российского общества. Но подобного не было сделано. И я не уверен, что до этого не додумались. Скорее съезд умышленно подталкивали сказать “нет” по вопросу о частной собственности на землю. Ведь Ельцин и Гайдар не заняли твердую позицию, что называется, не уперлись: или вы решаетесь на действительно радикальную реформу, или мы не отвечаем за последствия. Если бы такое было сделано на глазах у всего мира и ответ Съезда был бы отрицательным, тогда — само собой, вопрос о референдуме, тогда ничего другого не оставалось бы. Но Ельцину и Гайдару, видимо, выгодно вместо истинных проблем высвечивать ложные, переключая на них внимание общества.

Следующая сфера — тоже политическая. КГБ господствует, военная разведка, по последним публикациям, набирает силу. Чем она занята? Шумейко и Хижа в правительстве... И опять-таки, может быть, и нужно было их взять, но проговори, на каких условиях, четко скажи, что мы берем этих людей, но за этим последует то-то и то-то по отношению к ВПК. Однако новой военной доктрины нет до сих пор; Ельцин, кроме обрывков каких-то, лохмотьев, ничего не предлагает в этом смысле российскому обществу.

Наконец, сфера нравственная. Я согласен, что уж если предстоит быть оппозицией, то это должна быть и нравственная оппозиция. Ведь посмотрите, с коррупцией перестали бороться, а политические деятели даже обосновывают допустимость и необходимость чего угодно. Попов в “Аргументах и фактах” говорит: можно брать взятки, только надо пределы установить цивилизованные, то есть от десяти до двадцати процентов от суммы сделки. Хапают квартиры, дачные участки, обзаводятся все лучшими и лучшими машинами — и это демократическая власть?! Секреты КГБ не раскрывают совершенно, провозгласили, что его архивы собираются передать в гражданские структуры — и ничего подобного не происходит. Существует “кремлевский” архив, к которому вообще никакого доступа нет, — бывший архив Политбюро ЦК КПСС. Ныне это архив нашего “демократического” президента Бориса Николаевича Ельцина — личный архив, никто туда без его ведома не вхож.

Если взять все это вместе, посмотреть, что в каждой из этих сфер происходит на всех уровнях, то, мне кажется, демократическая общественность ничего иного, кроме четкого “нет”, такой политике предложить не может.

Лариса ПИЯШЕВА:

Я задаю вопрос: нужен ли референдум для того, чтобы наконец отдать людям собственность. Референдум — это сейчас способ увести дело в сбор подписей, в большие дискуссии и расколоть, между прочим, общество на две группы, которые будут сталкиваться между собой. Провести референдум сейчас — это составить списки

тех, кто за Ельцина и кто против Ельцина. Почему? Потому что на один миллион подписей, которые будет собирать "Демроссия", найдется миллион подписей, которые будут собирать "красно-коричневые", чтобы объявить вотум недоверия Ельцину: у нас для этого достаточно большое население. Итак, мы имеем референдум на референдум.

Между тем, для того чтобы отдать людям землю, сегодня нет нужды проводить референдум. Демократическая мысль и демократические завоевания, насколько я понимаю, продвинулись так далеко, что можно просто отдать людям собственность, и для этого больше ничего не нужно. И не нужно предаваться иллюзиям, будто Хасбулатов мешает Ельцину и вообще демократам это сделать. Дело совсем в другом. Концепция, которая заложена в ельцинский вариант программы, не ведет к приватизации, и мы должны это четко и однозначно понимать. Гайдар нигде не сказал, что нужно отдать землю в частную собственность с ликвидацией колхозов и совхозов, — то, о чем мы говорили еще пять лет назад. Гайдар сказал, что постепенно колхозы будут коммерциализироваться и потихонечку сдавать землю частным структурам, которые будут потом переходить к новым условиям хозяйствования — вот его земельная программа.

Программа же приватизации промышленности: 25% неголосующих акций отдается работникам бесплатно, 20% голосующих пакетов во всех предприятиях оставляет себе государство. А дальше говорят, что это будут государственные холдинги, и они-таки будут государственными. А потом советник Малей говорит: разделим все предприятия, 60% их снимем с бюджета, а 40% будут приоритетными, военными, готовыми торговать оружием, и на вырученные деньги в течение 15 лет будем проводить конверсию.

Когда я была у Ельцина на приеме, он мне изложил именно эту концепцию. Он сказал мне: я уже направил своих представителей продавать самолеты за рубеж и договариваться о продаже вооружения. Значит, если будем укреплять эти 40% для того, чтобы они продавали оружие и на эти деньги поднимали нашу экономику, то получим то же самое, что имеем с момента индустриализации. Ведь для того чтобы 15 лет успешно торговать оружием на мировом рынке, нужно поддерживать конкурентноспособность этих отраслей. А значит, львиная доля инвестиций опять уйдет в ВПК. К сожалению, в мозгах у тех, кто осуществляет политику, ничего не произошло с тех пор, когда мы только начинали говорить о реформах.

Я беру на себя смелость сказать, что та реформа, которая проводится, реформой вообще не является. То, что называют либерализацией, не является таковой; то, что называют приватизацией, не является переходом к частной собственности. Ничто в этом плане не меняется. И если я смело писала о Павлове, когда он занимал самый высокий пост, что его нужно судить как уголовного преступника за развал денежной системы и его инфляционную политику, то фактически Гайдар делает то же самое, только про Гайдара говорят, что он демократический лидер, который поддерживается "Демроссией" из-за того, что делает все правильно. Он делает неправильно, и не надо строить иллюзий. Он проводит одновременно инфляционную и дефляционную политику. Это парадокс. В экономической истории такого не было нигде, ни в одном учебнике мы не прочитаем, когда, с одной стороны, фантастически быстро работает печатный станок и премьер нам каждый раз говорит, что мы не успеваем печатать

банкноты, поэтому у нас все плохо, а с другой стороны, проводится дефляционная политика, в результате которой все предприятия вот-вот просто-напросто останутся. И через несколько месяцев мы получим совсем не то, о чем заявляет правительство. Мы получим массовую безработицу, но не конъюнктурную безработицу, которая пройдет, а многомиллионную безработицу. Мы получим ступор экономики без всякой возможности выхода из него.

Я отвечаю на вопрос: что делать лично мне? Моя позиция в начале перестройки расходилась с позицией многих. Я говорила, что на пути компромисса, на пути социал-демократических реформ перспективы не существует. Существует четко либеральная позиция, и если мы ее принимаем, то в соответствии с ней и нужно делать реформу. Тогда в статье "Собственность и свобода" ("*Новый мир*", 1989, № 11 — Ред.) мы с Пинскером писали: собственность и свобода — вот вам начало и конец всех реформ, в том числе экономических. Приватизируйте собственность и запускайте полностью экономическую свободу, а дальше все пойдет само собой. И проводите жесткую денежную политику, и ничего другого с позиций государственного вмешательства и участия здесь не нужно. Это называлось тогда крайним радикализмом и всякими дурными, грубыми словами.

По-прежнему как стояла, так и стою на тех же позициях: прекратить эти смешанные, "плюралистические переходы", потому что они ни к чему, кроме как к развалу, не ведут, а сделать действительно радикальную реформу, то есть реформу собственности с предоставлением обществу свободы. Вот и все.

Что касается оппозиции. Либеральной оппозиции не создало в России, потому что вся "Демроссия" стояла и стоит на социал-демократических позициях. Именно потому, что "Демроссию" возглавляют "розовые", которые каждый раз повторяют: "В душе я социалист". Социалист — он делит. Он делил по карточкам, теперь он делит иначе, но тем не менее делит.

У оппозиции должна быть только одна основа и только одна платформа — это то, что сделали все экономические революции в мире: экономический либерализм, полная хозяйственная свобода и самостоятельность и быстрая, радикальная реформа собственности. Это не переход к плюрализму собственности, когда на каждом предприятии 20% акций принадлежит государству, что рассматривается как большой шаг вперед. Частная собственность — это когда предприятие является частным, государство же охраняет границы, занимается внешними и социальными делами.

На заседании "Московской трибуны" в ноябре я сказала Попову: Гавриил Харитонович, дайте нам, либералам, возможность провести в Москве либеральную экономическую реформу. И Попов сделал жест: пригласил проводить реформу, получив под нее особые полномочия у Ельцина. Но полномочия-то нашими либеральными именами были получены для того, чтобы передать их Лужкову и чтобы Лужков продолжал ту политику, которую он проводит, — совсем не либеральную.

Я считаю, что тот провал, который произошел в "Демроссии", — это результат сделанного ею выбора. И те лидеры, которые сегодня агитируют за референдум (Заславский, Боксер, Шнейдер), продолжают этому выбору следовать.

Еще раз повторю, этот референдум им нужен не для того, чтобы вернуть людям землю. Потому что Попову не нужно никаких референдумов, чтобы подписать распоряжение и начинать раздавать и продавать землю.

В. Селюнин: Лариса Ивановна, вы правильно сказали, что коммунисты, "патриоты" соберут миллион подписей за недоверие Ельцину. Значит, они будут проводить референдум, а мы заняли позицию: никаких референдумов. Но мы тогда проигрываем при любом исходе коммунистического референдума: если они спихивают Ельцина, то радикальнее его все равно никого нет. Если они проигрывают референдум, тогда Ельцину ничего не стоит разогнать этот Съезд уже при полной поддержке общества, и разогнать этот Верховный Совет. Мы получим ситуацию, когда никакого противовеса наступлению авторитаризма и диктатуры не будет. То есть мы проигрываем при любом исходе коммунистического референдума, если не противопоставим ему свой.

Л. Пияшева: Я за то, чтобы всеми силами заявить о необходимости быстро и радикально провести реформу по приватизации собственности и по возврату людям земли. Но этот вопрос — я утверждаю — вставлен в список вопросов референдума лишь для того, чтобы люди пришли голосовать. На него они ответят "да", но к нему будут пристегнуты еще три вопроса, которые всю ситуацию вывернут совершенно в другую сторону. В самом деле, голосуя за землю, мы будем голосовать и за то, чтобы переходить к президентской власти. А будет президентская власть, и сразу возникает то самое, о чем только что говорилось. При Горбачеве мы уже это проходили. Поэтому у меня большие сомнения относительно такого референдума. Я считаю, что для нас стоит один вопрос — основной: вопрос о собственности.

Проведем приватизацию и отдадим людям землю — значит, будем считать, что реформу провели и она необратима. Не проведем — что дальше? Будем отвлекать людей? Я посчитала в какой-то вечер: в программе "Время" восемь раз за 20 минут было произнесено слово "война". Все конфликты были перечислены — там война, здесь война, и уже говорят, что Россия готова объявить войну. Слова "свобода", "самостоятельность", "приватизация" — не были произнесены ни разу.

Бэла ДЕНИСЕНКО:

Я не совсем согласна с Леонидом Михайловичем в том, что у нас захламлено политическое поле. У нас захламлено левое крыло политического поля и крайне правое его крыло, но у нас остался правый центр, как мне представляется, ключевой сегодня для успеха реформ. Слева у нас - большевики, затем социал-демократы, Движение демократических реформ, "Демроссия", и на правом фланге — национал-социалистические силы. Правый центр почти свободен.

Согласна, что, экономическая реформа должна опираться на религиозно-нравственные изменения. Я рада, что встретила здесь Зою Крахмальникову, которую знаю по публикациям, и разделяю ее мнение, что без возврата к вере отцов, без возврата к традициям мы не сможем возродить Россию.

Здесь Юрий Николаевич говорил о возникновении национально-демократических движений. Но мы почему-то страшно боимся национальной русской идеи, мы ее пытаемся скрыть. Мы отдаем ее национал-социалистам. Мы боимся самого слова "патриотизм".

Национальная идея, ограниченная определенными религиозно-нравственными рамками, естественна и понятна. Задача российских демократов напомнить об этих рамках. Россия — почти мононациональная страна, потому что более 80 процентов в ней — русские...

Что касается экономической реформы. Согласна, что один из ключевых вопросов — это вопрос о частной собственности. Уверена, что сегодня при известном противостоянии Верховного Совета, Съезда, представительной и местной исполнительной властей решить вопрос о собственности, на землю в первую очередь, без референдума непросто. Референдум поддерживаю, кто бы ни выдвигал его идею.

Что же мешает проведению политики Гайдара? Да, процессы приватизации идут не так, как должны были идти. Но мы должны влезть в его шкуру и попытаться провести хотя бы на маленьком участке приватизацию — предприятий, аптек, каких-то других объектов. Сразу выясняется, что это труднее, чем критиковать. В этом я вас смею уверить, потому что сама пыталась и не сумела добиться хоть каких-то мало-мальских успехов при разработке проблемы приватизации аптек.

Сейчас на Верховном Совете заблокирован закон о банкротстве. Ни одно предприятие из тех, которые кричат, что экономическая реформа буксует и им трудно, не начало продавать свои фонды. Все кричат о голоде, но способы, которыми можно избежать тяжелейших последствий реформ, — не исчерпаны.

Социальные проблемы частично связаны и с кривым зеркалом, в котором они отражаются.

Мы совершенно забываем о профсоюзах, нередко выступающих в роли провокаторов. Кто заставил правительство повысить заработную плату шахтерам в три раза? Команда Клочкова. В 2 часа ночи они заставили Гайдара подписать постановление. То есть всей махиной ФНПР они надавили на правительство, угрожая забастовкой. И как следствие в угольных регионах резко упал уровень жизни людей, занятых в бюджетной сфере. Следом того же требуют уже другие отраслевые профсоюзы.

Устранили КПСС — остался переименовавший себя официальный профсоюз, фактически коммунистическая организация. Что мы сделали, чтобы ликвидировать систему официальных профсоюзов и дать возможность независимым профсоюзам прийти к жизни? Ничего. А ведь такие процессы уже прошли в странах Восточной Европы, в странах Балтии. И сделать это не очень сложно. Достаточно издать постановление Верховного Совета, отсекающее от профсоюзов фонд социального страхования, то есть убрать у них финансы, и они сами рассыплются. Это был бы реальный шаг в изменении политической ситуации. Не знаю ни одной страны — ни одной! — которая бы в период экономической реформы благоденствовала и расширяла свои социальные блага для народа. А какие шаги у нас? Если раньше жалкие пособия выплачивали детям до 3 лет, то теперь пытаются непременно до 14 и выше. Впечатление, что социалистический менталитет безумствует.

Появление в правительстве таких людей, как Хижá или Шумейко — это сдача демократических позиций правительством. И лозунг “Мир хижинам, война Хижам!”, я думаю, скоро выйдет на первый план. Это ползучая реставрация. Не сумели выбить правительство на съезде — намерены постепенно выбивать отдельные фигуры. Поэтому, на мой взгляд, сейчас нужно оставить лозунг условной поддержки тем реформам Гайдара, которые действительно должны иметь положительные последст-

вия, и нужно критиковать те позиции, которые тормозят эти реформы. В частности, следует стремиться влиять на кадровую политику, не допускать, чтобы в правительство вошли Вольский, фигуры типа Владиславлева и т.д.

Разумеется, безусловно поддерживаю идею создания газеты. Газета должна быть, и там должны звучать самые разные точки зрения. Но если мы будем говорить об отказе в своей поддержке правительству Гайдара, то при слабости других сил мы просто получим правительство более советское, чем оно сейчас есть, то есть правительство Бабурина, ну, и Вольского с ВПК. Поэтому нам нужно занять достаточно конструктивную позицию.

Понимаю, что, говоря о национальной идее, высказала мнение, которое здесь не популярно...

Владимир ЛОПАТИН:

Как мне кажется, ситуация в России 1992 года в целом повторяет ситуацию в СССР конца 1990 — начала 1991 годов. Причем повторяются та же расстановка сил, те же тенденции и те же ошибки.

У Горбачева в области военной политики было две главных ошибки.

Первая — он заявлял о переходе к рынку, об экономических реформах при фактическом сохранении монополии военно-промышленного комплекса, что напоминало попытку сдвинуть корабль, не вытащив якорь. И даже в 1991 году, когда ему нужно было ехать в Лондон и у него был проект на передачу в гражданскую сферу 200 предприятий ВПК в рамках бывшего СССР, этот проект даже не был заявлен. По сути дела, монополия ВПК оставалась прежней.

Вторая ошибка Горбачева заключалась в том, что он поручал решение военных вопросов самим военным. Это поставило страну на грань сверхмилитаризации, на грань угрозы военной диктатуры, захвата власти генералами.

Избежало ли этих ошибок руководство России сегодня? К сожалению, они повторяются с настойчивостью, поражающей каждого осведомленного и здравомыслящего человека. На военные расходы в 1992 году выделено 400 миллиардов рублей. Верховный Совет только проштамповал это решение, не рассмотрев ни одной из статей военных расходов, ни одну из доходных статей военного бюджета, тем самым удовлетворяя весь запрос ВПК и генералитета без всякого рассмотрения. В январе этого года, несмотря на отчаянные попытки небольшого демократического крыла в правительстве отстоять сокращение расходов на военные программы, решение вновь было проштамповано. Борис Николаевич сказал: надо выделить. И выделили на первый квартал 1992 года 54 миллиарда. Фактически же на сегодняшний день за этот период истрачено в два раза больше: более 100 миллиардов. И тот прием, о котором сегодня очень верно было сказано, — выделяется, допустим, 8 миллиардов на производство техники, а выпускается ее в 2—3 раза больше, — этот прием сегодня повторяется с завидной настойчивостью. Предлог, под которым выпрашиваются постоянно новые и новые миллиарды военных расходов, остается прежним: у нас в

заделе многие военные программы, нельзя все так сразу сокращать, нужно постепенно, вы профинансируете их, а мы потом будем сокращать... И вот это обещание “на потом”, отсутствие четкости и жесткости государственной политики по сокращению военных расходов приводит фактически к их росту. Аппетиты ВПК остались прежними, а позиции его сегодня в правительстве даже усиливаются.

С одной стороны, правительство не находит 30 миллиардов для того, чтобы повысить во втором квартале этого года зарплату медикам, учителям, работникам культуры, и повышает только по указу Президента за счет роста дефицита бюджета, а с другой стороны, штампуются расходы на военные нужды. Если такая политика будет продолжаться дальше, то армии защищать будет некого.

Конверсия, по сути дела, и не начиналась, идут лишь разговоры о ней. Намерения провести инвентаризацию военно-промышленных предприятий, выяснить, кто что выпускает, наметить конкретную, применительно к каждому предприятию, программу мер по переходу на гражданские рельсы пока остались до конца неосуществимыми.

Вот алгоритм действий в этой сфере, подтвержденный как нашими, так и западными экономистами.

Есть три группы предприятий.

Первая — предприятия, выпускающие продукцию смешанного, двойного назначения. При аттестации предприятий ВПК на территории России эта группа предприятий должна быть в обязательном порядке и немедленно передана в гражданскую сферу. Это нонсенс — выпускать гражданскую продукцию на военных предприятиях и ставить это в заслугу правительству: вот мол, предприятия ВПК освоили такую-то номенклатуру гражданской продукции. Должно быть наоборот: на гражданских предприятиях могут размещаться и военные заказы. Но дальше разговоров на эту тему дело не продвинулось. Правительство не передает эту часть предприятий в гражданскую сферу, чтобы и на них распространялась приватизация.

Вторая часть предприятий — те, что выпускают продукцию узкоспециализированную, чисто военного назначения в интересах будущей профессиональной армии России. Тут требуется определить, что мы финансируем сейчас, какие выбираем приоритетные направления, а что замораживаем на будущее. Лучше просто выплачивать рабочим зарплату, не выделяя средств на освоение новых мощностей, новых материалов, не перерабатывая материальные ценности на производство гор оружия, чтобы потом опять искать средства на его уничтожение. Эта работа также не проделана. У нас господствует принцип “всем сестрам по серьгам”, и ВПК именно эту позицию отстаивает: дайте нам средства на все нынешние разработки и программы, чтобы просуществовать, а потом мы определимся. А определяться нужно было еще вчера, еще в прошлом году. И, по всей видимости, здесь приоритетом могла бы стать следующая триада военной безопасности, определяющая структуру будущих вооруженных сил России. Это, во-первых, ядерное оружие как фактор сдерживания, при его значительном сокращении до 20 процентов от нынешнего уровня с опорой на наземную группировку. Второй элемент — высокомобильные силы, для чего требуются средства управления и средства доставки. Третий элемент — высокоточное оружие, прежде всего воздушного и морского базирования. Вот, по всей видимости,

только на эти элементы и должны быть отпущены средства, а все остальные программы заморожены, по крайней мере до независимой экспертизы (в отличие от ведомственной экспертизы бывшего Министерства обороны СССР).

Наконец, есть третья группа предприятий, в отношении которых сегодня уже ясно, что они неперспективны. Здесь нужно использовать тот международный опыт, который просто ломится в наши двери. А именно — закрывать эти предприятия, выделяя освобождающиеся средства на трудоустройство их работников. Но и это откладывается на завтра, хотя завтра было еще вчера.

Следующая ошибка — поручение решения военных вопросов самим военным. Об этом я первоначально говорил в беседах, в докладных записках. К сожалению, поскольку меры не принимаются, вынужден говорить и в прессе. Последние мои публикации — в "Известиях" и "Курантах", и я не буду повторяться. Единственное, что хочу сказать: пакет решений, который подписал Б. Н. Ельцин в мае этого года, может означать поворот во внутренней политике России. Этот пакет решений, связанных с военными вопросами и с перестановками в ближайшем окружении Президента, на мой взгляд, может вызвать серьезные последствия. Во-первых, это смена "команды", которая делала политику: "Бурбулис—Шахрай" на "Скоков—Петров—Грачев". Во-вторых, это больший упор на то, что ранее маскировалось, а сейчас выходит на первый план, — ставка на ВПК и силовые структуры. Третий элемент возможных последствий — ограничение гласности и сужение круга представителей тех общественных структур, которые были допущены ранее к подготовке и формированию политических решений. Сейчас мы наблюдаем воочию, что многочисленные структуры, которые были созданы в 1991 году вокруг Президента и институтов власти для формирования наиболее обоснованной политики, учитывающей различные точки зрения, все больше отторгаются от процесса выработки политических решений. И в связи с этим, — я был бы рад ошибиться, — как бы участь Гайдара не повторила участи Шаталина при правлении Горбачева: сыграть роль, отведенную ему для успокоения Запада, отечественных деловых кругов и общественности.

В условиях, когда сужается круг участников процесса выработки политических решений, особенно в такой важной сфере, как военная область, все решения готовит узкий круг лиц, который образуют сами генералы. Чем это грозит? Помимо всего прочего, тем, что при смене вывесок разложение армии будет идти дальше, армия перейдет рубеж, когда она станет вообще неререформируемой. Она и сегодня близка к этому, а к осени станет неререформируемой полностью.

Мы упустили время. Сначала упустили его, поскольку военные, вырабатывая политические решения для Горбачева, кричали, что профессиональная армия — это невыгодно, это дорого. Сегодня, через три года после того, как мы об этом сказали впервые, они соглашаются, что профессиональная армия — единственный выход, и Президент это подтверждает, но путь к ней продлен до 2000 года. А до этого времени нужно, мол, сохранить существующую систему, постепенно сокращая ее, то есть ничего фактически не меняя.

Сегодня взят старый план Генштаба образца 1990 года. С него стряхнули пыль, и он предложен в качестве основы военной политики — уже только для России, а не для СССР. Что это означает? Это означает сохранение существующей системы комплектования армии, существующей системы военного устройства, которая в силу

своей порочности сама себя разлагает. Нужно это генералам, и никому более. Это не нужно народу, не нужно призывникам, которые уклоняются от службы, не нужно офицерам, которые не желают служить в такой армии и последние надежды на перемены связывают с созданием вооруженных сил России. Но и эти надежды угасают.

Такое положение нужно сегодня только нашим генералам — чтобы сохранить свою власть, свои прежние привилегии, возможность получать звезды, звания, ордена и т.д. — а в российских структурах, к сожалению, продемонстрирована уникальная возможность получать все это не за годы, а за месяцы, перескакивая от генерал-майора до генерал-полковника, до генерала армии, и при этом ничего не делать. Не случайно, по-видимому, данные опроса, проведенные службой Б. Грушина, среди военных по отношению к Президенту России имеют такой большой разрыв. Среди высшего военного командования назвали Б. Ельцина наиболее влиятельной фигурой в марте — 37 процентов, в апреле — 76, мае — 80; тогда как среди офицеров войскового звена: в апреле — 60, в мае — только 44 процента.

Сегодня наши генералы объективно не заинтересованы в переменах. Они либо заняты поиском кресел в российских структурах власти, либо распродажей военного имущества оптом и в розницу. Ярких примеров тому сегодня можно приводить достаточно много — об этом были публикации в прессе. Если в период Отечественной войны о некоторых генералах говорили, что они армию предали, то сегодня о них говорят: армию предали и продали. И эта распродажа идет вовсю. В условиях, когда генералы занимаются не проблемами армии, а своими личными проблемами, будущее для многих офицеров неясно и они тоже заняты решением личных проблем. До 40 процентов офицеров сегодня заявили о готовности уйти из армии, уволиться. Знаете, кто останется в армии? Та, далеко не лучшая часть, которая вообще не способна на реформы. Какой сегодня конкурс в военные училища? Вообще никакого нет. Если раньше на 300 примерно выпускников военного училища приходилось 150—160 браков по его окончании, то сегодня всего 50—60. Престиж военного жениха упал и продолжает падать. А это один из объективных показателей отношения общества к военным.

Если мы желаем завтра иметь ту профессиональную армию, о которой сегодня заявлено, численностью в один миллион, то мы должны об этом думать сегодня, рассматривая армию не как самоцель, а как элемент стабильности общества и государства и как один из путей возрождения российского духа, российской государственности.

Почему я об этом столь подробно говорю? Потому что к этой ситуации причастны десятки миллионов людей в нашем российском государстве. Это 3 миллиона под ружьем, находящихся в армии России, это около 4 миллионов членов их семей. Это около 20 миллионов тех, кто работает в ВПК и так или иначе связан с военными заказами. Не принимать во внимание этот фактор, когда судьба каждого четвертого—пятого гражданина России связана с военной сферой, было бы неправильно. Но нельзя это превращать в самодовлеющий аргумент для оправдания позиции ничего-неделанья. Лимит времени исчерпан и кредит доверия на пределе.

Как повлиять на эту ситуацию, как убедить в необходимости перемен? Ведь сегодня идея гражданского министра обороны — все дальше и дальше уходит от нас. Институт гражданского контроля, о котором много говорилось и в период Горбачева, и в начальный период Ельцина, — тоже не реализован.

Опыт становления демократии при Горбачеве показал, что многое из достигнутого стало возможным благодаря наличию активной и конструктивной оппозиции руководству. Какая сила может играть эту роль при Ельцине?

Во-первых, казалось бы, политические партии. Это традиционно для Запада, но вряд ли в ближайшие год—два станет эффективным средством для нас.

Я приведу результаты опроса, который проводился в Вологодской области. Как показывает практика двух лет социологических исследований, показатели, характерные для этой области, совпадают со средними по России. На вопрос, какие действия могли бы сейчас предпринять граждане, если их не устраивают решения органов власти, 45 процентов опрошенных готовы в той или иной форме участвовать в политических действиях, то есть почти каждый второй. И по целому ряду показателей видно, что политическая активность провинции не совпадает сегодня с той, которая характерна для Москвы. На местах, в регионах все идет с отставанием примерно на 3—4—5 месяцев. Если здесь пик активности спал, то на местах она как раз набирает силу. Это необходимо учитывать. Вот как раскладываются эти 45 процентов готовых участвовать в политических действиях при несогласии с решениями органов власти: 15 процентов готовы участвовать в разрешенных политических акциях (митингах, демонстрациях, пикетировании); 13 — в стихийных митингах, политических забастовках, несанкционированных акциях протеста; 9 — в индивидуальных политических действиях (жалобы, письма протеста, обращения). И только 7 процентов — бороться через политические партии. Ожидать, что в течение этого года, который принципиально важен для России, можно повлиять на ход событий через политические партии, было бы неправильно. Это не соответствует общественным настроениям на местах и реальной ситуации.

Во-вторых, была надежда на противовес в лице сильной законодательной власти. Но сегодня наши законодательные органы лишь штампуют те решения в области военной политики, которые уже приняты исполнительной властью. Ни одного законодательного решения в военной области Верховный Совет самостоятельно не принял. Он оглядывается на то, что ему скажут. А я уже говорил о механизме выработки политических решений в военной сфере. До сих пор отсутствует элементарный парламентский контроль по этим проблемам. Среди требований к Верховному Совету приоритетным является, с одной стороны, выработка и законодательное закрепление механизма и процедур осуществления политического и гражданского контроля за военной сферой, а с другой — правовое упреждение очередных шагов исполнительной власти в этой области. Большого желать от Верховного Совета, пожалуй, не приходится. Поэтому я согласен с теми, кто говорит, что нужна еще одна сила, которая могла бы повлиять и на соотношение властей, и на процедуру принятия решений.

И — это в третьих — формирование блока патриотических сил с целью объединения в широкое демократическое движение с новым ядром, о котором здесь говорили выступающие — "вторая волна", "новое диссидентство" и т.п.

Я согласен с тем, что у демократического движения сегодня отсутствует нравственный ориентир. Сформировать его — одна из первоочередных задач и проблем нашей интеллигенции. При этом важно перевести на здоровую основу как национально-патриотические идеи, которые оседлали сегодня красно-коричневые, так и формы гражданских ненасильственных действий, выражения протеста, которые активно эксплуатируются лидерами советских профсоюзов.

В вышеупомянутом опросе меня привлекли цифры: 15 и 13 процентов — это в сумме 28 процентов (из 45), то есть почти две третьих тех, кто готов участвовать в каких-либо политических действиях, намерены делать это через митинги, демонстрации, пикетирование и т.д., как разрешенные, так и не разрешенные. Эта форма сегодня используется — об этом хорошо говорила Денисенко — профсоюзами, лидеры которых выступают зачастую в качестве провокаторов, чтобы набрать политические очки и удержать свою власть. Но как сегодня используются эти способы действия демократическими силами? По сути дела, никак. Кстати, за рубежом профсоюзы имеют порой большее влияние, чем политические партии.

И последнее замечание. Здесь была высказана идея газеты, я ее не оспариваю, но сегодня газеты мало кто читает. Поэтому было бы перспективнее — если думать о сколько-нибудь серьезном общественном влиянии — попытаться выйти на телевидение с программой, которая могла бы предложить какие-то новые подходы для разрешения наших проблем.

Леонид ГОРДОН:

Я не согласен с очень многим из того, что говорилось Леонидом Михайловичем по части анализа политической ситуации и выхода из нее, но прежде всего я хотел бы внести какие-то дополнения и уточнения к тому, с чем согласен, потому что согласие тут несравнимо важнее.

Согласие касается в первую очередь мысли о важности газеты. Кое в чем я бы эту мысль дополнил. Первое из дополнений — это чтобы газета, о которой идет речь, пыталась не только построить мост и какую-то основу поиска друг друга и единения интеллигенции, но и стремилась к единению с тем новым, независимым и демократическим, что есть в рабочем движении. Нам очень мешают аллюзии, стоящие за словами. За выражением “рабочее движение” у российской интеллигенции стоит некое ощущение идеологии большевизма, причем большевизма в его самой вульгарной форме. Но сегодня за рабочим движением стоит народ. Ведь в сегодняшней России народ, аналогичный народу старой, классической литературы, — это не крестьянин, а в гораздо большей мере рабочий, инженер, учитель... И мне кажется, что в обозримом будущем в России нет никакого другого пути вовлечения реального народа в активную общественно-политическую жизнь, другого пути создания чего-то вроде “Солидарности”, кроме как через единственные сохранившиеся социальные ячейки — трудовые коллективы.

"Круглый стол"

"Трудовые коллективы" как агитпроповское словосочетание у меня ничего, кроме тошноты, не вызывает. Однако реальность, которая за ним стоит, — это одна из немногих живых социальных ячеек в пустыне, выжженной десятилетиями госсocialизма. Ну, может быть, полуживая, но живее нет. Все знают, какие усилия нужны, чтобы созвать территориальное собрание, и как это все равно будет малоэффективно; и как сравнительно легко это сделать на предприятии. Организация движения через предприятия, где люди совместно работают и защищают свои интересы, — это и есть то, что мы называем рабочим движением. А через близкие интересы они подходят и к интересам далеким. Тем более, что вопреки расхожим мнениям солидарность общественно-политическая, какой бы слабой она ни была, зачастую оказывается сильнее, чем солидарность, так сказать, профессиональная. В прошлом году, чтобы поддержать Ельцина, шахтеры бастовали — "лежали", как они говорят, по два—три месяца. А вот когда начинаешь их спрашивать, будут ли они стоять за товарища, которого выгоняют? — такой ясности нет. За "мужика" из своей бригады будут, на счет человека с соседней шахты — еще подумают. Так что это все достаточно сложно, но лучшего-то нет. А руководство демократического рабочего движения — действительно просто замечательные люди. И я бы очень хотел, чтобы предлагаемая газета преодолела интеллигентский снобизм и проявляла интерес к рабочему движению...

Л. Баткин: Шла же речь о дешевой массовой газете.

Л. Гордон: Тем лучше. Я надеюсь также, что газета, говоря ленинскими словами — а здесь его опыт стоит вернуть, — станет, организатором, поможет созданию среды, ячеек, трибуны... Очень важно, что в ней будет написано, но еще важнее — чтобы это было пространство общения, кристаллизации идей. Не в копейке дело, не в том, чтобы рабочие легко ее прочли, а важно, чтобы рабочие лидеры были там наравне со всеми нами, чтобы они не воспринимали интеллигентов как учителей, но как товарищей, советчиков, консультантов, как равных с равными.

Второе уточнение. Я глубочайшим образом согласен с тем, что здесь говорилось о нравственной, этической стороне дела. Но совершенно не согласен, что эта этическая сторона должна быть подчеркнута религиозной. Она действительно должна быть открытой, свободной. И боюсь, что это утопия — организованным образом создать государственную нравственную программу. Можно помогать тому, что в этой области происходит органично, естественно. Дух дышит, где хочет... И, конечно, стоит всемерно подчеркивать важность, приоритетность нравственного развития — тут я с Зоей Александровной совершенно согласен. Правда, все время вспоминаю: кесарево — кесарю, а это значит, что Нагорная проповедь не должна прилагаться к переговорам между генералами, о которых говорил Лопатин, и Ельциным. Там будут и политические трюки тоже. Важно, чтобы кесарево не слишком перевешивало.

Очень существенно в такой газете: не бояться говорить непопулярные вещи, настойчиво утверждать нравственные ценности при разрешении межгосударственных, межнациональных проблем.

Мне кажется, газета эта должна быть очень широкой, но, естественно, не безбрежной. Сегодняшнее общество наше расколото не только в социальной, но и в ценностной сфере, и есть ценностные ориентации, несовместимые друг с другом. Поэтому, кроме общедемократических ориентаций, очень важно в этой газете, в этом круге людей, с которыми я бы хотел общаться и надеяться нащупать какую-то

истину, — осознание того, что жизнь оказалась гораздо сложнее, чем это следовало из наших писаний. Необычайно важно, чтобы газета способствовала созданию почвы, где не удерживается плоское убеждение всеобщей простоты и ясности, где растет понимание того, что мы очень многого не знаем. Я бы хотел, чтобы вокруг газеты было какое-то соединение людей, которые искренне понимают, что совсем не все ясно. И это не случайно, ибо неясность вытекает из того периода, в котором мы находимся, (называйте его революцией или преобразованием, неважно) — из этой смены строя общества, сопровождающейся мощным процессом дезинтеграции.

Мы не можем, к несчастью, его остановить. Может быть, это можно было сделать два—три года назад — не знаю, думаю, что и тогда было нельзя. Госсосоциализм — это конструкция, в которой все части оказываются избыточно прочно соединены, и ее разрушение невозможно было осуществить посредством планомерного демонтажа. Но если и было можно, то раньше. Сейчас об этом говорить наивно, как наивно сейчас говорить о правительстве, что оно должно поступить так или эдак. Оно не может поступить ни так, ни эдак, то есть оно может произнести любые фразы и издать любые директивы, вопрос только в том, кто их будет выполнять?

Важнейшей идейно-методологической основой оговариваемой здесь оппозиции должно быть различие поэзии и прозы, понимание, что, в отличие от поэзии, в общественной реальности невозможное — невозможно и дорога дальняя — дальняя, а не близкая. На таком основании можно надеяться, что через какое-то время вырастет и единство, и понимание.

Последнее относительно оппозиции. По-моему, дело обстоит гораздо сложнее, чем просто противопоставление или отказ от поддержки. Здесь не отделаться фразами — “полная оппозиция”, “условная оппозиция”, “условная поддержка”. Ситуация требует — это звучит очень гнусно — как бы двуслойного, но открыто двуслойного подхода, потому что проблемы и разногласия реальных социальных и политических сил в современном обществе не одноуровневые, а двухуровневые. Движение к рыночно-демократическому обществу еще не стало необратимым. Выход из ямы госсосоциализма еще не завершен. Разумеется, неверно говорить, что ничего не изменилось. Колоссально изменилось — мы живем сейчас в другом мире. Но, увы, пока что ничто не гарантирует нас от реставрации, от возврата во вчера. Основной конфликт в обществе (сознается это людьми или не сознается), основное деление — это все-таки противоборство тех сил, которые (хотят они этого или нет) толкают общество назад к госсосоциализму, и тех, которые пытаются из этой ямы выбраться. Я думаю, нынешнее правительство, при всех его огромных недостатках, по меньшей мере не мешает выбираться из ямы, оно противится движению назад. А дальше основанной дивергенции: вперед — назад, к госсосоциализму — против госсосоциализма, — дальше начинаются серьезные различия между теми, для кого, например, при движении к рынку и демократии приоритетом оказывается сохранение государственности. Они, казалось бы, в рамках рынка. Но, забывая о двухуровневом строении сегодняшних проблем, о том, что есть деления самые важные (за госсосоциализм или

против) и деления менее важные (например, союз или независимость государства), они оказываются вместе со сталинистами и фашистами в самом основном. Боюсь, что упрощение может привести на противоположную сторону и тех, кто пытается в движении к рынку минимизировать угрозу бонапартизма, любой ценой сохранить в этом движении полную, неурезанную демократию. По-видимому, здесь многие из таких людей присутствуют, я бы сам хотел быть в этой группе. И тут, если забыть, что главная опасность все еще угроза реставрации госсocialизма, можно попасть в ситуацию, когда, если воспользоваться строчкой Пушкина, "в Булгарина наступишь".

Поэтому отношение к правительству должно, по-моему, быть примерно таким. Первое — политическая поддержка в противостоянии сторонникам реставрации и фашистам, а уже потом оппозиция, борьба внутри общего противостояния политики правительства. Опыт борьбы с фашизмом ясно показывает ошибочность красивых фраз о том, что посредством оппозиции нерешительному правительству, дескать, можно обеспечить его противостояние тоталитарности. История доказала, что "решительные" антифашисты вроде немецких коммунистов, обрушившиеся на "нерешительных" "непоследовательных" социал-демократов и голосуя против них вместе с нацистами, только помогли Гитлеру.

Л. Баткин: Остается доказать, что это правительство противостоит госсocialизму.

Л. Гордон: Разумеется. Но доказать ведь надо и противоположное. Мне кажется, что события, связанные, скажем, со всем VI съездом, все-таки показали, кто есть кто...

Л. Баткин: А свою программу они показали?

Л. Гордон: Да у них нет программы...

Л. Баткин: О! Все!

Л. Гордон: Но вам кажется, что она есть у вас?

Л. Баткин: В 1990 году было то же: вроде Горбачева бьют справа, хотят убрать, вот-вот, говорят, уберут, а потом вдруг все кончается пшиком. Потому что Горбачев — и был их вождь...

Л. Гордон: Какой Горбачев их вождь, когда он оказался в Форосе! Я думаю, кстати, что если бы более единодушно поддерживали Горбачева, то и дело было бы, возможно, более благоприятным. Но одна из самых бесперспективных вещей — это говорить, что было бы, если бы... А вот сегодня совершенно ясно, по-моему, кто сторонники реставрации госсocialизма, чего они хотят, — и кто противники. Противники реставрации в основном, в центральных политических проблемах, а вовсе не в деталях вроде форм приватизации или организации исполнительной власти.

Л. Баткин: Три месяца назад я думал так же, теперь думаю иначе. Уверен, что через три месяца вы будете думать, как я сегодня.

Л. Гордон: Завидую вашей уверенности. Увы, пока некоторые из моих предположений о последствиях упрощенной бескомпромиссности оправдывались. Лучше бы мне ошибиться.

Владимир БИБЛЕР:

Я считаю, что России сейчас по горло необходима ответственная гражданская мысль как основа самостоятельных гражданских инициатив. Необходимы мысль и инициативы, исходящие из идей развитого гражданского общества, самостоятельные по отношению к правительству и — шире — государству. Наилучшей организационной формой такой самостоятельной гражданственности может стать газета.

Суть нашей оппозиционности — это просто ответственная интеллигентность (дай Бог, чтобы она укоренилась в каждом из нас). Наши ключевые слова: не “Долой правительство!”, не “Поддержим правительство!”, — но пушкинское твердое: с а м о с т о я н ь е . В отстаивании двух основных задач: углубление самой концепции демократических преобразований как социальной трансформации и развитие коренных основ гражданского общества. Обществу насущно осознать, что в мрачных миазмах нацистски-имперского соблазна возможен ясный, чистый просвет: идея гражданственности. Образ жизни гражданина. *Не* подданного. И *не* “идейного” бандита.

Чтобы яснее была эта мысль, сосредоточу вначале свои соображения на одном, казалось бы, частном, а по сути дела — существеннейшем споре, в котором фокусируются все проблемы. Это спор о референдуме. Говорят нам: на референдуме мы должны отбить атаки правых и выступить за существующую власть, чтобы она могла проводить более последовательные реформы. Я думаю, что реальный вопрос референдума: дать ли сверхполномочия Ельцину и его команде для проведения этих реформ.

Но надо вдуматься — как возможно сегодня проводить реформы? Вдуматься всерьез и немедленно. Дело в том, что нынешняя политическая власть не только не способна, на мой взгляд, без оппозиции проводить реформы, но неизбежно искажает саму их суть. И не потому, что она плохая, не потому, что Ельцин не хочет реформ (давайте соблюдать презумпцию доверия к своим оппонентам), а по ряду объективных обстоятельств.

Вот тут Василий Илларионович говорил, что большевизм, коммунизм означает не что иное, как отрицание частной собственности. Не будем вдаваться в глубокие теории, но российский большевизм имеет в качестве своей основной идеи отнюдь не ликвидацию частной собственности на землю и предприятия. Он имеет своей глубинной идеей следующую мысль: любую идею можно претворять в жизнь лишь путем мощной государственной власти сверху, осуществляющей — если придется, то и насильем — оные реформы.

Вера в то, что можно строить, особенно сейчас, общество демократическое, общество частной собственности, общество с приоритетом личных прав путем возрастания роли исполнительной власти, глубинно порочна и опасна. При всех объективно великолепных желаниях Ельцина и его команды он в этом отношении остался большевиком, в этом же он смыкается и с крайне правыми, имперскими, шовинистическими силами. Вот страшная презумпция: власть, которая все может, которая может

осуществить любую идею. Дело в том, что при самых лучших начальных побуждениях неизбежно происходит подмена: идеей оказывается сама власть, ее удержание. Змея кусает себя за хвост. Так, сутью партии становится "партийное руководство", во имя чего — не важно; партия должна укрепиться, чтобы проводить реформы, а там кто-то мешает, значит, нужно прикрыть ему рот, и вот — власть ради власти.

Теперь — другая сторона дела.

Каким образом сегодняшняя политическая власть может быть сильной? Давайте думать спокойно и откровенно. Она сегодня опирается не на те социальные силы, о которых всегда говорит, — не на трудовые коллективы, рабочее движение, какие-то социальные интересы. Она сегодня, чтобы быть сильной, должна опираться прежде всего на армию, на ВПК, который является не только индустриальной силой, но гигантской экономической мощью. По сути дела, наш социализм — это псевдоним экономики ВПК. Значит, чтобы он сохранял лояльность, нужно его укреплять за счет продажи оружия (то есть развития внешнего рынка за счет внутреннего). Начинается вновь и вновь крен к этой невероятно страшной и мрачной силе, потому что за ней стоит традиция. Далее. Эта власть может быть сильной, если она опирается на опытный бюрократический аппарат. А это тот самый партаппарат, который действует так, как действовал десятки лет. Не потому, что все они плохие люди: они так привыкли работать. И вот Ельцин назначает своими представителями в провинции опытных аппаратчиков. Закрепляется нам давно известный бюрократический монстр. На него и опирается власть. Наконец, на госбезопасность, потому что правительству необходимо знать, что в мозгах делается: сегодня граждане выступают как нужно (правительству?), а завтра, черт его знает, что эти граждане подумают и что совершат... В результате реальной почвой власти, которая изначально хотела быть демократической, оказывается гигантская и все возрастающая антидемократическая сила.

И еще одна причина, почему самой власти необходима конструктивная оппозиция, почему эта власть без серьезной, думающей самостоятельной гражданской мысли оказывается опасной силой при самых лучших своих намерениях. Это то, что можно ради краткости назвать нравственной стороной, о чем говорила Зоя Александровна. Сегодняшняя форма популизма - - это не только отход от нравственности, это — сигнал очень глупой и вредной политики. "Я сам не считаю, конечно, что не нужно давать автономии немцам Поволжья, но ведь наш народ шовинист, нужно ему подыграть, поэтому приходится так выступать". Или: "Я знаю, в чем моя настоящая программа, — думает Гайдар, — но сегодня об этом говорить нельзя". И вот безнравственность разъедает изнутри эту политику, делает ее не стратегической, а сиюминутной. И тут вылезает страшная рожа шовинистическо-имперской и коммунистической угрозы. Потому что на какие массовые идейные силы можно сегодня опираться? Демократическая идея у нас во многом оказалась за эти годы скомпрометированной, а тут такая мощная идея — вот она рядом, сбоку лежит. Причем моментально искажается все доброе, что связано с патриотическим чувством: глубинные русские культурные традиции, идеи нравственности, которые заложены в христианстве. Потому что это все становится лишь *средством* для достижения цели — власти. А раз средство, то это уже не то, что является нравственным и, скажу как философ, что является разумным. И вот человек, очень, я думаю, честно желающий

своей стране добра, Ельцин, все более подходит к союзу с теми, кого мы называем крайне правыми, имперскими, шовинистическими силами — силами очень страшными для нашего настоящего и будущего.

Совершенно верно говорит Лариса Ивановна Пияшева, что основная проблема сводится к двум вопросам: частной собственности (понимаемой очень широко — как собственности “на себя”, на свою внутреннюю активность) и свободе, причем эти понятия смыкаются. Но по обстоятельствам, которые я изложил, и по многим другим правительство Гайдара, которое тоже, я думаю, честно хочет выступить против госсocialизма, каждый раз останавливается на полпути из-за боязни задеть интересы номенклатуры, бюрократии, имперские интересы. Все это заставляет правительство проводить узкую монетарную реформу, финансовое оздоровление, но не изменение социального строя, не приватизацию, связанную с коренным изменением форм собственности. Хотя бы потому, что сильная власть будет сильна еще при одном условии — пока она сохраняет в своих руках какие-то рычаги собственности. И вот они сохраняются — для того, чтобы когда-нибудь мы вплыли в светлое будущее рыночного капитализма. Но мы-то, интеллигенты, можем вдуматься в реальную ситуацию. А она оказывается страшной.

Дело не столько в известной коллизии между исполнительной и законодательной властями. Но эти необходимые противовесы нормально, демократически работают в государстве, где сама государственная власть имеет противовес в виде гражданского общества, в виде самостоятельных индивидов, которые не поступятся своей совестью, в виде реально существующей мощной оппозиции. И не надо бояться этого слова. Не надо путать его с митингами у “Останкино”. Без слова “оппозиция” нет еще демократии. Нет сильного, демократически сильного, правительства. Дело не в оппозиции ради оппозиции, дело в том, что оппозиция имеет то преимущество, которое составляет и ее слабость: пока я в оппозиции, мне легче критиковать. Мне скажут: а попробуй-ка сам. Когда я сам буду осуществлять свою программу, я, как лейбористы, наверное, от очень многого в ней откажусь. Но этот радикализм оппозиции является основой нормального социального движения вперед. А мы каждый раз — и даже сами стали привыкать — попадаем на такую вот удочку прессы: центру, мол, грозит оппозиция справа и слева... Да как их можно ставить на одну доску?!

У нас пока вообще нет никакой “левой оппозиции”, которая всерьез размышляет: а что такое рыночный капитализм, что такое рыночное социальное хозяйство? Которая заглядывала бы вперед “безответственно” с точки зрения непосредственной политической власти, но ответственно — в смысле нравственной ответственности — вела бы дело вперед. Нет ответственной гражданской инициативы. Как можно отождествить призывы к свержению законно избранной власти с указанием на коренные недостатки той же власти, например в осуществлении приватизации? Кстати, я не согласен с жестким противопоставлением приватизации социал-демократизму. В наших условиях очень существенной является опора на трудовые коллективы, на социальные интересы рабочих. Возможно, требование коллективной собственности — промежуточное. Пусть. Совсем не беда, если коллективный собственник (коллективный частный собственник, потому что каждый индивид может забрать свою долю) прогорит и заменится просто частным — это уже дело рынка... Как видите, существуют объективные трудности, которые действительно часто вынуждают госу-

дарственное руководство отходить в поисках силы для реформ все дальше от реформ во имя Силы, в реформах не заинтересованной. Действительно, мучительная ситуация.

Я говорю об этом столь детально, чтобы подчеркнуть основную для меня мысль: только серьезная гражданская оппозиция может стать основой собирания иных сил — глубоко и органично заинтересованных в реформе, сил не столько государства, сколько — гражданского общества. Таких социальных сил, как коллективы трудящихся, заинтересованные в истинной приватизации индивидуально-долевого характера (создание среднего класса), рабочее движение, замешанное на идее продажи "своего" угля или продукции "своих" заводов. Наконец — возникающий фермерский слой. Именно такое движение — снизу, из недр общества — предотвратит социальный взрыв и *облегчит* деятельность "правительства реформ" в той мере, в какой оно хочет быть правительством глубокой социальной трансформации, "сотрудником" общества в изменении форм собственности.

Перейду ко второму блоку своих соображений. В статье, печатающейся в нашем сборнике, я говорю о том, что демократия — очень трудная идея, потому что она не сводится к одной, единственной, всеобъемлющей идее. У каждого она своя. Но есть демократизм — как образ жизни и отношений. Да, идея демократии действительно трудно уловима, но это не мешает ей заключать в себе вполне определенное содержание, а нам — констатировать, что деятельность наших властей и демократических организаций все больше и больше подрывает и компрометирует идею (образ жизни) демократии. Массы разглядели очень хорошо: у "демократии" нет своей подлинно демократической программы, а "демократы" ведут далеко не демократический образ жизни. Они ведут себя безнравственно, они хапают. И дело тут не в каких-то чисто морализаторских соображениях: аскетизм демократических властей — это спасение сути демократизма. Крайне важен демократизм личного поведения, начиная от демократизма поведения с другом, с работницей, с секретарем, кончая тем, о чем я полушутя сказал в упомянутой статье: настоящий демократический политик тот, который, получая власть, переезжает из четырехкомнатной квартиры в двухкомнатную. Это не значит, что он должен переезжать обязательно, но важно, чтобы был у него такой импульс.

З. Крахмальникова: Ему должно быть стыдно хотя бы.

В. Библер: Конечно. И потому повторяю то, что сказал вначале: перед нашей будущей газетой стоят две задачи. Первая: становление и развитие сильного структурированного *гражданского* общества, по сути своей всегда не совпадающего с властью. И вторая (кажется, Зоя Александровна, вы уже использовали это слово): *концептуализация* демократии. Мы не обдумываем ее, не выясняем, не сомневаемся, мы не спорим между собой — концепция не развита. И первое, и второе, о чем я сказал, говорит в пользу того, что сегодня — как ни странно, или, может быть, как раз это не странно, — я думаю, демократической гражданственности крайне важно возникнуть именно в форме газеты, которая являлась бы органом постоянного раздумья, уточнения, развития концепции, развития сил гражданского общества, с привлечением к активному сотрудничеству рабочего движения и других социальных сил.

Л. Баткин: Кстати, поэтому газета, а не телевизор.

В. Библер: Поэтому газета, а не телевизор, совершенно верно.

Ю. Афанасьев: Ну от телевизора тоже не отказались бы.

В. Библер: Нет, конечно, но это совершенно другого типа организация. Вот говорят: желательно, чтобы наша газета стала выразителем всех направлений нашего демократического движения. Нет, все представители нашего движения должны, конечно, участвовать в гражданском обществе. Но намечаемая газета — это газета определенной и четкой социальной позиции, и она откровенно говорит, что она не независима от этих воззрений. Она эти убеждения развивает, углубляет.

З. Крахмальникова: Мозг и совесть оппозиции.

Л. Гордон: Так вы сами себя объявляете мозгом, да еще и совестью?!

В. Библер: Нет, скорее всего мы не окажемся мозгом и совестью, но мы должны поставить цель развивать совесть и гражданскую волю в наших согражданах. Конечно, полностью эта цель никогда не достижима. Это как горизонт. Да, и не надо стремиться быть “коллективным мозгом”. То, что я говорил о гражданском обществе, подразумевает человеческое внутри индивида. Прежде всего. Мы хотим, чтобы в этой газете каждый сохранял свою совесть и свой ум. При том, что я во многом, скажем, согласен с Баткиным, у нас отдельные умы и очень во многом не похожие. В этой газете их различия должны сохраняться, а не сливаться в какое-то месиво.

Я не думаю, что наши идеи являются утопией. Если мы как следует возьмемся за это и привлечем необходимые деньги, то, думаю, уже первые два—три пробных номера начнут спланивать демократическую общественность. А торопиться надо, потому что я не уверен, будет ли возможность выпускать такую газету к концу года, если мы не начнем сейчас.

Валерий АБРАМКИН:

Мне хотелось бы продолжить тему, начатую Зоей Александровной, — о засилье большевистской субкультуры. Она включает в себя не только какие-то образцы поведения, действия, нормы или ценностные установки, но и конкретную технологию функционирования. Мне проще привести иллюстрации функционирования этой субкультуры из области, мне хорошо известной — тюремной. Вот свидетельство одного из узников пыточной тюрьмы под поэтическим названием “Белый лебедь”.

“Бить могут раз десять на день, могут и ночью, бить просто так, ни за что; когда есть ”за что”, вообще забывают. Из людей делают послушное стадо. Работа грязная и тяжелая, делать ее надо бегом, а иначе получишь палкой по хребту. Зимой выгоняют в прогулочный дворик в одних трусах. Бывало, и замерзали насмерть. Долгие нечеловеческие крики, от которых мурашки и волосы дыбом, слышать приходилось довольно часто”.

Вторая иллюстрация. Согласно официально опубликованным данным, заболеваемость туберкулезом в местах лишения свободы бывшего Союза в 17 раз, а смертность в 10 раз выше, чем на воле. В настоящее время количество больных туберкулезом на территории России среди заключенных достигает 80 тысяч человек, из них 20

"Круглый стол"

тысяч — в открытой форме. Причиной являются, естественно, и тяжелые бытовые условия, и невыносимая работа и т. д. Но вот одна из рабочих гипотез, сформулированная на основании получаемых нами материалов. Высокая заболеваемость туберкулезом является результатом целенаправленных действий персонала, существующей пенитенциарной политики и практики, направленной на уничтожение определенных групп заключенных. Если эта гипотеза подтвердится, наши лагеря могут быть названы лагерями уничтожения.

Какова практика? Во многих тюрьмах и лагерях используются при строительстве зданий для наказания нарушителей — ШИЗО, ПКТ и карцеров — специальные строительные технологии, создающие в этих помещениях, камерах повышенную влажность, плохую вентилируемость, низкую температуру зимой и повышенную летом. Например, в бетон или раствор при строительстве подмешивается соль или другие химикаты. Это я сам видел, когда сидел в лагере. Располагают пол ниже уровня земли, прокладывают гидроизоляционный слой рубероида так, чтобы все грунтовые воды попадали в камеру. Когда прибываешь в лагерь, администрация тебя встречает примерно таким предостережением: "Будешь возникать — привьем туберкулез". Это не просто запугивание. Когда я в 1985 году сидел в камерах ШИЗО, ко мне весной постоянно подсаживали заключенных, больных активной формой туберкулеза. Имеются свидетельства о том, что в пищу им подмешивали сами бактерии, то есть мокроту, которой отхаркивались больные открытой формой туберкулеза.

Это происходит не в 30-е годы, не в хрущевские, не в застойные, не в перестроечные даже, это происходит сегодня. Через эти пыточные тюрьмы, через эту систему пыток и издевательств за год пропускают десятки тысяч человек. По определению Нюрнбергского процесса, это называется "преступление против человечества". Его совершают не Берия, не Щелоков даже, его совершают нынешний министр внутренних дел, нынешний генеральный прокурор России, и их место тоже рядом с нацистскими преступниками: им, сегодняшним, сегодняшней власти. Я ее называю бандитской властью.

Помимо армии, о чем хорошо говорил Лопатин, пороховой бочкой является и ГУЛаг. Когда мы пытаемся прогнозировать события ближайших месяцев, мы должны учитывать, что в России — один миллион заключенных. Всего через тюрьмы и лагеря бывшего Союза за последние 30 лет, по нашим подсчетам, прошло 60 миллионов человек. Это самая скромная оценка. Думаю, на самом деле больше. Ведь еще в 1985 году у нас было три миллиона заключенных на территории Союза.

Реплика: Это надежная статистика?

В. Абрамкин: Да. Хотя, конечно, не та, которую дает Минюст. Например, в число заключенных Минюст включает только тех, кто отбывает срок в лагерях — в 1991 году — 535 тысяч человек. Не считают подсудимых, которые сидят в тюрьмах, — 150 тысяч человек, не считают "химиков", ссыльных, хотя по всем международным стандартам это заключенные. Не считают находящихся в спецпсихбольницах, дисбатах, ЛТП и т. д. Если посчитать всех, то к цифре, которую дают МВД и Минюст, нужно прибавить еще столько же.

Повторяю, ГУЛаг является пороховой бочкой. С октября прошлого года по тюрьмам и лагерям России идут массовые выступления заключенных. Они порой приобретают кровавый характер. Например, в Красноярской колонии, где я в свое

Яков Бергер

время сидел два с половиной года и где осенью прошлого года провел 10 дней в качестве руководителя группы экспертов ВС РФ, вспыхнуло вооруженное восстание двух с половиной тысяч заключенных. Оно продолжалось 40 дней. Выступили две с половиной тысячи вооруженных людей — холодное и огнестрельное оружие, вплоть до автоматов Калашникова, бомбы, баллоны... И все это в центре жилого массива. Им противостояло полторы тысячи войск. Это было настоящее боевое сражение. А в Красноярском крае — 70 тысяч заключенных! Что если бы они восстали одновременно?

Эти выступления продолжаются до сих пор. По нашей оценке, к осени можно ждать в ГУЛаге второго взрыва. Попробуйте представить, на что способен миллион молодых (сидят в основном молодые), активных вооруженных людей, многие из которых имеют психические отклонения (по статистике, 30% страдают психическими заболеваниями), и каков это может оказать влияние на положение в стране.

Но власти на эту ситуацию никак не реагируют. Мы представляли в комитеты Верховного Совета целый пакет предложений по стабилизации ситуации в ГУЛаге. Однако тот Верховный Совет, который есть, он просто неэффективен, хотя бы по своей структуре. Ни одно из них не принято. Год обсуждается вопрос о куцей амнистии в России, с декабря прошлого года — законопроект о некоторых смягчениях режима содержания. Речь идет о том, чтобы привести наше пенитенциарное законодательство в соответствие с минимальными международными стандартами, которые мы признали в 1988 году.

Когда мы говорим о сильной власти, то что мы должны под этим понимать? Бандитская власть не может быть сильной. Я думаю, что сильная власть — это прежде всего власть авторитетная, власть, которой верит народ. А значит, это должна быть прежде всего власть нравственная.

ЯКОВ БЕРГЕР:

Я бы не хотел определять свои взгляды на современную российскую ситуацию как оппозиционные. Мне кажется, что о прежней перманентной оппозиции демократической российской интеллигенции по отношению к властям предрержащим тоталитарного или авторитарного государства, оппозиции, носившей по преимуществу моральный характер, сегодня не может быть речи. Что же касается политической оппозиции, то она, в моем понимании, предполагает, во-первых, наличие некоторой принципиальной платформы, отличной от платформы тех, кто стоит в данный момент у власти, и, во-вторых, готовность занять их место в целях реализации этой платформы. Единственная оппозиция, которая в этом смысле в стране существует и отвечает данным условиям, — это красно-коричневое движение, крепнущее и пронизывающее все социальные слаты и институты — от правительства, парламента, армии, органов безопасности до людей в очередях и люмпенов. Именно они свою главную цель видят в том, чтобы свалить правительство Ельцина и Гайдара. Именно они стремятся занять его место. Есть у них и определенная программа. Попытки считать себя в оппозиции и одновременно противостоять этой единственно реальной

"Круглый стол"

оппозиционной силе — нереальны. Либо, заявляя себя оппозицией, мы добиваемся устранения — пусть легальным путем — существующей власти (а иначе — что же это за оппозиция, которая не стремится к смене власти?) и тем самым помогаем утверждению диктатуры красно-коричневых, либо все-таки, хотя и с необходимыми оговорками, выступаем за ее сохранение. Третьего, если быть до конца последовательным, не дано.

Я вижу немало недостатков и слабостей в позиции правительства и Президента. Об этом я говорил неоднократно — и с трибуны, и в печати. Год назад, накануне президентских выборов, в газете "Демократическая Россия", которой руководил Юрий Буртин, я объяснял, почему решил воздержаться от голосования. Одним из главных моих мотивов был имперский настрой кандидата в вице-президенты. После выборов в той же газете я высказал опасения, что подобный настрой может захватить и Президента. И все же я решительно отказываюсь рассматривать всю нашу власть как единое нерасчлененное и притом негативное целое. Мне думается, неверно считать противостояние исполнительной и представительной власти, особенно отчетливо выявившееся на Съезде народных депутатов, только мифом. В этом противостоянии есть реальное содержание — различная степень зараженности имперской ментальностью. Этой ментальностью одержимы вице-президент, некоторые советники Президента, но неизмеримо больше — депутаты, у которых притуплена персональная ответственность за судьбу страны. Что касается самого Президента, то в ряде его высказываний без труда обнаруживаются признаки имперского сознания, но надо отдать ему должное: он, что называется, крепок задним умом и, допустив явную оплошность, способен от нее отказаться.

Я не могу принять тотального осуждения экономической программы правительства Гайдара. Возможно, избран не самый легкий, не самый короткий, в общем, не самый лучший путь к рыночной экономике. Но я ни за что не поверю тому, кто клянется, что именно ему ведом единственно верный путь. Мне думается, с претензиями на исключительное научное знание такого пути должно быть покончено. Скорее всего, к искомому рынку ведут разные пути, и каждый из них имеет свои достоинства и свои недостатки. Для интеллигенции было бы куда честнее не брать на себя миссию вечного радателя народного, а попытаться психологически поддержать народ (который, кстати, на удивление терпеливо воспринимает действительно немалые тяготы).

Важно также всесторонне и правильно оценивать результаты осуществляемых правительством мер. Скажем, практически все в один голос кричат о спаде производства. Не делается однако попыток вычленить в этом спаде то, что действительно негативно, а что — связано со снижением доли оборонки, с необходимостью структурной перестройки. Еще более существенно: во всем мире принято рассчитывать национальный продукт принимая во внимание как производство товаров, так и услуги. Причем последние в цивилизованном мире теснят производство, выходя на первое место в сфере занятости. У нас услуги, особенно частные, можно сказать, не в счет. Между тем, по моим очень отрывочным наблюдениям, буквально за последние месяцы и именно благодаря жесткой финансовой политике Гайдара резко возросло предложение и ассортимент услуг. Это, возможно, и есть главный позитивный результат реформы. Ведь экономические меры приведут к настоящему рынку только в том случае, если они способны мобилизовать общество, покончить с лукавой психологией

наемного работника (поменьше вкалывать, побольше приворовывать) и сформировать экономически деятельного человека. Нельзя сбрасывать также со счетов и начавшееся формирование рынка товаров. Иными словами, появились стимулы для инициативы и труда.

Я никак не могу согласиться, что наше отношение к правительству Ельцина-Гайдара может быть уподоблено отношению к Горбачеву накануне августовского путча. Кардинальное различие между ними, на мой взгляд, состоит в двух основных пунктах. Во-первых, Горбачев метался из стороны в сторону, пытаясь и невинность соблюсти, и капитал приобрести. В самом лучшем случае (если придерживаться презумпции невинности) он изнурял себя и народ, разваливал экономику и государство, стремясь решить нерешаемую задачу: создать процветающую рыночную экономику, не уступив ни любезный его сердцу социализм, ни поднявшую его на вершину власти коммунистическую партию, ни опору государственного могущества — ВПК. С первыми двумя факторами из этой триады Ельцин порвал и покончил. Сложнее, конечно, с третьим фактором, но и здесь он движется решительнее своего предшественника. От разговоров о реформе он перешел к действиям. Все это нельзя игнорировать при определении нашего отношения к власти. Во-вторых, и это, пожалуй, главное: за падением Горбачева следовало правление Ельцина с сохраняющимися надеждами и перспективами на демократию, свободу, выход из экономического тупика, за падением Ельцина — фашистская диктатура, возможно, кровавая междоусобица — уже не на периферии, но в самом сердце России, полное разложение экономического организма.

Все это и определяет мою позицию. Я очень боюсь, что когда-нибудь будущий историк, исследуя наше судьбоносное время, отметит, что был у страны шанс удержаться у края пропасти, выйти мирным, ненасильственным путем из почти катастрофической ситуации, но шанс этот не был использован, пропал втуне, в том числе и вследствие нехватки терпимости и терпения, вследствие глубоко укорененного (и, надо сказать, во многом оправданного) недоверия к любой власти, вследствие неспособности выбирать из двух зол — меньшее. Можно как угодно относиться к сопоставлениям нынешней ситуации с ситуацией 1917 года. Но в одном отношении параллель для меня лично существует: речь идет о проблеме исторического выбора. Тогда слабое, непоследовательное, сумбурное Временное правительство не было поддержано, и Россия получила большевистскую диктатуру; сегодня, похоже, перед нами та же угроза.

Дмитрий ФУРМАН:

По оценкам и по эмоциям, которые стоят за этими оценками, я солидаризируюсь со многими здесь выступавшими, и с Баткиным в первом его выступлении, прежде всего. Но в анализе происходящего у меня с вами большие расхождения. Я пессимистично отношусь к будущему, я почти не верю, что мы обойдемся без какой-то фашистского типа спазмы, может быть, относительно “мягкой”, но весьма противной. Почему?

"Круглый стол"

Есть вещи, которые в принципе нельзя сделать быстро. Как женщине нужно девять месяцев, чтобы родить ребенка, иначе будет выкидыш, так нужно какое-то время для превращения страны в демократическую. Я не считаю, что Россия безнадежна, что она исключение, напротив, я уверен, что процесс демократизации — всемирный закономірный процесс. Но сколько времени он занимает? Только страны, прошедшие через глубинную религиозную реформацию, революцию, так сказать, на экзистенциальном уровне, которая создавала психологические основы свободы, — только они относительно бескровно, а некоторые просто бескровно, сразу вышли на дорогу эволюционного демократического развития. Но даже для Франции, как известно, процесс демократизации длился лет 150, если не больше: от Великой французской революции до генерала де Голля. У нас, конечно, он начался уже давно, мы уже прошли большой путь, но все же не может страна, которая недавно была при Брежнев, сразу прыгнуть в демократию.

Реплика: А Сингапур?

Не могу сказать насчет Сингапура. Очевидно, у разных культур разные ритмы. Но относительно нашей страны ясно — у нас произошла какая-то вялая, пока относительно бескровная, но все же революция. Но лишь очень немногие революции сразу приводили к демократии. В большинстве стран демократия возникала в результате "затухания" длительного цикла революций и контрреволюций.

Что такое вообще революция? Революция — определенное психическое состояние, вроде припадка, в котором есть своя внутренняя логика. И как после маниакальной стадии маниакально-депрессивного цикла идет депрессия, так после революции наступает контрреволюция, наступает бессилие. Вначале люди шумят, орут, требуют. Это стадия преувеличенной и, в общем, всегда дурацкой активности. Человек после этого обязательно выдыхается, и выдыхается до состояния, когда уже ждет: кто его в тюрьму поведет, в тюрьму, которой он, в глубине души, сам уже хочет. Он уже сидит бессильный, бери его, кто хочет. Это может быть какой-нибудь революционный вождь, и тогда он совершает скрытную контрреволюцию, как это было в нашей большевистской истории. Это может быть какой-нибудь Бонапарт. Наконец, им может быть чистый контрреволюционер — такой честный, я бы даже сказал, с нотками покаяния... Это цикл из которого, очевидно, выйти невозможно. Мы это видим, и, более того, мы этого страшимся. Это выплеснулось у Кабакова — вот он действительно что-то такое приблизительно видел. Мы это видим, но сделать ничего не можем, как человек видит, что наступает припадок, но бессилён его предотвратить. В этом цикле мы и находимся.

Почему у революции вот такой механизм? Мне кажется, что здесь проявляется некая хитрость подсознания восставшего раба. За его внешним радикализмом скрывается стремление к подмене реального символическим, глубинного поверхностным, в конечном итоге — подсознательное стремление к чему-то, близкому к исходному состоянию. Мне кажется, мы прошли многие стадии этого цикла и близки к его завершению.

Рассмотрим эту логику — логику круга, символического разрушения и возвращения — по отдельным аспектам. Рассмотрим некоторые из триумфальных наших побед. Например, триумфальная вроде победа — запрещение компартии. Какое это мощное символическое действие — запретили старого монстра!.. Но запретили этого монстра именно тогда, когда он отменил 6-ую статью, принял практически социал-

демократическую программу. Все революции так поступают — убивают именно того, при ком началось освобождение — Людовика XVI (а не XV или XIV), Николая II, который все-таки ввел конституцию, а не Николая I. В 1980 году сказать “компартия преступна и ее надо запретить” было актом героизма. В 1991 году это была гнусная месть тех, кто почувствовал, что тиран слаб и уже где-то начинает каяться, и вот тут его как раз и пинают ногами.

А чего этим достигли? Раньше бегство в демократический лагерь для коммунистических функционеров было несколько рискованно — они все-таки опасались улюлюканья сзади: ах ты предатель. Был некоторый страх: все-таки оставалась за спиной некая реальная сила, которая, кто знает, вдруг снова вернется. Теперь этот страх снят. И вся эта коммунистическая, в худшем варианте, шушера рванула в демократию уже совершенно спокойно. Что же происходит в этой ситуации? Происходит “коммунизация” демократии изнутри. Опасность для демократии не в том, что эти новые “демократы” — ее идейные противники, нет, опасность в том, что они несут старую психологию. Секретарь обкома может отречься от всего марксизма-ленинизма, которым они клялись, и пойти в церковь ставить свечу, но в этом отречении он куда больше секретарь обкома, карьерист, которому не дорого ничего, кроме его постов, чем тот, который не отрекался. Последний куда более демократ, чем вся эта шобла. Это первый из результатов запрещения компартии. Дальше — полная деструктуризация политического пространства. Компартия как какая-то сила, отступающая и где-то несколько либерализирующаяся, вызывала контрсилу. Было нечто ясное. Когда она рухнула, практически шансы на создание реальной многопартийной системы исчезли. А раз не будет настоящей многопартийной системы, то ясно, что предвидится... Вот вам один из самообманов восставшего раба.

Другой пример: разрушение Союза. Опять внешне невесть какая победа. Но по моему глубочайшему убеждению, разрушение Союза многократно усилило угрозу фашизма. Пока сохранялись союзные структуры, надежда была. Сейчас у меня лично ее практически нет. Есть надежда на чудо, на героические усилия, а реальной, рациональной надежды почти нет. Страна неизбежно втягивается в войны (Украина, Грузия — это еще детский лепет, впереди разборка с Казахстаном). Это втягивание — естественный процесс. Никто особенно и не виноват в нем. Вот если бы распад Союза происходил хотя бы в течение периода двух—трех демократических выборов, тогда демократические структуры в республиках чуть-чуть бы устоялись, как-то выявились бы проблемы и получили правовое выражение, тогда опасность войн и сопутствующей им фашизации была бы во много раз меньше. Когда же это вдруг вот так хлынуло — внешне это грандиозная победа, фактически — поражение.

Та же логика действует, по-моему, и в экономике. С одной стороны, официальной доктриной становится такой капитализм, который никакому Рейгану не снился. Фридмен вместо Маркса. Но мне кажется, между шумом экономического либерализма и реальностью очень медленного движения к свободной правовой экономике есть определенная связь. Может быть, смысл этого шума как раз в том, чтобы закамуфлировать незначительность реальных перемен.

Я знаю кое-кого из теперешних лидеров. Это люди, которые никогда не решались сказать “нет” своему непосредственному начальству. О них нельзя сказать, что они были трусы, то есть слово “трус” здесь не годится — это особая порода советских

интеллигентов-бюрократов, делающих только то, что не вредит карьере. А вот развалить государство они не побоялись. На митингах не боялись кричать. Но от этого не стали храбрыми и не стали демократами. Митинги и крики — это, конечно, компенсация приниженности в реальной, повседневной жизни. Но за этим кроется еще и подсознательная хитрость: за ширмой криков изменить меньше, а не больше.

Я не согласен с Бергером. Поддерживать эту власть бессмысленно, легитимность ее сомнительна — выбирали их не как власть независимого государства. Тенденции ее очень сомнительно демократичны и возможность авторитарного "фашисткоидного" перерождения более чем реальна. Кроме того, пасть то она все равно падет — от этого никуда не денешься. И самое страшное здесь — ей не будет никакой демократической альтернативы, если в народном сознании она будет олицетворять демократию и альтернативы ей будут лишь недемократическими. Тогда ее все равно неминуемое падение будет падением демократии. Поэтому логика Бергера — поддерживать плохое, чтобы не наступило совсем кошмарное представляется мне неверной. Мне ближе позиция Крахмальниковой — надо просто честно говорить, что думаешь, стараясь сохранить себя, остаться самим собой.

Я очень приветствую такое начинание, как создание газеты. Но больших надежд на это возлагать не стоит — события разворачиваются слишком быстро, чтобы газета успела сделать свое дело. Кроме того, чисто интеллигентская идеалистическая радикально-демократическая группировка к власти у нас не придет. Она может сыграть большую роль лишь как одно из звеньев какой-то широкой коалиции, включающей разные силы, оппозиционные правительству, но не враждебные демократии. Но это уже вопрос другого рода — вопрос реальной политики.

Юрий БУРТИН:

Пользуясь преимуществом замыкающего, я бы хотел ответить на некоторые из прозвучавших здесь высказываний и в этой форме обозначить основные линии своего подхода к предмету нашей дискуссии и сборника в целом.

Прежде всего — еще раз о положении страны, о характере окружающей нас действительности. Вероятно, любой непредубежденный человек согласится с тем, что определяющими ее чертами являются недемократический характер государственной власти; почти полное сохранение старых и бюрократическое перерождение преобладающей части новых управленческих кадров; закрытость, беспринципность и хаотичность политики; решающее влияние на нее со стороны генералитета, руководителей ВПК, региональных элит, промышленной и колхозно-совхозной верхушки, преследующих свои кастовые интересы; фактическая бесконтрольность и всеисилие "аппарата", полностью сохранившего свои привилегии; беспримерный размах коррупции при явном потворстве ей со стороны "правоохранительных органов"; невиданная по своим масштабам перекачка государственных средств в карманы спекулянтов и чиновников, живающегося за счет стремительного разорения подавляющего большинства насе-

ления. Я согласен с Яковом Михайловичем Бергером: нельзя не принять во внимание того обстоятельства, что у нас стало появляться кое-что из рыночного менталитета, какие-то чувства и стремления такого рода. Это действительно нужно зачислить в актив истекшему году. Но, пожалуй, кроме этого — тоже, впрочем, неоднозначного — психологического явления, едва ли не все остальное говорит не в пользу послеавгустовского процесса и “демократической” власти.

В этой связи — вопрос о характере и результатах нашей августовской революции. Если попытаться ответить на него одной фразой, то вот она: демократическая революция ушла в песок, плоды ее победы присвоила старая и новая номенклатура, а надежды народа вновь оказались обманутыми. Но это слишком общий ответ, который хочется конкретизировать, — хотя бы по той причине, что революция многогранна, в ней как бы слито несколько революций.

С уверенностью можно сказать, что у нас состоялась идеологическая революция. Во всяком случае в ее разрушительной функции. У нас началась, мелькнула в августе, как зарница, революция социально-политическая. Мелькнула и погасла, потому что не произошла — сейчас, через год, об этом также можно говорить с полной уверенностью — передача власти от “аппарата”, от номенклатуры к народу. Народ заслониł Белый дом и перестал быть нужен в качестве объекта политики. Между прочим, даже Октябрьская революция, в принципе антидемократическая, на какое-то время дала власть народу. Наша не сделала и этого. И наконец, несмотря на все разговоры о радикальной экономической реформе, у нас еще фактически не началась (или, чтобы быть точным, сделала лишь совсем махонький, малозначительный шаг) революция экономическая.

Реплика: У нас произошло разгосударствление. Сегодняшние предприятия принадлежат уже не государству, а тем группам, которые ими управляют.

Ю. Буртин: Они всегда принадлежали этим группам — через государство. Давайте скажем так: они принадлежат тому правящему классу, которому, в свою очередь, принадлежит государство. Да и юридически — подавляющее большинство нынешних предприятий остаются государственными. “За что же боролись?” Неужели лишь за то, чтобы на месте государственного социализма получить не менее уродливую его помесь с паразитическим, мафиозно-торгашеским госкапитализмом?

Дмитрий Ефимович Фурман говорит: таков удел любой революции — за подъемом наступает спад, за приливом сил — бессилие. Но я бы с осторожностью применял для объяснения процессов, протекающих в нашей стране, старые опыты исторического развития — при всей их значимости. Никогда в мире не было еще социалистической тоталитарной системы, которая просуществовала бы на огромных пространствах земной суши свыше 70 лет, охватила и определила собой жизнь нескольких поколений — и вот начала распадаться и преобразовываться, в большой мере возвращаясь к тому, что когда-то сознательно искореняла. Ни на буржуазную, ни на социалистическую революцию это решительно непохоже.

Опыт антисоциалистических, антитоталитарных революций пока еще теоретически не осмыслен, — это одна из насущных задач общественной мысли, как отечественной, так и мировой. Ясно лишь то, что все мы (и не только Россия) находимся в некоей совершенно новой, исторически беспрецедентной ситуации и что она является в высшей степени неопределенной, непредсказуемой, открытой. С этой

"Круглый стол"

точки зрения я бы не согласился не только с мнением Дмитрия Ефимовича о фатальной предопределенности у нас нацистского исхода, но и с мыслью Якова Михайловича о том, что единственной альтернативой ему может быть лишь нынешняя российская власть, вокруг которой, как она ни плоха, нам всем надо сплотиться, чтобы отбить наступление "красно-коричневых". Мол, приходится выбирать между плохим и страшным — третьего не дано.

Вроде бы убедительно. И действительно убедило многих вполне хороших людей. Но помимо постоянно, с нажимом демонстрируемого противостояния "красно-коричневых" правительству Ельцина, есть между ними — и вопреки пропагандистским усилиям обеих сторон обнаруживается все более явственно — совсем иная, противоположная по своему смыслу связь.

Во-первых, достаточно очевидна заинтересованность правительства в том, чтобы население, а одновременно и Запад, готовый всячески помогать демократизации бывшего врага, жили с мыслью о том, что Ельцину приходится колоссальным напряжением сил сдерживать угрозу справа. Как Горбачев был заинтересован в Лигачеве или Пелозкове, создававших ему благоприятный фон, помогавший сохранить имидж реформатора и тогда, когда он давно перестал им быть, так и Ельцин сейчас объективно заинтересован в Бабурине, Исакове, Проханове, Анпилове, Жириновском и т.п. Недаром эта мало кому интересная политическая мелюзга сейчас буквально заполонила экраны нашего вполне официального телевидения.

Во-вторых, во всех основных аспектах своей политики (пожалуй, единственное значимое исключение — сокращение ядерных ракет) Ельцин и его команда неуклонно сползают вправо. то и дело идут навстречу требованиям астафьевых и бабуриных, дистанцируясь от них, да и то не всегда, лишь некоторыми различиями в "системе фраз". Таким образом, предлагаемый выбор между плохим и страшным сильно затрудняется тем, что грань между ними становится все более условной, что "страшное" является, по сути дела, прямым продолжением "плохого", крайним, отталкивающим выражением тех же тенденций, которые господствуют в политике Кремля. И еще: "страшное" растет из "плохого", развивается в нем, как бактерия в питательном бульоне.

В самом деле, почему так осмелели все эти исаковы и бабурины, которые после Августа вжали головы в плечи и, казалось, исчезли? Мне скажут: ну что же вы хотите? Правительство решилось на "непопулярные меры", в таких условиях естественно растет недовольство масс, которым и пользуются политические спекулянты. Не спорю. Но только ли в этом дело? Вот я ставлю перед собой такие вопросы. Возможны ли были бы бесчинства анпиловцев, если бы они не знали заранее о своей гарантированной безнаказанности? Точно так же, как сегодня уверены в своей безнаказанности любые крупномасштабные взяточники — под теоретическим покровительством

* Вот более позднее авторитетное свидетельство Е. В. Яковлева: "...Анпилов, Бабурин, Эюганов и другие участвовали в нынешнем году не менее чем в 25 ТВ-программах и бесчисленное множество раз имели доступ к радиомикрофону" ("Независимая газета", 1992, 4 июля). — Ю. Б.

Г. Х. Попова и практическим — В. Г. Степанкова. Точно так же, как уже едва ли сомневаются в своей безнаказанности члены ГКЧП, которых по “личной” просьбе Президента уже начали отпускать на свободу. Иначе говоря, возможны ли были бы подобные бесчинства в стране, где сама власть уважает закон и живет по закону?

Дальше. Посмел ли бы кто-нибудь публично требовать “свержения” правительства, о котором было бы известно, что оно ничего не скрывает от своего народа и никогда не лжет? Что оно не пользуется никакими привилегиями, что тяготы и лишения, вытекающие из “непопулярных мер”, наши министры и депутаты в равной мере делят со всеми, что жены их стоят с нами в общих очередях, лечатся в обычных поликлиниках и т.д. и т.п.?

И еще: сумели ли бы лидеры “красно-коричневых” собрать под свои знамена более горстки людей, если бы власть не на словах, а на деле открывала путь не начальственной “прихватизации”, а действительно широкой, народной приватизации снизу и если бы эта последняя шла в стране полным ходом?

Мне думается, ответ на все эти вопросы совершенно однозначен. А следовательно, предлагаемый нам выбор между плохим и страшным — это мнимый выбор. Такой же мнимый, как выбор между “президентской” и “парламентской республикой”, если, как это делается у нас, избегать постановки вопроса о социальной природе власти, если и в этом и в другом варианте сама эта республика остается номенклатурной. Вот почему такой фальшью разит от всех этих “собраний российских граждан”, “союзов в поддержку реформы”, “демократических сборов” и тому подобных образований, где за одним столом с “демократическими” карьеристами и прохиндеями я с огорчением вижу и некоторых вполне порядочных людей. И не потому ли все меньше людей приходит на проправительственные “контрмитинги”, которые собирает нынешняя “Демроссия”? Не потому ли они проходят так вяло, несмотря на призывы с трибуны: “Поскандируем: Ель-цин! Ель-цин!...”. “Народ безмолвствует”, — ибо чуток к фальши и отвечает доверием и поддержкой лишь на подлинное уважение и доверие к себе, которого не видит в нынешней власти; (как и в анпиловых- жириновских, конечно).

Вот тут, Василий Илларионович Селюнин, ратовавший за сильную власть (в чем с ним не может быть спора), по-видимому, не понял моего вопроса, когда я спросил его, что же, на его взгляд, способно сделать власть сильной. По-моему, только одно: уважение народа, а оно, в отличие от влюбленности, бывает только взаимным. Не лгать народу, не хитрить с ним, а действительно руководствоваться его мнением и волей — и тогда власть может быть свободной от особых забот о своей силе. Если же этого нет, то никакой референдум не поможет, как бы искусно и удачно ни был он проведен.

Теперь — к тезису о том, что “третьего не дано”.

Если понимать его так, что этого “третьего” — в виде серьезной и активной политической силы, противостоящей как правому, комфашистскому блоку, так и сползающему вправо российскому руководству, — в настоящее время не существует, то это горькая правда. (Кстати, о “левых” и “правых”. Обозначения, конечно, условные. Но Б. А. Денисенко ставит себя в трудное положение, разводя наших “коммунистов” и “национал-патриотов” на противоположные края политического

спектра, тогда как в реальной политической практике они неотличимо похожи друг на друга. Нет, Бэла Анатольевна, в наших условиях те и другие — “правые”, то есть охранители и реставраторы тоталитарной империи).

“Не дано” — и в том смысле, что “не дают”. Постоянно потворствуя правым, власть бдительно следит за тем, чтобы не дать слова своим критикам слева и, главное, не позволить им организовать. Иначе они нарушат всю ее идеологическую игру. Поэтому путь на телевидение для них наглухо закрыт. У министра Полторанина нашлись деньги (помнится, 18 миллионов) для возобновления и поддержки “Правды”, но ни копейки для газеты “Демократическая Россия”. Демократические умонастроения широких и наиболее активных общественных слоев ни в какой форме не имеют сейчас своего политического представительства. А отсюда, в свою очередь, и наглость компашистов, и та прогрессирующая глухота на левое ухо, какой раньше страдал Горбачев, а теперь в равной мере Ельцин, и, главное, политическая дезориентация масс, которые вместе с разочарованием в “демократах” теряют веру в саму демократию.

Вот почему, как и многие из выступавших здесь, я убежден: нет сейчас более важной общественной задачи, чем формирование в нашей стране новой демократической оппозиции, сильной и деятельной. Без этого ни демократизации, ни реальной демократической реформы у нас не будет, сколько бы миллиардов ни влил в эту бездонную бочку МВФ.

И совершенно напрасно Л. А. Гордон и Я. М. Бергер опасаются, что появление такой оппозиции повредит “правительству реформ” и усилит угрозу справа. Совсем напротив, в свете изложенного, я думаю, уже нет нужды это подробно доказывать. Мне непонятен аргумент Якова Михайловича: если появится демократическая оппозиция, значит она должна будет немедленно требовать отставки Ельцина и предлагать свое правительство. Насколько мне известно, никакая серьезная оппозиция так не начинается. Она начинается с того, что уточняет и конкретизирует свои взгляды, оформляется организационно; как своей критикой, так и своими позитивными предложениями она воздействует, с одной стороны, на официальную политику, усиливая прогрессивные тенденции в ней и противоборствуя реакционным, а с другой — на общественное сознание. И только заручившись широкой общественной поддержкой, став весомой политической силой, включается в борьбу за власть. Если бы такое случилось с нашей демократической оппозицией, если бы с ее помощью в стране поднялась новая волна массового демократического движения, это автоматически означало бы полное поражение “красно-коричневых”, которые сейчас сильны лишь нравственной слабостью своих противников, благодаря чему и смогли у них перехватить роль представителей и защитников “трудовой России”. По той же причине аналогия Леонида Абрамовича с 1933 годом в Германии представляется мне совершенно не идущей к делу. Тем более, что никаких выборов, на которых демократические кандидаты стали бы отнимать друг у друга голоса в пользу правых, у нас пока не предвидится. Что же касается выборов 1995—1996 годов, то будет очень скверно, если единственной альтернативой Жириновским на них окажутся люди типа Хасбулатова или Руцкого.

Здесь была брошена реплика в том смысле, что где, мол, программа такой оппозиции, в чем она может состоять. А с другой стороны, приходилось сталкиваться

с сомнением в уместности самого этого слова “оппозиция”: не сужает ли оно значение общественного движения, которое хотело бы нести в себе прежде всего положительные ценности демократии, не сводит ли его к отталкиванию от тех или иных граней правительственной политики и в этом смысле не делает ли его зависимым от предмета “отталкивания”? Мне хотелось бы отозваться на эти замечания, но раньше — немного о другом. О том, что, на мой взгляд, первичнее да, по сути дела, и важнее программы, какой бы хорошей она ни была и как бы блестяще ни была сформулирована.

У нас нет недостатка в политических партиях и движениях, в программных заявлениях которых присутствует едва ли не полный набор лозунгов демократического звучания — как с либеральной, так и с социал-демократической акцентировкой. Но много ли они значат? Поэтому на первое место я бы выдвинул вопрос не о программе, а о принципах нового объединения демократических сил. Я думаю, главным недостатком того поколения политиков, которое сейчас пришло к власти и вообще находится на авансцене политической жизни, является их (наша общая) нетвердость именно в этом отношении. Люди вступили в политику, в созидание новой России, не создав предварительно самих себя, не уяснив себе, что принципы важнее программ, а средства важнее провозглашенных целей, ибо не целью, а качеством средств в решающей мере определяется результат любой политической деятельности. Прекрасный, светлый пример Андрея Дмитриевича Сахарова хоть и не прошел для этого поколения бесследно, но, видно, не коснулся глубины наших душ, не мог восполнить слабость их собственного этического самоконтроля. Это не значит, конечно, что все наши депутаты, министры, администраторы проявили себя как корыстолюбцы, лжецы и циники. Но, за совершенно единичными исключениями, они обнаружили поразительную терпимость к порокам новой власти. В массе своей наш современный политик — лицо нравственно невыразительное и неопределенное, о котором, перифразируя гоголевскую характеристику Чичикова, можно сказать: ни холоден, ни горяч, не слишком честен, но и не бесчестен совсем, не принципиален, но и не беспринципен вполне. Пора всеуслышание сказать о том, что первое поколение политиков посткоммунистической эпохи, если брать его в целом, оказалось не на высоте своего исторического предназначения, обмануло доверие общества.

Исходя из этого нашего печального опыта, я бы особо подчеркнул: демократическая оппозиция должна быть оппозицией прежде всего нравственной. Только тогда она может рассчитывать на поддержку народа и на возможность принести пользу своей стране.

Горьют: политика — грязное дело. Это верно, но лишь применительно к грязной политике, преследующей — полностью или отчасти — нечистые, корыстные цели: Что же касается действительно демократической политики, то ни безнравственной, ни “полунравственной”, ни безразличной к нравственности она быть не может. Говорят также: хочешь добиваться успехов в политике — умей в нужных случаях прятать в карман свою честность и доброту, будь готов к сделкам с совестью. Вероятно, таков смысл того частичного возражения, которое Леонид Абрамович Гордон сделал Зое Александровне Крахмальниковой, напомнив: “Богу — Богово, кесарю — кесарево”. Но я бы не трактовал это библейское изречение как разрешение кесарю забыть о Боге. А главное: ложь и беспринципность в политике дурны не только с некоей “отвлеченной”, но и с сугубо прагматической точки зрения. Только честная политика,

основанная на твердых нравственных принципах, способна быть по-настоящему эффективной. Процессы последних лет, послеавгустовских месяцев в особенности, исчерпывающе подтвердили эту старую истину, — увы, преимущество от противного. Через год после Августа наше общество оказалось в таком состоянии, когда ему снова потребовались люди диссидентского склада, способные сказать решительное "нет" политиканству, пустословию, корыстолюбию, карьеризму и при этом готовые начать с себя, ни на кого не перекладывая свою гражданскую ответственность.

Возвращаясь к вопросу о программе демократической оппозиции, нужно прежде всего различать программу-цель и программу конкретных действий, направленных на достижение цели. Что касается первой, то в общем виде она давно определена, вписана в соответствующие документы большинства политических организаций, признана обществом и декларируется самой властью. Суть ее может быть сведена к двум взаимосвязанным пунктам: частная собственность и демократия. Так что здесь проблемы, в сущности, нет, как нет и предмета спора с официальной политикой. Вопрос — в путях, темпах, этапах, формах и средствах преобразования тоталитарного общества в демократическое; вопрос — в том, кем, как, в чьих непосредственных интересах и за чей счет оно будет совершено. Вопрос: станем ли мы все хозяевами своих судеб или же только сменим хозяина — на некий никому не ведомый срок? Вот тут уже ответы (и словами, и — главное — делом) даются совершенно разные, вот здесь-то и возникает почва для демократической оппозиции реальному курсу российских властей. Или, если угодно, демократической альтернативы.

Л. Баткин: Что одно и то же.

Ю. Буртин: Именно. В таком конкретном виде демократическим силам еще, понятно, лишь предстоит выработать свою новую программу. Вернее, вырабатывать, ибо программу социальных преобразований нельзя составить, как расписание поездов, это — постоянный и непрерывный процесс. Как многие говорили сегодня, лучшая форма для этого — газета. Особого теоретико-публицистического характера и определенного, строго выдерживаемого направления.

Сказанное не означает, однако, что в настоящий момент демократической оппозиции еще нечего сказать обществу и правительству, что у нее нет для этого никакого теоретического и конкретно-политического задела. В том, что это не так, сможет убедиться всякий, кто прочтет хотя бы материалы сегодняшнего обсуждения, тем более — весь сборник.

Со своей стороны, я бы хотел закончить указанием на три ключевых пункта, в которых позиция демократических сил, по-видимому, достаточно определилась. Определилась прежде всего в положительном плане, а уже вследствие этого и в критическом (как того и требует достоинство людей серьезной, ответственной оппозиции). Несмотря на существующие различия во взглядах, обнаруженные (или подтвержденные) нашей дискуссией, я надеюсь, что большинство ее участников не будет протестовать, если в данном случае я воспользуюсь местоимением "мы".

1. Мы за формирование гражданского общества, и потому мы против политического строя, при котором личность по-прежнему подавлена бюрократической машиной, власть по-прежнему бесконтрольна, а народ, как и прежде, отстранен не только от решения, но и обсуждения всех сколько-нибудь важных вопросов своей жизни.

2. Мы за действительно радикальную экономическую реформу, понимаемую как коренное изменение отношений собственности, а тем самым и всей системы общественных отношений. Мы за формирование широкого класса трудящихся-собственников, а потому мы против политики, которая высокопоставленных мошенников в одночасье делает миллионерами, а честных рядовых тружеников превращает в нищих. Мы убеждены: чтобы приватизация проводилась в интересах народа, проводить ее должны не министры и директора, не коррумпированная бюрократия, а сам народ — в лице трудовых коллективов и общественных комитетов реформы, которые для этой цели следует создать и наделить широкими полномочиями.

Рассматривая свободный рынок как необходимый инструмент нормальной экономической жизни, мы, однако же, отказываемся видеть в нем некий фетиш, который в современном, вульгарном сознании оказывается превыше всего: человеческого достоинства, совести, ума, таланта, культуры — и на который так легко списывается сегодня безразличие властей к катастрофически быстрой растрате интеллектуальных и природных сил страны. Мы хотели бы служить вхождению своей страны не просто “в рынок”, но в современную мировую цивилизацию, философия которой базируется на гуманизме, на общечеловеческих ценностях, поэтому для нас неприемлема экономическая программа правительства, молчаливо предполагающая, что ради ее успеха можно перешагнуть через целое поколение.

3. Мы считаем принципиально важным, чтобы к республикам бывшего СССР Россия научилась относиться с той же корректностью, как к Англии или ФРГ, но в то же время не отстранялась от них, принимала близко к сердцу их проблемы, а их граждан, независимо от национальности, наше общество даже мысленно не делило на “своих” и “чужих”. Только при этом условии можно надеяться, что “русский вопрос” не будет возникать то тут, то там, как за пределами, так и в пределах Российской Федерации, а возникая, получать спокойное, цивилизованное разрешение. Между тем высшие должностные лица России (а вслед за ними и безответственные политики некоторых других государств СНГ) в своекорыстных политических целях делают, кажется, все возможное, чтобы восстановить все народы бывшего СССР друг против друга, разубить их давние и прочные связи, а наша “демократическая” общественность остается в лучшем случае наблюдательницей этих опасных игр. Мы резко осуждаем такие заявления и действия российского руководства, которые уже вызвали ухудшение отношений с Украиной, Грузией, Молдовой, Чечней и Татарстаном и грозят все новыми кровавыми конфликтами, а противопоставление государственных интересов России праву наций на самоопределение, интересам других государств и народов считаем прямым преступлением против нашего общего прошлого и будущего.

В заключение повторю еще раз: две основных социальных силы занимают сейчас в России почти все пространство политической сцены. Первая — это “августовский блок”, сложившийся в результате компромисса между новой, квазидемократической номенклатурой и преобладающей частью старой партократии, пожертвовавшей коммунистической идеологией ради власти и обогащения. Его политическим представителем является ельцинско-хасбулатовское руководство России и поддерживающие его межпартийные образования, ориентированные на различные фракции данного блока (от “Демократической России” до “Гражданского Союза” и “Российского

"Круглый стол"

народного собрания"). Вторая сила — это именуемая себя "оппозицией" наиболее реакционная часть той же партократии: отодвинутая в сторону, она отвергает любые реформы и, спекулируя на недовольстве масс, пытается увлечь их лозунгами коммунистического и имперско-шовинистического реванша. Как первые, так и вторые преследуют свои корыстные кастовые интересы; как те, так и другие в очередной раз обманывают народ.

В этих обстоятельствах остро ощущается отсутствие в современной России ТРЕТЬЕЙ СИЛЫ — организованной демократической оппозиции, которая могла бы стать истинным политическим представительством интересов большинства народа, фактором общественной стабилизации и развития. Если в России в самом близком будущем не сформируется такая оппозиция, способная существенным образом повлиять на направление и характер общественного развития, нашей стране уже не поможет никто и ничто.

ЕСТЬ ЛИ У РОССИИ НАДЕЖДА?

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Много или мало людей так воспринимают сегодня “послеавгустовскую” реальность, живут теми же, что и авторы сборника, мыслями и чувствами, в том же направлении ищут выход из обрушившихся на нас и всем нам грозящих бедствий? Единицы? Кучка идеалистов? А может быть миллионы, которые пока лишь не видят способа обнаружить свое единомыслие, объединить свои голоса? Слишком много тому помех, среди которых не на последнее место нужно поставить дефицит свежих слов. Прежде, когда круг слов был резко сужен, единомышленникам было просто узнать друг друга по словам, находившимся за чертой: например, “права человека”, “сталинизм”, “тоталитарная система”. Сейчас все слова разрешены и одновременно захватаны, обесценены, обесцещены пустым, поверхностным, а часто и корыстным демагогическим их употреблением. Вот уже и “оппозиций больше чем позиций”, по меткому слову Зои Крахмальниковой. Вот уже и Гавриил Попов снова демократ, осуждает коррупцию... Как в этом шуме быть услышанному? Как в этой толпе ряженных доказать свою подлинность? Вероятно, способ один: как сказал Твардовский, “тропы своей ни в чем не сступая, не отступая, быть самим собой”, говорить правду — в надежде, что своим здравым умом и нравственным чувством народ сумеет отличить зерно от пустой шелухи.

Что касается единомышленников, то их, мы убеждены, очень много — и в политически активизирующейся провинции, и в самой Москве. Когда эта книга была уже готова к отправке в типографию, в парижской газете “Русская мысль” (тоже характерно, что не “здесь”, а “там”) была полностью опубликована “аналитическая записка” Центра “РФ-политика” “НОМЕНКЛАТУРНЫЙ РЕВАНШ КАК УГРОЗА ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ”. В ней, на наш взгляд, есть один существенный недостаток: глубоко и многосторонне анализируя явление “номенклатурного реванша”, авторы не уделяют достаточного внимания включенности в него (а следовательно, и ответственности за него) новой, “демократической” номенклатуры, тому компромиссу и сращиванию двух фракций “перестроившегося” правящего класса, который удачно назван “августовским блоком”. В остальном же документ точен, емок и силен, а острое чувство тревоги, которым он проникнут, делает этот ярко и страстно написанный документ актом истинной гражданственности. Не имея возможности поместить его целиком, ограничимся несколькими выдержками; они послужат хорошим заключением к книге.

Суть сегодняшней политической и экономической ситуации в том, что завершается очередной крупный этап в развитии страны, в движении общества по пути к избавлению от тоталитаризма, от всепронизывающего духовного и материального рабства так называемой социалистической или коммунистической эпохи...

И этот этап... завершается новой, очередной победой номенклатуры, которая не только сохранила и умножила свое экономическое могущество, но и в основном восстановила поколебленные было политические позиции в органах власти.

Вместо послесловия

Партгосноменклатуре удалось:

— сохранить практически полный контроль над управлением регионами, экономикой, силовыми структурами...

— заблокировать формирование сильного и эффективного демократического движения и предельно затруднить создание, функционирование и развитие подлинно свободных, демократических политических, профсоюзных и иных общественных организаций, создать широкий плацдарм для восстановления номенклатурной политической организации;

— заблокировать эффективную реализацию всех сколько-нибудь существенных реформаторских шагов в политике (сохранена власть Советов, избранных в 1990 году — в подавляющем большинстве случаев по прямой указке соответствующих комитетов компартии) и экономике (продолжается удушение и так незначительного по объему и влиянию частного сектора в производстве, по-прежнему саботируется решение земельного вопроса — в результате обычные люди не просто остались без собственности: номенклатуре удалось еще больше ограбить и унижить их).

* * *

...Процесс укрепления политических и экономических позиций номенклатуры получил свое исчерпывающее выражение в событиях на всех этажах власти, управления и хозяйствования России и других стран бывшего Союза.

В результате захвата ключевых позиций в правительстве России и установления реакционного большинства в депутатском корпусе процессу номенклатуризации обеспечивается высшее политическое покровительство; полный и всеобъемлющий контроль за органами власти в регионах обеспечивает инфраструктуру номенклатурного реванша; бюджетно-финансовая и кадровая политика номенклатурных администраций, в совокупности с продуманной тактикой “приватизации по-директорски”, обеспечивают “материально-техническую базу” номенклатурного правления; силовые структуры государства, как и прежде, находятся под контролем реакционных политических сил и участвуют в проведении политики, ликвидирующей демократические завоевания народа.

Все здание российской государственности напоминает сегодня зал Большого кремлевского дворца во время VI съезда депутатов России...

Именно VI съезд, из результатов которого Б. Ельцин сделал поспешный вывод о том, что “консервативный реванш не состоялся”, — именно этот съезд и последовавшие за ним события показали, что процессы повсеместного и всеобъемлющего перехода всех основных позиций под контроль партгосноменклатуры приобрели обязательный характер.

Уже на съезде было фактически ликвидировано “правительство реформ”, а роль “команды Гайдара” сведена к роли декорации для свертывания реформ, для восстановления основ государственной репрессивно-распределительной экономики, для “приманивания” западных инвестиций. Приход к власти и к рычагам управления

Вместо послесловия

экономикой людей из генералитета ВПК — Г. Хижи, В. Черномырдина и др. — заставляет предположить, что уже к концу лета процесс блокирования последних попыток “реформы сверху” можно будет считать успешно завершенным...

* * *

Президент России на фоне резких и обнадеживающих заявлений “о верности курсу реформ” демонстрирует очевидное отсутствие системного подхода по ключевым проблемам политики, все более неотвратимо — по содержанию конкретных действий — переходит в оппозицию к своим собственным реформам, все более подпадает под воздействие привычных ему номенклатурных стереотипов, все глубже тонет в болоте горбачевизма, становясь в конце концов лидером “антиельцинского процесса”...

* * *

Так — с вариантами (где — в неприкрытом агрессивном стиле прежних обкомов, где — с внешней лояльностью к реформам, где — под декоративным прикрытием якобы демократических советов и мэрий) — шествует номенклатура по всей стране, не оставляя за демократией ни одного уголка, объединяя на глубоком, системном уровне в единое “номенклатурное политико-экономическое пространство” и крупные предприятия ВПК, и супермонопольные концерны-министерства. В этом “пространстве” — и номенклатурные псевдопредприниматели, унаследовавшие не только партийные деньги, но и — что самое опасное для населения — партийную стилистику криминального предпринимательства, мафиозную готовность к использованию экономики в целях несправедливого насильственного перераспределения доходов, отношение к людям как исключительно к объекту приложения экспроприаторских воздействий, а главное — отсутствие склонности к реальному производству, к эффективной и *содержательной* экономике. В нем же — и колхозно-совхозная олигархия, готовая, с одной стороны, в любой момент подкрепить политические поползновения номенклатуры наглым продовольственным шантажом населения, а с другой — ни в коем случае (в том числе опять же с использованием продовольственного шантажа) не допустить губительного для системы перехода хотя бы части земли в руки граждан России...

К сожалению, *сама природа преступной номенклатурной системы неотвратимо толкает события далеко за те рамки, которые ставят нынешние их вдохновители.* Политический авторитаризм, некоторые ограничения гражданских свобод, “раздел экономического пространства” между номенклатурными неомонополиями, свертывание либеральных реформ и установление такого административно-хозяйственного режима, который обеспечил бы лучшие условия для номенклатурного обогащения, — *эта перспектива*, уготованная нам идеологами “нежного номенкла-

Вместо послесловия

турного реванша” — Вольским, Владиславлевым, Липицким и пр., — при всей ее мрачности представляет сусально-розовую демократическую утопию, рай божий на земле по сравнению с той истинной целью, к которой влечет события неумолимая логика абсурда и жестокости, логика, которая, вопреки их воле и желанию, сметет со своего пути всех и нынешних “либерал-номенклатурщиков”, и их “мягкие” политические цели, и — даже — тех, кто сегодня кажется нам “красно-коричневыми экстремистами”.

Это логика мафиозной “круговой поруки”, логика “кровной мести” за самое страшное для всякой мафии — покушение на ее право паразитировать на народе, на ее право подменять собой закон, на ее право жить вне морали и цивилизации. Это логика, требующая возмездия, несообразного ни с чем: ни с масштабами понесенного партмафией “ущерба”, ни — даже — с ее собственным инстинктом самосохранения. Все определяется исступленным стремлением никогда больше не допустить поползновений на мафиозные “прерогативы”, навсегда отбить у людей вкус к свободе, к достоинству и сопротивлению, уничтожить, напроць дискредитировать в сознании людей представление о демократии как о наиболее эффективном из существующих способов организации жизни, как о единственно возможном сегодня средстве ее реального улучшения...

* * *

...Какие бы цели ни ставили перед собой респектабельные “политики-практики”, заложенная в основу защищаемой ими системы пружина преступления развернется вне всякой зависимости от их воли и желания.

Во-первых, прекращение экономических реформ в тот момент, когда их осуществление уже принесло людям тяготы и лишения, но еще не успело дойти до стадии стабилизации и первых достаточно значительных улучшений, уже сегодня обесценит и обессмыслит перенесенное людьми с высоким мужеством и терпением “шоковое лечение”.

Во-вторых, введение экономики России в “административно-командный штопор” — попытки административно “подкорректировать” реформы повлекут за собой лавину хаотического администрирования: экономика, уже выведенная из “управляемого” режима и еще не достигшая режима самоуправляемого, рыночного, неминуемо пойдет в разнос, требуя от высших властей, в рамках их опыта и методологии, все более жестких и все менее адекватных административных реакций.

В-третьих, на волне экономического и политического краха — столь же неминуемый резкий всплеск преступности, терроризма и повсеместное развертывание антидемократических акций, направленных на широкое и жесткое ограничение политических и личных прав и свобод.

Наконец, в-четвертых, катастрофический спад производства, гиперинфляция, либо — в случае административной фиксации цен — исчезновение всех товаров первой необходимости из магазинов, угроза голода; вследствие этого — грандиозный общенародный стресс, внезапная и полная утрата оптимистических ожиданий (кото-

Вместо послесловия

рые, вопреки номенклатурной пропаганде, сегодня еще свойственны, хотя и в “приглушенной” форме, большей части населения), разрушение доверия к абсолютному большинству представителей власти и к власти вообще — в сочетании с бесчисленными локальными войнами в России и за ее пределами — лавинообразно погрузят всю территорию бывшего СССР в непредсказуемую по размаху массовую истерию, в кровавый хаос, из которого, на волне всеобщего безумия, выйдут на поверхность самые невероятные комбинации криминально-фашистских элементов, старой номенклатуры и реакционной военщины.

* * *

Произойдет ли все вышеперечисленное в любом случае, вне зависимости от воли и желания людей?

...Чтобы развитие событий не пошло по пути, в конце которого — катастрофа всемирного масштаба, человеческое сообщество, политические силы, государства имеют пока еще убывающий с каждым днем запас спасительных вариантов действий.

Необходимо противопоставить бесчеловечному напору номенклатурного единения организованную волю, основанную на единении всех нормальных людей вокруг элементарнейших принципов человеческой порядочности, частного человеколюбия и житейского здравого смысла.

Необходимо побудить к совместным действиям многомиллионный “средний слой” современного российского общества, охватывающий наиболее образованную, квалифицированную часть трудового населения, чья оппозиционность номенклатуре не только социально обусловлена, но и вполне четко осознана, — квалифицированных рабочих, инженерно-техническую, гуманитарную и научную интеллигенцию (в том числе огромную “армию” рядовых работников ВПК), фермеров и арендаторов, честных, порядочных неноменклатурных предпринимателей.

Необходимо сделать основой всего демократического процесса единство социальных и политических интересов реальных людей, живущих в реальном мире, интересов, противоположных интересам бюрократической супермафии — номенклатуры, средство которой — насилие над действительностью и человеком, цель — “коммунизм” для себя.

...Необходимо как можно скорее создать на этой основе новую, действенную организационную структуру демократических сил, которая реализовывала бы политические притязания своей социальной базы, становясь “антиноменклатурной партией”; экономические — становясь “партией радикальных реформ”; нравственные — становясь “партией порядочных людей”, решительно противостоящей любым формам коррупции, и которая методологически, по совокупности принципов и целей, была бы “партией свободных людей” — организацией, ставящей своей целью свободу, благополучие и достоинство каждого, всеобщее гражданское освобождение...

Вместо послесловия

* * *

Прогрессивные силы в обществе должны принять меры по скорейшей и эффективной консолидации, по созданию надежного механизма общественного контроля за происходящими событиями.

Вследствие этого, необходимы:

— Немедленные конкретные действия по созданию единой общероссийской демократической организации с идеологией *гражданского освобождения*, формирование “мозгового центра” по выработке программы действий и информационно-пропагандистской политики в связи с необходимостью создания такой организации; создание независимой политической газеты, выражающей активные политические интересы инициаторов нового движения; формирование постоянно действующей информационно-коммуникационной и аналитической системы по решению информационно-аналитического обеспечения демократического процесса.

— Активизация усилий прогрессивных сил по координации деятельности в области социальной защиты, ныне обманно узурпированной номенклатурными “профсоюзами” и иными структурами, не имеющими никакого отношения к социальной защите; восстановление связей демократического движения с рабочим движением, создание условий для формирования и развития действительно независимых профсоюзов; борьба за ликвидацию псевдопрофсоюзов ФНПР — являющихся легальным крылом партгосноменклатуры.

— Широкая и решительная общественная кампания в защиту свободы слова; недопущение никаких действий со стороны правительства, Верховного совета и любых других структур по ограничению законной деятельности СМИ.

— Пристальный контроль — в самое ближайшее время — за деятельностью президента и правительства, за общим ходом событий в стране и — в случае отсутствия со стороны президента и правительства решительных шагов по преодолению номенклатурного реванша — формальный разрыв с президентом, объявление о переходе демократических сил в безоговорочную оппозицию руководству.

Наконец, необходимо широкое осознание мировым сообществом масштаба и реальности угрозы человечеству, исходящей сегодня от возрождающегося в России и вокруг нее тоталитаризма, осознание теснейшей взаимосвязанности судеб мира с судьбой демократии и свободы в России и других “соцстранах”, осознание необходимости широкомасштабной помощи со стороны мирового сообщества росткам демократии и свободы — но и предельной осторожности во взаимодействии с псевдодемократическими властными структурами, но и *постоянной готовности к самозащите цивилизации от губительной вспышки экспансии со стороны номенклатурных реваншистов.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБРАМКИН Валерий Федорович — участник правозащитного движения. Редактор журнала “Поиски” (1978—1979). В 1979—1985 гг. — политзаключенный. Директор общественного центра “Содействие” (содействие реформе системы уголовного правосудия).

АФАНАСЬЕВ Юрий Николаевич — доктор исторических наук, профессор, ректор Российского гуманитарного университета; сопредседатель общества “Мемориал”. В 1989—1991 гг. — народный депутат СССР, сопредседатель Межрегиональной депутатской группы. Народный депутат России. Один из лидеров демократического движения, возглавляющий его радикальное крыло; сопредседатель (до января 1992 г.) движения “Демократическая Россия”. Автор и ответственный редактор многих книг, в том числе программного сборника “Иного не дано” (М., 1989 г.).

БАТКИН Леонид Михайлович — доктор исторических наук, автор книг об итальянском Возрождении, изданных в России, Италии, Германии, Швейцарии, Венгрии; лауреат национальной премии Итальянской республики по культуре за 1989 год. Инициатор создания политического клуба “Московская трибуна”. Был членом Координационного совета движения “Демократическая Россия”; в январе 1992 г. (вместе с Ю. Н. Афанасьевым, Ю. Г. Буртиным и Б. А. Денисенко) приостановил свое членство в руководящих органах движения в знак протеста против возобладавшей в них конформистской тенденции.

БЕРГЕР Яков Михайлович — доктор исторических наук; автор многих работ по социальным и политическим проблемам современного Китая.

БИБЛЕР Владимир Соломонович — кандидат философских наук, доцент; автор книг по философской логике, философии культуры.

БОННЭР Елена Георгиевна — деятельница правозащитного движения 60—90-х годов; подвергалась политическим преследованиям. Вдова академика А. Д. Сахарова.

БУКОВСКИЙ Владимир Константинович — с середины 60-х годов один из ведущих деятелей правозащитного движения; в 1967—1970 и с 1971 — политзаключенный; в конце 1976 г. выслан из СССР. Живет в Кембридже (Англия).

Сведения об авторах

БУРТИН Юрий Григорьевич — литературный критик, автор публицистических работ по теории и истории социализма. В 1967—1970 гг. — редактор раздела “Политика и наука” в журнале “Новый мир”, возглавлявшемся А. Т. Твардовским; в 1991 г. — главный редактор еженедельника “Демократическая Россия”.

ГЕЛЬМАН Владимир Яковлевич — политолог и социолог. Живет в Санкт-Петербурге.

ГОРДОН Леонид Абрамович — доктор исторических наук, профессор; руководитель Центра по изучению социально-трудовых отношений Института проблем занятости. Автор работ по социологии советского общества. С 1989 г. сотрудничает с независимыми рабочими организациями.

ДЕНИСЕНКО Бэла Анатольевна — доктор медицинских наук, профессор; первый заместитель министра здравоохранения Российской Федерации. Народный депутат России, один из координаторов парламентской фракции “Радикальные демократы”.

КАРДИН Эмиль Владимирович (В. Кардин) — литературный и театральный критик; автор многих книг. Из публицистических работ наибольший общественный резонанс вызвала его статья “Легенды и факты” (“Новый мир”, 1966, №2), разоблачившая мифологический характер официальной истории советского общества.

КОЗЫРЕВ Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, министр иностранных дел Российской Федерации.

КРАХМАЛЬНИКОВА Зоя Александровна — литературовед, кандидат филологических наук; автор книг и статей по вопросам религиозной философии, проблемам церковной жизни. Составитель десяти томного издания христианского чтения “Надежда”, за что в 1982 г. арестована; провела пять лет в тюрьме и ссылке.

ЛОПАТИН Владимир Николаевич — офицер, в 1989—1991 гг. народный депутат СССР. Один из инициаторов военной реформы; до июля 1992 г. — заместитель председателя Государственного комитета России по оборонным вопросам. В июле 1992 г. за свои политические взгляды уволен из армии.

ЛЮБАРСКИЙ Кронид Аркадьевич — астрофизик, кандидат физико-математических наук; активный деятель правозащитного движения (издание “Хроники текущих событий” и др.). В 1972—1977 гг. — политзаключенный. Вынужденный эмигрировать, издаст в Мюнхене (Германия) бюллетень “Вести из СССР” (1978), журнал “Страна и мир” (с 1984 г.).

ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКАЯ Марина Павловна — политолог, публицист, кандидат исторических наук; автор многочисленных публикаций по социально-политическим проблемам восточно-европейских стран.

Сведения об авторах

ПАМФИЛОВА Элла Александровна — инженер-электрик; в 1989—1991 гг. народный депутат СССР, с 1990 г. секретарь Комиссии Верховного Совета СССР по вопросам привилегий и льгот. С ноября 1991 г. — министр социальной защиты Российской Федерации.

ПИНСКЕР Борис Семенович — экономист; автор многих научных и публицистических работ по теории и практике экономической реформы. Директор издательства “Каталаксия”.

ПИЯШЕВА Лариса Ивановна — доктор экономических наук, теоретик экономической реформы. Приобрела известность после небольшой заметки “Где пышнее пироги?” (“Новый мир”, 1987, №5), которая послужила началом нового этапа в критике социализма как экономической системы.

ПОПОВ Аркадий Алексеевич — политолог, руководитель группы аналитиков Центра этнополитических исследований Внешнеполитической Ассоциации.

РЯЗАНОВ Эльдар Александрович — кинорежиссер, писатель, мастер кинокомедии; народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР.

СЕЛЮНИН Василий Илларионович — экономист, публицист. Автор многочисленных книг и статей, часть из них переведена на многие иностранные языки.

СИММОНС Джон — экономист, президент консультативной фирмы Participation Associates (Чикаго, США), профессор Школы Келлога Северо-западного университета. В 70—80-е годы — эксперт Международного банка реконструкции и развития. Автор работ по проблемам управления и приватизации.

ТИМОФЕЕВ Лев Михайлович — публицист, правозащитник. За эссе “Технология черного рынка, или крестьянское искусство голодать” приговорен в 1985 г. к 11-ти годам лишения свободы, освобожден в 1987 г. В 1987—1990 гг. редактор-издатель журнала “Референдум”. Автор нескольких публицистических книг, вышедших в последние годы в стране и за рубежом.

ФУРМАН Дмитрий Ефимович — доктор исторических наук; и. о. директора Центра политологических программ Международного фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-фонд).

ШЕВЦОВА Лилия Федоровна — политолог, доктор исторических наук; автор многочисленных публикаций (в том числе за рубежом) по политическим проблемам в социалистических странах. Заместитель директора Института международных экономических и политических исследований Российской Академии наук.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абалкин Леонид — 519
Абеляр Пьер — 214
Авен Петр — 105
Аденауэр Конрад — 126, 192
Аксюциц Виктор — 205
Алкснис Виктор — 111, 140
Анпилов Виктор — 68, 137,
189, 211, 215, 250, 251
Арон Л. — 106
Астафьев Михаил — 137, 211, 250
Афанасьев Юрий — 4, 130, 211,
226
Ахмадулина Белла — 196
Ахматова Анна — 18
Бабурин Сергей — 69, 113, 137,
140, 160, 163, 211, 214, 216, 250
Бакланов Олег — 141
Барчук Василий — 99
Баткин Леонид — 4, 179, 214,
218, 225, 233, 241, 245
Бейкер Джеймс — 137, 153, 155
Белинский Виссарион — 63, 183
Беляков — 85
Бергер Яков — 248, 249, 250, 252
Берия Лаврентий — 242
Библер Владимир — 4
Бирман Игорь — 80
Бирюкова Александра — 189
Богданов Владимир — 47
Болдин Валерий — 141
Болдырев Юрий — 20
Бойкова Татьяна — 186
Боксер Владимир — 225
Боннэр Елена — 4
Боровой Константин — 153
Брежнев Леонид — 55, 62, 102,
138, 246
Брехт Бертольд — 174, 175
Буковский Владимир — 215, 216
Булгарин Фаддей — 236
Бурбулис Геннадий — 32, 111,
114, 134, 136, 141, 187, 222, 230
Буртин Юрий — 4, 214, 219, 244
Буш Джордж — 136, 137
Валенса Лех — 126
Васильев Дмитрий — 205
Владиславлев Александр — 228, 260
Вознесенский Андрей — 183
Войнович Владимир — 196
Вольский Аркадий — 123, 142, 228, 260
Гавел Вацлав — 126
Гайдар Егор — 8, 23, 35, 56, 68, 73,
75, 86, 96 — 106, 123, 136, 137, 138,
140, 187, 213, 218, 221 — 224, 227,
230, 238, 239, 243 — 245, 258
Галич Александр — 196
Гамсахурдиа Звиад — 162
Гейдрих Рейнхард — 49
Герман Алексей — 196
Герцен Александр — 183, 184
Гитлер Адольф — 192, 236
Глезер Илья — 47
Голицын кн. — 19
Де Голль Шарль — 246
Горбаневская Наталья — 47
Горбачев Михаил — по всей книге
Горбачева Раиса — 136
Гордон Леонид — 252, 253
Грачев Павел — 134, 143, 224, 230
Громов Борис — 143
Григоренко Петр — 62
Грушин Борис — 231
Денисенко Бэла — 233, 251, 252
Джилас Милован — 57
Додин Лев — 185
Достоевский Федор — 152, 153, 180,
181, 183, 197, 198, 199
Дрда Ян — 49
Дудаев Джахар — 59
Евтушенко Евгений — 183
Екатерина II — 149
Ельцин Борис — по всей книге
Емелькина Надежда — 47
Жданов Андрей — 184
Жириновский Владимир — 69, 250,
251, 252
Заславский Илья — 225

Именной указатель

- Зюганов Николай — 250
Иванов Вячеслав Вс. — 4
Ивановский Лев — 104
Игнатъев Сергей — 74
Иоанн Златоуст — 199
Иофе Ольга — 47
Исаев Александр — 104
Исаков Владимир — 250
Исакова Нина — 47
Искандер Фазиль — 196
Кабакон Александр — 246
Карков Борис — 47
Кива Анатолий — 178 — 179
Киреевский Иван — 183
Китовани Тенгиз — 157
Клочков Игорь — 227
Ключевский Василий — 114
Ковалев Сергей — 183
Коган Павел — 183
Козырев Андрей 150, 152, 215
Комарь Дмитрий — 64
Короленко Владимир — 68
Кравченко Леонид — 63, 85
Кравчук Леонид — 59
Краснов-Левитин Анатолий — 47
Крахмальникова Зоя — 226, 234, 238, 240, 241, 248, 253, 257
Кричевский Илья — 64
Крючков Владимир — 18, 165
Кульчицкий Михаил — 183
Кургинян Сергей — 18
Лебедев А. — 213
Ленин (Ульянов) Владимир — 17, 19, 20, 52, 131, 176, 177
Леонтьев Константин — 183
Лигачев Егор — 250
Лимонов Эдуард — 196
Липицкий — 260
Лисичкин Геннадий — 104
Лисов Евгений — 64
Лихачев Дмитрий — 52
Лопатин Владимир — 234, 242
Лужков Юрий — 134, 225
Лукин Владимир — 136
Лукьянов Анатолий — 62, 141
Любарский Кронид — 216
Людоевик ХУІ — 247
Макаренко Михаил — 47
Малей Михаил — 224
Маркс Карл — 247
Марченко Анатолий — 62
о. Мень Александр — 63
Мигранян Андроник — 18, 22, 60, 159
Михеев Дмитрий — 47
Мурашов Аркадий — 61
Наполеон Бонапарт — 151, 246
Нашпиц Марк — 47
Некрасов Николай — 69
Никитинский Леонид — 190
Николаев Александр — 197
Николай I — 247
Николай II — 247
Окладский Иван — 51
Окуджава Булат — 7, 196, 200
Остальский Андрей — 165
Павлов Валентин — 140, 141, 224
Павлов Николай — 160
Панин Дмитрий — 203, 204
Пастернак Борис — 176
Петр I — 197
Петров Юрий — 141, 188, 213, 230
Пешкова Екатерина — 53
Пиночет Угарте Аугусто — 127, 178, 179
Пинскер Ворис — 81, 225
Писарев Дмитрий — 68
Пихоя Рудольф — 130
Пияшева Лариса — 32, 81, 104, 210, 214, 239
Плутник Альберт — 133
Полозков Иван — 250
Полторанин Михаил — 76, 252
Попов Владимир — 47
Попов Гавриил — 20, 21, 59, 134, 136, 137, 142, 223, 225, 251, 257
Приставкин Анатолий — 51
Проханов Александр — 205, 250
Пуго Борис — 143
Пушкин Александр — 152, 180, 236
Радзиковский Леонид — 18
Радищев Александр — 35
Распутин Валентин — 189
Рейган Рональд — 101, 106, 247
Романов Владимир — 19, 22, 142

Именной указатель

- Ростропович Мстислав — 196
Руднев Валерий — 63
Руцкой Александр — 57, 68, 111;
121, 123, 141, 151, 160, 212, 214, 215, 252
Рыжков Николай — 59, 189
Савастьянов Евгений — 134
Сакс Джеффри — 103, 115
Салье Марина — 215
Сахаров Андрей — 4, 62, 67, 68, 142,
183, 211, 253
Селюнин Василий — 104, 210, 214,
222, 237, 251
Сервантес Мигель — 205
Сиволов Анатолий — 129
Симмонс Джон — 104
Скоков Юрий — 230
Снегур Мирча — 162
Собчак Анатолий — 59, 142
Солженицын Александр — 50, 62,
65, 183, 196, 199, 203
Соломенцев Михаил — 61
Сталин Иосиф — 55, 61, 65, 131,
173, 177, 184
Станкевич Сергей — 214, 215
Степанков Валентин — 27, 63, 242,
251
Старчик Петр — 47
Столыпин Петр — 19
Студеникин — 85
Суарес Гонсалес Адольф - 126
Суслов Михаил — 138
Тарасов Артем — 185
Твардовский Александр — 68, 214,
258
Твердохлебов Андрей — 47
Тимофеев Лев — 4
Тихонов Владимир — 210
Толстой Лев — 184
Травкин Николай — 125
Туманова Лина — 183
Тухачевский Михаил — 49
Тынянов Юрий — 152
Стерлигов А. — 189, 190, 211
Тэтчер Маргарет — 101
Усов Владимир — 64
Филиппов Петр — 81 — 83, 86, 172
Форд Генри — 153
Франко Франсиско — 120
Фрейденберг Ольга — 24
Фридмен Милтон — 247
Фурман Дмитрий — 249, 250
Хайек Фридрих Август — 102
Хасбулатов Руслан — 27, 30, 61, 67,
86, 121, 135, 138, 139, 141, 157, 158,
160, 172, 213, 224, 252
Хижа Георгий — 141, 223, 227, 259
Хрущев Никита — 61
Цветков Лев — 86
Цитленок Борис — 47
Чаадаев Петр — 197
Черномырдин Виктор — 141, 259
Чернышевский Николай — 19, 68, 184
Черчилль Уинстон — 133
Чехов Антон — 68, 180, 183
Чубайс Анатолий — 59, 60, 81, 83, 90,
92, 93
Чудакова Мариэтта — 24, 25
Шаламов Варлам — 50
Шапошников — 36, 37
Шаталин Станислав — 230
Шахназаров Георгий — 21
Шахрай Сергей — 116, 141, 213, 222,
230
Шеварднадзе Эдуард — 141, 159, 162
Шибяев Владимир — 201, 202
Шнейдер Михаил — 225
Шнитке Альфред — 185
Штауффенберг Клаус — 49
Шукшин Василий — 85
Шумейко Владимир — 141, 223, 227
Щелоков Николай — 242
Щербаков Владимир — 141
Эггерс Б. — 106
Явлинский Григорий — 8, 140
Яковлев Александр — 141
Яковлев Егор — 250
Янаев Геннадий — 141, 165
Язов Дмитрий — 37, 165

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Юрий АФАНАСЬЕВ. Прошел год... (Вместо введения)	7
РОССИЯ ПОСЛЕ АВГУСТА. ОТ НАДЕЖД К РАЗОЧАРОВАНИЯМ	
Леонид БАТКИН. Россия на распутье	15
В. КАРДИН. Испытание свободой	26
Владимир ЛОПАТИН. Защитит ли Красная Армия Белый дом?	36
Лев ТИМОФЕЕВ. Меняя правила игры... ..	40
Кронид ЛЮБАРСКИЙ. Реабилитация прошлого	46
Юрий БУРТИН. Горбачев продолжается	54
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА	
Владимир ГЕЛЬМАН. Ответственность власти и судьба реформ	73
Лариса ПИЯШЕВА. Все смешалось в “смешанной экономике”	77
Василий СЕЛЮНИН. А будет все равно по-нашему	81
Джон СИММОНС. Приватизация “снизу” — единственный способ найти собственника	90
Борис ПИНСКЕР. Первая попытка — первая неудача. Что дальше?	96
ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО	
Юрий АФАНАСЬЕВ. “Народовластие” против демократии	111
Лилия ШЕВЦОВА. Власть в России. Проблемы и тупики консолидации	117
О ХАРАКТЕРЕ ВЛАСТИ после Августа и необходимости создания независимого гражданского движения	129
Владимир БУКОВСКИЙ. Чтобы противостоять правым, необходима сильная левая оппозиция	130
Леонид БАТКИН. Весенние впечатления	134
РОССИЯ В СНГ И В МИРЕ	
Елена БОННЭР. Пойдем ли мы защищать старую площадь?	147
Марина ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКАЯ. У России есть шанс остаться великой державой	150
Аркадий ПОПОВ. Кто остановит “партию войны”?	156
Андрей КОЗЫРЕВ. Партия войны наступает	161

ДЕМОКРАТИЯ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Владимир БИБЛЕР. Демократом быть трудно	169
Элла ПАМФИЛОВА. Грустно и странно...	187
Эльдар РЯЗАНОВ. Партия порядочных людей	191
Зоя КРАХМАЛЬНИКОВА. Не пришла ли пора выходить из катакомб?	198

ЕСТЬ ЛИ У РОССИИ НАДЕЖДА? ("Круглый стол")

Леонид БАТКИН	210
Василий СЕЛЮНИН	217
Зоя КРАХМАЛЬНИКОВА	219
Юрий АФАНАСЬЕВ	221
Лариса ПИЯШЕВА	223
Бэла ДЕНИСЕНКО	226
Владимир ЛОПАТИН	228
Леонид ГОРДОН	233
Владимир БИБЛЕР	237
Валерий АБРАМКИН	241
Яков БЕРГЕР	243
Дмитрий ФУРМАН	245
Юрий БУРТИН	248

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ 257

Сведения об авторах	263
Именной указатель	266

Сдано в набор 1.06.92. Подписано в печать 25.07.92. Формат 60x84. Бумага кн.-журн. офс. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 25. Уч.-изд. л. 18,6. Заказ № 1102. № рег. 755. Тираж 13500. Цена свободная.

Издательство «Литература и политика»: 121354 Москва, ул. Гришина, 10—2—32.
Типография: Государственное предприятие «Спауда», 2019 Вильнюс,
пр. Лайсвес, 60

**За рубежом в Швейцарии
открыт спонсорский счет
"Гражданская мысль":**

Konto 207063 – 01
SWISS Credit Bank
CH – 3001 Bern

Почтовый адрес для корреспонденции в России:

121354 Москва
ул. Гришина, 10 – 2 – 32
Тел.-факс 289-52-94

Почтовый адрес для корреспонденции за рубежом:

"GRAZDANSKAYA MYSL"
Postfach 6409
CH – 3001 Bern
SWISS

**Россия после Августа.
От надежд к разочарованиям**

Экономическая реформа

Власть и общество

Россия в СНГ и в мире

Демократия и нравственность

Есть ли у России надежда?

("Круглый стол")
